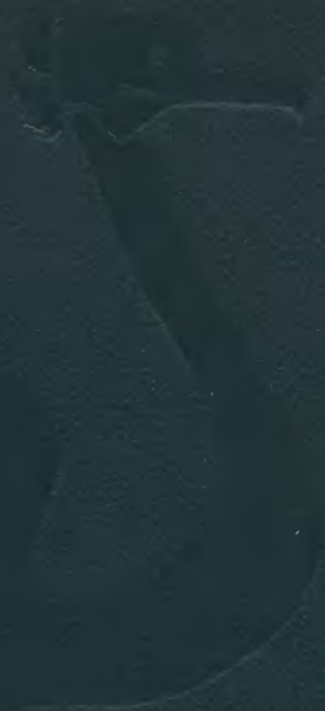

МИР
ЖИВОТНЫХ

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ МИР ЖИВОТНЫХ

ИГОРЬ
АКИМУШКИН

МОСКВА
„МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ“
1973

Две первые книги серии «Мир животных» (автор задумал написать пять таких книг) рассказывают о млекопитающих.

Первая — о клоачных (ехиднах и утконосах); сумчатых (кенгуру, коала, бандикуты, сумчатых дьяволах и американских опоссумах, или двуутробках); насекомоядных (танреках, щелезубах, ежах и кротах); хищных (волках, лисах, медве-

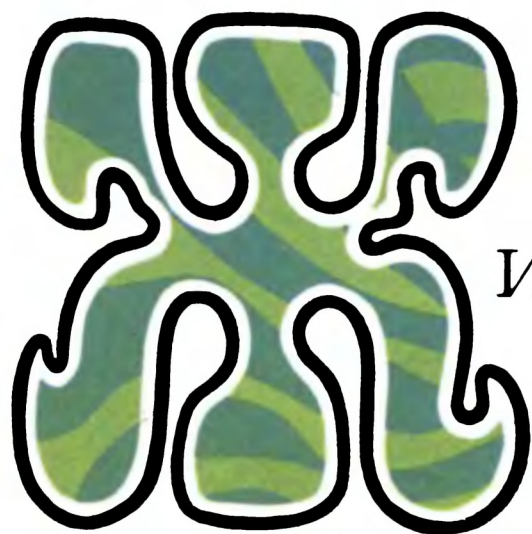

дях, гиенах, львах, тиграх, рысях и множестве других хищников); непарнокопытных (лошадях, тапирах, носорогах) и парнокопытных (оленях, антилопах, быках, козлах и баранах).

Вторая — об остальных двенадцати отрядах этого класса: рукокрылых (летучих мышах и крыланах); приматах (полуобезьянах и обезьянах); неполнозубых (ленивцах, муравьедах и броненосцах); панголинах (ящерах); зайцеобразных (пищурах, зайцах, кроликах); грызунах; китообразных; ластоногих; трубкозубых; даманах; сиренах и хоботных (слонах).

В новой книге Игорь Анимушкин рассказывает о птицах.

МИР

ИГОРЬ АКИМУШКИН

ИВОТНЫХ

Рассказы о птицах

Художники

А. БЛОХ,
Б. ЖУТОВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	7
ПИНГВИНЫ	

«То, что они носят на коже, не очень похоже на перья»	12
---	----

СТРАУСООБРАЗНЫЕ, ИЛИ БЕГАЮЩИЕ, ПТИЦЫ

На что годится страус?	24
Содружество в степи	26
Нанду, эму, казуар — трехпалые страусы	28
Киви и моа	32

СКРЫТОХВОСТЫЕ ПТИЦЫ

Сладкоголовые тинаму	37
--------------------------------	----

ГАГАРЫ И ПОГАНКИ

Жизнь и нравы чернозобых гагар	44
Поганки — «сумчатые» птицы?	48

ТРУБКОНОСЫЕ

Альбатрос!	56
Буревестники и «штормовые ласточки»	59

ВЕСЛОНОГИЕ

Живой невод	70
Рождение корморана	73
Другие веслоногие	77

ГОЛЕНАСТЫЕ

Цапли серые, рыжие и прочие...	86
Китоглав, молотоглав и священный ибис	97
Аисты	101
Дополнение к голенастым: отряд фламинго	108

ГУСЕОБРАЗНЫЕ

Параллели и расхождения	116
Гуси-лебеди...	125
Утки	129

ДНЕВНЫЕ ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ

Орлиное племя	138
Берегите хищных птиц!	141
Конкуренты гиен	144
Ястребиные	149
Соколиные	160
Итак, чеглоки...	163
Секретарь и скопа	168

ХИЩНИКИ НОЧНЫЕ

Кто сове родич?	174
Дознание по ушам и глазам	182

КУРИНЫЕ ПТИЦЫ

Ток!	195
Другие тетеревиные	199
Фазан	202
Дикие куры	207
Аргус	207
Павлин	212
Цесарки	217
Индюк	220
Другие фазановые	221
Сорные куры	227
Гокко, или краксы	232
Самая зобастая птица	233

ПАСТУШКОВЫЕ, ИЛИ ЖУРАВЛИНЫЕ

Другие семейства пастушковых	239
Болотные курочки	240
Журавли	245
Дрофа	247
Сериемы	249

ЧАЙКИ, ЧИСТИКИ И КУЛИКИ

Поморники, крачки, чайки и водорезы	255
Кулики	263
Яканы	273

ГОЛУБИ, РЯБКИ И ДРОНТЫ

Водоснабжение в пустыне	278
Голуби	280
От Гильгамеша до наших дней	285
Странствующие голуби	286
«Мертвый, как дронт»	289

ПОПУГАИ

«Папские петухи»	296
----------------------------	-----

КУКУШКИ И ТУРАКО

Рожденные в чужой семье	307
Турако	312

КОЗОДОИ

Птицы без гнезд	316
Жирные козодои	319

ДЛИННОКРЫЛЫЕ

Стрижи	324
Птицы-лилипуты	330

РАКШЕОБРАЗНЫЕ

Другие ракшеобразные и близкие к ним птицы .	336
Зимородки	337
Удоды и птицы-носороги	339

ДЯТЛОВЫЕ

Барабаны любви	345
«Сладкая дружба»	349
Зачем тукану такой нос?	351

ДВА ЭКЗОТИЧЕСКИХ ОТРЯДА: ТРОГОНЫ И ПТИЦЫ-МЫШИ

ВОРОБЬИНЫЕ

Гнезда из кирпичей	360
Птицы-портнихи и птицы-ткачи	361
Ремез и крапивник	367
Дятловый вьюрок	370
Шалашники	372
Райские птицы и лирохвост	376

Первые оперенные крылья мир увидел примерно 150 миллионов лет назад, в юрском периоде мезозойской эры. Археоптериксы, или первоптицы, нечто среднее между ящерицей и птицей, цепляясь когтями крыльев и ног, лазали по ветвям древних деревьев и, распластав хорошо уже оперенные крылья, планировали невысоко над землей.

Археоптериксы произошли от наземных пресмыкающихся (не от птеродактилей). Собственным эволюционным путем овладели искусством полета и произвели позднее всех вымерших и ныне живущих птиц, которых, как полагают, от юрского периода до наших дней было на земле от 0,5 до 1,5 миллиона вымерших и существующих видов и подвидов.

Сейчас их 8663 вида или около того и, по-видимому, около 100 миллиардов особей. Не так уж, впрочем, и много: на каждого человека примерно по 25 птиц.

Тропики, особенно американские, богаче всех других мест на земле: и по «орнитографической» плотности, и по числу видов. На первом месте Колумбия — 1700 видов птиц.

На одной шестой земного шара, в СССР, — 8 процентов всего мирового разнообразия птиц, более 700 видов. в США и Канаде вместе почти столько же — 775.

Птицы — всюду на земле, во всех ландшафтах и странах. Даже на Северный полюс залетают порой чайки, чистики и пуночки. Недалеко от Южного полюса видели больших поморников. В десятках километров от берегов на Антарктическом континенте гнездятся некоторые буревестники и пингвины.

Инстинкты и продиктованное ими поведение у птиц более сложные, чем у многих зверей, к классу которых, как известно, принадлежит и человек, покоритель земли и космоса. Эта книга в основном о поведении птиц. Смею надеяться, что о многих наиболее интересных повадках птиц здесь рассказано по возможности общедоступно. Правда, разные группы птиц описаны неравномерно. Но популярному сочинению, надо полагать, такая вина прощается. Либо нет достаточно подробных сведений, либо просто приходится избегать однообразного повторения и параллелизмов.

Исчерпывающие сведения о птицах читатели найдут в других книгах. Из них необходимо рекомендовать как наиболее доступные для неспециалистов:

1) Пятый том «Птицы» из шеститомника «Жизнь животных». Авторы — известные орнитологи Н. А. Гладков, Г. П. Дементьев, А. В. Михеев, А. А. Иноземцев. Издательство «Просвещение», 1970;

2) В. Е. Флинт, Р. Л. Беме, Ю. В. Костин, А. А. Кузнецов, «Птицы СССР». Издательство «Мысль», 1968;

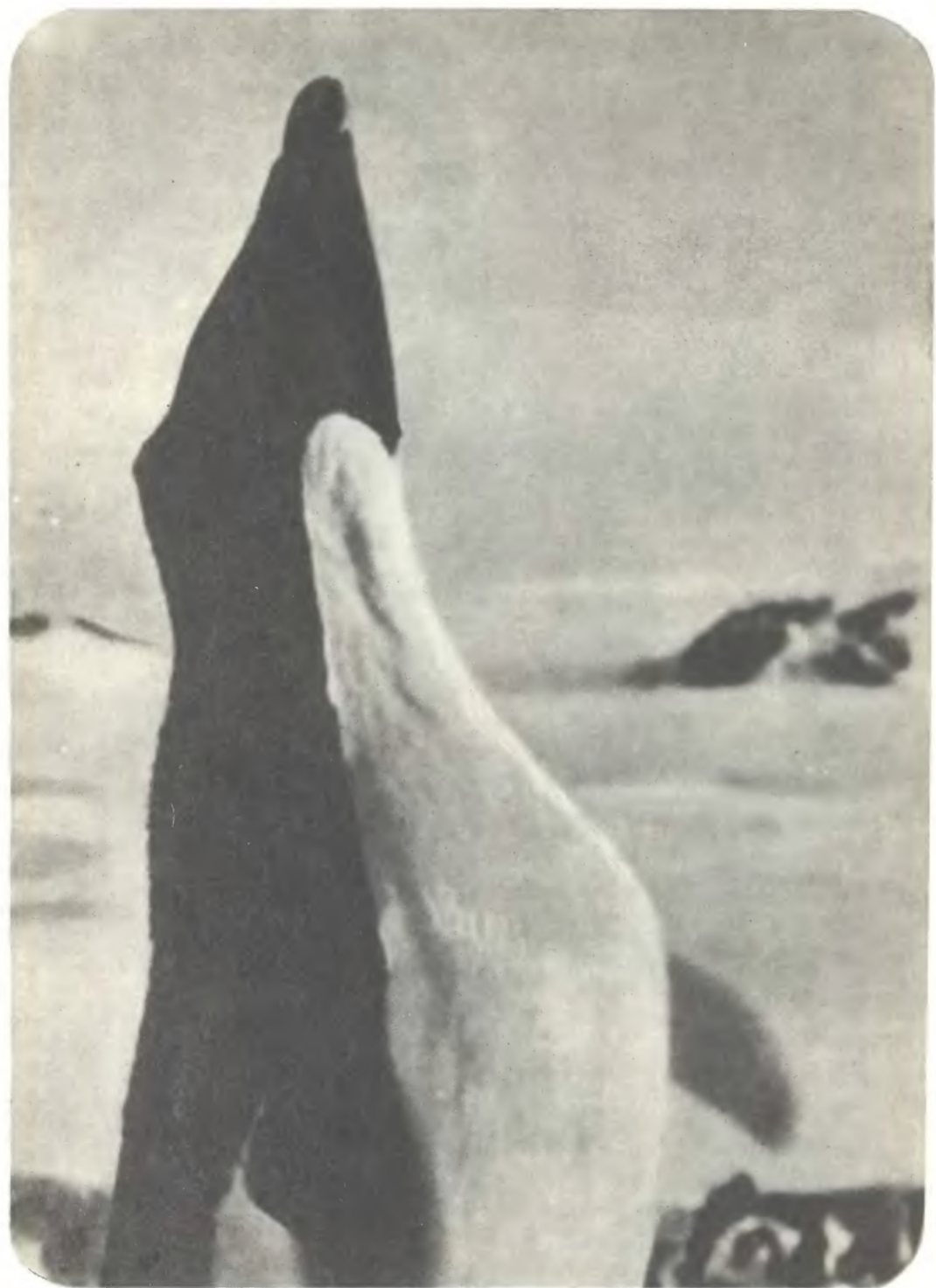
3) А. Н. Промптов, «Птицы в природе». Учпедгиз, 1949 (были и другие более ранние и поздние издания).

Далее — переведенные на русский язык прекрасные книги Оскара Хейнрота («Жизнь птиц»), Конрада Лоренца («Кольцо царя Соломона»), Нико Тинбергена («Осы, птицы, люди»), Бернгарда Гржимека («Австралийские этюды»), «Они принадлежат всем», «Серенгети не должен умереть»), Джеральда Даррелла. Пока еще не переведенные на русский язык три тома из четырнадцатитомного издания «Grzimeks—Tierleben»; четырехтомник О. и М. Хейнроты: О. и М. Heinroth «Die Vögel Mitteleuropas», доктора Г. Мауэрсбергера (G. Mauersberger «Die Vögel») из шеститомного издания «Urania Tierreich»; Леонарда Винча (L. Wintch «Natural History of Birds»), Д. Фишера и Р. Петерсона (J. Fischer and R. Peterson «The World of Birds»); Д. Фишера (D. Fischer «Geschichte der Vögel»).

Труды этих и многих не упомянутых здесь авторов очень помогли мне в работе над книгой. Приношу всем этим исследователям большую свою благодарность и признательность.

ПИНГВИНЫ

Родственные связи пингвинов с другими птицами неясны. Некоторые исследователи предлагают даже выделить пингвинов в особый надотряд или даже подкласс. На земле пингвины появились очень давно: в начале третичного периода, в эоцене, 60 миллионов лет назад, а возможно, и раньше — в конце мезозойской эры. Найдены кости около сорока ископаемых вцдов. Из них, по крайней мере, семь очень крупных пингвинов, ростом с человека и весом, наверное, по 100 — 120 килограммов.

Ныне на земле обитают 15 — 18 видов пингвинов. Все гнездятся на островах и побережьях южного полушария, лишь галапагосский пингвин живет на экваторе и частично даже в северном полушарии. Пингвины и Антарктида в нашем представлении неразделимы. Тем не менее в Антарктиде, не на островах около нее, а на самом материке, гнездятся только два вида пингвинов: императорские и Адели. Все пингвины высиживают птенцов, разумеется, на суше: в траве, в кустах, в дюнах, среди камней, два вида в норах. Гнезда — ямки в земле, у некоторых выложенные по краям галькой, ракушками, листьями, костями и даже трупами кроликов. У королевских и императорских пингвинов нет гнезд. Все колониальны; в некоторых гнездовых колониях сотни тысяч и даже миллионы птиц.

Большие пингвины высиживают только одно яйцо, скальные — часто два, большинство — два, реже три. Опушенные птенцы выводятся все в один день, через 33 — 62 дня насиживания. Кормят их, отрывая пищу, оба родителя. Подрастая, птенцы линяют и без помощи и сопровождения взрослых идут в воду. Размножаться начинают только через несколько лет. Моногамы. Насиживают оба родителя или только самец. В единобрачии живут годами. В море

пингвины охотятся обычно стаями. Их крылья преобразовались в гребущие ласты, а отнесенные далеко назад ноги — руль и тормоз.

Едят пингвины рыб, головоногих моллюсков, ракообразных. Пьют морскую и пресную воду, глотают снег. Рост самых мелких пингвинов — 40 сантиметров, вес — 2 килограмма. Самые крупных — 1 метр, 15 килограммов (королевские); 1,2 метра, 30 — 45 килограммов (императорские).

Живут пингвины 7 — 20 лет, некоторые, возможно, и больше.

**«ТО, ЧТО ОНИ
НОСЯТ НА КОЖЕ,
НЕ ОЧЕНЬ ПОХОЖЕ
НА ПЕРЬЯ»**

Пингвинами, точнее пин-уингами от английского pin-wing, — «крыло-шпилька» — британские моряки называли бескрылых гагарок. Крылья у них, впрочем, были, но годные не для полета, а для плавания, как и у пингвинов. «Были» потому, что бескрылых гагарок уже истребили.

Когда в южные моря пришли корабли из Европы, моряки увидели здесь пингвинов и назвали их именем хорошо известных им северных птиц, не вдаваясь в зоологические тонкости несходства тех и других. Но французский натуралист Бюффон в конце XVIII века, чтобы не было путаницы, предложил называть южных пингвинов маншотами. Какое-то время так и делали.

Перья у пингвинов мелкие, плотные, перекрывают друг друга лишь вершинами, как черепицы или чешуи. Перья у птиц растут не по всему телу, а только на определенных местах, называемых птерилиями. Главных птерилий восемь, а между ними — аптерии, голая кожа, прикрытая сверху перьями, простертыми сюда с соседних птерилий. Кроющие перья птиц для этого достаточно длинны. Но с такими перьями плавать труднее, чем с теми, которые мы видим у пингвинов. Перья пингвинов отлично обтекаемы, растут равномерно по всему телу, не оставляя нигде голых мест. Новое перо выталкивает снизу старое. Свое оперение пингвин обновляет за 2—5 недель. Линяют пингвины, когда птенцы подрастут и уже самостоятельны.

«Одежда» пингвина для перины не годится: пуховых перьев нет, лишь крохотные «пушинки» снизу на стержне пера. Такая пуховая «подкладка» тонка, и потому пингвину приходится носить под кожей много жира. У больших пингвинов толщина его сан-

тиметра три. В снежную бурю, а в Антарктиде ураганы зимой — климатическая норма, жировая «шуба» очень нужна. Да и плотное перо тут помогает: в пургу, когда порывы ветра достигают скорости 30 метров в секунду, ни одно перышко на пингвине не трепещет, все лежит гладко, плотным панцирем укрывая птицу. Мороз лютый: снаружи, над Антарктидой, на сто градусов холоднее, чем под кожей у пингвина! Но живет и птенцов растит чудо-птица!

В море теплее, чем на берегу. Пожалуй, там можно и от стужи согреться. Нырять, попадает пингвин не то чтобы в теплицу, но все-таки теперь температурная разница достигает лишь сорока градусов. Однако и это удивительно: человек и десяти минут не выдержал бы такого купания. А пингины часами плавают в ледяной воде. И глубоко ныряют, на 10—20 метров. На 2—3, а большие пингины и на 5—10 минут уходят под воду.

Гребут крыльями спереди и сверху назад и вниз, словно «летают» в воде: 36 километров в час — неплохая скорость для пловца. Мощные мышцы на лопатках и грудном киле позволяют махать гребущими крыльями два-три раза в секунду. В воде так быстро работать крыльями совсем нелегко. Она плотная, не воздух...

Порой, разогнавшись, пингины выпрыгивают, проносятся, как дельфины, над морем и ныряют вновь. На льдины из воды прыгают солдатиком, вертикально, и, одолев полутораметровую высоту, приземляются на обе лапы. Не падают, неловко поскользнувшись.

На суше довольно проворны. Крутые скалы одолевают, выбираясь на берег. Высота в 300 метров из нагромождения камней и утесов — препятствие для них преодолимое.

На берегу пингвинам жарко, особенно тем, что живут в субтропиках Африки и Южной Америки. От солнца они прячутся под корнями, в траве, в кустах и в норах. Топорщат перья — это остужает. Крылья раскинут, машут ими.

На берегу или на льду пингины похожи на людей во фраках: спереди белая «манишка», сзади темная спина. Камуфляж такой же, как у рыбы: белобрюхий и темноспинный пингвин, когда плавает, то и снизу незаметен на фоне светлого неба и сверху в темной синеве воды.

Рыба, кальмары, крабы и рачки — добыча пингинов. Некоторые отдают предпочтение ракообразным (ослиный пингвин); другие — рыбе (очковый пингвин). Он в день съедает полкилограмма всякой рыбы, а все его сородичи у берегов Южной Африки — 5 тысяч тонн в год. Не так уж и много. Эти 5 ты-

сяч тонн стоят меньше, чем, скажем, гуано, которое оставляют на берегу пингвины: в колонии в 7 тысяч птиц его ежегодно набирается 100 тонн. Яйца пингинов считаются лакомством: в Южно-Африканской Республике их собирают и продают в городах.

Врагов у пингинов не очень много. В море — акулы, касатки, толени-леопарды, на берегу — чайки, буревестники, крысы, бездомные собаки, которые таскают яйца и птенцов.

В зоопарках пингинов часто губит какая-то грибковая болезнь дыхательных путей. Поэтому рекомендуют, как обезьян, отгораживать пингинов стеклами, тогда инфекции труднее добраться до птиц. В Эдинбургском зоопарке королевские пингвины даже размножались за такой прозрачной защитой.

Начнем знакомство с пингвинами, которые живут в местах, казалось бы, для них совсем неподходящих, в жарких странах.

На экваторе, на знаменитых черепахах островах, в камнях у воды, гнездятся, по-видимому, 500 пар галапагосских пингинов. Они небольшие, полметра в высоту, с белой узкой полунной полосой на щеках.

Родич галапагосского, более крупный пингвин Гумбольдта, высиживает птенцов южнее, на островах вдоль перуанского побережья. Прежде пингвины устраивали гнезда в ямках среди гуано. Теперь, когда разработки удобрений мешают птицам спокойно здесь плодиться, они переселились в скалы и в чахлые кусты выгоревшей травы.

Южнее (Чили, Патагония, Фолклендские острова) — места гнездовой Магелланова пингвина. Он роет норы в песчаных дюнах. По ту сторону океана, на побережье Южной Африки, поселился четвертый пингвин того же рода, что и три упомянутых, — очковый: вокруг глаза у него тонкое белое кольцо.

На юге Австралии, в Тасмании и Новой Зеландии живет самый крохотный из пингинов — карликовый, а рядом с ним, на юге Новой Зеландии, — желтоглазый.

Симпатичные малышки — карликовые пингвины. Когда поздним вечером, точно пигмейчики, они топают по берегу, возвращаясь из морских путешествий домой, посмотреть на них съезжаются туристы. Под Мельбурном крохотные фигурки в белых «манишках» и темно-серых «фраках» вперевалячку идут в свои норы через ярко освещенный фонарями и фарами пляж.

Весь день, от зари до зари, они в море; только насиживающие, токующие и линяющие пингвины отсиживаются на берегу. Где по песчаным косам, а где и по крутым обрывам взбираются белобрюхие карлики на сушу, и каждая пара идет к своей норе, или к ямке под кустом. Нора довольно длинная — метров до двух. В ней пингвины спят ночами, в ней насиживают птенцов. В норе у гнезда чисто: уборная в определенном углу. В начале австралийского лета, пробив скорлупу, вылезают из яиц два слепых пингвинчика. Через два месяца им предстоит первое купание в море и жизнь без родителей.

ПИНГВИН
ГУМБОЛДТА

«Он постоял, собираясь с силами, потом одним прыжком вскочил на первый камень и остановился с торжествующим видом, покачиваясь, будто под хмельком. Затем прикинул расстояние до следующего камня и снова прыгнул, уповав скорее на удачу, чем на точный расчет. Один за другим следовали лихие прыжки... Он часто оступался, шлепался на живот или же опрокидывался назад и, отчаянно махая крыльями, исчезал в какой-нибудь щели» (Джеральд Даррелл).

Так возвращался домой желтоглазый пингвин, которого люди немного задержали, чтобы снять для кино.

Гнезда желтоглазых — в траве, под корнями, под утесами, иногда в нескольких километрах от берега. Путь им приходится пройти немалый и по местности весьма пересеченной. Но идут, верные супружескому и родительскому долгу. Сначала самка сидит несколько дней в гнезде, согревая яйца, потом самец. Когда кто-либо из них возвращается домой, его встречают радостные и громкие приветствия. Сойдясь, пингвины поднимают вверх желтоглазые, с золотистыми «шапочками» головы и кричат. Рады встрече. Через семь недель у них выводятся птенцы, которые еще через 100 дней уже плавают в море.

Но перед первым испытанием сил в плавании собираются пингвины в «детские сады», толпятся кучками на берегу. Взрослые пингвины по очереди охраняют молодежь, освобожденные от дежурства добывают в море пищу для детей, по 500 граммов на двоих. Отец и мать, возвращаясь с желудками, полными рыбой, ищут двух своих потомков в куче чужих и кормят их.

Размножаются желтоглазые пингвины только на третий год, живут в среднем лет семь, немногие — двадцать. Когда линяют, три недели ничего не едят и теряют из 7—9 килограммов своего веса почти половину.

На островах вокруг Антарктиды гнездятся пингвины других видов.

Ослиный пингвин, с белой полосой от глаза до глаза поперек затылка, знаменит громким, похожим на ослиный рев криком и загадочным свойством своих яиц: их невозможно сварить вкрутую, не твердеют в кипятке. На островах, где водятся кролики, ослиные пингвины строят гнезда из их костей и даже из высохших трупов.

Хохлатые пингвины четырех видов (желтоволосый, золотистоволосый, скальный и толстоклювый) носят над ушами длинные пучки желтых перьев. Все они, вырастив птенцов, плывут зимовать на север: от антарктических островов в открытый океан. На острове Маккуори собираются на гнездовьях больше двух миллионов этих пингвинов. Ради жира их убивают здесь 150 тысяч ежегодно.

БЕРЕГИТЕ
ПИНГВИНОВ
ОТ ОГНЯ!

«Посреди гнездовья находится какой-то странный прибор... Это старый, сделанный из дерева пресс, которым охотники когда-то пользовались для выжимания жира из пингвинов... На острове Хёрд промышленники за отсутствием другого топлива пользовались пингвинами для того, чтобы поддерживать огонь под большими котлами, в которых они перетапливали куски тюленьего жира... Каждое утро убивали пингвинов в большом количестве дубинками, сдирали кожу, подчас с еще живых... и клали в сети в качестве приманки для лангустов. Другие служили средством развлечения. Их обливали керосином и поджигали просто ради удовольствия посмотреть, как бегут вечером в темноте эти живые факелы!» (Э. Обер де ла Рю).

Королевские пингвины высиживают птенцов (раз в полтора года) тоже на островах вокруг Антарктиды. Никаких гнезд не знают: яйцо держат на оперенных лапах, как и пингвины императорские. Они похожи, как братья, эти «титулованные» пингвины: первый — немного уменьшенная копия второго.

Императорские пингвины выбрали прямо убийственное местожительство — Антарктиду! На снегу, зимой, в лютые морозы, порой 60 градусов, на ураганном ветру выводят и растят птенцов сказочные птицы. Экспериментально доказано, что двадцатиградусный мороз при ветре в 110 километров в час остужает как холод в минус 180 градусов. Только толстый жир под кожей и почти полная дремотная неподвижность спасают пингвинов от гибели.

И товарищество помогает: тесно прижавшись, стоят пингвины на снегу, и сосед согревает соседа.

«Разбившись попарно, влюбленные подолгу замирают друг подле друга, по-лебединому вытягивая гибкие шеи, и нежные трели их серенад не смолкают ни днем ни ночью. Иногда они, закрыв глаза, часами сидят неподвижно друг против друга» (И. Цигильницкий).

Антарктической осенью, в апреле, свадьбы у пингвинов. Почти месяц ухаживания, брачных криков и игр, но результат не столь внушителен, как время, на него потраченное: одно-единственное яйцо. Его встречают с ликованием: радостными криками поздравляют друг друга.

Самка скоро передает яйцо самцу, с лап на лапы. На снег нельзя и уронить: остынет, и погибнет искра жизни в нем. Самец забирает яйцо не просто, а с церемониями; кланяется пингвинихе, машет крыльями, хвостиком трясет, очень волнуется, не может отвести восхищенного взгляда от яйца, нежно трогает клювом. Но вот натешился и клювом перекатил яйцо к себе на лапы. Тут же оно словно в пуховой карман попало: в складку кожи между лапами и брюхом пингвина. Там лежит, не вываливается, даже если согревающий его самец ходит и прыгает, выби-

рая в толпе товарищей место потеплее, даже если чешет одной лапой голову.

Ответственный родитель два месяца нянчится с яйцом, пока птенец не проклюнется, и еще месяц — с новоявленным потомком, пока не вернется из дальнего путешествия его супруга.

А птенец месяц голодает? Растущему организму голод решительно противопоказан: отец кормит «младенца» молоком. Птичьим, разумеется, как у голубей и фламинго. Так что младенцем назвать императорского птенца можно и без кавычек! Это «молоко» (тут кавычки, хоть раз, да нужны) — особый сок, который производят желудок и пищевод пингвина. Весьма питательный сок: жира в нем раз в восемь больше, чем в коровьем молоке — 28 процентов, а белков — раз в десять, до 60 процентов.

А где же мамы в это время гуляют? К океану пошли, за десятки километров, а то и за сто. Добрались наконец до незамерзшей воды и ловят там рыб и кальмаров.

И вот торжественной процессией возвращаются, заметно пополнившие, к детишкам и отцам, вдвое похудевшим за трех-четырёхмесячный пост на ветру и морозе: они «ели», или «пили», только снег. Большой шум и крик стоит над гнездовьем, тысячи птиц волнуются, раскланиваются, скачут с птенцами на лапах. Немало случается досадных недоразумений, прежде чем все пары воссоединятся. Каждая самка находит своего законного супруга и сбереженного им родного птенца. И каждая приносит в желудке около трех килограммов полупереваренной пищи. Птенец тут же пересаживается к ней на лапы и в пуховый карман и две-три недели кормится тем, что мать по частям выдает из желудка, пока не вернется из путешествия к морю отец. Кормит она его почти каждый час, так что скоро весь запас провианта, принесенного в желудке, истощается. А птенец растет неплохо: к папиному приходу поправляется на несколько килограммов. Значит, и самка подкармливает малыша птичьим молоком.

Пятинедельный птенец уже не маленький, в «кармане» ему тесно, и он впервые ступает не опробованными еще лапками на снег. Ковыляя, уходит в «детский сад». Сотни сверстников, плотно сбившись в кучу, стоят темной толпой, и брат брату греет бока. Взрослые пингвины со всех сторон оберегают их охранным валом от ветра и от больших чаек и буревестников, которые могут насмерть забить малых пингвинов.

Родители приходят и в крике и гаме находят своих детей среди тысяч чужих. Только их кормят: са-

*Королевские пингвины
очень похожи на
императорских. Яйца
и птенцов держат на
лапах, прикрыв
брюшной складкой
кожи. Птицы
располагаются на
определенном
расстоянии друг
от друга, отчего
получаются почти
правильные ряды.*

мые прожорливые заразы глотают по 6 килограммов рыбы!

Пятимесячные пингвины в родительских заботах уже не нуждаются. Пришла весна, а за ней и лето, льдины подтаевают, крошатся: на них выпускники пингвинных «детских садов» плывут на практику в море. Туда же направляются и взрослые. В конце декабря там, где долгую полярную зиму «гнездились» пингвины, пусто. А таких мест насчитали в Антарктиде 22. В одной колонии выводит птенцов 50 тысяч пар. Во всех же 22 — около 300 тысяч птиц.

«Когда это неуклюжее, шагающее вразвалочку создание, спасаясь от преследования, бросается на живот и, отталкиваясь лапами, скользит по льду, лавируя между многочисленными трещинами, его почти невозможно догнать. Защищаясь от злейших врагов поморников, которые воруют яйца и неокрепших птенцов, пингвин пускает в ход свое основное оружие — лапы. Удар наотмашь по ноге, обутой в унты или сапоги, уже чувствителен. Нечего и говорить о том, что, когда такой удар придется по незащищенной одеждой руке, вывих или перелом обеспечен» (И. Цигильницкий).

В Антарктиде и на ближайших к ней островах, но не зимой, а коротким полярным летом растят молодую смену пингвины Адели. Миниатюрные батарейные радиопередатчики, которыми исследователи «пометили» этих пингвинов, рассказали много интересного о маршрутах их дальних скитаний.

Всю зиму плавают среди паковых льдов, за 700 километров от гнездовых и ближе. Ранней весной — в путь! У гнездящихся на островах пингвинов Адели он короткий. Но многие идут длинными вереницами по снегам и льдам Антарктиды, идут по насту и по рыхлым сугробам, по склонам катятся на животах, подталкивая себя крыльями. Проходят порой, ориентируясь по солнцу, сотни километров! Встретятся в бескрайних снегах две походные колонны пингвинов, и радости нет конца. Спешат к старым своим гнездовьям, но на дружеские приветствия времени не жалеют: минутами стоят, смешавшись шумной толпой, кричат, поднимая клювы к небу. И опять в поход.

Добрались до старых родных мест (как находят их в однообразных снегах?). Три недели, пока солнце не растопило снег, у них брачные игры и ухаживание. Старые супруги, когда встретятся, легко признают друг друга. Если кто из них запоздал, позже пришел, а прежний партнер уже «сосватался», новый альянс немедленно расторгается. Верность требует.

Самцы и самки Адели — в одинаковых нарядах: как тут узнаешь, за кем ухаживать, кто самка? Метод такой: самцы-холостяки собирают камешки и дарят их предполагаемым дамам, складывая свои коллекции у их ног. Если дар принят, значит, даритель не

ошибся: перед ним та, которую он искал. И кучки гальки служат теперь заявкой на гнездо. Потом из них строят само гнездо, окружают ямку небольшим вальом из камней. Нужно бдительно следить за кучкой камней: соседи воруют. Неопытные самцы строят гнездо из нескольких больших камней. В нем потом очень неудобно будет сидеть.

У Аделей самцы выводят птенцов: 33—38 дней насиживают яйца, только снег едят. А самки в это время в море промышляют. (По другим данным и самки в местах, где путь до моря недалек, тоже насиживают немного.) Серебристые, позднее грязно-бурые птенцы собираются в «детские сады».

«Птенцы уставились на меня черными, без всякого выражения глазами, потом потрогали клювами подошвы сапог и придвинулись ближе, как бы приваливаясь своими тушками к моим ногам. В это самое время от стада отделился внимательный наблюдатель — взрослый пингвин. Торопливо подошел, толкнул пингвинят муаровым брюшком, грозно щелкнул клювом в мою сторону. А потом растопырил крылья и, действуя ими, как руками, шлепками погнал обоих детишек в стадо» (В. Николаев).

В феврале — марте, когда императорские пингвины направляются из моря на сушу, девятинедельные Адели без родителей идут в обратный путь, к морю и паковым льдам.

СТРАУСООБРАЗНЫЕ, ИЛИ БЕГАЮЩИЕ, ПТИЦЫ

У страусов грудная кость плоская, без киля. У летающих птиц к нему крепятся мышцы, которые приводят в движение машущие крылья. У страусов эти мышцы недоразвиты. Маховые и рулевые перья редуцированы или превратились в украшения, пригодные лишь для брачных игр. Воздушных полостей в костях, кроме бедренных, аптерий, копчиковой железы нет. Эти и другие преобразования костей, мышц и перьев произведены эволюцией по той причине, что страусы давно уже не летают: слишком тяжелы для полета. Некоторые исследователи полагают, что они никогда не летали, а произошли от древних птиц, которые еще не приспособились к полету. Но многие анатомические черты страусов убедительно говорят: их предки летали.

В предледниковое время страусы обитали на юго-востоке Европы, в Северной Индии и Китае. Здесь найдены кости семивосьми вымерших видов страусов. Африканские страусы сотни тысяч лет назад, а возможно, и позже жили на юге Украины и дальше на восток до Монголии. В Сирии и Аравии их истребили совсем недавно.

У африканских страусов два пальца на ноге, у прочих страусообразных — три, у киви — четыре.

В отряде страусообразных четыре подотряда:

Африканские страусы (самцы до трех метров высотой, вес — 150 килограммов) обитают ныне лишь в Восточной и Южной Африке, в Мавритании и Испанской Сахаре. Встречаются ли они в Сахаре восточнее, неизвестно.

Американские страусы, или нанду. Два вида: большой нанду (высота — 150 — 170 сантиметров, вес — 25 — 50 килограммов, живет к югу от бассейна Амазонки до реки Рио-Негро в средней Аргентине) и нанду Дарвина (плоскогогорья Анд Бо-

ливи и Южного Перу, равнины Южной Аргентины).

Казуаровые: эму (рост — 1,8 метра, вес — 55 килограммов), Австралия, Тасмания; и три вида казуаров (рост 1,5 — 1,7 метра, вес до 85 килограммов) на Новой Гвинее с прилежащими островами. Шлемоносный казуар обитает также на Молуккских островах и полуострове Кейп-Йорк в Австралии.

Киви: 2—3 вида (рост 30—40 сантиметров, вес — 1—4 килограмма), Новая Зеландия.

У казуаров и киви самки больше самцов.

НА ЧТО ГОДИТСЯ СТРАУСИ

Археологи Лэйярд и Ормузд Рассам раскопали холмы на берегу Тигра. Двадцатиметровая толща земли скрывала под собой древнюю стену. В ширину — 40 кирпичей, 10 метров, в высоту — 100 кирпичей, 24 метра. Стена, «которая своим ужасным сиянием отбрасывает врагов».

За стеной был древний город Ниневия, столица Ассирии при бешеном царе Синаххерибе и его потомках. В городе — дворец, «равного которому нет на свете». Во дворце — библиотека. В ней — тридцать тысяч «томов», глиняных табличек. На табличках — сказание о Гильгамеше, «который на две трети бог, на одну — человек», самая древняя поэма на земле и одна из лучших за всю литературную историю человечества.

А среди табличек, разной утвари и прочих обиходных вещей, которые за две с половиной тысячи лет не истлели, нашли странные предметы, имеющие прямое отношение к нашему рассказу. Вроде бы сосуды и вроде бы каменные: круглые, открытые с одного конца. Словно у яйца срезали острую верхушку и получился сосуд. Но какого яйца! В нем поместилось бы тридцать куриных.

Внимательно рассмотрели эти сосуды, и стало ясно: сделаны они из скорлупы страусиных яиц. Вот и первый ответ на вопрос, на что годится страус.

Римляне по своему обычаю волокли страусов вместе с бегемотами, львами, слонами и другими несчастными животными на арену цирка и там убивали на потеху публики. Лучшего применения страусам не могли придумать.

Теперь о Египте. Здесь перьями страусов украшали веера, одежды и... письма. Последние — не настоящими перьями, а рисованными. Символом спра-

ведливости был у египтян знак, изображавший перо страуса. У птиц опахало пера справа и слева от стержня неодинаковой ширины. Лишь у страуса стержень делит перо на равные половинки, вполне справедливо.

Рыцари носили на шлемах страусиные перья. Мода эта пришла поздно, продержалась сотни лет и кончилась. Но в эпоху второго пришествия ампира, в начале прошлого века, полюбили перья страусов дамам. Перьев не хватало. Охотились на страусов беспощадно, в Египте и во всей Северной Африке скоро их всех перестреляли.

«Последний страус в Южной Аравии исчез в 1900 году. На севере Саудовской Аравии, на границе с Ираком, последнего застрелили в 1933 году. По другим сообщениям, в 1948 году увидели двух страусов на стыке границ Ирака, Иордании и Аравии и тотчас уничтожили» (Бернгард Гржимек).

Первые законы для полудомашних страусов появились на алжирской земле, пишет Рихард Левинсон. Гржимек говорит, что сначала в Южной Африке в 1838 году, а потом уже в Алжире, Сицилии, во Флориде, на юге Франции, у Ниццы, позднее — даже в Австралии, где одичавшие страусы и сейчас будто бы еще живут местами. Даже в Германии, около Гамбурга, Карл Гагенбек разводил страусов.

Перед первой мировой войной в Южной Африке на фермах жило около 300 тысяч страусов. 370 тонн страусиных перьев экспортировала в 1910 году эта страна. Хороший самец-производитель ценился дорого: до 30 тысяч марок! Перья из птиц не выдерживали, а раз или дважды в году срезали близко к коже. Только двух-трехлетние и более пожилые страусы годились для такой операции. У молодых перья неценные.

Началась война, и всем было уже не до страусов. Война кончилась, прошла и мода на страусиные перья. Излишки страусов стали ликвидировать, открыли на них свободную охоту. На автомобилях гонялись за ними и стреляли: из одной такой «прогулки» привозили сотни страусиных шкур, шили из них дамские сумочки и прочие малонужные вещи. Мясо гнило в степи. Гиены, шакалы и грифы наедались вволю.

После некоторого упадка вновь возродились фермы страусов: 42 тысячи птиц пасется сейчас в Южной Африке в обширных загонах, сообщает нам Гржимек. Перья и даже страусиная кожа идут на разные поделки. А яйца? Яйца вкусные, как куриные, большие: от полутора до двух килограммов в каждом. В саванне на них много охотников, даже антилопы ориксы (копытами) и стервятники (употребив камень как молоток!), взломав скорлупу, едят страусиные

яйца. У этих яиц есть еще ценное достоинство: не скоро портятся, в холодильнике можно хранить целый год.

Одно неудобство: разбить яйцо трудно. Скорлупа на нем толстая — миллиметр-два. И варятся долго: «вкрутую» — по два часа.

Сила у страуса велика, на нем верхом можно ездить! Взрослый самец везет человека без труда, и седла не требуется: ведь под всадником «перина». 50 километров в час бежит страус (полчаса не сбавляя скорости и каждым шагом отмеривая по 4—5 метров!). А высшая резвость — 70 километров в час. «Догнать его на лошади практически невозможно».

«Со страусами не рекомендуется шутить, в особенности если рядом страусята. Мой друг Майлс Тернер недавно наблюдал, как страусиха, которая вела за собой восьмерых страустят, целый километр гналась за напавшей на них гиеной; самец же остался охранять деток» (Бернгард Гржимек).

Догнала, убила бы одним ударом. В Ганноверском зоопарке был такой случай: на что-то осерчал страус, ударил ногой по решетке и согнул под прямым углом железный прут толщиной в сантиметр. Во Франкфурте, в зоопарке, тоже страус «погорячился»: стукнул сторожа ногой, задел только пальцем, но швырнул человека на проволочную изгородь. В зоопарках удержат страусов могут только двухметровые сетки, если ниже — перепрыгнут.

Страусы глотают самые непотребные вещи: ножи, гвозди, ключи, обломки подков. Один выпил даже зеленую масляную краску! Лечить их приходится часто. Страус — вспыльчивый пациент. Как его утихомирить: Бернгард Гржимек рекомендует надеть на голову... чулок. И огромная птица даст себя увести куда надо.

СОДРУЖЕСТВО В СТЕПИ

Стада гну, зебр пасутся в саваннах вместе со страусами. У копытных хорошее чутье, у страусов — слух и зрение. Глаз страуса в диаметре около пяти сантиметров, оба глаза весят вдвое больше мозга! Сочетание получается отличное: врагам трудно подобраться к объединенным таким образом животным.

Страусы из альянса с копытными извлекают и другую пользу: насекомых, мелкие грызуны и рептилии, потревоженные пасущимся стадом, достаются страусам на обед как питательное дополнение к зелени трав и ветвей.

Объединения с сородичами у страусов самые разнообразные: это семьи, в которые охотно принимают и чужих детей, большие стаи из сотен птиц собираются у водопоев или на хороших пастбищах. Часто

старый самец водит и оберегает «детский сад» из подросших страусят: не все его дети, немало и чужих, усыновленных. Три-пять самок со страусятами, и при них один самец, и так бывает.

Много страусов-самцов гибнет под выстрелами. Остаются холостые самки. Поэтому в последние годы страусы переходят от моногамии к полигамии. Возможно, страус и всегда был полигамом, только прежде этого не замечали.

Очень картинно ухаживает страус за страусихой. Белые крылья — то правое, то левое — он поднимает вверх. Все быстрее и быстрее чередуются взмахи, и кажется, будто белые шары парят над черной птицей. Церемонным шагом, с достоинством приближается к подруге, оба склоняют головы, тычут клювами в песок, рвут траву и бросают. Вот падает страус перед страусихой на колени, и от сильных взмахов его крыльев вьется пыль над землей. Красные ноги вытянуты вперед, а шея (тоже красная) запрокинута назад. Он крутит шеей, изгибая ее спиралью, трется головой о спину и поет: глухо шипит, булькает горлом, зверем рычит, раздувая голую шею, как баллон. «Голос токующего страуса напоминает отдаленный лвиный рев!»

Признания его благосклонно приняты. И вот ведет страус страусиху к выбранному для гнезда месту — ямке в песке, часто в пересохшем русле ручья. В ту ямку он садится, а страусиха ему преподносит первое яйцо под самую грудь. Он клювом загоняет его под себя.

Примерно через день по яйцу и в среднем восемь яиц — производительность страусихи. Но часто у страуса не одна, а три подруги: старая — главная и две побочные — молодые. Эти тоже приходят к гнезду и оставляют в нем свои яйца, три-четыре каждая. Старая страусиха не гонит молодых, пока сама все яйца не отложит. Затем требует, чтобы они удалились: насиживать будут по очереди с отцом. Он — с вечера и почти до полудня. Она — днем в жаркие часы. Иногда в самый зной страусы оставляют яйца, присыпав их горячим песком, и уходят ненадолго. Солнце яйца согревает.

Иной раз подруги страуса 40—60 яиц положат в общее гнездо. Взгромоздившись на эту кучу, отец греет их, но не все согреваются как надо. Больше половины яиц, а то и все, — «болтуны», то есть гибнут, недосиженные.

«В Национальном парке Найроби... львята набрели на страусинное гнездо, стали играть яйцами и раскатали их на большое расстояние друг от друга. На другое утро страусиха собрала снова все яйца и невозмутимо продолжала их насиживать. Трудно поверить, но страусята вывелись!» (Бернгард Гржимек).

Страусята еще из-под скорлупы не выбрались, а уже «разговаривают» с родителями: попискивают мелодично и звучно. На сорок второй день инкубации птенцы вылезают из яиц. Дело трудное, скорлупа очень прочная. Чтобы взломать ее, человек должен взять в руки молоток или пилу. Страусята, сокрушая изнутри оболочку своей «колыбели», трудятся час, а иной раз и сутки!

Но вот все выбрались и сейчас же исследуют округу: ищут съедобное и глотают камешки, которые у птиц в желудке действуют как жернова, перетирая пищу. Родители уводят потомство от гнезда. Несколько месяцев ходят с ним, оберегая от врагов и от зноя африканского солнца: раскинут, как зонт, крылья над страусятами, вот и спасительная тень!

Страусята подрастают первые дни по сантиметру в день, потом еще быстрее, и семьи страусов собираются в стаи. Шестимесячные страусы ростом уже со взрослых, а живут они, наверное, лет тридцать-сорок. В зоопарках, во всяком случае, при хорошем уходе долголетие страуса — полвека.

НАНДУ, ЭМУ, КАЗУАР — ТРЕХПАЛЫЕ СТРАУСЫ

Страус — хороший отец, а нанду — просто отличный! Самки-нанду несут только яйца, оставляя самцу все прочие заботы о них и о птенцах.

По американским пампасам, избегая крутых гор и густых лесов, бродят нанду небольшими стаями, часто в компании с оленями и гуанако! Но в сентябре — декабре самцы-нанду уводят двух-четырех любившихся им самок прочь от стаи. Ухаживание нанду похоже на страусиное, однако не так живописно. Взъерошив перья, машет самец перед самкой надутой до предела шеей и кричит голосом глубоким, горловым: «Нан-ду, нан-ду».

Потом ведет своих подруг к гнезду, небольшой ямке в земле. Он выстилал ее травой. Примерно раз в два-три дня по яйцу, 10—15 яиц от каждой, таковы темпы и продуктивность яйценоскости самок-нанду. Яйца оставляют не в гнезде, а около. Самец заботливо простирает свое широкое крыло под готовое появиться яйцо, потом клювом осторожно катит его под себя. Обычно в гнезде около 20 яиц, но иногда и 80!

Самец насиживает их 40 дней, главным образом ночью и по утру, стараясь прикрыть все и телом и крыльями. Птенцы выводятся не в один день, и, бывает, запоздавшие гибнут, так как отец уходит со своими первенцами.

Но обычно ждет всех. А чтобы первые малыши, желтые, с черными полосами вдоль по спине, далеко не разбежались и не голодали, он колет клювом

яйца, явно погибшие. На даровое угощение слетаются мухи, птенцы ловят их и едят.

Но вот страус встал с гнезда и повел за собой полосатых детей туда, где травы и листья сочные. Попадутся насекомые, ящерицы и мелкие грызуны, и их страусята съедят. При воздушной и наземной тревоге прячутся детишки у него под крыльями, которые у нанду для нелетающей птицы довольно велики. Выгода от этого тройная. Первая и вторая — насиживать и оборонять птенцов с широкими крыльями удобнее. Третья — можно тормозить на бегу и круто поворачивать. Путь удирающего нанду не прямой, а зигзагами. Кидается, как заяц, из стороны в сторону, а собаки и все, кто его преследует, пролетают мимо. При этом одно крыло нанду поднимает, второе опускает. Они действуют как элероны у самолета, тормозной и поворотный эффект получается превосходный!

Через полгода молодые нанду уже ростом с родителя, через два-три года меняют детское оперение на взрослое. К этому времени они вполне созрели, чтобы заводить семью.

Самцы и самки у нанду в одинаковых нарядах, в общем серые. Головы, шеи и бедра у них оперены (у африканских страусов голые). Нанду Дарвина, который живет в более прохладных местах (на плоскогорьях Анд и в Патагонии), меньше обычного, но более жирен. Его отличают белые оторочки на концах серо-бурых перьев.

Мясо у нанду жесткое, как говорится, только на любителя. Перья тоже малоценные: годятся лишь для веничков, которыми сметают пыль с полированной мебели. И все-таки охотятся на нанду с собаками и с ружьями. Фермеры враждуют с нанду, уверяя, будто эти птицы поедают много трав, годных для овец. Но едят они и немало семян разных местных репейников. И в этом польза: репейники, впиваясь в овечью шерсть, портят ее качество, затрудняют стрижку.

«Почти все, что известно о жизни эму, получено из наблюдений не в Австралии, а в зоопарках, и в большинстве своем — в европейских» (Бернгард Гржимек).

Из этих наблюдений узнаем, что самец и самка в брачных играх, встав тет-а-тет, склоняют головы и качают ими над самой землей. Покончив с несложным ухаживанием, самец ведет самку к приготовленному им гнезду, ямке под кустом, небрежно выложенной травой, листвой, корой, ветками. Подруг у эму несколько, все вместе дарят ему 15—25 яиц. Но нередко и одна, тогда яиц в гнезде только 7—8. Он их насиживает месяца два и почти ничего не ест. Посидев часов 16—17, встает, чтобы напиться и поклевать дорогой кое-каких листьев и трав. Пока его нет, самка приходит и добавляет в гнездо очередное яйцо.

В Московском зоопарке эму-самец насиживал 52 дня, ничего не ел и похудел почти на 8 килограммов, потеряв 15 процентов веса. Не так уж и много, впрочем.

Эму-птенцы рождаются весом в полкилограмма. Их спинки украшены такими же продольными полосами, как у юных нанду. Самец, когда насиживает, настроен миролюбиво и позволяет брать из-под себя яйца. Если, конечно, у кого-нибудь хватит сил приподнять или спихнуть с гнезда громоздкую птицу.

«Эму знай себе сидел на гнезде, и, сколько я ни возился с этим нескладным созданием, мне никак не удавалось сдвинуть его с места, только перья поддались моим усилиям. Наконец, подставив ему под грудь колено и действуя им как рычагом, я заставил папашу встать и оттолкнул его, после чего, пока эму не улегся опять, поспешил наклониться над яйцами, словно сам собиравшись их насиживать. Стоя за моей спиной, белый эму сосредоточенно смотрел на меня... я не спускал с него глаз — ведь эму ничего не стоило прикончить меня одним ударом ноги, а я не представляю себе более унижительной смерти для натуралиста, чем смерть от пинка птицы» (Джеральд Даррелл).

В данном случае любознательный Даррелл, по-видимому, не очень рисковал: эму был ручной, да и повадки у насиживающих эму мирные. Иное дело, когда отец, гордый результатами своего подвижничества, ведет полосатых детишек куда-нибудь, где можно подкормиться гусеницами, саранчой и прочими насекомыми, в первые дни они только это и едят. Стерегающий свое потомство эму агрессивен и, случалось, одним ударом мощной ноги ломал кости неосторожно повстречавшим его людям.

Посторонним и незнакомым с эму лучше не связываться. Это на горьком опыте поняли жители одного местечка в Австралии, в котором проживал ручной эму. Он любил дурные шутки: догонял человека и срывал шляпу с головы. Затем, довольный хулиганской выходкой, величественно и невозмутимо удалялся, чтобы без свидетелей расправиться с ненавистным головным убором.

Бегают эму резво, как страус, — 50 километров в час. О детях заботится, как и страус, но купаться любит не в песке, как страус и нанду, а в воде. Плавать отлично, плыть может долго. А ведь массивен! Впрочем, и казуар, который весит почти на 30 килограммов больше, тоже хорошо плавает и попутно рыбу ловит!

У австралийских фермеров есть претензии к эму: они будто бы портят посевы, топчут и истощают пастбища, отведенные для овец. Тысячами убивают за это эму: в 1964 году за 14 500 уничтоженных эму заплатили премии. К несчастью для эму, их мясо оказалось вкусным, как говядина, а из яиц можно вытопить отличное пищевое масло.

«Солдаты Королевской австралийской артиллерии под командованием майора, в союзе с местными фермерами, с двумя пулеметами и десятью тысячами патронов выступили в поход

против эму. Надеялись загнать их к проволочным заборам и расстрелять из пулеметов, как удалось это сделать раньше на северо-западе Нового Южного Уэльса. Однако только 12 эму убили в этой войне, что доказывает: искусством маскировки и своевременного отступления эму овладели лучше, чем солдаты» (Бернгард Гржимек).

Заборы, которые не помогли солдатам в упомянутом сражении осуществить военный план, протянулись на сотни километров по территории одной лишь Западной Австралии. Люди оттеснили страусов на север этого штата, в бесплодные полупустыни. Но в засушливые годы уходят эму с безводного севера на юг. Сдерживать их натиск, не пускать птиц на овечьи пастбища должны проволочные изгороди.

Был когда-то у эму родич: жил на островах Кинг и Кенгуру малый, или черный, эму. Его открыли в 1802 году. Через два года пару черных эму привезли в Париж в зоопарк Жозефины, жены Наполеона. Последний из них умер в 1822 году. Все черные эму уже истреблены, лишь несколько шкур и скелетов хранят некоторые музеи.

Более дальний родич, казуар, живет еще в Австралии, на полуострове Кейп-Йорк, а по ту сторону Торрессова пролива на Новой Гвинее и близких к ней островах.

Гнездо у казуара такое же, как у эму, и так же самец (у шлемоносного, по-видимому, и самка) насиживает и водит полосатых птенцов. Только яиц маловато: 3—8, потому что у него только одна самка. Казуар — моногам.

Казуары живут не в степях, как эму и страусы, а в густых лесах, не стаями, а в одиночку. Особенная у них и внешность: перо черное, высокий роговой гребень на голове, словно шлем, а голая сверху шея ярко раскрашена: красная, желтая, синяя.

У разных видов и подвидов свои тона. У шлемоносного казуара спереди на горле висят длинные, до зоба, наросты на коже, словно красный галстук. У золотого — одна небольшая серыга на шее, две других — у клюва. Самого маленького из казуаров, мурука, природа обделила, нет у него серег.

Шлемом казуар раздвигает густые сплетения ветвей, когда головой вперед ныряет в чащу.

Пища казуаров — опавшие плоды, мелкие животные и рыба, добытая в реке, возможно, и таким необыкновенным способом:

«Я увидел, как казуар спустился к воде, вошел в реку, где глубина была около метра, и присел в воде, взъерошив перья... Так сидел казуар четверть часа, а потом вдруг быстро прижал перья и вышел на берег. Здесь несколько раз отряхнулся, и из-под перьев посыпались маленькие рыбешки. Он тут же стал их клевать» («Труды Лондонского зоологического общества», июнь 1880 года).

С тех пор, кажется, никто ничего подобного не видел.

Первый живой казуар попал в Амстердам еще в 1597 году. Вырастить молодых казуаров в неволе мало кому удавалось. Птицы привыкли к одиночеству, неуживчивы, дерутся беспощадно. Когти на средних пальцах острые и длинные, десять сантиметров! Вы-

потрошить друг друга могут основательно. Распороть живот человеку таким когтем очень просто. Охотники в лесах Новой Гвинеи приближаются к казуару с опаской. Из когтей папуасы делают наконечники для копий: от собственных когтей гибнут пронзенные этими копьями казуары. Из костей ног получаются острые кинжалы, из костей крыльев — тонкие иглы. Казуары и дикие свиньи — единственная крупная дичь в лесах Новой Гвинеи.

Ручные молодые казуары здесь свободно разгуливают по улицам деревень. Дети с ними играют. А подрастут тяжеловесные птицы — их сейчас же отправляют в одиночное заключение, за высокий забор. Изгородь надо делать повыше: казуар с места, без разбега, прыгает в высоту метра на полтора. Нрав у него вспыльчивый, отважный. —

Зоопарки платят за казуаров большие деньги, больше тысячи долларов за птицу. Поэтому в Новой Гвинее поймать и вырастить молодого казуара значит приобрести огромный капитал. Тот, кому это удастся, холостяком не останется. Даже в глубине острова за одного казуара можно купить восемь свиней или... одну жену. А доставленный на побережье, обычно в лодке по реке, он стоит еще дороже.

КИВИ И МОА

Киви — карлики. Моа — великаны. В один подотряд объединили их зоологи. Родина киви и моа Новая Зеландия.

Киви — одна из немногих птиц, у которых хорошее обоняние. Ноздри у киви не в основании клюва, где эволюция определила им место, а на конце (в основании клюва — «усы», осязательные вибрисы, похожи на крысиные!). Сунув длинный и гибкий «нос» в сырую землю, редкостная птица вынюхивает червей и насекомых. Ест и ягоды. Жизнь киви проходит неприметно: ночами в гуще трав и кустов слышится лишь звонкое «ки-ви» — свист самцов и хриплое «кёрр-кёрр» — самок.

Днем киви спят в норах, под корнями, в кустах. Там и гнезда, устланные листвой. Дело самки снести яйцо, иногда почти через неделю и второе. Но какое яйцо! 450 граммов, $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{7}$ веса птицы! Самец киви насиживает тяжеловесное яйцо около 80 дней, немало отлучаясь, чтобы поесть. Птенцы, оперенные не пухом, а, как и взрослые, волосовидными прядями перьев, не спешат покинуть гнездо: 5—7 дней отсиживаются, ничего не едят. Запасы желтка, предусмотрительно сохраненные под кожей, спасают их от вредных последствий недоедания в юном возрасте.

В мире пернатых относительно самые большие яйца у киви (25 процентов веса птицы!), а самые маленькие, относительно, и самые большие, абсолютно, у африканского страуса: около 1,5 процента веса птицы.

Отец водит и опекает свое немногочисленное потомство. Растут молодые киви медленно: лишь в пять-шесть лет, они вполне взрослые.

Киви бегает суетливо, вперевадку, но от кустов и дыр под корнями, где прячутся днем, уходит недалеко. Пальцы на их крепких ногах длинные: не вязнут в сыром и болотистом грунте. Полосатый киви — обитатель низин Северного и Южного островов Новой Зеландии. Пятнистый киви живет в более возвышенных местах Южного острова.

Крылья у киви крохотные, 5 сантиметров длиной, снаружи незаметны. Но интересно, что киви унаследовали от некогда крылатых предков инстинктивную привычку, отдыхая, прятать клюв «под крыло»!

«Сегодня эти древние привлекательные птицы наконец-то под строгой защитой законов, и тем не менее возможно, что вскоре их можно будет увидеть только на гербах и марках» (Готфрид Мауэрсбергер).

Когда предки маори, покинув свою родину Гавайи, высадились в заливе Изобилия, в птичьей стране Аотеа-роа, ныне известной под именем Новой Зеландии, они не нашли здесь ни одного млекопитающего, ни одного хищного и нехищного зверя, но увидели такое, что только в сказке могло случиться: «куропаток» ростом с быка!

«Куропатки» высотой до трех метров обрывали листья деревьев, небольшие ветки глотали целиком, ели травы, семена, а людей поначалу совсем не боялись. Ходили неуклюже на двух толстых ногах, летать не умели. Не было крыльев.

Такая дичь (и яйца в семь килограммов) пришлось по вкусу маори, и вот «куропатка» за «куропаткой» стали исчезать навсегда...

«Большинство видов моа вымерло между X и XVII веками, потому что маори их преследовали ради мяса, костей и яиц и потому, что пожары и палы, устроенные людьми, изменили растительное одеяние острова. Только один или два из мелких видов могли сохраниться до начала XIX века» (Роберт Фалла).

С 1839 года и по наши дни палеонтологи описали 19, а другие полагают, что и 27 видов моа, среди которых были трехметровые, в четверть тонны весом гиганты из рода динорнис. Описаны все по костям, только от одного вида, карликового моа, говорит Роберт Фалла, уцелели куски кожи с перьями, «пурпурно-черными, с желто-коричневой каймой».

По ту сторону Индийского океана, на острове Мадагаскар, во времена еще исторические тоже жили огромные, как моа, нелетающие птицы, по-местному воронпатры, или воронпатры, по-научному эпиорнисы. 8 литров (7 страусиных или 180 куриных яиц) вмещают некоторые найденные на Мадагаскаре скорлупки яиц. Эпиорнисы были похожи на моа, но африканские страусы, особенно ископаемые из Эфиопии, по крови им ближе.

СКРЫТОХВОСТЫЕ ПТИЦЫ

Похожи на куропаток, оперение неяркое, буро-серое. Самки окрашены как самцы или немного ярче и часто крупнее. Ноги сильные, крылья короткие, летают плохо, крохотный хвост скрыт у многих видов в оперении надхвостья. Есть копчиковая железа и «пудреницы» (пудретки).

Насиживают 16—22 дня и водят птенцов только самцы. Самые маленькие тинаму чуть больше перепела. Крупные — с тетерева.

Около пятидесяти (42—45) видов обитает в Центральной и Южной Америке, от Мексики до Патагонии.

СЛАДКОГОЛОСЫЕ ТИНАМУ

Ночи темные в тропическом лесу, темнее на поверхности земли нигде не бывает. Ни единый луч, даже при яркой луне, не коснется почвы у ног деревьев-великанов. Пленка, самая чувствительная, часами пролежит здесь открытая и не засветится.

Уже в шесть часов сумрачно в лесу. А ровно в шесть тридцать печальные, нежные и чистые звуки возвещают, что ночь обрела все права над лесом. Трели минорные, флейтовые, то выше, то ниже октавой, наполняют мрак волшебством чудного песнопения.

Это тинаму, покинув своего скромного супруга, зовет другого самца. Зовет долго, печально и часто безответно...

Горло немногих птиц исторгает такие меланхолические и чистые тона, как у тинаму, хотя по строю своему их песни просты. Лишь у некоторых тинаму выкрики грубые, лающие, но громкие — за километр слышны! По утрам, вечерам, днем и среди ночи мелодичными голосами рассылают тинаму свои брачные приглашения.

Живут в тропических лесах и лесостепях, в кустарниках, в льяносах, среди трав, в низинах и в Андах на высоте более 4 тысяч метров. Многие в одиночестве, немногие — стаями. На земле проводят свой день, да и ночью редко прячутся на деревьях. Летают мало, неохотно и недалеко. Оттого, надо полагать, и нет этих птиц ни на одном из ближайших к Америке островов.

Удирать предпочитают по земле и таиться в кустах или в чужих норах, сами не роют. А если уж деваться некуда, вспорхнуть пришлось, то с ужасной паникой, с хлопаньем крыльев, с криками срываются, летят быстро и тут же падают в кусты, чтобы бежать по земле.

Даже от малых полетов устают тинаму: сердце у них крохотное — две тысячных веса птицы, и крови маловато. Оттого,

говорят, мясо у тинаму белое, нежное, вкусное, охотниками всех рангов и наций очень уважаемое! Даже в Европу за то мясо, не жалея сил, переселяли тинаму.

У всех тинаму, которых зовут также и тао, самки покрупнее, поярче и «мужественнее» самцов. Впрочем, кавычки тут можно было, пожалуй, и не употреблять. Редкая случилась инверсия в их повадках: многие самки тинаму взяли за правило токовать, распушив веером хвосты, полураскинув крылья, ухаживать за самцами. Иные и территорию гнездовую охраняют, а это роль преимущественно мужская. И все, как одна, отказываются высиживать и воспитывать детей!

Этим заняты самцы: даже те, кто не все свои обязанности передал подругам, а сами токуют и ухаживают, звучными голосами приглашая к гнезду двух-трех и больше, если повезет, амазонок в перьях.

Впрочем, «гнездо» слишком сильно сказано: нет у многих никакого гнезда — простая земля, устланная опавшими листьями или тем, что лежит на ней. Лишь высокогорный тинаму лепит из сухой земли и мха некое подобие чаши и выстилает ее дно травой. Но это оригинал среди своей и без того небанальной родни. Он, кажется, один из всех живет в моногамии, то есть моногам: одна у него самка. Именно она отважно охраняет гнездовую территорию. Высоко в горах весьма прохладно, и потому высокогорный тинаму, отлучаясь от гнезда, накрывает яйца, которые насиживал, листьями.

А делать это полезно было бы всем тинаму без исключения: ведь яйца у них — истинное произведение искусства! И такое яркое, что даже издали не заметить его нельзя. Зеленые, голубые, пурпурные, винно-красные, желтые, шиферно-серые, почти черные, с удивительным блеском, точно покрытый глазурью дорогой фарфор. Великолепные у тинаму яйца! Коллекционеры очень их ценят. Порой, случалось, люди, прежде не имевшие дело с тинаму, принимали их яйца за фарфоровые безделушки.

В гнезде может быть 12—18 изысканной красоты яиц, если две-три самки с краткими визитами побывают здесь. У высокогорного тинаму самка одна, потому и яиц в гнезде меньше, 4—9. А у красногрудого тао, увы, всего одно яйцо!

Присутствовать при яйцах и при том, что из них получится, самки не хотят, уходят, поручив все это петухам. Но на призыв другого самца приходят и одаряют новое гнездо красивыми яйцами.

А самец сидит недели две или три, лишь раз в день или в два дня отлучаясь на обеденный перерыв, который у одних длится 45 минут, у других —

4—5 часов. Сидит прочно, и палкой не сразу сгонишь: можно подойти и хворостиной потрогать. Тогда только он «внезапно, как взрыв», взметнется, всплеснув крыльями, и улетит. Иные, притворяясь ранеными, уводят от гнезда непрощенных гостей.

«Если кто-нибудь приближается, то некоторые виды, среди них высокогорный тинаму и некоторые гладкие тао, плотно прижимают к земле переднюю часть тела вместе с головой, а заднюю поднимают иногда так высоко, что хвост и подхвостовые перья стоят почти вертикально. Похоже поступают некоторые тинаму, когда токуют или в тревоге идут по земле. Но такая повадка у населяющего петуха, очевидно, «бессмысленна», так как, высоко поднимая зад, он тем самым открывает блестящие, хорошо заметные яйца» (Александр Скотч).

Птенцы рождаются в густом и длинном пуху. Отец, негромко посвистывая, сразу уводит их от гнезда. Учит, что надо съесть, а от чего лучше воздержаться. Насекомое какое-нибудь поймает или червяка, мнет в клюве. Потом положит перед птенцами, предлагая попробовать. Взрослые едят листья, ягоды, семена, почки, червей, улиток, насекомых. Разрывая листья, тинаму воршат их не ногами, как куры, а только клювом. Клювом и в земле копаются. Это прошу заметить: еще недавно тинаму были приписаны в близкие родичи к куриным птицам. Теперь и в повадках, и в строении, особенно костного нёба, замечено несходство с мнимыми их родичами, проживающими на птицефермах. Родичей отыскивали других, страусов! А среди них, по-видимому, ближе всех тинаму к нанду.

Птенцы всех тинаму в гнезде остаются лишь несколько часов, потом отец их уводит. Некоторые и взрослые тинаму длиной лишь 20 сантиметров, птенчики у них совсем крохотные — пушистые дымчатые шарики. В гуще трав они, казалось бы, едва могут передвигаться. Однако поспевают за отцом. Именно малый рост спасает их от многих врагов: когда птенцы спрячутся и затаятся, увидеть их почти невозможно. Нередко живут в такой близости от человеческого жилья, где свиньи и собаки истребили всех других гнездящихся на земле птиц.

Птенчики большого тинаму еще только с дрозда ростом, а уже летают! Столь ранняя устремленность в полет птиц, мало и неохотно эксплуатирующих крылья, кажется довольно странной. Лишь птенцы сорных кур, летающие от рождения, и многих других куриных превзошли тинаму.

Трехнедельные тинаму ростом и расцветкой почти подобны взрослым — темп развития быстрый.

В 80-е годы прошлого века владельцы больших имений и общества охотников пытались расселить тинаму в европейских полях и лесах: сначала во Франции и Англии, позднее в Германии и Венгрии. Опыт оказался довольно успешным, тинаму,

выпущенные из вольер на волю, неплохо прижились на новой родине, зной и холод переносили легко. Расселялись и гнездились в основном по полям и опушкам лесов и жили даже в тех местах, где куропатки и фазаны не водились. В Англии один-два раза в году петухи тинаму высиживали по 9—15 яиц.

Но потом мода на экзотических птиц прошла, новых тинаму в Европу больше не привозили, а все уже акклиматизированные здесь погибли, по-видимому, в зубах и когтях хищников. В Англии последнего тинаму видели в 1901 году. Так что не водятся теперь нигде в Европе чудноголосые, необычные повадками, замечательные красотой яиц и вкусные птицы.

ГАГАРЫ И ПОГАНКИ

Некоторые зоологи объединяют гагар и поганок в один отряд. Но обычно принято разделять их на два самостоятельных отряда. Причин этого много и разных. У гагар все три передних пальца соединены перепонками, у поганок каждый из четырех оторочен с боков неширокой, до сантиметра, бахромой, или, точнее, кожными лопастями. У гагар в кладке только два оливково-бурых, с бурыми крапинами яйца, у поганок — три-восемь грязно-белых яиц.

Однако есть и определенное сходство у этих птиц даже во внешности, но главное — в манере плавать и нырять. Только пингвины превосходят в этом гагар и поганок. Ноги отнесены далеко назад, и гребут ими птицы не под собой, как, скажем, утки или чайки. Весьма эффективный движитель словно корабельный винт работает сзади. Крыльями, как пингвины и чистики, не гребут (гагары, по-видимому, немного гребут).

Когда плавают на поверхности, только спина видна над водой. Степень погружения могут регулировать, прижимая перья; воздух из-под них «улетучивается», и удельный вес птицы увеличивается. По земле ходят неуклюже и плохо. Гагары предпочитают даже ползти на брюхе, отталкиваясь ногами.

Гагары крупнее поганок (60—90 сантиметров длина, вес — 1,2—6 килограммов). Четыре вида либо три, как считают другие специалисты. Все обитают на севере Евразии и Америки, и все встречаются в СССР.

Поганки (20—80 сантиметров длина, вес — 120—1500 граммов) обитают почти по всему миру, кроме крайних приполярных областей Арктики. Нет их в Антарктиде, в Гренландии (но в Исландии живут!), нет в Сахаре, на Аравийском полуострове, на Калимантане и Суматре (но на Яве и Сулавеси, как и на многих других островах Индонезии, они водятся).

Одни ученые полагают, что на обширной этой территории встречается 17—18 видов поганок, другие — что их не больше девяти. У трех видов американских поганок чрезвычайно малые, просто-таки «микроскопические» ареалы: у каждого лишь одно свое озеро. Юни в Перу, Атитлан в Гватемале и Титикака на границе Перу и Боливии! Обитающая на озере Титикака небольшая бурая, с красноватым хохлом поганка совсем разучилась летать, так что переселиться куда-нибудь собственными силами у нее нет уже возможности. У атитланской поганки тоже недоразвитые крылья. Поэтому и она никогда не расстается со своим озером.

ЖИЗНЬ И ПРАВЫ ЧЕРНОЗОБЫХ ГАГАР

Озеро было глубокое, с водой чистой, прозрачной. Лед таял по берегам, широкие полыньи открылись по всему озерному окружью, но посередине еще плавал лед, укрытый слипшимся снегом.

Чернозобые дней десять как прилетели с Черного моря, где зимовали. С осени они не разлучались: вместе плыли и летели на юг, вместе по морю плавали и ловили рыб. Весна пришла, крыло к крылу полетели на север. На озеро, где прошлой осенью был заключен их брачный союз.

Близится ночь. Гагары уснули на воде, положив головы на спины. И пока спят, у нас есть время вернуться на полгода назад и рассказать, как началось их содружество.

...В конце лета собрались гагары на озере, сбились стаей. С малолетками, которые давно уже держались сообществом, соединились семейные пары с подросшими детьми.

Церемонно встречали пришельцев. Дружно плыли навстречу, вытянув шеи и клювы, как шпаги. Но то означало не угрозу, а приветствие: клювы готовили не удары, а лишь прикосновение. Лояльность и дружеские чувства всех и ко всем знаменовал и подтверждал «круг почета»: с простертыми вперед шеями каруселью плавали птицы.

Потом затеяли игры. Нырjali с шумом, гонялись друг за другом с криками и хлопаньем крыльев. Из воды скакали солдатами, круто изогнув шеи и прижав клювы к груди. Холостяки и новоприбывшие искали несосватанных подруг.

Большой старый самец, настроенный не мирно, а грозно, явился как гром среди ясного неба. Без всяких приветствий и церемоний кинулся он с клювом,

готовым колоть и трепать, на уже помолвленного самца. Тот едва от него увернулся...

Драки на игрищах вообще-то не в обычае. Но, бывает, сильнейшие повздорят, не поделив чернозобых дам. А тут случай был исключительный: своя гагара, старая подруга, погибла. Кто-то пальнул в нее из ружья. Для будущей весны требовалась новая жена, а у чернозобых гагар сватовство и помолвки происходят на осенних игрищах.

...Соперники, пригнув клювы к груди, в упор, с угрозой смотрели глаза в глаза. Медлили недолго и кинулись... Виртуозные прыжки в вертикальной позиции, погоня, крутые стремительные развороты, вольты и курбеты на воде и под водой — все было. Но вот тому, о ком здесь повествуется, изловчась, удалось схватить клювом врага своего, что называется, «за шиворот»: быстро пригнул он его голову и окунул в воду. Окунал и топил, пока тот, изрядно, наверное, воды нахлебавшись, решил, что с него хватит, и, вырвавшись, заработал своим ножным «винтом» — полный вперед! Победитель ринулся догонять, чем дуэльные правила нарушил, и вся стая поспешила наперерез. От беглеца его оттеснила. Тут и пыл его остыл. И совсем он умиротворился духом, когда заметил явные знаки внимания со стороны той, что спала сейчас рядом с ним, слегка покачиваясь на небольшой волне, которой предрассветный ветерок замутил лунный глянец озера.

Чуть посветлел восток, и гагары проснулись. Потянулись, выпрямляя над водой то одну, то другую ногу. Занялись туалетом, чистили и обильно смазывали жиром копчиковой железы перья, запрокидываясь то на один бок, то на другой и вставая из воды, чтобы смазать грудь и живот.

Потом громкое «кууик-кууик-кууик» черногрудого самца оповестило всех, что здесь им избрано и занято место для гнезда.

Гнезд, собственно, у него было несколько, но три из них вроде как потешные или, возможно, запасные. По назначению их не использовали. Основное и настоящее гнездо располагалось на небольшом островке в метре от воды. Кучка небрежно сложенных увядших растений — вот и все гнездо. Здесь уместно упомянуть, что у гагар бывают гнезда и без всякой выстилки, прямо на сырой земле. Бывают и плавучие, сложенные из сухих трав и корней, выстланные осокой.

Два яйца гагара-самка насиживала недели четыре. В первый же день родители повели чад своих купаться: без страха кинулись малыши в воду и сразу поплыли! Нырять, однако, еще не умели, но дня через три-четыре и этим искусством овладели. А через

Чернозобая гагара — одна из древнейших птиц. Сто миллионов лет назад, в меловом периоде мезозойской эры, ближайшие предки гагар уже жили на планете. Род современных гагар существует, по крайней мере, 20 миллионов лет.

месяц научатся и рыбу ловить, но пока гоняются за всякой беспозвоночной мелочью. К осени в подводных прогулках молодые гагары не отстанут и от родителей.

Нырнув, гагара 3—5 минут может промышлять под водой, не всплывая. Проплывет за то время 200 и, возможно, 800 метров! Обычно подводной охотой занимаются недалеко от поверхности, но и на 30 метров вглубь ныряют. Таковы достижения гагар, по мнению Лео Летонена, магистра естественных наук из Хельсинки...

Крупные гагары, по мнению доктора Г. Мауэрсбергера ныряют и глубже — до 70 метров, оставаясь под водой десять минут. Чтобы преодолеть сопротивление толщи вод, одной гребущей силы ног недостаточно, при глубоких погружениях работают гагары и крыльями.

До осени молодые гагары живут одной семьей с родителями. А потом, как мы знаем, все соседи по озеру собираются в стаю. Если озеро не очень велико, на нем гнездятся одна-две пары. Другие пятишестилетние гагары, хоть и не гнездятся, лишь через год или два придет их срок, но территорию для будущих гнезд уже выбрали и охраняют. А еще более юная молодежь плавает на том же озере без всяких притязаний на владения, однако лишь там, откуда гнездящиеся гагары ее не гонят.

«Полет тяжелый, напряженный, птица вытягивает шею и свешивает несколько заднюю часть тела, с воды поднимается с разбегу и только против ветра» (В. Е. Флинт, Р. Л. Беме, Ю. В. Костин, А. А. Кузнецов).

Дистанция этого разбега метров сорок и больше: крылья работают без устали, и ноги помогают оттолкнуться от воды. Угол подъема так мал, что целый километр должна пролететь гагара, чтобы набрать высоту в 20 метров. Казалось бы, неважный из нее пилот. Однако гагары далеко улетают на зимовки: из пресных вод в соленые, на моря. Из мест прикаспийских и южноприуральских — на Каспийское и Черное, иногда и на Средиземное, к Греции. Из Колымы, Камчатки и правобережья Лены — к берегам Японии, Кореи и Китая. В Японию летят, по-видимому, и некоторые чернозобые гагары с Аляски, хотя общее правило для американских гагар зимовать в Тихом океане у западного побережья США и Мексики.

А гагарам из тундр и тайги европейского и сибирского севера, на восток до Таймыра, предстоит дальний и необычный путь.

С Таймыра и даже с левобережья Лены плывут они по великим сибирским рекам... Нет, не на юг, а на север! Минуют устья и тут, уже в арктическом море, поворачивают на запад. Плывут по Карскому морю, через Карские ворота, что между Новой Землей и островом Вайгач, выходят в Баренцево. Пересекают его, держа путь все время на запад. Вот и туманные берега Скандинавии. Угрюмые скалы и ревущий прибой. Гагары плывут мимо. Огибают Скандинавию и через Северное море попадают в Балтийское. Тут и зимуют: от гнездовой за 6 тысяч километров, преодоленных большей частью вплавь.

Впрочем, в последние годы изучение результатов кольцевания проложило на картах и иные пути осенне-весенних миграций чернозобых гагар. Получается, что Балтийское море не главное место зимовок северных гагар. (Здесь они держатся ранней весной на пути из Черного моря в Арктику.) Главный путь ведет из Баренцева моря в Белое, оттуда через озерный край Карелии в припятские болота и дальше на юг — в Черное море, куда птицы прибывают в ноябре — декабре!

Другие гагары. Краснозобая. Каштанового цвета пятно на горле отличает ее от чернозобой, у которой оно черное. Ареалы у них почти одинаковые, только у краснозобой он ограничен более северными частями Европы, Азии и Америки. Гнездится нередко на небольших водоемах и сама поменьше чернозобой. А поскольку крылья у нее не уменьшены соответственно с размерами и весом, то летает она лучше чернозобой, и разбег перед взлетом короче. Поскольку опять-таки в малых водоемах и рыбы меньше, то летать за кормом приходится довольно далеко, порой даже в море, если до него, конечно, не сотни километров.

Полярная гагара самая крупная, с гуся. Отличает ее белый клюв, у других гагар он черный. Белоклювые полярные гагары гнездятся в тундрах Сибири и Америки, черноклювые (особый подвид или, возможно, вид) только в Америке, но южнее: по всей Аляске, Канаде и на севере США. У нас черноклювые полярные гагары бывают лишь залетом. Кроме человека, врагов у полярных гагар почти нет. Они большие и сильные; защищая гнездо, даже лисиц и молодых белых медведей отгоняют, целясь в глаза острым и крепким клювом.

Пока птенцы еще не вывелись, гагара предпочитает удирать: сползет в воду и нырнет. Но птенцов защищает так самоотверженно, что и перед сильным врагом не отступает, не бросает беззащитных своих детей.

Первые дни родители кормят их из клюва разными насекомыми (и чернозобые гагары — тоже), приучая таким образом распознавать съедобное. Гнездовая территория у полярных гагар сравнительно неве-

лика. Самка признает «лично своими» двести-триста метров вокруг гнезда, самец изгоняет соперников с вдвое большего пространства.

Гнездо всегда у самой воды, потревоженная гагара буквально сползает в нее с гнезда. В эту пору «хохочущие крики» полярных гагар «с жутко звучащим завыванием» оглашают однообразные равнины тундры.

Полярные и краснозобые гагары (но не чернозобые) гнездятся и в береговой полосе Гренландии, краснозобые и на острове Элмире — ближе всех к полюсу, на 82-м градусе северной широты!

В меловом периоде истории Земли, по крайней мере 80 миллионов лет назад, на берегах тогдашних морей жили похожие на гагар птиц гесперорнисы. Крупные — высотой до метра. У них был зубастый клюв! И недоразвитые крылья. Летать гесперорнисы не умели, но плавали и ныряли отлично. Кормились рыбой. Некоторые орнитологи считают их близкими родичами гагар и поганок, другие видят в их внешнем сходстве лишь конвергентные черты, развившиеся под влиянием сходного образа жизни. Строение черепа сближает гесперорнисов не с гагарами, а со страусами!

Да и настоящие гагары тогда уже жили. Правда, другого рода — эналиорнис, ископаемые остатки двух его видов найдены в Европе. Поганки (двух родов и двух видов) обнаружены в древних пластах земли (мелового периода) в Северной и Южной Америке. Похожие на чаек ихтиорнисы, представители семейств или отрядов пеликанов, цапель, ржанок, фламинго, наверное, и многих других птиц уже обитали на Земле. Удивительно быстро шло развитие птиц. Еще недавно появились их первые предки — археоптериксы, еще не вымерли, плавали в морях плезиозавры и прочие ящеры, парили над морем птеродактили, а птицы разных групп и видов гнездились и летали здесь же рядом, оглашая криками побережья древних морей.

ПОГАНКИ — «СУМЧАТЫЕ» ПТИЦЫ!

«...Ползут тотчас же в оперение родителя и ведут первое время жизнь подобно детенышам сумчатых животных. По-видимому, в большинстве случаев дети живут в оперении матери... а отец кормит их там принесенными насекомыми и рыбками» (Оскар Хейнрот).

Гнезда птиц, именуемых по-русски поганками по той причине, что их мясо на вкус знатоков отнюдь не лучшего качества, похожи на тростниковый корабль, построенный Туром Хейердалом. Сравнение, разумеется, весьма приблизительное, как, впрочем, и то, которое употребил («подобно сумчатому») один из лучших знатоков птиц, Оскар Хейнрот. Однако, по-

сколько речь идет лишь о сравнении, оно не только допустимо, но, пожалуй, и удачно.

Это «тростниковое» гнездо, «сложенное на куче водной растительности, более или менее плавучее», или «опирающееся на дно на мелководье», в котором «яйца находятся в воде или, во всяком случае, в сильно влажной среде» — сооружение, казалось бы, малопригодное для колыбели и неудобное.

Порой, теряя опору о «дно на мелководье» или о стебли камышей вокруг, оно по воле волн устремляется в путь, никаким штурманским расчетом не предусмотренный, и плавает где придется.

Однако есть у него свои преимущества. Обычно полагают, что куча водной растительности, на которой оно сложено, разлагаясь, окисляется и нагревается по законам, известным в физике как медленное сгорание, и неплохо подогревает яйца снизу. Возникает эффект, подобный парнику.

«Подводная часть гнезда имеет температуру окружающей среды, но температура надводной верхней несколько выше, до 7,5 градуса по Цельсию при отсутствии птицы» (профессор Г. П. Деметьев).

В таком мокром гнезде 3—4, иногда и больше «грязно-белых», вскоре буреющих от сырости яиц. Оба родителя насиживают их дней 20—28. Насиживают с первого яйца.

У птиц два главных метода насиживания: с первого яйца и с последнего или предпоследнего. Есть и промежуточный, так сказать, третий метод: легкое обогрвание первых яиц и настоящее насиживание уже полной кладки.

С первого яйца насиживают почти все совы и дневные хищники, также чайки (судя по многим наблюдениям, хотя есть и возражения), поганки, многие воробьиные.

Хищным птицам, для которых добывание пищи совсем не простое дело, трудно прокормить сразу всех птенцов, если они с первого же дня дружно будут просить есть.

Те птицы, у которых лишь самки воспитывают птенцов, например куриные или утки, очевидно, должны насиживать, когда уже все яйца покоятся в гнезде, чтобы все птенцы вывелись в один день. Иначе, что будет делать мать с первыми из них, не покинув последних, которых досиживать надо?

У пастушков метод такой: первые яйца они немного обогрывают, по-настоящему насиживают лишь полную кладку. Птенцы выводятся в разное время, хотя и не с такими промежутками, как, скажем, у филина, у которого птенцы старше один другого на пять-семь дней. Здесь этот промежуточный, третий, метод вполне приемлем, потому что у пастушков заведено так: один из родителей уводит первых птенцов, а второй досиживает остальных.

Но сейчас нас интересуют поганки, и возникает неожиданный вопрос: почему они насиживают с первого яйца? Или, возможно, как пастушки, не дожидаясь полного комплекта в кладке?

Может быть, поганки могут позволить себе этот, так сказать, «поточный метод» производства птенцов (насиживание с первого яйца дает бесспорный выигрыш во времени!) в силу своей «сумчатости»?

Чомеи застыли в одной из вступительных поз своих токовых игр. Только резко поворачивают из стороны в сторону головы.

Первые птенцы сразу же забираются в оперение к матери, не убегают, не мерзнут, не требуют особого за собой досмотра и особых забот, кроме пропитания, которое приносит отец.

Не будь этого, они бы стали разбегаться, и один, по крайней мере, родитель должен был бы их увести, второй — досиживать, что у поганок не в обычае. Значит, ушли бы оба с первыми, бросив остальных, недосиженных, погибать.

Так по некоторым наблюдениям порой и бывает. Но, полагает Хейнрот, такое поведение нельзя считать нормальным. Возможно, случается это, когда поганок слишком беспокоят.

А норма такова: каждый птенец дня за два до вылупления уже негромко, но требовательно попискивает под скорлупой. Команда родителям: «Внимание! Продолжайте насиживать!» И в каждом яйце с промежутком в два дня звучит предупреждение: «Я скоро, скоро выведусь, не уходите!»

Надо сказать, маленький «поганец» ждать себя

долго не заставляя. Быстро, как только настанет срок, вылезает из скорлупы. Не сидит под ней известное время, как бывает у многих птиц. Нет, сильным толчком колет (с тупого конца) яйцо и, капюшоном приподняв над собой прикрывавший пробитую брешь осколок, тут же вылезает, «так что вылупление длится только несколько минут».

Эта поспешность, возможно, определяется причинами весьма вескими: яйца-то (помните?) «находятся в воде или, во всяком случае, в сильно влажной среде». Значит, не вылезти птенчик вовремя из скорлупы, и колыбель может стать его могилой, захлебнется! Но...

«...подобное наблюдается и у дятлов, так что, возможно, другие тут причины...» (Оскар Хейнрот).

Под перьями у родителей птенцы начинают первое знакомство со средой, в которой им суждено провести большую часть жизни: с детьми под крыльями взрослые птицы плавают и даже ныряют. Как глубоко? Полагают, метров до семи, обычно меньше. Полминуты, минуту, а то и три оставаясь под водой.

«В отличие от уток и лысух поганка вместе с пуховыми птенцами далеко уплывает от камышовых зарослей... и не проявляет беспокойства при появлении болотного луня или другого хищника. Только при явном намерении последнего напасть на выводок она ныряет... Вместе с нею ныряют и птенцы, но не самостоятельно, а предварительно забравшись на спину матери... Хищники, видимо, по опыту знают неуловимость выводков поганок и обычно не пытаются их преследовать. Есть наблюдения, что поганки могут даже перелетать с птенчиками на спине» (профессор А. В. Михеев).

В поведении поганок вот что еще интересно. На суше они почти не бывают, чистить и смазывать оперение приходится на воде. Занимаясь этим, они ложатся то на один бок, то на другой. Замерзшие в холодной воде ноги греют не как утки, пряча их в оперении живота, а подняв из воды в сторону! На воде же собирают и у себя выщипывают перья и глотают. Роль их, как говорят, гастролитическая: помогают в желудке перетирать добычу, что у других птиц обычно выполняют проглоченные камешки и песчинки. Другие же исследователи полагают, что перья в желудке поганок образуют «сито», которое не пропускает в кишечник мелкие, не переваренные еще косточки.

Весной у поганок брачные игры. Самцы и самки окрашены одинаково в брачном пере, оба пола носят на голове цветные воротники, хохлы и прочие украшения из перьев.

Чомги, он и она, плывут навстречу друг другу. На чистой воде, на открытых плесах разыгрывается этот живописный спектакль. Перья воротника распушены, птицы трясут головами и сходятся клюв к клюву. Встают из воды вертикально: «позой пингвина» называют зоологи это «па» в их брачных танцах.

Часто держат в клювах пучки мокрых водорослей и другие растения — опять-таки нос к носу! — словно предлагая друг другу свадебные подарки. Их крики «куа», «круа», «корр» далеко слышны, в тихий день за километр.

Пять видов поганок гнездятся в нашей стране.

Большая поганка, или чомга, немного меньше утки, на щеках пышная оторочка из рыжих перьев, «воротник» или «жабо», но зимой его нет. Клюв красный. Живет по всей Европе, кроме северных областей, в Малой, Передней и Центральной Азии к югу до Северной Индии и Китая, в Восточной Австралии, на Тасмании, Новой Зеландии. Встречается чомга местами и в Африке.

Серощекая поганка — серые щеки и черный клюв с желтым основанием, шея рыжая (у чомги белая) ростом меньше чомги. Обитает в Европе к востоку от Рейна, в Малой Азии, местами в Средней Азии, в Восточной Сибири к югу до Маньчжурии и в Северной Америке.

Красношейная, или рогатая, поганка. Два рыжих пучка перьев «за ушами», шея рыжая, клюв прямой, ростом меньше чирка. Обитает в умеренной полосе Европы, Азии и Северной Америки.

Черношейная поганка. Пучки волос «за ушами» почти такие же, как у красношейной, и рост такой же, но горло черное, клюв немного «вздернут» вверх. Европа, Передняя и Средняя Азия, Дальний Восток, Африка (местами) и Северная Америка.

Малая поганка в общем бурая, с рыжеватой спереди шеей, на голове нет никаких украшений из перьев. Европа, Африка, Южная Азия до Индонезии и Австралии. По другим данным в Австралии ее нет.

ТРУБКОНОСЫЕ

Ноздри трубконосых птиц вытянуты двумя роговыми трубочками, которые лежат на клюве, сверху, в основании надклювья, реже по его бокам, и, точно стволы двуствольного пистолета, наружными отверстиями направлены вперед. У нырцовых и некоторых других буревестников — вверх. Три передних пальца на ногах соединены плавательными перепонками. Задний палец недоразвит. В желудке особые железы вырабатывают мясо-красного, бурого или желтого цвета маслянистую жидкость «ворвань». Защищаясь, трубконосые и их птенцы «плюют» этой жидкостью. Струя летит метра на полтора. Этим же «маслом» смазывают оперение и кормят первое время птенцов. Маслянистый секрет сильно пахнет мускусом. Этот запах даже чуела и шкурки трубконосых сохраняют больше ста лет.

Трубконосые — морские птицы, на суше только гнездятся. В кладке одно яйцо, редко два. Яйца крупные, 6—25 процентов веса самки. Моногамы. Самцы и самки в одинаковом перье. Насиживают оба родителя очень долго: маленькие качурки — 38—45, альбатросы — 80 дней, вдвое больше, чем птицы сходного размера и образа жизни, например чайки. Птенцы развиваются медленно. Сидят в гнездах и у гнезд до двух месяцев у качурок, а у альбатросов 4—9 месяцев. Взрослые птицы перестают кормить молодых незадолго перед тем, как те научатся летать. Многие виды кормят птенцов раз в сутки, обычно по ночам, а тонкоклювые буревестники, возможно, раз в 3—4 ночи.

В отряде трубконосых самые мелкие, качурки, весят 20—50 граммов, и самые крупные морские птицы — альбатросы, размах крыльев 3,22 метра, вес до 8 килограммов, по другим данным, размах до 3—3,5 метра, вес — до 12 килограммов. Обитают трубко-

носые во всех морских зонах земного шара, от Арктики до Антарктики.

Четыре семейства.

Альбатросы. 12—13 видов гнездятся в основном в южном полушарии, кочуют по всем океанам, кроме Ледовитого и северной Атлантики.

Буревестники. 47—62 вида во всех морях и океанах от Арктики до Антарктики. В СССР, на севере, гнездится только один вид — глупыш.

Качурки. 17—19 видов, почти так же широко распространены, как буревестники.

Нырцовые буревестники. 4—5 видов — все в южном полушарии. Гнездятся на островах вокруг Антарктиды.

Всего в отряде 81 — 99 видов, две трети из них — в южном полушарии.

АЛЬБАТРОС!

Особых представлений не требуется: приключенческие романы, морские рассказы с детства нас с ним познакомили.

Океан, корабль, альбатрос — это единство веками утверждалось в нашем представлении. Океан мрачнеет перед бурей — альбатрос, как и брат его буревестник, ликуя, радуясь шторму, рыщет над вспененным морем.

Но не сам по себе шторм его радует, не волнение моря, а дары его, выкинутые на поверхность, — рыбная мелочь, кальмары, рачки, снующие в сумятице волн, семена, орехи, смытые в море, отбросы с кораблей, вынесенные на гребни валов.

В штиль альбатрос мало летает, сидит на воде, мертвая зыбь его укачивает. Здесь на воде и спит. Но не всю ночь: часть ее охотится за рыбами и кальмарами, которые ночами поднимаются из глубин к поверхности океана. С восходом навстречу утреннему ветру стартует в небо и летит, кругами набирая высоту. Может часами парить, не взмахнув крылом.

Так и кочуют над океанами альбатросы: иные, наверное, земной шар облетают по округе. Десять тысяч километров пройденного над морями пути доказаны кольцеванием. Молодые альбатросы, развиваясь и подрастая, долго готовятся к полету (полгода и больше), но потом летают над морями лет пять-семь, не возвращаясь на сушу. В этом возрасте у них

происходит первое знакомство с местами будущих гнездовых и репетиция гнездостроительства. Но по-настоящему строят гнезда и птенцов в них выводят позже. Так, во всяком случае, у королевских альбатросов, которые живут лет сорок. У других порядок, наверное, такой же, только сроки, возможно, иные.

Самцы и самки хранят верность друг другу годами, некоторые и десятилетиями. Туда, где гнездились позапрошлый год (крупные альбатросы размножаются лишь через год), первыми прилетают самцы и ждут подруг. Если они не погибли в одиноких скитаниях над морями — срок ведь после разлуки немалый прошел, — обязательно прилетят к старому гнезду и найдут здесь своих супругов.

От старого гнезда, конечно, одни воспоминания остались: приходится строить новое, но иногда и старое подновляют. Проста архитектура гнезда: невысокая кучка растений или, реже, небольшая насыпь из земли и торфа.

Но токовые игры, брачный ритуал, довольно разнообразны. Особенно у галапагосских альбатросов.

Самец ходит вокруг самки, покачиваясь в такт шагам и вытянув шею. Головой машет. Это начало брачной церемонии. Ее продолжение: птицы встают нос к носу и будто фехтуют клювами. Потом поднимают вверх и широко их разевая, кляцают. Все это повторяют в разных вариациях, добавляя и другие «фигуры» ритуала: символическую чистку пера, взаимные поклоны с клювами, прижатыми к груди или к земле («символическое указание гнезда»), крики, свисты с поднятыми вверх головами, «пляс» вокруг гнезда с раскинутыми в стороны крыльями.

Насиживают единственное яйцо оба: сначала самец, потом самка. Дней через 60—80, у разных видов по-разному, птенец появляется из яйца. Его еще долго кормить надо. У больших альбатросов 7—9 месяцев дитя сиднем сидит в гнезде, пока не научится летать. Иной раз молодые альбатросы из отчего гнезда вылезают и строят новое невдалеке. В нем обрастают пером и набираются сил. Пока все еще на родительском индивидуум, но получают его не часто: раз в сутки по ночам либо перед рассветом.

Странствующий альбатрос крупнее всех в отряде трубконосых, величиной примерно с лебедя. Но более длиннокрылый, чем лебедь: 3,2 и даже будто бы до 3,5 метра размах его белоснежных, узких, «как доски», крыльев. Нет в мире птицы с таким затянувшимся детством. Никто так долго не пребывает в птенцовом возрасте, не сидит почти год в гнезде.

В декабре, например, на островах Кергелен самки строят гнезда, перед Новым годом уже насиживают одно большое яйцо. В марте выводятся птенцы. Месяц самка согревает «большой шар белого пуха с

Странствующие альбатросы, самец и самка, после долгой разлуки встретились у гнезда и исполняют свадебный танец. Этот неизменный ритуал совершается из года в год на прежнем месте: супруги-альбатросы сохраняют верность друг другу по десять и, возможно, больше лет. Единственное яйцо альбатросы насиживают очень долго, до 80 дней.

двумя живыми черными глазками». Вдвоем им уже тесно в гнезде, она уступает бугорок земли своему недорослю и неделю-две сидит рядом с ним.

«Что касается отца, то он незадолго перед тем уже вернулся к бродячей жизни над океаном. В мае я всегда заставал птенцов в одиночестве. Так как они питаются, конечно, не воздухом и продолжают быстро расти даже после отлета матери, ясно, что она время от времени возвращается, чтобы покормить своего птенца, но эти посещения, по-видимому, происходят через большие промежутки времени» (Э. Обер де ла Рю).

Между тем приближается южная полярная зима с дождями, снегом и, самое неприятное, с вечными ветрами. Почти ни дня без бури! «Постоянство и сила ветра достигают здесь таких рекордов, равных которым вы редко встретите где-либо». Именно нестихающие ветры принесли архипелагу Кергелен дурную славу «страны вечных ураганов», «островов отчаяния».

И все это должны перенести молодые, еще беспо-

мощные альбатросы. Всю ураганную зиму сидят они на жалких, развеянных ветром гнездах. Одни среди буйства стихии! Никто и ничто их не греет, и редко мать прилетает покормить. А если погибнет в странствиях над морем? Страшно подумать... День за днем, месяц за месяцем бездумно дремлют бесперые птенцы под проливным дождем и леденящим снегом, спрятав голову в пух и грудью повернувшись к ветру. Но сон их чуток: негромкий шорох или тихие шаги несут угрозу, худшую, чем ветер. Одним прыжком, разбуженный тревогой юный альбатрос вскакивает навстречу незваному нарушителю его уединения. Щелкает клювом, угрожает. Но что он может сделать: средства защиты ненадежны, для сильного недруга не опасны, грозят лишь неприятностями, не увечьем. Ударит, ущипнет клювом — пустяки в общем-то. Вот тут «ворвань», отвратительно вонючая струя, выброшенная из клюва, более эффективна, чем щипки. Но и в этом отношении они значительно уступают молодым гигантским буревестникам, располагающим большими запасами подобной жидкости.

Вот зима уж позади, забыты ее невзгоды. Весна вернулась на острова. А с нею и взрослые альбатросы. Но им нет дела до подросших и оперившихся детей прошлогодних выводков. Они заняты прежде всего брачными делами. В комичных позах предаются бесконечному флирту.

«Если несколько самцов ухаживают за одной самкой, это происходит всегда с соблюдением полного достоинства. Самцы никогда не теряют своего сосредоточенного вида и не дерутся» (Э. Обер де ла Рю).

Скоро самки, выбрав на лугах, у берега моря, подходящее место, ковыряют, рыхлят клювами землю. Строят из нее, смешав с листьями, небольшой бугорок: гнездо. Большое яйцо насиживают по очереди с самцом.

А прошлогодние их дети?

Забытые и покинутые, один за другим улетают они в самый разгар гнездостроительства в неведомые еще морские края. Некоторые задерживаются и первый в своей жизни Новый год встречают и провожают на островах. «После долгих путешествий вокруг земного шара они, несомненно, возвратятся размножаться на те равнины, которые видели их появление на свет».

БУРЕВЕСТНИКИ И «ШТОРМОВЫЕ ЛАСТОЧКИ»

В семействе буревестников птицы большие и малые: крошки ростом с дрозда и такие, что альбатросам не уступают в размахе крыльев — 2,8 метра у гигантских буревестников.

Разные и повадки: одни — скитальцы, подобные альбатросам. Гигантские буревестники, следуя за восточным ветром, облетают земной шар, другие лишь на сотни метров решаются удалиться от паковых льдов Антарктиды, среди которых ищут пропитание, в основном планктон. Это снежные буревестники из рода пагодрома. Многие из них гнездятся в горах Антарктиды в 300 километрах от побережья!

Но большинство — на берегах Антарктиды и на некоторых ближайших островах (к северу до Южной Георгии). В ноябре — декабре начинается у них гнездовое время. В марте птенцы покидают гнезда, но ни они, ни взрослые птицы далеко не улетают. Появление над морем этих небольших (до 40 сантиметров) белоснежных птиц — верный признак близких паковых льдов. Гнездящиеся с ними по соседству (и в те же месяцы) антарктические буревестники и так называемые капские голубки в поисках пищи разлетаются шире по холодным и умеренным морям южного полушария.

Многие буревестники окрашены неярко, бурых, в общем, тонов, многие со светлым брюхом, но капские голубки пегие. У них большие, издали видные черные и белые пятна — сверху на крыльях и спине. Моряки, плававшие в южных широтах, хорошо знают этих птиц: они с криками встречают корабли и долго летят за ними, подбирая брошенные в море съедобные куски. Большими, шумными стаями собираются на дохлых китах, тюленях, отдирают и глотают жир и мясо. Где много планктона, там и они. Пластинки на клюве действуют как цедилка, которая помогает капским голубкам выуживать из воды даже мелких рачков.

Но еще лучше это полезное приспособление развито у китовых буревестников. У некоторых и клюв широкий, словно утиный. Миллионными стаями собираются они в морях южного полушария над скоплениями планктона. Погрузив клюв-цедилку в воду и хлопая крыльями (тело при этом почти все над водой!), быстро скользят по волнам, набирая полный рот рачков и другой планктонной мелочи, выловленной из воды по способу усатых китов (отсюда и название этих птиц).

У одних видов цедилка развита лучше, у других хуже: первые кормятся мелким планктоном, вторые ловят добычу покрупнее. Поэтому и гнездятся в разное время, даже на одних и тех же островах: с таким расчетом, чтобы, когда птенцы подрастут, необходимый корм был в море в изобилии. Утконосый буревестник (с самой совершенной цедилкой, которая улавливает водяную мелочь величиной «с булавочную головку») еще зимой начинает рыть нору для гнезда. Но не спешит — лишь в сентябре будут положены в ней яйца (он гнездится на островах Атлантического и Тихого океанов южного полушария, где зима, когда у нас лето).

Почти все виды рода птеродрома обитают в Тихом океане, один из нарушивших это правило, бермудский буревестник, или кахоу, был недавно как бы заново открыт. Давно уже никто не видел на Бермудских островах этих птиц. Они считались вымершими. Но вот в 1951 году американские зоологи на скалах небольшой группы островов Касл-Харбор нашли живых и здоровствующих кахоу вместе с птенцами и гнездами! Пять взрослых птиц удалось поймать в петли. Надев на лапы кольца, «вымерших» птиц отпустили на волю. Поисков хорошенько, обнаружили в скалах еще 17 гнезд кахоу.

Теперь на Бермудах под охраной закона гнездится уже около ста птиц (правда, завезенные на острова крысы угрожают процветанию этой небольшой пернатой колонии). Птенцов кахоу выводят зимой, а летом, в жару, улетают в открытое море. По-видимому, как и другие представители их рода — в приантарктические холодные воды. Ловят (в основном ночью) мелких рыб и кальмаров, выхватывая их на лету из воды.

Гигантские буревестники на островах вокруг Антарктиды терроризируют пингвинов, воруют яйца и птенцов. Малые их собратья и даже кролики, если они там водятся, живут в страхе перед ними.

Гигантских буревестников за неприятный запах моряки называют «вонючками». Аспидно-серые, ростом они с альбатросов, не очень крупных. В гнездах у них почти всегда одно белое, позднее зеленое от водорослей, очень большое яйцо, втрое крупнее куриного.

Птенец, который из него появится через два месяца, «злой и подвижный». Очень агрессивный, бежать, кем-либо потревоженный, и не думает. «Встречает противника лицом к лицу», широко расставив ноги для лучшего упора перед меткой «огневой» атакой, которая немедленно последует: вонючая струя, с силой выброшенная из клюва!

«Желая составить себе представление о том, какое количество этой жидкости может извергнуть молодой гигантский буревестник, я принялся его дразнить и установил, что он выплюнул в мою сторону около четверти литра. Под конец, по мере истощения запаса, он стал харкать с трудом и после нескольких тщетных попыток выплюнул к моим ногам совершенно целого буревестника мелкой разновидности — сегодняшней обед, принесенный ему одним из родителей» (Э. Оберделла Рю).

Крупные буревестники строят гнезда на открытых местах, как альбатросы. Те, что поменьше, гнездятся колониями под защитой кустов, в траве, в расщелинах скал, на утесах, часто в норах. Местами земля на островах так изрыта этими норами, что и шагу ступить нельзя, не попав в одну из них ногой.

Днем взрослые обитатели нор охотятся над морем, ночью прилетают и кормят птенцов. Кормят долгими неделями, но все равно, не дождавшись, когда их дети смогут наконец полететь, откочевывают осенью в моря к северу. Нередко из Австралии, например за экватор, к берегам Японии и Камчатки.

Подростки позднее следуют туда же и несколько лет странствуют, как и молодые альбатросы, над океанами, за тысячи верст от родины. И удивительно: годы проходят в этих странствиях, но, когда всемогущий инстинкт продления рода заговорит в них, молодые птицы летят не куда попало, не на ближайшие острова, а лишь на те, где родились. Путь нередко очень дальний.

Умение находить верную дорогу над лишенными ориентиров океанами у буревестников поразительное! Одного увезли за 5 тысяч километров из Англии

в Америку и там выпустили: через 12 дней он вернулся и нашел свое гнездо на крохотном островке у берегов Уэльса.

Антарктические глупыши, есть и арктический вид или подвид, гнездятся в Антарктиде и на ближайших островах. Гнезда строят рано: кругом еще лежит снег. А южной осенью улетают, следуя за холодными течениями, на север, до экватора и за экватор. Северные глупыши, арктические, так далеко от гнездовий не удаляются.

Зимой над Черным и Азовским морями летают у нас небольшие белобрюхие, похожие на чаек птицы — черноклювые, или малые, буревестники. Гнездовья их западнее, в Средиземноморье и даже по ту сторону океана, на Бермудских островах. Многие буревестники — «бессердечные» родители, кормят детей раз в сутки и реже, рано их бросают, еще беспомощных. А эти черноклювые уж слишком!

«На 62—63-й день жизни птенец уже оперен, и к этому времени родители перестают его кормить. Поголодавший днень птенец вылезает из норы, вновь возвращается в нее, опять вылезает и только после десяти дней голодовки отправляется к морю. Путь для него тяжелый: молодая птица ковыляет, помогая себе крыльями и даже клювом. Бывает, она не успевает за одну ночь добраться до моря и тогда на день прячется в нору, расщелину или под камень, а то и просто сидит, закрыв глаза, без движения на одном месте. В это время птенец становится легкой добычей хищников, даже ворон. Добравшись наконец до моря, молодая птица первое время больше плавает и ныряет и лишь потом понемногу начинает летать» (профессор Н. А. Гладков).

Советский орнитолог профессор Л. А. Портенко встречал трубконосых гостей с юга даже в Арктике, на Чукотке и вблизи мыса Сердце-Камень. Все лето тысячные стаи тонкоклювых буревестников охотились над побережьями северных морей. Осенью они вслед за нашими птицами полетели на юг. Наши нашли пристанище в Китае, Индии, а буревестники продолжали путь. Их не прельстили ни зеленые джунгли, ни серебристые пляжи тихоокеанских островов: они торопились на родину, в Тасманию. Туда возвращалась весна.

Тонкоклювые буревестники выводят птенцов на этом острове, а потом летят на север, пересекают экватор и через месяц после старта ловят уже креветок у берегов Японии. Но не задерживаются здесь, летят дальше вдоль Курильских островов к Камчатке, Чукотке, даже до острова Врангеля! Вернувшись оттуда к Камчатке, пересекают все Берингово море и вдоль западных берегов Северной Америки снова спускаются к югу. От Калифорнии поворачивают уже в открытый океан и вскоре замыкают свою знаменитую «тихоокеанскую петлю», приземляясь у покину-

НЫРЦОВЫЙ
БУРЕВЕСТИК

тых южной осенью гнезд на скалах Тасмании. Каждая пара занимает свою старую нору.

Эти небольшие птицы, 33 сантиметра от головы до хвоста, за первый месяц своих странствий пролетают 9 тысяч километров! Дорога дальняя — еще четыре месяца пути. Туда и обратно около, а у некоторых стай и больше 40 тысяч километров!

Биологи Сервенти, Ричдейл и Лэк провели классические исследования, и теперь подробности жизни тонкоклювых буревестников нам известны лучше, чем многих других птиц. Закончив тысячекilометровое турне вокруг Тихого океана, в сентябре — октябре миллионы буревестников возвращаются к берегам Тасмании, Южной Австралии и на острова между ними в Бассовом проливе.

Днем охотятся за рачками и анчоусами. Ночью летят к берегу, копошатся в темноте у нор. Расчищают, углубляют старые, роют новые. Потом недели три пусто у нор, птицы отдыхают от земляных работ в охотничьих рейдах над волнами, далеко в открытых морях.

В ноябре снова суматоха у нор: с южным ветром вернулись из океана буревестники. По яйцу в каждой норе насиживают по очереди сначала самцы, потом самки, меняясь примерно раз в две недели. Тот, кто сидит в подземелье, не голодает: партнер прилетает ночью его кормить. По другим данным, первые две недели насиживающий самец ничего не ест, никто его не кормит.

В январе, после почти двухмесячного насиживания, появляются птенцы. Родители, заткнув поутру норы травой, летят в море за рачками, за «крилем», которым кормятся и киты. К птенцам возвращаются в темноте и, по-видимому, не каждую ночь.

Так курсируют между берегом и морем месяца три, потом, забыв о заботах и птенцах, отправляются в апреле в свой знаменитый вояж. Проголодавшись, молодые буревестники через две недели вылезают из нор, вытолкнув травяные затычки. Кочуют над морями. Многие летят дорогой старых птиц, но их не догнать! Правда, один молодой буревестник, окольцованный в Австралии, через месяц попался людям в руки уже у берегов Японии! Трех-четырёхлетние, соединившись со стаями взрослых, устремляются в Берингово и Чукотское моря. Вдоль Америки возвращаются на родину. Не гнездятся здесь еще года два-три, а только присутствуют как зрители, дожидаясь нужной зрелости и опыта.

Там, где гнездятся тонкоклювые буревестники, организован большой промысел: ежегодно до 400 тысяч птенцов убивают, консервируют и даже экспорти-

руют. Выжимают из них жир — из пяти птенцов «примерно литр прозрачного масла».

Впрочем, так почти всюду, на многих, во всяком случае, островах, где гнездятся буревестники. В пищевых ресурсах местного населения их доля велика. На Фарерских островах день массового избиения подростков буревестников, 26 августа, стал национальным праздником — «Лиридагур». В Японии только на острове Микуро в год убивают сто тысяч жирных молодых буревестников.

«В тот день мы заметили двух качурок, мелькавших за завесой брызг, и услышали их печальный жалобный крик. Как им удавалось оставаться в живых среди этого водяного хаоса, в сотнях миль от берега, как они могли выдерживать шторм, от которого некуда было укрыться? Как бы там ни было, это им удавалось. Порхая на своих серповидных крыльях над самой поверхностью воды, они высматривают лакомые кусочки, которые дает им море, — крохотных рачков, рыбьих мальков и пелагическую икру. Шторм или штиль, ураган или полное безветрие — им все равно, этим храбрыми птицам. Они не избалованы жизнью» (Джилльберт Клинджел).

И в бурю, и в шторм, днем и ночью порхают черно-бурые «птахи» над самой водой. Словно бегут по ней, окуная одну или обе лапки и трепеща крыльями. Заметит качурка креветку, рыбешку или малого кальмара, тотчас же, окунув лапки, тормозит. Опора ногами о воду поддерживает легкую птицу (20—50 граммов!) над кромкой волны. Умение держаться вплотную к воде спасает качурок от гибели в бешеной пляске стихий. В ураганный шторм между пенных «гор» трепещут крыльями качурки. Не на гребнях волн, а в «долинах» под ними, в углублениях между валами. Воды «долины» вздымаются вскоре бугром, а качурка, умело маневрируя в буйстве шторма, успевает не подняться на вздувающийся под ней соленый бугор. Скользит по склону волны в «распадок», в низину на месте недавней горы. Тут затишье — укрытие от ветра, терзающего гребни волн.

Если ветер внезапно переменится, круто развернется на 90 градусов и ворвется сбоку между волнами, плохо будет качуркам. Оторвет от воды, закрутит, помчит над бушующим океаном. Порой заносило качурок ураганом даже на материк! Так и кочуют они в шторм всегда поперек ветра. Там, где у циклона поворотные пункты, меняют свой курс и птицы, сохраняя прежний угол к направлению ветра.

«Штормовыми ласточками» называют качурок. Многие щебечут, как ласточки, у многих и полет похож. И ростом одни с ласточку, другие крупнее, с дрозда. Русское их имя от слова «коочуриться», уме-

реть. Есть поверье: качурки — души погибших в море матросов. Английские моряки называют их птенцами богоматери, для шведских рыбаков качурки — верные предвестники беды.

По всем океанам кочуют качурки, порой стаями слетаются на свет к кораблям, мечутся над мачтами и палубами. Одни особенно далеко от родных берегов не удаляются. Другие, пестроногая качурка, дважды в год пролетают над бурным и спокойным морем по 12 тысяч километров: от гнездовий (Антарктида, Огненная Земля, Кергелен, Южная Георгия и прочие южные острова) до Англии, Гренландии, Лабрадора и обратно!

Каждая птица, где бы она ни скиталась, возвращается к старой норе на затерянном в океане острове. Двухлетние качурки роют гнездовые норы, но размножаться в них будут лишь через год.

«Они гнездятся колониями в расщелинах скал или в норах, самими вырытых, на островах, часто вблизи от берега. Только один вид, андская качурка, гнездится на материке в чилийской пустыне Сальпетер. Партнеры кормят друг друга на гнездах. Возвращаются к ним и улетают только в темноте. По суше передвигаются как птицы со слабыми ногами, «на четвереньках». После 38—45 дней насиживания вылупляется неразвитый, беспомощный, у некоторых видов слепой птенец. Его выкармливают маслянистой кашей, которую родители «капают» в открытый клюв птенца» (Фридрих Гёте).

У нас на Дальнем Востоке гнездятся 3 вида качурок: северная и сизая — на Курильских и Командорских островах, обе с белым надхвостьем, но первая темнее — серо-бурая; малая — на побережье около Владивостока, темно-бурая, без белого надхвостья.

Некоторые качурки умеют нырять на глубину 20—30 сантиметров и, что называется, выходят сухими из воды, тут же летят. Перо не намокает. Ныряют немного и буревестники, не все, правда. Но настоящие ныряльщики среди трубконосых — нырцовые буревестники. Они даже гребут крыльями под водой.

В воздухе машут ими часто, трепещут почти как бражники над самой волной. Вдруг ныряют в водяную гору. Мгновение, и птица вылетает с обратной стороны волны.

Они похожи на чистиков: все у них короткое — клюв, шея, крылья, ноги, хвост, — и все это, от клюва до хвоста, уместается в каких-нибудь 16—25 сантиметрах.

Гнездятся в норах на островах южного полушария в узкой полосе широт от 35-го до 55-го градуса, но только в Индийском и Атлантическом океанах, в Тихом нырцовые буревестники не водятся.

Человек и многие животные не могут долго пить морскую воду: соли, растворенные в ней, серьезно повредят почки. Но трубконосые птицы ее пьют.

Анатомы нашли у них над глазами, в небольших углублениях черепа, солевыводящие железы, своего рода «слезные почки». Лишнюю соль из организма они удаляют даже быстрее, чем настоящие почки.

Обладая этим весьма полезным «перегонным аппаратом», трубконосые (а также чайки, бакланы, пеликаны, морские черепахи и крокодилы) без вреда пьют морскую воду.

Солевые железы у всех животных, обладающих ими, устроены почти одинаково. Это клубок мельчайших трубочек, оплетенных кровеносными сосудами. Трубочки забирают соль из крови и перегоняют ее в центральный канал железы. От-

туда солевой раствор по каплям вытекает наружу: у крокодилов и черепах через отверстия около глаз, у птиц обычно через ноздри. У пеликана на клюве есть даже продольные бороздки. По ним, как по каналам, стекают к кончику клюва соленые «слезы».

Разные были объяснения странной формы ноздрей трубконосых птиц. Но оказалось, что ноздри-трубки похожи на дульный пистолет не только по форме, но и по существу: они стреляют солеными капельками, которые выделяет слезная железа. Часами паря над волнами, буревестник редко опускается на воду. В полете встречный поток воздуха сильно затрудняет выделение из ноздрей насыщенной солью жидкости. Поэтому природа позаботилась о «водяном пистолете» для буревестника: из трубчатых ноздрей с силой, преодолевающей сопротивление ветра, выбрызгиваются «слезы».

ВЕСЛОНОГИЕ

У этих птиц три передних и четвертый задний палец, направленный вперед, соединены перепонками. У других водоплавающих, трубконосых, уток, чаек, чистиков, гагар, только три передних пальца с перепонками либо, как у поганок, оторочены кожистыми пластинками. Язык маленький, недоразвитый. Пищевод и желудок, растягиваясь, вмещают много рыбы.

Гнезда на деревьях, в скалах, на земле. Моногамы. У пеликанов пары образуются, видимо, на всю жизнь. Самки и самцы внешне похожи, кроме фрегатов и змеешеек. Насиживают по очереди. Бакланы — 23—25 дней, пеликаны — 30—40, фазтоны и фрегаты — 40—50. В кладке — одно яйцо (фрегаты и фазтоны), 1—3 (олуши), 2—5 (пеликаны) и 3—5 (бакланы). Тип развития птенцовый. Половозрелость на 3—4-м году жизни. Маленьких птенцов кормят полупереваренной пищей, а позднее рыбой. Пеликаны — 3—4 месяца, фазтоны — до 5, а фрегаты — даже 6—11 месяцев. 4—5 месяцев птенцы фрегатов не покидают гнезд.

Среднего роста, с ворону, и очень крупные птицы: 300—700 граммов (фазтоны) и до 9—14 килограммов (пеликаны). Размах крыльев до 3,15 метра.

В отряде шесть семейств.

Пеликаны: 7—8 видов. Пресные воды и морские побережья Восточной Европы, Азии, Африки и Америки.

Кормораны, или бакланы: 25—30 видов. Пресные воды и морские побережья стран почти всего мира.

Фазтоны: 3 вида. Острова и побережья тропиков и субтропиков.

Олуши: 9 видов. Острова и побережья умеренных зон Северной Атлантики, крайнего юга Африки, Австралия, тропические острова.

Фрегаты: 5 видов. Острова и побережья тропиков и субтропиков всего света.

Змеешейки, или анхинги: 2 вида. Американская анхинга живет в пресных водах крайнего юга США, Центральной и Южной Америки и анхинга Старого Света в Африке, Индии, Индокитае, Индонезии и Австралии.

ЖИВОЙ НЕВОД

Нужно ли представлять пеликана? Его странную фигуру все хорошо знают. Кто не видел, может полюбоваться в зоопарке.

Давно поразил пеликан воображение впечатлительных людей. В легендах, в мифологии и религии оставил он свой след. У магометан пеликан — священная птица (помогал построить Каабу и Мекку!). У христиан — символ самоотверженной материнской любви. Он будто бы собственную грудь разрывает, чтобы накормить голодных птенцов. (У кудрявых пеликанов в брачном пере горло и зоб краснеют, отсюда, очевидно, и легенда.) В древней Стране пирамид жили пеликаны, как домашние птицы, на одних дворах с перепелами, журавлями и другими ныне лишь дикими пернатыми. Индусы тоже приручали пеликанов, но с иной целью, для рыболовства. Ныне в этой роли в Китае и в других странах Азии выступают бакланы, но об этом потом.

В зоопарке легко заметить, что одни пеликаны розоватые, другие серые. Перья у этих, особенно на голове, вроде как курчавые. Некоторые говорят: «Вот это самка, — указывая на розового либо на серого, но чаще на первого. — А тот — самец».

И в том и в другом случае ошибаются. Самки у пеликанов так легко не узнаются. Пеликанши лишь поменьше самцов, и клювы у них покороче.

Розовый и кудрявый — разные виды пеликанов. Когда пеликан летит, как цапля изогнув шею и втянув голову в плечи, видно, что концы почти трехметровых в размахе крыльев у розового пеликана черные, у кудрявого — светлые, их серый цвет издали незаметен. Красиво летают пеликаны. Трудно в это поверить, глядя на неуклюже ковыляющую по земле, невероятно носатую птицу. Для уменьшения веса и лучшей аэродинамики кости и кожа пеликанов «надуты» воздухом.

«Их кожа шуршит, как бумага! Игла шприца с трудом входит в нее. Поэтому уколы заболевшим пеликанам делают в ногу» (3 денек Веселовский).

Птенцы розового пеликана в темном, почти черном пуху. Кудрявого — в белом. Розовый пеликан, когда его самка в ударном темпе строит гнездо (2—3 дня — и готово «громоздкое сооружение»), подносит ей траву, «набивая иногда горловой мешок до отказа» (профессор А. Н. Гладков).

Кудрявый и траву таскает к месту гнездостроительства, на день раз 30—40, и сучья, и палки. «Носит он их не в горловом мешке, а в клюве».

Розовые гнездятся в камышах и на открытых местах на берегу. Колонии обычно большие. Самки насиживают «в тесном соседстве одна с другой».

Кудрявые высидывают птенцов небольшими компаниями в гуще тростников и камышей обычно по берегам небольших уединенных озер.

Правило это, впрочем, лишь приблизительное. Бывает, и нередко, что в колониях розовых поселяются кудрявые пеликаны. Но и тут стараются держаться обособленно по краям гнездовья. Обижают розовые кудрявых: воруют у них из гнезд траву. (Наверное, и «обиженные» в долгу не остаются!)

Гнезда — кучи растений, на голых берегах — лишь перья. Лоток, ямка в гнезде, так неглубок, что яйца нередко выкатываются через край. Плохая погода тоже губит немало пеликаньих яиц и птенцов. Из двух-трех яиц пеликанам редко удается вырастить больше одного птенца. Подрастая, дети пеликанов из разных гнезд собираются вместе, по 10—15 разновозрастных юнцов. Скоро уходят на разведку окрестных камышей и заводей. Когда им почти три месяца, улетают в более дальние рекогносцировки, учатся ловить рыбу. Первое время ловят неумело, поэтому родители кормят их еще месяц.

По берегам Черного, Каспийского, Аральского морей, некоторых озер Средней Азии и юга Западной Сибири гнездятся у нас пеликаны. Розовый — местами и в Африке, а кудрявый еще в античное время размножался в дельте Рейна. Теперь в Западной Европе найти гнезда пеликанов можно лишь в низовьях Дуная. До 5 тысяч пар розовых и около тысячи кудрявых. Далеко приходится им летать от гнезд за пищей в дунайскую дельту и море: 60—100 километров туда и столько же обратно. На Балканах и в Венгрии пеликаны истреблены, но временами пытаются вновь здесь обосноваться. Залетных пеликанов видели не раз в Испании, Франции, Германии и даже в Финляндии.

Зимуют дунайские пеликаны, возможно и некоторые черноморские, в Африке, на юг до Анголы. Те, что гнездятся восточнее, — в Южной Азии. Некоторые стаи проводят зиму в Греции и на юге Каспийского моря.

Пища пеликанов — только рыба. Промышляют ее организованно и дружно. Полукольцом охватывает пеликанья стая прибрежное мелководье, и, хлопая крыльями, с шумом и плеском гонят птицы окруженную рыбу к берегу. Кольцо на подходе к нему смыкают, ряды загонщиков уплотняются, прорваться через их цепь нелегко. Рыба плещет на мели, рыба

прыгает, а пеликаны «вычерпывают» ее клювами-ковшами. Глодают второпях, в мешки под клювами прячут. От тяжести добычи они сильно растягиваются.

На нешироких реках кудрявые рыболовы устраивают облавы. Разделившись на два отряда, гонят рыбу навстречу друг другу. За первым эшелонем загонщиков следуют иногда второй и третий, трудно рыбам прорвать оба фронта наступающих пеликанов.

Охотятся пеликаны днем, ночами спят, утвердив несуразные клювы на собственных спинах.

Повадки и образ жизни у всех пеликанов похожи, поэтому в зоопарках легко образуются межвидовые мезальянсы и даже получают помеси. Только у бурого пеликана особенные рыболовные приемы. Он, единственный в пеликаньем семействе, в крутом пики ныряет вниз головой.

«С высоты нескольких метров или даже с двадцати падает он вертикально или спиралью, с вытянутой шеей и полусогнутыми крыльями и совершенно исчезает в воде. Однако вскоре, как пробка, опять вылетает из воды» (И. Штейнбахер).

Иногда и задом вперед выныривает!

Первым делом, явившись из глубины, пеликан спешит вылить воду из клюва. Ее набралось немало — 4—5 литров! Клюв особенно и разинуть нельзя — рыбу потеряешь! Чайки, крачки этого и ждут. Нахальные до того, что садятся на голову нахлебавшемуся рыболову. Прямо из клюва норовят выхватить добычу. «Благо пеликану не до них, — говорит Н. А. Гладков, — нужно освободить клюв от воды». Управившись с этим, он кидает рыбу вверх и ловит вновь, если, конечно, какая-нибудь наглая чайка не подхватит ее прежде него.

...Новый заход пикирующего на подводную цель пеликана. Новый бросок вниз...

Тут мы его остановим, словно в стоп-кадре, и попытаемся выяснить одну досадную неясность в стиле броска этого пеликана. И. Штейнбахер говорит, что он падает вниз, вытянув шею. И картинка соответствующая приведена. Но ведь очень сомнительно, что так. Не сломает ли «вытянутую» шею тяжеловесная птица, врезавшись в воду с высоты 20 метров.

Вот другое, пожалуй, более верное описание броска бурого пеликана.

«Он сгибает шею и втягивает голову так, что она практически лежит на спине. Падая с большой скоростью, пеликан ударяется о воду передней частью туловища, снап брызг мгновенно скрывает его тело, и раздается всплеск, слышимый за километр и более. От ушиба птицу предохраняет сильно раздутый на груди подкожный пневматический слой. Что касается рыбы, то она оказывается буквально оглушена такой «бомбежкой», и пеликан без труда подхватывает ее клювом» (профессор Н. А. Гладков).

Ареал этого «пикирующего бомбардировщика» — побережья США и Южной Америки (на восточной стороне лишь до севера Бразилии), Антильские и Галапагосские острова. В Америке, от юго-запада Канады до Панамы, обитает еще один пеликан — носорог. У него в брачное время сверху посередине клюва вырастает «шишка», словно небольшой рог.

Красноспинный пеликан живет в Африке и гнездится здесь на деревьях, нередко в городах. Серый — по берегам Индии, Индокитая, Китая, на Яве и Филиппинах. Очковый — в Австралии, Тасмании и Новой Гвинее.

РОЖДЕНИЕ КОРМОРАНА

Это могло и в шхерах случиться, над ревущим прибоем в скалах Аляски и Новой Зеландии, в манграх где-нибудь в Индии или Гвиане, у великих озер в центре Африки, даже в пустыне у временно образовавшегося озера... На дереве, утесе, на голой земле... Но только у воды, соленой или пресной. А случилось в Японии, где люди давно уже ловят рыбу, эксплуатируя труд бакланов. Хитрость проста. Кольцо на шее у ручной птицы не дает ей проглотить рыбу. Плывет баклан к лодке — человек рыбу забирает и посылает баклана за новой.

...Он собирал ветки и сырую траву для гнезда. Брал и сухую, когда сырая не попадалась. Намочить нетрудно: море рядом. Окунет сухие былинки — вот и влажные. Гнутся легко, ветром не сдуваются, лежат на скале где положены, не колышутся.

Все эти травы и веточки сложил в кучку, умял, подровнял, снизу для верности прилепил к скале своим пометом.

Теперь все его заботы — стоять над запасами стройматериала в позе, означающей брачное предложение. Горизонтально простертое тело. Хвост вверх. Голова запрокинута назад. Стоя так, махал баклан крыльями — оба вверх, оба вниз. Вверх, вниз — белые пятна сверху на ногах (или на боках — брачный наряд!), то прикрытые крыльями, то открытые, мелькали, как вспышки светового телеграфа, далеко видимые на фоне черной птицы.

И вот прилетала та, которую, по-видимому, звал. Сдерживая инерцию полета, захлопала крыльями, протянула ноги вперед, села. Возбужденная, настроенная, прошла туда-сюда на известном, однако, расстоянии. Показала себя. И тут выяснилось, что внешность, возможно, и манеры невесты не во вкусе жениха. Многие звери и птицы делают свой выбор, подчиняясь не одним лишь обстоятельствам и инстинктам. (Будьте уверены: это не «антропоморфизм», а данные этологической науки!)

Прогнал он ее грубо и бесцеремонно. Спихнул со скалы.

Опять вздымал и ронял крылья в немом призыве. Уместно заметить, что кormораны, у которых белых

Бакланы — главные созидатели залежей гуано на морских побережьях и островах. Один предприимчивый человек из Уолфиш-Бей (Юго-Западная Африка) соорудил в море гигантскую платформу площадью в полтора гектара! Бакланы, отдыхая на ней, за два года оставили здесь две тысячи тонн помета, а это отличное удобрение.

пятен на ногах нет, зримый сигнал усиливают акустически, громким криком.

...Прилетела милая птичьему сердцу подруга, которая по причине, нам неизвестной, где-то задержалась. Обычно они возвращаются с зимовок парами. Приветствия! С обеих сторон — самые искренние, самые радостные. В криках нежных, в позах галантных совершен был ритуал встречи и приглашения к гнезду.

Вечерело. Корморан вдруг сложил крылья, встрепенул, прервал брачную игру. Шею к морю вытянул: поза отлета. Подруга без возражений тут же села на кучу веток и трав, точнее легла: кормораны на гнездах тело держат горизонтально, а вне гнезд — вертикально. Крылья чуть приподняты, шея — вверх, хохол прижат к голове. Лишь вне гнезда хохол приподнят. Это поза охраны гнезда!

Тогда он полетел. Она тем временем занялась строительством. Соорудила первое временное гнездо. Позднее его достроят, увеличат.

Старый баклан отсутствовал недолго. Бакланы — опытные рыболовы; чтобы насытиться и наловить дневной рацион для партнера и птенцов, им и полчаса хватит.

С высоты камнем ринулся вниз, прямо к гнезду. Прием прибытия весьма предусмотрительный: фрегаты там, где они водятся, и крупные чайки, эти есть почти всюду, пикирующую птицу не успевают перехватить у побережья и «вытряхнуть» из нее добычу.

Прилетая, он приносил в клюве, впрочем не всегда, пучок мокрых водорослей — вещественное удостоверение благополучного завершения командировки в море и предложение поменяться ролями. Она его приветствовала, круто запрокинув назад шею. Потом были крики «хрохрохро» и нежное «а-орр», хозяйственная суетня у гнезда: водворение на место выпавших прутьев и развеянной ветром травы — в общем, текущий ремонт.

...Насиживали по очереди без малого месяц, и наконец негромкое постукивание изнутри по скорлупе яиц возвестило: кормораны родились!

Пробив крепкую оболочку колыбелей, три мокрых голых птенца с розовыми пятнами на головах отдыхали, утомленные. В холод родители согревали их между перепонками лап, прикрыв сверху крыльями. В жару заслоняли собой солнце, чтобы тень падала на детей. Приносили мокрые водоросли: подсунув их в гнездо, охлаждали его. Пока дети были малые, один из бакланов всегда дежурил при них, второй носил рыбу птенцам и бдительному стражу.

Подросли дети. Сами могли теперь постоять за себя в круговой обороне. Мать и отец стали вместе летать на рыбалку.

Там, у входа в бухту, собирались бакланы для организованных облавных охот. Издали приметив место, где много чаек с криками летало над водой, окружали его со стороны моря. Строились плотной цепью и, как пеликаны, с криком, шумом и плеском гнали рыбу к берегу, постепенно сближая фланги. Рыбы стаи в панике, обычной при всяком окружении, бестолково метались в полукольце флангового обхвата и сбивались в безрассудно плотные ряды. Бакланы ныряли, но не все разом, чтобы в цепи загонщиков не получились больших брешей. Задние через головы передних, залетая вперед, погружались неглубоко и ненадолго, секунд на сорок пять. Но никто без рыбы или без кальмара из глубины не возвращался.

«...Их оперение пронцаемо для воды. Прежде казалось, что для водоплавающей птицы это бессмысленный эволюционный просчет. В действительности же вода, проникая в оперение, помогает корморану нырять: вытесняет из-под перьев воздух

и тем самым уменьшает плавучесть. Имеются даже наблюдения, что кормораны, которые ловят рыбу в соленой воде, глотают камни, чтобы увеличить свой удельный вес» (Дж. Ф. ван Тетс).

Мигательная перепонка, которая у птиц от внутреннего угла глаза набегаёт, растягиваясь на всю роговицу, у корморанов действует как водолазная маска. Защищает глаза от морских солей. Она прозрачна, через нее под водой хорошо видно. Даже лучше, чем просто хорошо. Перепонка, как «водяные очки», преломляет под нужным для аккомодации углом световые лучи. Поэтому глаз баклана, приспособленный, в общем-то, для зрения в воздушной среде, прикрытый мигательной перепонкой, быстро адаптируется к оптическим свойствам воды. Так считает доктор Дж. Ф. ван Тетс, известный специалист из Канберры.

Под водой бакланы гребут, враз ударяя перепонками обеих лап, на поверхности — поочередно. Гребут ли они крыльями?

«Движение вперед рывками привело некоторых наблюдателей к неверному заключению, будто кормораны используют крылья, плавая под водой» (Дж. Ф. ван Тетс).

Однако вернемся к «нашим бакланам». Пока шел этот научный разговор, они уже наловили рыбы полные желудки и зобы. Папаша особенно перегрузился: с трудом взлетел и, устремившись к ближайшему дереву, грузно сел на ветку. Встряхнулся, крылья раскинул. Жирное перо не намокло, когда в воде купалось. Вытряхнул баклан воду из-под перьев, сбросил с них капли, ветерком пообдуло, сухая стала птица. Однако сидел еще долго, чистился, а главное, съеденную рыбу переваривал: тяжело лететь с полным желудком.

Подруга его заметила издали совершенно безразличным для нас особенностям телосложения и оперения.

Подсела к нему. Охотилась она с меньшим усердием и умением. Часть добычи, заготовленной в зобу для птенцов, он отдал ей. Поделив таким образом ношу поровну, полетели птицы домой.

Птенцы приветствовали родителей трепетаньем крыльев, тянулись клювами, не раскрывая их. Просили есть. Каждый по очереди сунул клюв и голову в рот к родителю и получил свою порцию.

Потом малыши захотели пить: раскрыли сверху клювы и качали головами. Усталый отец, сорвался со скалы и полетел к ближайшему озеру. Набрал воды полный рот — и к гнезду. Влил ее в два раскрытых клюва. Чтобы напоить всех, пришлось еще летать к озеру. Бакланы поят птенцов и морской водой, когда нет поблизости пресной.

В таких делах проходило лето. Через семь недель молодые кormораны впервые испытали крылья в полете. Через восемь летали уже хорошо. Пришла осень, а с нею конец птичьего детства. Старые и молодые бакланы объединились в стаи.

Только трех-пятилетние бакланы первый раз выводят птенцов. Впрочем, видов много, у каждого свои сроки и темпы развития, свои брачные и прочие церемонии — разные, как говорят психологи, экспектации, предъявляемые и ожидаемые от сородичей. Поэтому, может быть, и не все из рассказанного верно для всякого баклана. Это был обобщенный очерк жизни, типовой образец.

В СССР гнездятся 6 видов бакланов: на Мурмане, по берегам Черного, Азовского и Каспийского морей, в Казахстане и Средней Азии, дальше на восток вдоль южной границы (с некоторыми перерывами) до дальневосточного Приморья, Сахалина, Камчатки, Чукотки, Курильских и Командорских островов.

ДРУГИЕ ВЕСЛОНОГИЕ

Олуши — крупные морские птицы: некоторые почти до двух метров в размахе крыльев, но весят сравнительно немного, 1,5—3,5 килограмма. Как у пеликанов, под кожей у них воздушные «подушки». Белые северные олуши, три вида или подвида, гнездятся на островах и побережьях умеренных широт. Атлантическая олуша — в Великобритании, Норвегии, Исландии, на островах Ла-Манша (в Европе 23 гнездовые колонии с общим числом около 130 тысяч пар), а также в Америке: Ньюфаундленд и берега залива Святого Лаврентия (здесь 8 гнездовых колоний). Капская олуша — на самом юге Африки, австралийская — на побережье Австралии и Новой Зеландии. Когда выведут птенцов, улетают далеко, особенно молодые птицы, до 7 тысяч километров от гнездовий, к которым возвращаются не раньше чем через два года. Атлантические олуши зимуют в тропических морях у берегов Западной Африки и Америки. Капские летят на север вдоль обеих сторон Африки, австралийские — на запад.

Северные олуши насиживают лишь одно, редко два яйца. Наседных, голых пятен на брюхе у них нет. Яйца согреваются, положив на них лапы. Плавательные перепонки в эту пору толстые, горячие от крови. Кормят птенцов 10 недель и бросают их. Молодые олуши идут в море или прыгают прямо из гнезд в волны. Некоторые отважно ныряют с высоченных утесов. Летать еще не умеют. Пока научатся, плавают недели две-три, иногда удаляясь за 70 километров от берега, и собирают «подавание» с поверхности волн. Не умеющая летать олуша не может и нырять: под кожей много воздуха, удельный вес слишком мал, чтобы погрузиться в воду. Поэтому олуши ныряют в море обычно с высоты в 20—40 метров: в великолепных пики, за счет ускорения свободно падающего тела преодолевают сопротивление воды, противодействующей погружению по известному закону Архимеда.

«Они нередко остаются под водой несколько минут, ныряют глубоко, иногда до 25 метров...» (Мауэрсбергер).

«Под водой они могут пробить всего несколько секунд... Естественно, что далеко занырнуть они не в состоянии, хотя имеются сведения, что иногда олуши попадают в сети рыбаков, поставленные на глубине 70 метров» (профессор Н. А. Гладков).

Олуши только гнездятся на суше, все остальное время проводят в море, впрочем, недалеко от берегов. Свое единственное яйцо олуша насиживает, прикрыв его лапами, и так согревает. Десятидневные птенцы прыгают со скал, на которых гнездятся олуши, прямо в волны прибоя.

Тропические олуши, 5—6 видов, гнездятся на островах тропиков и субтропиков на земле, в скалах и на деревьях. Некоторые из них белые, как и северные олуши, другие бурые, с белым животом. За летучими рыбами охотятся «организовано»: в тактическом взаимодействии с макрелями и другими рыбами, атакующими летучек под водой и заставляющими устремляться в полет над морем, где рыб ждут олуши.

В местах, где фрегаты и чайки-поморники патрулируют побережья, многие олуши улетают на охоту еще в предрассветном сумраке и возвращаются к гнездам тоже в сумерках, уже вечерних,— к этой мере предосторожности вынуждают олуш разбойничьи нападения фрегатов.

Фрегаты — удивительные птицы! Немногие из крылатых так виртуозно овладели искусством полета. Длинный хвост фрегата с глубокой вырезкой, как у

ласточки. Грудные мышцы, двигатель для крыльев, плюс оперение весят половину всего фрегата. Кости наполнены воздухом. Удельная нагрузка на поверхность крыла у фрегата, пожалуй, меньше, чем у любой другой морской птицы. Крылья в размахе двухметровые, сам же фрегат при длине тела, равной метру, весит всего лишь 1,5—2 килограмма.

Нет и птицы более коротконогой: его крохотные лапки короче, чем у жаворонка или скворца, чуть больше двух сантиметров их длина! Из-за этих мини-лапок, они к тому же почти без перепонки, фрегат не может плавать. Не умеет и нырять. На воду почти никогда не садится. А если сел, не всегда, говорят, сумеет взлететь: крылья чересчур длинные, на воде ни расправить, ни взмахнуть, а лапки короткие, не подпрыгнешь на них. Копчиковая железа тоже крохотная, плохо просаленное перо быстро намокает.

Не умеет взлететь и с суши, вдали от обрыва, с которого можно броситься вниз и лететь. Только скалы, кусты и деревья — пригодные для фрегатов посадочные площадки.

Часами парят фрегаты над океаном. Играют, выписывая в небе изумительные виражи, или, снижаясь к самой воде, выхватывают с поверхности волн рыб, медуз, рачков. Ловят и летучих рыб. Но главный их промысел — разбой.

Фрегаты патрулируют морские побережья, карауля возвращающихся с добычей птиц. Заметив с высоты летящего к берегу баклана, олушу, чайку, крачку, даже пеликана, фрегат быстро снижается и атакует удачливого рыбака. Толкает его, бьет крыльями и сильным клювом. Напуганная, избитая птица отрыгнет все, что съела, а фрегат ловко хватает извергнутый ею обед.

Хищных птиц и пеликанов атакуют вдвоем и втроем. Один фрегат держит за хвост, другие метко бьют клювами спереди по голове и рвут крылья.

За такие дела их и прозвали фрегатами. На фрегатах, быстроходных парусных кораблях, прежде бороздили моря флибустьеры, корсары и прочие пираты и морские разбойники.

Разбой у фрегатов в крови. Взрослые грабят соседей: воруют ветки и яйца из гнезд, пожирают птенцов. Молодые, едва оперившись, тоже этим занимаются. А как только научатся летать, сразу пробуждается в них стремление разбойничать на больших морских дорогах. Сначала кидаются наперерез всякой птице, лишь потом, набираясь опыта, атакуют тех, кто волей-неволей накормит сытным обедом.

Самцы всех фрегатов, а их пять видов, черные, горло и зоб не оперены: кожа здесь ярко-красная. Токуя на кустах и деревьях у выбранных для гнезд

мест, фрегаты раздувают горло огромным пузырем. Все деревья усеяны словно большими красными фруктами. Очень живописная картина! Вы, возможно, это видели в кинофильме о Галапагосских островах.

Самки крупнее самцов, обычно бурые, светлогрудые. Птенцы — белоголовые, у одного вида — рыжеголовые. Ветки для гнезд фрегаты ломают на лету, выуживают из моря или воруют из чужих гнезд. У каждой пары лишь один птенец. На родительском иждивении он живет долго: 4—5 месяцев сидит в гнезде, толком не оперенный. Потом еще неделю, месяц и больше родители его подкармливают, хотя их длиннокрылый «ребеночек» уже хорошо летает.

Молодые фрегаты собираются компаниями и резвятся в небе. Играют высоко над морем, подбрасывая, отпуская и хватая на лету в виртуозных бросках разные перья и водоросли. Тренируются для охоты на летучих рыб, на молодых качурок. Фрегаты убивают их на воде, на суше и в воздухе! Отрабатывают приемы нападения на перегруженных рыбой бакланов и олуш.

За резвые игры любят фрегатов на островах Полинезии, приручают, обучают разным трюкам. Поят из рта, кормят отборной рыбой. Состязания фрегатов — любимое народное развлечение на островах Тихого океана. Дети здесь учатся тренировать фрегатов, дрессируя стрекоз.

Фрегаты очень привязаны к островам, на которых родились, далеко в море не улетают. Неплохие получают из них письмоноscopy: в Полинезии их обучают, как почтовых голубей.

Быстрокрылые длиннохвостые птицы встречают корабли, как только из умеренных широт они попадают в тропики. Этих тропических морских птиц называли фазотонами. В ловких бросках охотятся они над морем на летучих рыб, ныряют с высоты и в воду. Но плавают плохо, редко и на воду садятся, брезгливо подняв длинный хвост, по земле ковыляют с великим трудом. Подобно фрегатам, грабят пернатых соседей, занимая их гнезда и выбрасывая чужих птенцов. Но на пиратство в небе не способны: слабосильны.

Птицы в общем, белые, некоторые с розовым или золотистым оттенком на шелковистом оперении. От клюва к затылку через глаз идет черная полоса. Крылья в размахе до метра. Но сама птица невелика. От клюва до начала хвоста 30—50 сантиметров, от начала хвоста и дальше к его концу — еще полметра и больше, почти невесомое продолжение: два длинных и тонких хвостовых пера! По этим перьям фазтона легко узнать, но только взрослого, у молодого все перья в хвосте короткие.

Гнездятся фазтоны в тропиках на скалах, в норах, в траве, реже на деревьях. Токует в воздухе, летая группами «по волнообразной кривой» с громкими криками, потрясая длинными хвостовыми перьями.

«В «Жизни животных» у Брема, да и во многих других книгах, можно прочесть, что змеешайки — неподражаемые

пловцы, уступающие в скорости передвижения под водой разве что пингвинам и нисколько не отстающие от бакланов. Судя по наблюдениям у себя во Франкфурте, мы этого не заметили. Скорей можно сказать, что они продвигаются вперед без особой поспешности» (Бернгард Гржимек).

Когда анхинга, она же змеешейка, плывет, выставив из воды лишь длинную шею с маленькой головой, изгибая ее вправо-влево, то похожа на водяную змею. В воду птица погружается тихо и бесшумно, ныряет без броска и всплеска. Рыбу не распугивает. Подплывает незаметно и, пружиной разгибая длинную шею, пронзает рыбу клювом, как кинжалом. Хватает ее мелко зазубренным клювом и всплывает. Кидает рыбу вверх и снова ловит в раскрытый клюв, рыба вниз головой входит в птичью глотку.

Потом долго сушит перья где-нибудь на суку или на спине у бегемота, раскинув, как баклан, крылья: похоже тогда анхинги «на орлов, изображенных на гербах». Затем парит в небе, легко и элегантно, спиралью набирая высоту и планируя вниз.

Гнездо из веток строит самка на дереве, полузатопленном водой, или на суках, склоненных над рекой, реже на земле в камышах. Но место для гнезда выбирает самец. Невесту он зазывает «игрой крыльев», как и баклан. Самец приносит прутики и ветки с листвою, самка строит из них гнездо. Яйца, 3—5, насиживают месяц и птенцов выкармливают вместе. Птенцы, еще не оперенные, при тревоге, как юные гоаины, вылезают из гнезда и прячутся в листве. Потом возвращаются в гнездо.

Два вида змеешек: американская анхинга (пресные воды крайнего юга США, Центральной и Южной Америки, до Северной Аргентины) и анхинга Старого Света, или индийская (Африка к югу от Сахары, Индия, Индокитай, Индонезия и Австралия).

Живут индийские анхинги и в небольшом районе у границ Турции и Сирии, отделенные от ближайших поселений своих сородичей широкими просторами степей и гор.

«Она двигалась волнообразно, низко над самой водой. Растянувшись широким фронтом, она медленно ползла вперед. Прошло дозольно много времени, пока мне удалось понять, в чем дело. Оказывается, для рыбной ловли тысячи, даже, может быть, десятки тысяч змеешек собираются в стаю длиной в сотню или несколько сот метров, продвигаясь вперед над водой и под нею следующим образом: передние ныряют, задние перелетают вперед, а вынырнувшие сзади снова по воздуху перегоняют нырнувших» (Оскар Хейнрот).

У перуанских берегов лежат крохотные островки, на которые, сколько помнят местные люди, еще ни одна капля дождя не упала, и потому на них ничего не растет. Однако каждый метр их сухого побережья стоит дороже любой самой плодородной земли.

Еще инки оценили эти острова: закон охранял их и наказывал смертью каждого, кто приходил сюда, когда размножаются птицы. Гуано — вот что охраняли! И его производителей: бакланов, пеликанов, олуш.

Примерно 35 миллионов этих птиц гнездится сейчас здесь. (На одном лишь острове Дон Мартин площадью 16 гектаров — больше миллиона бакланов!)

После того как испанцы уничтожили культуру инков, о гуано надолго забыли. Но в 1840 году немецкий химик Либих установил, что лучшего удобрения природа не знает: в гуано азота, например, в 33 раза больше, чем в обычном навозе. И началась «золотая лихорадка» гуано! За несколько лет у берегов Перу добыли 12 миллионов тонн! А всего 32 миллиона тонн. Толщина первоначальных залежей достигала 30 метров! На деньги, вырученные за экспорт гуано, перуанцы смогли построить железную дорогу через высочайшие в мире горы, финансировалось рыболовство и другие доходные предприятия. И вдруг, казалось, неисчерпаемые кладовые природного удобрения истощились.

С 1909 года острова взяты под охрану, вооруженные сторожа не пускают на них людей без особого разрешения «Компании управления гуано». Судам, проходящим мимо, запрещено гудеть, чтобы не беспокоили птиц, самолетам — пролетать ниже 500 метров. Берега отделены метровыми заборами: чтобы ветер и волны не смывали гуано. Собирают его в апреле — августе, раз в два года и только когда птицы вывели птенцов.

Добыча в пятидесятые годы уже достигла 250 тысяч тонн. Экспорт гуано ограничен: почти все идет на нужды сельского хозяйства Перу. (Хлопок, удобренный гуано, дает урожай до 320 центнеров с гектара, а без него в Луизиане — лишь 55, в Египте — 70.)

Подсчитано, что местные бакланы и олуши съедают в год 5,5 миллиона тонн рыбы, в основном анчоусов, а производят лишь 200 тысяч тонн гуано (в сухом весе), значительная часть которого теряется в море. Чтобы эти потери сократить, строят в море плавающие на якорях платформы. Опыт Южной Африки и США показал: отдыхая на них, птицы оставляют много ценного помета.

ГОЛЕНАСТЫЕ

6*

В отряде голенастых объединены птицы с длинными шеями и ногами типа цапли. Моногамы, за исключением, по-видимому, лишь больших выпей.

Птенцы, как у трубконосых и веслоногих, птенцового типа. У всех, кроме малых выпей, самцы и самки окрашены одинаково. Строят гнезда, насиживают и выкармливают птенцов самец и самка, либо самец приносит материал, а самка строит гнездо. В отряде 112—115 видов, из них в СССР — 23. Пять семейств.

Цапли. 63 вида в странах всего света, кроме Антарктиды и Арктики. В кладке — 3—7 яиц, у некоторых тропических видов только два, у малой выпи до девяти. Насиживают от 16 (малая выпь) до 32 дней (цапля голиаф). На груди и в других местах под перьями «пудретки», коготь среднего пальца с зазубренным краем: туалетный гребень! Малые выпи — самые мелкие из голенастых, крупные цапли — до 1,4 метра высотой.

Китоглавы, или абу-маркубы. 1 вид в Африке (верховья Нила, восток Конго, Северная Родезия). Копчиковая железа крохотная. «Пудретки» полосой вдоль по всей спине. Кляцают клювом, как аисты. В кладке 2—3 яйца. Крупные птицы с очень толстым, как башмак, и массивным клювом: рост 115 сантиметров, размах крыльев больше 2 метров.

Молотоглавы. 1 вид в Центральной и Восточной Африке. Среднего роста бурые птицы с пышным и длинным хохлом на голове, отчего она похожа на молот. Некоторые исследователи относят молотоглавок к семейству цапель, другие — к аистам, третьи вообще исключают их из отряда голенастых.

Как у цапель, у молотоглавок зазубренный гребнем коготь на среднем пальце. Но «пудретонок» нет, как и у аистов. В полете тоже, как аисты, вытягивают шею вперед.

В кладке 3—6 яиц, насиживают около месяца, через 50 дней птенцы покидают гнездо.

Ибисы. 26 видов в теплых и жарких странах всего света. «Лицо» и горло часто голое, бесперое. Голосовой аппарат развит слабо, крики глухие, лишь у некоторых слышны издалека. Многие, по-видимому, вообще «немые». Две группы, подсемейства, близких по крови птиц (дают помеси): ибисы (клюв тонкий, изогнут вниз, 20 видов) и колпицы (клюв на конце расширен ложкой, 6 видов). Гнездятся колониями, как и большинство представителей отряда. В кладке — 2—5 яиц. Насиживают три недели, некоторые больше, горные ибисы около месяца. Пяти-шестинедельные священные ибисы уже летают.

Аисты. 18 видов в умеренных и теплых странах всего мира. Птицы крупные, самые большие аисты высотой до полутора метров, размах крыльев до 3,5 метра. «Пудреток» нет. В кладке 2—5 яиц. Насиживают до 30 дней. Птенцы через 60—130 дней покидают гнездо.

ЦАПЛИ СЕРЫЕ, РЫЖИЕ И ПРОЧИЕ...

Цаплю, когда она летит, узнать легко: шея не вытянута вперед, как у аиста или журавля, и изогнута латинской буквой S. Крыльями машет медленно, плавно и редко когда парит. Аисты парить любят.

Самая обычная у нас цапля — серая. Ареал у нее обширный: почти вся Европа и Азия, кроме северных областей Сибири. Живет на Мадагаскаре, местами и в Африке. Из стран с холодной зимой серые цапли улетают осенью в Южную Европу и Африку, из восточных областей ареала — в Южную Азию, из мест, где зимы теплые, не улетают на юг.

Жизнь у цапли как у многих наших птиц: перелеты, зимовки в теплых странах и весенние устремления в северные широты, к старым гнездовьям в заболоченных устьях рек, по берегам заросших тростниками и кустарниками озер. Преданность гнездовьям у цапель велика: в Германии сохранилась колония, которой, по-видимому, не меньше 800 лет.

Самцы прилетают раньше самок. Разбирают лучшие гнезда, предпочтение отдается самым большим! Опоздавшим достаются гнезда похуже или вообще

Серая цапля в позе устрашения. Самый быстрый темп роста среди позвоночных животных — у птенцовых птиц. Новорожденная серая цапля весит 40 граммов, а через сорок дней в 38 раз больше! Крольчонок, который при рождении тоже весит 40 граммов, через 40 дней втрое легче птенца серой цапли.

никаких. Строят тогда новые на деревьях, реже в тростниках.

Самец подновит гнездо, принесет немного веток и часами зовет самку. Стоит на куче хвороста, из которого позднее будет сооружено нечто более пригодное для гнезда. Шея и клюв вверх вытянуты. Поза призыва! Временами он запрокидывает голову назад, клюв по-прежнему устремлен вверх, и кричит неблагозвучно, скрипуче и пронзительно.

Но самок-цапель его грубый голос влечет, как райские песнопения. Они летят к нему. Невеста, предлагая себя, садится на ветку рядом с гнездом. Но жених сначала грубо бьет ее и гонит. И опять кричит. Ее снова, как магнитом, тянет на этот крик. А он ее опять бьет и гонит.

Так продолжается долго. Странное, на наш взгляд, сватовство. Потом они привыкают друг к другу. Чем позже самка прилетит к гнезду, тем охотнее прини-

мает ее самец. Если явится она не сразу, а недели через две, то самец ее тотчас пускает в гнездо. К этому времени, после долгого ожидания, инстинкт размножения полностью подавляет врожденное чувство гнать от гнезда всех, кто к нему приближается.

Затем следует помолвка. Ритуал такой: он пощипывает гнездо, ветки, которые принес. Она проделывает то же. Брачный союз заключен. У цапель, кажется, лишь на один сезон.

Достраивают, перестраивают или подновляют гнездо цапли-супруги сообща и без ссор.

Скоро голубоватое с зеленью яичко появляется в нем. Насиживают почти месяц по очереди с первого яйца. Через два дня в гнезде уже второе яйцо, еще через два — третье. И так до пяти. Но редко им удастся вырастить больше трех птенцов: вороны у цапель воруют много яиц, особенно там, где место беспокойное, где люди мешают птицам без страха заниматься разведением потомства. Напуганные цапли улетят, а вороны тут как тут.

И семейные ссоры губят малых птенцов. Не супружеские, а между братьями и сестрами: старшие бьют, теснят младших, могут и совсем из гнезда вытолкнуть.

Цапли-родители ведут себя чинно: встречаясь у гнезда, вежливо приветствуют друг друга. Прилетевший взъерошивает перья на голове, словно шляпу приподнял в вежливом «здрасьте!». Сидевший на гнезде возносит клюв к небу. Ну и возгласы приветственные при этом тоже слышатся...

А вот дети у серых цапель довольно бесцеремонны. Грубо хватают родителей клювами за перья и тянут вниз. Жадны до пищи, и всегда нетерпеливый у них аппетит. Родители поскорее спешат их накормить. Принесенную в желудках рыбу, у цапель зобов нет, отрыгивают им прямо в клювы. А когда птенцы подрастут, цапли выбрасывают свои рыбные приношения на край гнезда.

Но вот месяц позади, молодые цапли выбрались из гнезда. С ветки на ветку перепархивают. Родители кормят их еще месяц, пока дети не научатся летать. Как научатся, только их и видели: разлетятся в разные стороны и далеко. Родителей и знать не хотят.

Через два года, юность их скоротечна, молодые цапли на себе испытают бремя неблагодарных родительских забот и нести будут его долго: четверть века, до глубокой старости.

В научной литературе ведутся споры о вреде и пользе цапель для рыбного хозяйства. Несколько слов об этом полезно сказать.

Прежде колонии цапель всюду в Европе процветали. За обладание ими феодалы даже вели войны

с соседями. Так называемые «сражения из-за цапель». Цапли были любимой дичью для соколиных охот. Разорять и убивать их простым смертным не разрешалось: наказания были суровые, позднее немалые штрафы.

А как рыба? Не страдало ли ее благополучие от привилегированных цапель? Нет, рыбы тогда всюду в реках и озерах было изобилие.

Цапля ловит рыбу только мелкую, в хозяйстве маловажную — сорную, длиной не больше чем в ладонь. Клюв в воду неглубоко погружает. Не ныряет. Рыба ей чаще попадаетеся больная, заразная для рыбных стай.

Да и рыбы ей надо лишь граммов сто на день, но килограмма полтора на гнездо, когда птенцы подрастут. Еще граммов двести вредных для рыбных мальков насекомых: личинок плавунцов и стрекоз.

А сколько мышей ест цапля! Опять польза от нее.

Полезность другого рода — помет. Он удобряет водоемы: много планктона в таких водоемах. А это пища для рыбных мальков.

Но справедливости ради надо сказать, есть и некоторый вред от цапель: из-за того же полезного для водоемов помета. Он едкий и убивает многие растения под гнездами цапель, но не всякие: крапива выживает.

Когда цапля купается, вода вокруг сереет, словно от пыли. Цапли не смазывают перо жиром. Они его припудривают. У цапель, а также у голубей, страусов, дроф и некоторых других птиц на груди и в иных местах (на животе, по бокам гузки, у абу-маркубов — на спине) спрятаны под перьями пучки очень ломкого пуха (у большинства цапель их не менее трех пар). Концы его постоянно крошатся на микроскопические роговые чешуйки, в тысячу раз мельче миллиметра. Цапля, подцепив этот порошок клювом и когтями, посыпает им перья.

Без пудры она просто погибла бы! От рыбьей слизи перо слипается. Пудра эту слизь впитывает. Тогда цапля зазубренным когтем среднего пальца, как гребнем, счищает с себя мокрую пудру и вместе с нею всю грязь, прилипшую к перьям.

В наших широтах и долготах ближайший родич серой цапли — рыжая. В общем серо-бурая, с охристо-рыжими тонами, особенно на шее и груди. Обитает в основном в степных и пустынных районах на юге Европы и Азии (в СССР на восток до Балхаша и затем лишь на юге Приморья), в Африке и на Мадагаскаре. Селится обычно в густых тростниках. У нее длинные пальцы: по болоту легко ходит. В воде особенно мокнуть не любит, предпочитая кормиться на мелких местах. Гнездится на кустах, в камышах, в ивняке. Птенцы, немного подросшие, когда их потревожат на гнезде, разбегаются и прячутся в камышах.

*Большая белая цапля
во всей своей красе!*

Другие цапли того же рода обитают на всех континентах, кроме Антарктиды, разумеется, и на многих островах. Великан среди них — цапля голиаф. 1,4 метра ее рост. Родина голенастых голиафов — болота тропической Африки. Здесь они живут уединенно, неколонияльно.

Южноазиатские императорская и суматранская цапли в росте и силе голиафу уступают немного.

Североамериканская серая цапля, чернобрюхая и немного крупнее нашей, знаменита токовыми играми и боями на зимовках, которые видел во Флориде и описал еще в прошлом веке известный американский орнитолог Одюбон. На восходе солнца, как тетерева, самцы слетаются на песчаные отмели, кричат, ходят важно, церемонно, как только цапли умеют, дерутся. Смертельные, казалось бы, удары клювов противники ловко парируют умелыми фехтовальными приемами. Мертвых и покалеченных, говорит Одюбон, после этих дуэлей он не находил. На гнездовьях таких боев (которые, возможно, и плод фантазии Одюбона) американские орнитологи не наблюдали, видели только довольно мирный ритуал, похожий на тот, что в обычае у наших серых цапель.

Мода на украшения чуть было не погубила всех белых цапель на всех реках, озерах и болотах от Америки до Австралии. Веками и прежде уничтожали их ради пучка белых перьев, украшавших кивера и шлемы военных. Особенно много белоснежных сул-

*Хитрые методы
рыболовства у
зонтичной цапли
(объяснения в тексте).*

голиаф

танов поставляла европейским дворянам и туркам в ту пору Венгрия. На рубеже нашего и минувшего века полюбились и дамам шикарные эгретки, длинные «рассученные» брачные перья на спине белых цапель. Началось поистине глобальное избиение белых цапель! Из одной лишь Венесуэлы только в Лондон, центр мировой торговли драгоценным пером, ежегодно вывозили 1,5 миллиона их шкурок. Платили дорого: 32 доллара за пучок эгреток весом в унцию.

«В 1902 году в Лондоне было продано 1608 пакетов перьев белых цапель. Каждый пакет весил приблизительно 30 унций, все пакеты вместе — почти 48 240 унций. Чтобы получить одну унцию перьев, нужно убить четыре цапли» (Хельмут Крамер).

1902 год — время еще не самой бойкой торговли. Она уже почти исчерпала естественные запасы своего товара: белых цапель всюду осталось мало. Там, где прежде их били миллионами, и тысячи теперь не могли добыть.

Мода на эгретки прошла. Международные соглашения взяли под охрану несчастных птиц. Восстановлены за последние десятилетия колонии белых цапель даже в Западной Европе. Малые белые цапли, которых избивали так же алчно, как и больших, довольно обычные теперь птицы на рисовых полях

Франции, в болотах Камарга и кое-где в Испании. Гнездятся они в Венгрии, где к началу века их всех перебили. У нас малые белые цапли живут на юге Украины, на Кавказе, в Нижнем Поволжье, в Средней Азии. Большие — там же (кроме Закавказья и Крыма), а также и на Дальнем Востоке. Большая белая цапля почти вдвое крупнее малой. Род больших белых цапель представлен на земле одним видом, а малых — шестью: в Южной Азии, на Мадагаскаре, в Африке и в обеих Америках. Не всегда они белые, попадаются и темные. Это не подвиды, а «цветовые фазы», как у пантеры и ягуарунди.

Большая белая цапля (некоторые орнитологи относят ее к тому же роду, что малую белую) обитает на обширной территории: Америка, от юга США до Аргентины, Африка к югу от Сахары, Мадагаскар, юг Азии, от Турции до Индонезии, Австралия (местами и в Европе, как уже было сказано). Но почти всюду она редка. Малая белая на нее очень похожа, но много меньше, кроме того, вокруг глаз у нее черное кольцо (у большой — желтое). Гнездятся обе в тростниках у воды или тут же, в густых приозерных и речных зарослях на деревьях (это типично для малой белой цапли). С середины апреля уже насиживают яйца.

Серая и многие другие цапли охотятся обычно так: стоит в воде на достаточно глубоком месте и ждет, когда какая-нибудь рыбешка или лягушка подплывет поближе. Тогда молниеносно выбрасывает клюв и хватает ее. Пройдется немного, если место оказалось недобычливым или перепугала она здесь всю свою добычу, и опять замрет в терпеливом ожидании охотничьей удачи.

Малая белая цапля промышляет насекомых, лягушек и рыб в воде более мелкой. Обычно не ждет, когда они подплывут, а осторожно переставляя ноги-трости, вышагивает по болотинам. Замрет, высмотрит, кого можно съесть; и подбегает к нему незаметно, потом быстро кидается вперед и хватается клювом. Или баламутит ил ногами, выискивая разную мелочь. И по берегу бродит в поисках съедобного, по полям, лугам. Редко одна, обычно несколько малых белых цапель или стайка их охотятся вместе.

Большая белая кричит редко. Голос ее — «грубый, хриплый треск». Малая любит покричать: голос — каркающее «арк-арк-арк».

Про американскую малую белую цаплю рассказывают, что охотится она так: замрет в неглубокой воде с нацеленным вниз клювом и медленно шевелит желтыми пальцами, рыб подманивает! Как только они подплывут желтых «червячков» получше рассмотреть, хватается их клювом.

У африканской черной, или «зонтичной», цапли методы еще хитрее. На мелководье замирает она в

Кваква на гнезде.

согбенной позе: клюв нацелен на воду, полуоткрытые крылья закинuty вперед и над головой. Получается перьевой зонт над водой. Рыбы, привлеченные тенью, а возможно, и ярко-оранжевыми пальцами рыболова, заплывают под «зонт». Тут их поджидает быстрый клюв.

Если и промахнется хитроумная птица, то, не теряя присутствия духа, падает с раскрытым «зонтом» в воду на удирающих рыб и накрывает их словно сачком. Потом, изгибая туда-сюда гибкую шею, ловит окруженную перьями добычу под куполом из крыльев.

Американская кайенская цапля охотится на сухопутных крабов обычно по ночам. Убивает даже таких, у которых лишь клешня размером с ладонь! Почти всюду соседствует с ней от Мексики до Бразилии цапля-челноклюв. Ширина и длина ее клюва почти равны ($5 \times 7,5$ сантиметра). Клюв похож на башмак или некое подобие странного сооружения, которое носит на голове абу-маркуб. Сама толстоклювая птица похожа на квакву. Клювом-ковшом загребает, баламутит ил, ищет червей и прочую живую мелочь.

Египетская, или коровья, цапля — белая с желтизной. Гнездится на юге Испании, во французском Камерге, в Передней и Юго-Восточной Азии, у нас в Закавказье и дельте Волги, а в Африке — почти всюду, кроме пустынь и высоких гор, в степях, саваннах и лесах, даже в городах, например в Каире. Ме-

стами тысячами, громоздясь друг другу на спины, сидят эти цапли на деревьях, так что ветви гнутся и трещат.

Прежде жила египетская цапля в дружбе с дикими копытными Африки. Кормилась на широких их спинах охотой на насекомых. Польза обоюдная. И поныне сопровождают цапли стада диких животных, но обнаружилось у нее и тяготение к домашней скотине.

«...число голов скота возросло на всей земле с 695 миллионов в 1939 году до 800 миллионов в 1953-м, только в Африке с 80 до 95 миллионов — таким образом, коровья цапля получила благоприятную возможность увеличить свою численность вдвое и даже вчетверо» (Гюнтер Нитхаммер).

И вот, расплодившись, двинулись коровьи друзья, египетские цапли, завоевывать новые земли, богатые стадами домашнего скота. Перед первой мировой войной, перелетев океан, объявились они вдруг на севере Южной Америки, в Гвиане. Оттуда через острова Карибского моря добрались до востока США, позднее до Великих озер, Ньюфаундленда. В 1918 году, по-видимому из Индонезии, залетели коровьи цапли в Австралию, перебравшись также и в Новую Зеландию. По другим данным завезли их туда из Калькутты. Только Среднюю Европу египетские цапли почему-то никак не завоюют, хотя не раз залетали сюда, до самой Англии добирались. Завозили их в Англию и специально.

Австрийскому биологу Отто Кёнигу удалось вырастить в неволе целую колонию египетских цапель. Наблюдая за их поведением, он заметил такую, например, забавную повадку. Молодые цапли уже на следующий год после рождения обзаводились семьей и детьми, а пропитание для них добывать по инфантильности своей еще не научились. Выпрашивали пищу у родителей и приносили ее своим птенцам, которые воспитывались, таким образом, на полном иждивении бабушек и дедушек.

Кроме квакв и выпей, о которых чуть позже, в СССР гнездятся еще две цапли.

Желтая, похожая на египетскую, но с более желтой шеей, грудью и спиной, на голове хохол из длинных перьев, словно прическа у хиппи! (Юг Украины, Нижнее Поволжье, Кавказ, Средняя Азия, вне СССР — юг Европы, Малая и Передняя Азия, Африка.)

Белокрылая, белая, с рыжей шеей и головой. Спина, пятна на боках черные. Юго-Восточная Азия, у нас — на юге Уссурийского края.

Кваквой за громкий крик «квау-квау» названа небольшая коротконогая цапля. Спина и «шапка» на голове у нее черные, крылья серые, а низ белесый. На затылке весной и летом — два-четыре длинных

белых пера. Это и брачные украшения, и сигнальный выпел.

Кваквы ловят рыбу, лягушек и насекомых по ночам и в сумерки. Когда птенцы подрастут, охотятся и днем.

В темноте, когда они возвращаются к гнезду, нелегко разобрать, кто подлетает, свой или враг. Чтобы детишки их узнали, кваквы предупреждают птенцов особым наклоном головы. Приближаясь к гнезду, кваква прижимает клюв к груди, и птенцы видят тогда ее сине-черную «шапочку» и несколько белых перьев над ней: цапля распускает их веером. Обычно же перья сложены пучком на затылке.

Конрад Лоренц залез как-то на дерево, на котором кваквы устроили свое гнездо.

Наблюдая за цаплями, он делал это уже не однажды. Птенцы привыкли к нему и не пугались. Случилось так, что в это же время к гнезду с добычей спустилась с неба и взрослая птица. Она была уже достаточно ручной и не улетела, но на всякий случай встала в позу угрозы. Птенцы же, увидев вместо привычного пароя угрожающий «жест», сами замерли в боевой позиции и, защищаясь, стали клевать нарушившего правила родителя.

Ареал обычной кваквы: обе Америки, Африка, юг Европы, Передняя, Средняя Азия, Индия, Китай и Индокитай. На Дальнем Востоке гнездится зеленая кваква.

Выпи живут порой вблизи от наших загородных домов, но многие ли их видели? Умение таиться у этих птиц превосходное: в упор, что называется, в двух шагах, увидеть выпь почти невозможно. Замерет, вытянув стрелой вверх тело, шею, клюв. Оперение у выпи — в тон тростников и прочих болотных трав. А если стебли, укрывшие ее, колышутся на ветру, то и выпь покачивается в одном с ними ритме!

Загнанная, что называется, в угол выпь устрашает как филин-пугач. Распушенная; припадает к земле: полусогнутые крылья раскинуты, шея и перья на ней вздуты «колоколом».

Неожиданное превращение стройной птицы в несуразное пугало невольно заставит отдернуть протянутую руку или оскаленную пасть. Короткого замешательства нападающего достаточно, чтобы улететь.

В народе выпь называют бугаем, болотной короной и тому подобное. Ревет, «мычит» она быком! Гулко, басовито: «У-трумбу-бу...» И днем и ночью, чаще вечерами, с ранней весны и по июль. Это самец приглашает самок на свидание. Они летают вокруг. Увидев и услышав их, самец мычит азартнее. Позднее две-четыре из них устроят гнезда недалеко от места рёва. Поэтому, полагают некоторые

Выпь всегда замирает в такой позе, если опасность реальна. Несмотря на вертикальную позицию головы, глаза глядят вперед и наблюдают за действиями врага.

исследователи, большие выпи, возможно, полигамы, то есть не с одной, а с несколькими самками живет самец, что для голенастых нетипично.

Прежде думали, что, издавая свои странные звуки, выпь опускает клюв в воду и «дудит». Позднее заметили: все не так. Раздувает пищевод, получается резонатор. Потом голову то вверх поднимает, то роняет на грудь и, выдыхая воздух, бубнит басом: «У-трumb-бу-бу...»

Токовой голос малой выпи глухой и негромкий: «нумб... нумб». Или, как слышится другим, «врру».

Малые выпи, или волчки, вдвое меньше больших выпей. Американская индейская выпь — самая крохотная из цапель. Обитают выпи во всех странах, кроме самых северных. Волчков — 8 видов, больших выпей — 4. В СССР один вид больших выпей встречается от тайги, но не очень северной, до пустынь по всей стране. Обычный волчок — там же, но не восточнее Алтая. На юге Дальнего Востока гнездится амурский волчок.

КИТОГЛАВ, МОЛОТОГЛАВ И СВЯЩЕННЫЙ ИБИС

Китоглава под арабским именем «Абу-маркуб» («Отец башмака») прославил Бенгт Берг. Его книга о путешествии по Судану была очень популярна перед второй мировой войной и переведена на многие языки, и на русский тоже, так что, возможно, с абу-маркубом вы знакомы.

Такого грандиозного клюва, как у него, ни у кого нет: действительно, башмак на голове! Носится этот «башмак» прижатым к груди даже в полете. Летает абу-маркуб превосходно, парит не хуже орла.

Птица, может быть, и нередкая, как прежде считали, но увидеть абу-маркуба удастся не везде и не всегда. Днем он прячется в гуще прибрежных тростников и папирусов, которые, например, в Судане и стада слонов укрывают словно зайцев. На открытые места выходит редко. Говорят, флегматичен и ленив: рядом пройдешь, не взлетит. Некриклив, редко пронзительным «хохотом» и треском клюва, как аист, выдает свое местопребывание.

Охотится обычно по ночам и, как правило, в одиночку на рыб, лягушек, моллюсков и совсем юных крокодилов. Гнездо у китоглава хоть и велико — «плоская платформа из стеблей и тростника», но всегда хорошо спрятано в непролазных местах.

Молотоглавы грубыми, громкими криками, особенно перед дождем, шумными играми с прыжками и «танцами» заявляют о себе у озер и рек Африки, юга Аравии и на Мадагаскаре, не очень стесняясь близости людей. Гнезда у них такие, что только слепой не увидит: сплетенные из ветвей, штукатуренные илом шары или «корзины», как кто взглянет, до двух метров в диаметре. Висят на деревьях у воды. Сбоку ведет в них круглый вход. Внутри помещение не очень просторное, 30 сантиметров в поперечнике, но достаточное, чтобы птица ростом немного больше вороны могла разместиться с умеренным комфортом. Главное, у нее тут и крыша над головой, и стены вокруг, а не только пол, как у многих птиц.

...Мумии кошек, саркофаги с набальзамированными быками в гигантских гробницах, кладбища священных ибисов, похоронные гrotы крокодилов — все стоило немалых денег и впустую затраченного труда. Но религия повелевала... По решению жрецов в кошку воплотилась богиня Баст, в крокодила — бог Сухос, в павиана — Анубис.

В этой зоологической коллекции божеств ибису отведено было одно из самых почетных мест — он представлял в долине Нила самого Тота, бога познания, магии и письменности, не считая прочих важных «профессий» и должностей.

Возможно, своим обоготворением обязаны ибисы разливам Нила, от которых зависело плодородие земель Египта. В ту пору множество этих птиц прилетало в долину Нила.

Но вот уже больше века не гнездятся священные

Странные фигуры на египетских изображениях — люди с головами длинноклювых птиц — обязаны своим происхождением этой птице. Священный ибис почитался в стране пирамид как земное воплощение бога Тота. В Гермополисе и на месте других древних городов археологи раскопали тысячи мужий священных ибисов.

ибисы в Египте. Южнее, в Африке этих белых черно-головых и чернохвостых птиц еще немало. Тот же вид, по-видимому, под именем черноголового живет в Индии и Индокитае.

В Южной Европе свой ибис, каравайка (в Испании, Италии, на Балканах, в дельте Дуная). У нас — на юге Украины, в Предкавказье и Закавказье, в дельте Волги и Урала, в Средней Азии. В компании с цаплями, бакланами, колпицами гнездятся каравайки невысоко на деревьях или в тростниках.

Каравайка — единственный ибис, который расселился по всем теплым странам мира, на востоке даже до Австралии добрался. Перелетев океан, объявились каравайки в США и на Кубе. Но почти всюду они довольно редки.

Триста лет назад жил в Европе, преимущественно в Альпах, горный ибис. Ростом с гуся, крылья зеленые, с медными переливами, голое красное «лицо» и хохол на затылке. Гнезвился в скалах, как и ныне, в Марокко. За его птенцами лазали по горам охотники: на пирах у феодалов это было лучшее лакомство. Но всем другим смертным запрещалось есть и разорять «лесных воронов», так называли горных ибисов в Швейцарии. (Странное, однако, для ибиса имя!)

«...за последние десятилетия никому из исследователей наблюдать его на нашей территории не удалось. Гнездится на

деревьях, исключительно осторожен. Сведений по биологии почти нет. Охота полностью запрещена, все достоверные сведения о встречах красногого ибиса представляют большой интерес (В. Е. Флинт, Р. Л. Бёме, Ю. В. Костин, А. А. Кузнецов).

Звучит тревожно, как объявление о дорогой пропаже...

Красивая птица вымирает: Белый, или серый, краснотелый, хохлатый красноногий ибис (он же японский или китайский) в начале века обычен был в Японии, лет пятьдесят назад гнезился в Северном Китае, а у нас в долине Уссури. Перед войной нередко встречали красноногих ибисов в Корее. А теперь...

«В Японии по новейшим сообщениям их всего девять, живут ли хоть немногие на материке, неизвестно» (Ганс Кумерлёве).

Другой раритет природы — красный ибис. Весь красный — от клюва до пальцев на ногах! Лишь концы крыльев черные. Родина его — Южная Америка. Как это получается, не знаю, может быть, в кормах там больше морковь, от которого перья птиц краснеют, но только в тех краях чуть розовые и просто белые у нас птицы нередко блещут алым оперением. Словно природа там гуще краски разводит для фламинго, колпиц и ибисов.

Гнездятся красные ибисы в манграх, большими сообществами, в компании с белыми ибисами. Кроме цвета, всем похожи. Попадают даже бело-красные пары: одна из птиц — белый ибис, вторая — красный. Возможно, они одного вида, но двух разных генетических «цветовых фаз».

Подростки птенцы красных ибисов собираются в гуще мангров. Над ними пламенеющим «балдахином» трепещут крыльями соединенные в одну оберегающую их фалангу взрослые ибисы.

«Смотришь на колпицу, и кажется, что это какая-то помесь утки с аистом... Кончик клюва плоский, напоминает по форме ложку или лопатку, голова и нос голые, без оперения, и если посмотреть на колпицу сверху, она похожа на лысого Сирано де Бержерака с чудовищным носом» (Джилберт Клинджел).

Ибисы копаются клювом в жидком иле или там, где земля помягче. Иначе работают клювом колпицы, «косят», из стороны в сторону поводя опущенным его концом. Он, как нам уже известно, плоский, похож на ложку. Как ложкой в супе им и загребают. Охотятся колпицы на мелких рыбешек, лягушек, водяных насекомых и рачков.

Обычная колпица гнездится кое-где в Западной Европе, а у нас, в общем, где и каравайка, кроме того, еще на крайнем юге Сибири и дальневосточного Приморья. Подвиды обычной

колпицы, или близкие к ней виды, обитают в Африке, Южной Азии и Австралии.

Американская, или розовая, колпица не белая с желтизной, как наша, а действительно розовая и без хохла. Это у нее голова лысая.

АИСТЫ

«Люди, заметив в гнезде аиста, думают, что это самка, поскольку у людей забота о детях — удел материнства. Но это обычно самец: самка высидивает только ночью. Главное в заключении браков у аистов не верность, а просто тот факт, что первую самку, которая отвечает на приветствие, самец принимает как жену. Если бы он ждал прежнюю свою подругу, которая на длинном пути из Африки может погибнуть, то и гнездования могло бы не быть. Случается, что к старому гнезду возвращается прошлогодняя самка, и если в гнезде уже есть новая, то между ними начинается борьба, на которую безучастно смотрит самец. Победившая остается насиживать птенцов» (3 денек Веселовский).

Самцы аистов на гнездовьях появляются на несколько дней раньше самок. Очень спешат, по 200 километров пролетают за сутки!

Где-нибудь в заболоченной ложине, в долине реки на дереве — гнезда аистов. Даже на столбе, на стоге сена в уединенной луговине, на развалинах старой башни или на крыше хаты. Если гнездо уцелело в зимнее ненастье и никем не занято, аист деловито осмотрит свое вновь обретенное хозяйство. Тут и там подправит вывалившиеся ветки. Потом, тыча клювом, лоток гнезда разворошит, взобьет, словно слежавшуюся перину, выбросит лишние ветки из лотка, чтобы сверху образовалась нужная ямка.

Из года в год и с каждым летом растет гнездо в объеме и весе. Старые гнезда аистов — сооружения немалые, весят центнеры. В таком гнезде даже квартирантам хватает места: воробьи, скворцы, трясогузки, а кое-где и сойки поселяются семьями в «куче хвороста», сложенной аистами на деревьях или крышах.

Приглашение к гнезду совершается в характерной позе. Аист стоит в гнезде и, запрокинув шею назад, так что затылок на спине, трещит, постукивая верхней половиной клюва о нижнюю, надклювьем о подклювье. Звук получается особенно звонким оттого, что аист втягивает язык в гортань, освобождая полость клюва для лучшего резонансного эффекта. «Аплодируют» клювом многие аисты. Даже птенцы, недавно рожденные, едва обсохнув, уже запрокидывают головы назад и кляцают клювами.

«Но звука не получается никакого: еще слишком мягкие клювы...

Впечатление такое, что они и в яйце бы кляцали, будь там больше места» (Оскар и Магдалена Хейнрот).

Когда другой аист-самец подлетит к гнезду или только в небе будет замечен, встревоженный домовладелец тоже трещит клювом, но уже с угрозой. Поза у него теперь иная: тело и шея вытянуты горизонтально, а крылья трепещут вниз и вверх.

Если угроза не принята во внимание, с хлопанием крыльев кидается аист на пришельца и бьет клювом. Часто беспокоят старых аистов молодые, двухлетние: сами строить гнезд не хотят, а норовят захватить чужое. Пустое их тоже почему-то не устраивает. Размножаться им еще рано, созревают для этого в три-четыре года. Так что нападения — лишь проба сил и отработка боевых приемов.

В свадебных церемониях, когда самка явится, есть и ритуал «дуэтного» кляцанья: бок о бок стоят, шеи и клювы вытянуты вверх.

Придет пора яйца насиживать, птица, которая заступает смену, заявляет об этом, полуприсев на краю гнезда с опущенными вниз крыльями. А сменяемая приветствует ее позой приглашения к гнезду, а потом, при непосредственной встрече, в галантном полупоклоне с полураскинутыми крыльями. Все это сопровождается, конечно, кляцаньем.

Такой разговор у белых аистов. Так понимают они эмоции и намерения друг друга.

Два-пять, редко одно или семь белых яиц появляются в гнезде с промежутками дня в два. 33 дня их насиживают, самка обычно по ночам, затем птенцы проклевываются.

Кормят их первое время в основном дождевыми червями. Склонившись над гнездом, выбрасывают из глотки добычу. Птенцы ловят ее на лету или собирают на дне гнезда. Когда подрастут, хватают прямо из клюва.

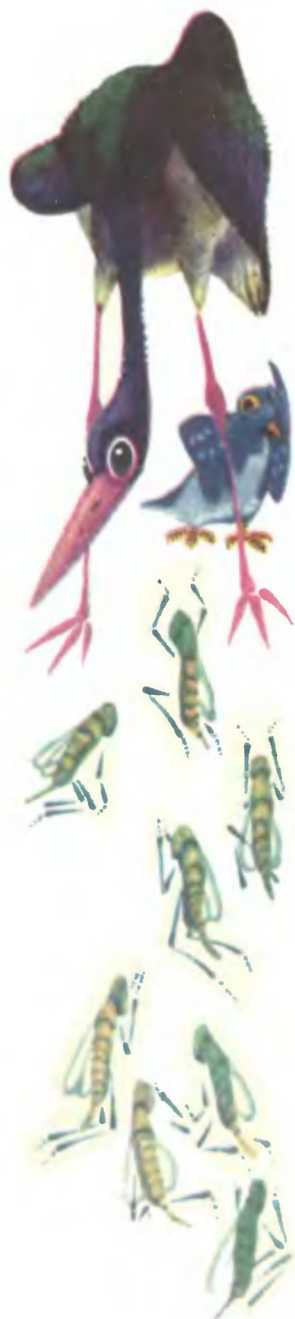
В жаркий день, когда дети аистов изнывают от зноя, родители поят их водой, принесенной в клюве, и даже устраивают освежающий душ, поливая из клюва. Но только о здоровых, крепких птенцах они заботятся так нежно. Слабых, больных, «завшивленных», зараженных паразитами, выбрасывают из гнезда.

Дни бегут, молодые аисты растут. Семь недель прошло. Первая проба крыльев: прыжки вверх навстречу ветру, и приземление с хлопанием в гнездо.

Два месяца позади. Первый тренировочный облет местности. Конечно, под наблюдением родителей. Круги в поднебесье, планирование вниз, набор высоты на восходящих токах нагретого воздуха: уроки пилотажа, тренировка, приобретение опыта в новой стихии, открывшейся двухмесячным новичкам.

Ночуют они еще в гнезде. Но скоро навсегда расстанутся с ним. До двадцатого примерно августа мо-

лодые аисты с родителями еще вышагивают по луговинам, кормятся. Обычно они с матерью, отец тоже не遠далеке, но предпочитает в задумчивости бродить один или стоять в позе философа, утомленного невеликими мыслями о бренности мира сего. Возможно, и скорое расставание печалит его. (Это, конечно, шутка. «Ведь аисты не думают», — скажет каждый, кто хоть краем уха слышал о губельной опасности впасть в ненаучный «антропоморфизм».)

А разлука близка. В конце августа улетають молодые аисты зимовать в Африку. Обычно одни, без взрослых, наделенные лишь юношеским легкомыслием, грузом, как известно, легковесным. Но инстинкт не оставит их, поведет и укажет путь.

Взрослые аисты полетят за ними позднее, в сентябре. Пока они еще вместе бродят по нашим увядающим уже луговинам, посмотрим, какую дань с земли собирают аисты, что они едят.

Пища аистов: черви, особенно весной, насекомые, рыба, в основном больная и дохлая или та, которую легко поймать на пересыхающих летом поймах, амфибии, рептилии, мелкие млекопитающие, малые птицы (очень редко!).

Из насекомых на первом месте саранча и кузнечики, майские жуки, даже медведки.

Саранча в жизни аистов много значит. И у нас по тысяче в день поедают они разных прямокрылых, а в Африке, на зимовках, прямо-таки пасутся аисты на атакованных «седьмой казнью египетской» саваннах и степях. Даже в воздухе, врезаюсь в саранчовые стаи, ловят вредоносных насекомых! Называют здесь аиста, гостя с севера, «саранчовой птицей», «пожирателем саранчи». Звание в Африке весьма почетное...

Из рептилий аисты предпочитают ящериц и змей, даже гадюк. Из амфибий, конечно, лягушек. Из млекопитающих — мышей, а также кротов, крыс, ласок, если попадутся.

Один зоолог видел, как аист напал на горностая, который выскочил из кротовой норы. Аист за ним! Горностай обернулся и кинулся на птицу. Аист взлетел на метр, сторонясь острых зубов отважного зверька. Приземляясь, ударил горностая клювом. Отскочил и опять ударил. Так, в ловких маневрах, забил его насмерть. Подбросил в воздух — упал горностай безжизненным. «Тогда аист проглотил его с трудом».

В заключение темы о пропитании аистов — «опись» содержимого желудков трех аистов, после удачной охоты попавших на «анатомический стол» любопытствующей науки. В одном — 76 майских жуков, во втором — 730 личинок тоже очень вредных насекомых — листовых ос, или пилильщиков, в третьем — 1315 штук саранчи и кузнечиков.

Вывод, кажется, ясен: берегите аистов. Очень полезные птицы. К тому же и счастье приносят, утверждает народная молва. Следите только, чтобы дом не подожгли!

Иногда в гнездах аистов обнаруживаются обугленные прутья, куски полусожженных сучьев или щепок, по-видимому, подобранные птицами на месте костра... Если головешка не совсем погасла, огонь может быть раздут ветром, и таким образом аист «поджигает» свое гнездо... Подобные случаи, вероятно, и послужили основанием для легенды о том, что аисты, в случае если хозяин дома разрушит их гнездо, приносят в клюве горящую головешку и поджигают дом...

Белые аисты иногда производят осенью своеобразную «чистку своих рядов». Они забивают насмерть слабых птиц. По-видимому, это обстоятельство послужило основанием для рассказов о наличии «судов» у белых аистов, которые заканчиваются смертной казнью «провинившейся» птицы» (профессор Н. А. Гладков).

Но вернемся к позабытым на время молодым «черногозам», так зовут на Украине аистов. Куда правились они, в какие края?

Двадцать первого мая 1822 года в Мекленбурге, в Германии, поймали аиста, шея которого была пронзена длинной стрелой. Стрел таких давно уже никто в Европе не видел. Стрела была экзотическая, знатоки установили — африканская. Никаких сомнений.

Это была знаменательная находка. Первое вещественное доказательство общеизвестного теперь факта, что птицы из Европы улетают зимовать в Африку. Позднее охотники добыли еще 18 аистов, проткнутых стрелами. Правда, и до этих находок некоторые натуралисты уже поняли, куда исчезают осенью многие наши птицы, но то были лишь догадки, которым не очень-то верили.

Итак, Африка. Но как туда добраться? Аисты избрали два пути. Один на юго-запад — через Францию (некоторые здесь остаются зимовать), восточную Испанию на Гибралтар. Тут присоединяются испанские аисты. Далее — через Марокко (присоединяются гнездящиеся здесь и в Алжире аисты) в Западную Африку: Сенегал, Нигерию. Там зимуют.

Второй путь на юго-восток: по западному берегу Черного моря и через Балканы к Босфору, наискосок через Турцию (тут гнездящиеся в Малой Азии присоединяются) в Сирию. Далее вдоль восточного берега Средиземного моря, через долину Иордана к Синаю. Оттуда через север Красного моря к Нилу, а потом по Восточной Африке до самого юга этого континента. Многие оседают, конечно, и раньше, но все летят до пределов Африканского материка.

В Замбии первые аисты появляются в середине ноября, на юге Африки — в декабре. В этом же месяце или в январе трогаются они в обратный путь на

север. Спрашивается: зачем так далеко летели, чтобы побыть лишь несколько недель? Были хорошие места и поближе... Просто корма, наверное, не хватило бы, если все они надолго скучились в небольшом районе. Необходимо было рассредоточиться.

Не все аисты к весне улетают из Африки. Больные и многие молодые, однолетки и двухлетки, остаются здесь и на лето.

«Недавно стали известны случаи размножения аистов вблизи южного побережья Южной Африки» (Б. Гржимек и Е. Шюц).

Дана ли аистам свобода воли в предпочтении западного или восточного пути? Нет, разумеется. Все дело в инстинкте. Аисты, гнездящиеся к западу от воображаемой линии, проведенной от Голландии через запад Германии к Альпам, летят первым путем. Их, как предполагают, больше ста тысяч. Живущие восточнее избирают второй путь. Этим 425 тысяч, приблизительно, разумеется. Выбор пути врожденный, что доказывают опыты.

Молодых аистов из бывшей Восточной Пруссии завезли на Рейн. Они обнаружили здесь явную тенденцию лететь в юго-восточном направлении, как и положено им от природы, а не в юго-западном, куда устремились все рейнские аисты.

Но и опыт взрослых, их руководство, направление полета местных стай имеют значение для молодых птиц, возможно, даже большее, чем повеления инстинкта. Молодых аистов, привезенных из восточных районов, выпустили на Рейне, когда еще местные аисты не улетели. Они присоединились к стаям своих сородичей и вместе с ними устремились в Испанию, а не на юго-восток, как поступили бы, оказавшись в одиночестве, без руководящего примера местных стай.

У нас белые аисты живут в западных республиках и областях не восточнее линии, проведенной от Ленинграда до Дона. (В последние годы видели их и под Москвой.) Кроме того, в Закавказье, Средней Азии и в амуро-уссурийском крае, не западнее Благовещенска. Дальневосточный более крупный подвид — черноклювый, птица вымирающая. В Японии, например, уцелело лишь несколько пар этих аистов. Их содержат в большой вольере, пытаются развести и снова расселить по стране. На северо-востоке Китая и в Корее белые аисты еще есть.

Дальневосточный белый аист зимует в Бирме и смежных странах. Среднеазиатский — в Индии и на Цейлоне.

У второго нашего аиста — черного (брюхо у него, однако, белое) ареал более обширный, от Испании до Дальнего Востока, но сам он редкая птица. Гнездится обычно в старых высокоствольных лесах, на

деревьях или на скалах, в местах глухих, далеких от людей.

В этой нелюдимости несходство характеров двух родственных птиц особенно заметно. Другое разногласие обнаруживается в их совместной жизни в зоопарках. Здесь нередко черный самец начинает ухаживать за белой самкой. Она отвечает взаимностью. Но отложить яйца и вывести птенцов им не суждено: ритуалы приглашения к гнезду разные, и белая аистиха просто не понимает своего черного супруга.

Белый аист молчалив. Птенцы его пищат и мяукают, «похоже, как котята»! Глухой, негромкий его голос мало кто слышал. Черный тоже неболтлив. Когда токует, распушив белое подхвостье, астматично «свистит», словно давится собственным криком. На гнезде черные супруги переговариваются тихими голосами, но в полете кричат громко, впрочем, это редко бывает. Редко и клювами трещат, когда возбуждены. Но птенцы громкоголосые.

Зимовать европейские черные аисты летят по тем же двум путям, что и белые, но дальше экватора устремляются немногие из них. Залетев так далеко, некоторые, похоже, навсегда там обосновались: обнаружены уже 34 пары черных аистов, гнездящиеся в Родезии и Южной Африке.

Еще 16 видов аистов на земле. В Америке (от Флориды до Аргентины) — отважный истребитель крокодилов ябиру! В Индии и Африке — знаменитый марабу.

Но прежде несколько слов о тантале. Видом он ибис. Голое красное, желтое или черное у него «лицо», желтый клюв изогнут вниз... Даже имя латинское, научное, дано ему «Ибис». Но танталы (4 вида в Африке, Америке и Юго-Восточной Азии) не ибисы, скорее аисты, а точнее — нечто переходное, промежуточное между теми и другими.

Итак, ябиру. Аист статный, мощнее и много выше нашего. Он лыс, как и марабу, клюв чуть вздернутый вверх — словно «по ошибке перевернутый горбинкой вниз», голова и верх шеи черные, оставшаяся треть шеи голая и красная. Все прочее — белое. Марабу старческим пушком на лысой голове, голой морщинистой шеей, носом, уныло вниз опущенным, — сутулый какой-то! — являет грустный и безрадостный вид. У ябиру фигура более воинственная.

О других его охотничьих подвигах не будем говорить, они обычны. Но о том, как умело истребляет ябиру крокодилов, нельзя не сказать.

Выбрав у реки место, стратегически наиболее надежное, караулит он детенышей аллигаторов и кайманов. Выследив, бьет массивным и, видно, прочным, как дубина, клювом. Убьет и малых глотает целиком, тех, что побольше, расклевывает.

Случается, застанет его за этим детоубийством мадам-аллигатор. Остервенело бросается она на истребляющую крокодилиий род голенастую птицу. Но ябиру и тут не плошает. Как матадор от быка,

отскочит в сторону и бьет сбоку проползающую мимо бронированную махину клювом, как копьем, метко в глаз! Или между глаз, что так же убийственно.

«Новорожденный ухитрился вцепиться зубами в конец клюва, и, сколько ни тряс Большой Джон головой, малыш только крепче стискивал свои остренькие зубки. На крик примчалась мамаша... Выбравшись на берег, она побежала к Большому Джону, который знай себе тряс клювом. Не заметил ее? Я уже решил, что ему сейчас конец, как вдруг аист живо шагнул в сторону, и в последнюю секунду кайманаха промахнулась на какой-нибудь сантиметр... в следующий миг ее прямо между глаз поразил страшный удар мощного клюва. Не знаю, выдержал ли ее череп, но она, несомненно, была оглушена, только драконий хвост уныло дергался из стороны в сторону. А Большой Джон как ни в чем не бывало продолжал возню с кайманенком, который чудом остался висеть невредимым на конце клюва. Внезапно Большого Джона осенило. Он замер, внимательно посмотрел на воду, затем спокойно подошел к водоему и окунул кайманенка. Тот, как и надо было ожидать, выпустил клюв и попытался спастись вплавь. Молниеносный выпад... промах... еще выпад... И вот Большой Джон поднимает в клюве полуживого кайманенка, чтобы затем отправить его в зоб» (А рне Суксдорф).

Вы, конечно, уже догадались, что «Большим Джоном», а еще «Туюю», называют в Америке ябиру: «один его вид внушает почтение».

«Посмотрите на Большого Джона, — любезно приглашает нас Арне Суксдорф, — когда он взлетает. В длинном разбеге сильные ноги будто отталкивают землю вниз, могучие крылья словно обнимают весь мир...»

Взмыл в небо и растаял в синеве, и вот уже падает вниз, «да с таким гулом, будто пришел конец света!». Кажется, сейчас обвалится небо». Крылья прижаты, клюв, «способный расколоть череп ягуару», снарядом рассекает воздух. Вдруг великолепный разворот, и тяжелая птица без усилий, словно легковесная ласточка, круто набирает высоту.

Так резвятся в небе ябиру. Возможно, это токовой полет. Гнезда строят в полукилометре сосед от соседа. Но у них «заведено каждый день навещать друг друга. Визиты проходят очень мирно и чинно, иногда сосед даже приносит подарок для детей, скажем, какую-нибудь змею».

У марабу клюв — тоже отличная дубина, массивная и с достаточно острым концом. Назначение его — сокрушать ребра трупам, пробивать животы мертвых животных. Марабу — падальщик, вроде гиены или грифа. Оттого, чтобы не пачкать перо, копаясь в трупах, голова и шея у него голые, лишь легким пушком кое-как прикрыты. Кости даже крупных копытных марабу глотает целиком. А всякой падали и разной живой мелочи съедает марабу каждый день около килограмма.

В иных городах Индии, в Калькутте например, марабу прежде сидели, как рассказывают, на крыше «почти каждого дома», ожидая очередных отбросов, кинутых на улицу. В Азии и в Африке жизнь у марабу-санитаров тоже полезная людям и «окружающей среде». Тем более обидно, что в Африке губят многих марабу ради пучка перьев в хвосте.

«Пищей для них служат крысы, мыши, крупные насекомые, рыбы и даже маленькие детеныши крокодилов. Обнаружив где-либо падаль, марабу жадно набрасывались на нее и смело вступали в бой с коршунами и шакалами, нанося им крепкие удары большими клювами...

Марабу совершенно не признавал господства ручной львицы Бахиды. Однажды, когда она начала дразнить и тормозить марабу, громадная птица принялась колотить зверя мощным клювом. Львица пыталась было оказать сопротивление, но, не выдержав града ударов, поспешила ретироваться» (Франц Фабриан).

У африканского марабу спереди висит на шее голый и длинный нарост — горловой мешок. Он, однако, не полый и для чего нужен, неясно. (Возможно, чтобы тяжелый клюв было на что снизу опереть и не носить его, утомляя мышцы шеи, все время на весу.)

Индийский аргала-марабу носит на шее такое же «украшение». Обитает в Индии и дальше на юго-восток до Калимантана. Может быть, это тот же вид, что и африканский.

У зондского марабу (Индия, Ява, Калимантан) горлового мешка нет, оттого, наверное, что клюв потоньше и легче, но на голове «нашлепка» — роговой щиток. Размах крыльев у него как у альбатроса. Больше, чем у пеликана, — 3 метра 20 сантиметров. Для сухопутных птиц, не морских, это, по-видимому, рекорд. Крылья даже самых крупных орлов и кондоров короче.

Другие аисты, почти такие же большие, как марабу и ябиру, живут в Индии, Индонезии, Австралии и Африке. Один из них, африканский, седлоклюв, или сенегальский ябиру (называют его и ярибу), наделен весьма красочным клювом: в основании он красный, потом черный, на конце опять красный. Сверху на надклювье, у самого лба желтый, похожий на седло роговой щиток.

ДОПОЛНЕНИЕ К ГОЛЕНАТЫМ: ОТРЯД ФЛАМИНГО

Фламинго голенаст, даже очень, — птица необыкновенно длинноногая. Но по резонным причинам, которые мы здесь обсуждать не будем, его из отряда голенастых (также из пластинчатоклювых, куда фламинго тоже зачисляли) ныне исключили, определив в свой собственный. Этот отряд невелик (четыре-пять видов), поэтому удобнее рассказать о нем здесь. С голенастыми роднят фламинго некоторые генетически общие черты.

«...Скелет и другие органы указывают на аистов, протеины подобны таковым цапель, напротив, паразиты, живущие в оперении, голос, снабженные перепонками ноги и строение языка позволяют сделать вывод о родстве с гусиными птицами. Ископаемые находки не разъясняют вопрос о систематическом положении фламинго, но доказывают, однако, что эта группа очень древняя, появилась еще в олигоцене, около 30 миллио-

Фламинго у гнезд.

нов лет назад, до того, как образовалось большинство отрядов птиц» (А д е л ь х а й т Ш т у д е р - Т и р ш).

Действительно, голос фламинго напоминает гусиные «вокалы» — «протяжное негромкое гоготанье». Действительно, у него три передних пальца на лапах соединены перепонками по гусино-утиному образцу. И копчиковая железа есть, как и у тех. Четвертый палец, задний — небольшой у трех видов фламинго: чилийского (запад Южной Америки), малого (Африка) и красного (Центральная Америка с Вестиндскими и Галапагосскими островами). Подвид его (действительно менее «красный»), розовый фламинго, обитает в Африке, Южной Европе, Индии, кое-где в Месопотамской долине, а у нас — по берегам Каспийского моря, но далеко не всюду, и на некоторых озерах Казахстана.

Нет четвертого пальца у андского и короткоклювого, или фламинго Джемса. Оба редки, особенно последний: ареал их, отмеченный на карте, едва будет заметен на бурой краске боливийских гор.

Наши фламинго цветом бело-розовые. Молодые — серые, позднее розовеют. Лишь трех-четырёхлетние уже в оперении взрослых. Размножаться, однако, будут только на шестом-седьмом году. Живут фламинго 30 лет и больше. Самки и самцы окрашены одинаково. Одно, два, реже три яйца высиживают самец и самка по очереди 27—32 дня. Через неделю и раньше птенцы уходят из гнезда. Тип развития выводковый — говорят одни исследователи. Другие утверждают, что птенцовый, однако сроки пребывания в гнезде сокращены: намечилась тенденция перехода к выводковому типу, как у гусей и уток.

Летают фламинго, вытянув шею вперед, а ноги назад. Плавают хорошо. Гнездятся и кормятся по берегам илистых, местами и каменистых, морских мелководий и солоноватых озер, там, где живым супом роятся привыкшие к соленой воде

Когда фламинго спит, стоя на одной ноге, то клюв прячет в перья плеча на той же стороне тела. А утиные птицы — гуси, утки, лебеди — наоборот, прячут голову под крыло противоположной стороны.

рачки, например артемии, которыми кишит «рассол» нашего Сиваша. Там, где сине-зеленые водоросли замутили зеленью прозрачность плесов, где царит в воде одноклеточный и многоклеточный планктон, а мини-улитки густо утыкали ил коническими раковинками. Все это пища фламинго.

Впрочем, не для всех без разбора: два трехпалых вида, андский и короткоклювый, и малый фламинго едят только мелкий планктон и сине-зеленые водоросли. Красный и чилийский фламинго выуживают из воды предпочтительно рачков и соразмерных им моллюсков.

Для этой тонкой операции эволюция веками совершенствовала клюв фламинго. Не в том даже дело, что в конечном варианте получился он кривым, хотя и это имеет значение. Дело в цедилке — роговых пластинках по краям надклювья и подклювья. Фламинго элегантно изгибает вниз шею и перевернутый подклювьем вверх клюв окунает в воду. Он чуть раскрыт — небольшая щель образует вход в него. Как

только толстый язык, подавшись назад, освободит пространство в клюве, в него через щель самотеком устремляется вода. (Природа пустоты не терпит!) Увлекает с собой и все, что в ней плавает. Тут фламинго закрывает клюв. Мясистый язык подает вперед и, как поршнем, выталкивает воду из клюва. Пища остается в клюве.

В общем, тип фильтрации образца «усатый кит». Но кит в сравнении с фламинго продельывает все это очень медленно. У фламинго фильтрация скоростная: клюв быстро щелкает, короткими рывками полщелкает в воде. Четко проследить за его манипуляциями невозможно.

Цедилка — приобретение, конечно, интересное. Но есть у фламинго еще нечто достойное особого удивления. Мы узнаем об этом, когда они будут кормить птенцов.

А пока в разьединенной на группы стае розовые птицы заняты устройством своих брачных дел. Шлепают по мелкой воде на ногах-ходулях. Церемонный парадный шаг. Резвая пробежка... Вдруг — стоп! — картинная поза. Трепет пламенеющих крыльев. Над массой бело-розовых тел — плавные колыхания сотен увенчанных клювами «знаков вопроса». На голубой воде — розовое мерцание. Фламинго токуют. По-своему, как от природы им дано. Ритуал избрания партнера, брачный ритуал...

Место, где стоять тумбе из ила, выбирает самка. Строят вместе, собирая ил. Галька, перья, ракушки, мягкие стебли — все, что лежит на иле, сгребают в кучу. Илом скрепляют, уминая ногами. Растет на вязкой грязи или из мелкой воды усеченный конус — гнездо фламинго. Растет высотой до полуметра. Сверху небольшое углубление. В нем два белых яйца.

Взгромоздясь на тумбу из ила и поджав ноги, фламинго по очереди высиживают птенцов. Чтобы встать и уступить место партнеру, длинноногая птица должна клювом опереться о землю.

Красноногий, толстоногий, красно- и прямоклювый птенец пробил скорлупу и вылез. Вот тут и начинается сказочное чудо, о котором обещано было рассказать: кормление птичьим молоком! Впрочем, чудо для нас не ново — у пингвинов его видели. Тут свершается нечто особое: кормление своей кровью! То, о чем смутно догадывались старые легенды, рассказывая о пеликанах. Правда, птиц они перепутали, да и метод кормления угадан был неточно...

Изящно склонившись над своим красноногим детенышем, розовая птица раскрывает черно-розовый клюв, и в рот птенца течет розовое птичье молоко. В нем и белки, и витамины, и 23 процента... крови.

От нее и от каротиноидов, провитамин А, цвет «птичьего молока» у фламинго светло-красный. Образуется этот жидкий кормовой концентрат в пищевом тракте кормящих птиц. Но как устраивают они себе «крово-пускание» на пользу детям, пока неясно.

Больше двух месяцев так кормят, хотя уже недели через две-три прямые клювы их детей изгибаются вниз и они могли бы, кажется, и сами фильтровать воду и питаться тем, что и взрослые из нее выуживают. Однако хоть нос и кривой, но цедилка в нем еще несовершенная. Молодые фламинго уже летать умеют, а кормиться на мелководьях толком не могут. Плавают здесь и ходят. Если родители далеко за кормом улетели, с молодежью остаются взрослые опекуны. Когда к вечеру пора возвращаться к гнездам, старый фламинго замыкает шествие молодых, «при этом непрерывно покрикивает и отстающих птенцов подгоняет клювом».

ГУСЕОБРАЗНЫЕ

8 И. Акимушкин

Птиц этого отряда называют «пластинчатоклювые»: по внутренним краям клюва почти у всех мелкие пластинки, своего рода цедилка или сито такого же примерно типа, как у фламинго. В последнее время, однако, пластинчатоклювых стали называть гусеобразными, по той причине, что у паламеев пластинок в клюве нет. Птицы водоплавающие. По-видимому, 50 миллионов лет назад, может быть, и раньше произошли от общих с фламинго и голенастыми предков. Тип развития выводковый: через несколько часов или на второй-третий день птенцы уходят с родителями из гнезда к воде, хорошо уже плавают и ныряют.

Два семейства. По мнению других орнитологов, подотряда. Первое — паламеев. Три вида в Южной Америке. Цедильных пластинок на клюве и плавательных перепонок на лапах нет, но плавают хорошо. Довольно крупные птицы, длиной до 80—90 сантиметров и весом в 2—3 килограмма, внешне больше похожи на кур, чем на гусей. На переднем сгибе крыла по два острых роговых шипа. Их не без успеха применяют паламеев, отбиваясь от врагов, и в драке между собой. У рогатой анхимы, кроме того, еще и на лбу тонкий длинный, до 15 сантиметров, роговой вырост. Он торчит вперед словно прут, выросший между глаз! Питаются растениями, живут в болотах и лесах у воды. Любят сидеть и спасаться от врагов на деревьях. Голоса у многих мелодичны, но бывает и гогот, похожий на гусиный. Недалеко от воды строят на земле или даже на мелкой воде большие гнезда. Оба родителя, внешне похожие, насиживают 2 (рогатая анхима) или 5—6 яиц.

Второе семейство — утиные птицы. 142—146 видов в странах всего света, кроме Антарктиды, Сахары и Аравийского полуострова. В СССР 57 видов. У всех внутри по бокам клюва цедильные поперечные пла-

стинки или бугорки, а три передних пальца на ногах соединены широкими плавательными перепонками (только у гавайской казарки и австралийского полулапчатого гуся недоразвитые крохотные перепонки соединяют самые основания пальцев). Большая копчиковая железа. Хорошо развиты обонятельные полости, по-видимому, у многих неплохое обоняние. Утки, например, по запаху находят мясо под снегом, чувствуют охотника, если он подходит по ветру. Моногамы. Полигамия исключение (мускусные утки и шишконосые гуси). Самцы и самки окрашены одинаково (у гусей, лебедей) или по-разному (у многих уток преимущественно умеренных и северных широт).

В кладке до 16 яиц. Насиживают 20—43 дня обычно только самки. Лишь у черных лебедей, древесных уток и полулапчатых гусей — также и самцы. Под яйца самка подстилает выщипанный у себя пух. Уходя с гнезда, прикрывает им и растениями яйца.

Есть плохо летающие или вообще нелетающие виды. Все прочие летают хорошо, но планировать не умеют (паламедеи планируют!). Половозрелость у уток в возрасте около года, но у гаг на третьем году. Гуси первый раз размножаются трехлетние, а лебеди — в 4—5 лет.

Сравнительно небольшие (200 граммов — африканские карликовые утки), среднего роста (1,4 килограмма — кряковая утка) и крупные птицы (до 14 и даже будто бы до 22 килограммов — лебеди).

ПАРАЛЛЕЛИ И РАСХОЖДЕНИЯ

Итак, утки, гуси, лебеди... Даже поверхностный наблюдатель заметит у них черты определенного семейного сходства. Такая малая, так сказать, бытовая черта: на какой ноге стоят, когда спят или дремлют? На противоположной тому крылу, под которое прячут голову. «Под крыло» — это, впрочем, лишь так говорится. На самом деле прячут они не голову, а

Белошекая паламедея и два других вида: рогатая анхима и ошейниковая паламедея — весьма своеобразные родичи утиных птиц. На сгибе крыла у них по паре роговых шпор, перья растут равномерно по всему телу, как у пингвинов и страусов (аптерий нет), воздухом наполнены не только большие кости, но и позвонки и концевые фаланги пальцев. Под кожей тоже хорошо развитая система воздушных мешков. Летают паламедеи не быстро, но парить умеют долго и легко — способность, которой совершенно лишены утиные.

только клюв по ноздри и не под крыло, а в перья плеча. А вот фламинго, эволюционный кузен уток и гусей, наоборот, утыкает клюв в плечевые перья той же стороны. Эта, казалось бы, «пустяковая» привычка говорит, однако, о том, что эволюционные пути фламинго и утиных птиц разошлись достаточно давно. Определение тех и других в разные отряды обосновано, следовательно, и с точки зрения этологической.

...Забулькала вода от быстрых собачьих скачков, затрепетало что-то, сорвалась и взлетела над камышами утка. С ужасной паникой сорвалась, с криками, с плеском крыльев. Охотники знают, как это у нее получается.

Только над камышами поднялась — тут бах-бах! Но улетела невредимая. Летела над широким плесом, над щетиной тростников. Долго летела и уже никуда, собственно, не спешила, никто за ней не гнался, а все равно ни разу не спланировала на распростертых крыльях, чтобы дать им отдых. А уж па-

рять, как аист, альбатрос или коршун, не умеет никто в семействе утиных.

И тем не менее, хоть птицы они водоплавающие, не «привязаны» так тесно к небу, как, скажем, коршуны и грифы, часами высматривающие сверху свою добычу, летают утиные птицы хорошо. Перелеты их дальние, а скорость в полете отменная: немногие из птиц обгонят в небе самых быстрых уток. И рекордная высота полета почти предельная в мире птиц: до 10 километров над уровнем моря залетают порой гуси!

Поперечное сечение плывущей утки, а также лебедя и гуся широкое, поэтому у живого корабля в перьях хорошая остойчивость. Гребут под собой попеременно каждой лапой. Лишь ныряя, а лебеди-шипуны токуя, ударяют сразу обеими лапами. Впрочем, немногие, даже и нырковые, утки уходят под воду больше чем на 1—2 минуты. Но про гая известно, что ныряют они на глубину 20 метров.

Как ни странно, но и утки, которые из воды почти не вылезают, чтобы промыть все перья, должны... купаться. Когда они плавают, вода омывает снаружи лишь перья на животе. К внутренним перьям и к коже она не проникает.

У нырковых уток, например, перьевой «водолазный костюм» устроен так хитро, что даже крылья целиком укрыты от воды. Поэтому, когда утки ныряют, а ныряют они постоянно, крылья их не намокают, всегда сухие, и, вынырнув, птица тут же может взлететь.

Впрочем, и у водоплавающих птиц, не умеющих нырять (у гусей, лебедей и пеликанов), крылья все равно хорошо защищены от воды в перьевых нишах на боках. Поэтому они, особенно по утрам и в полуденные часы, устраивают так называемые «игровые ныряния». Вы их много раз видели: вся гусиная стая, громко шлепая крыльями, с гоготом «бежит» по воде, поднимая фонтаны брызг. Такое коллективное купание основательно промывает не только крылья, но и все перья и кожу под ними, куда вода, хоть весь день гуси будут «мокнуть» в ней, ни разу не попадет.

Утка, которая несколько дней не купалась, не ухаживала за оперением, если ее сразу пустить в воду, может... утонуть. А если и не утонет, то плавать будет плохо, с телом, почти погруженным в воду. Об этом хорошо знают охотники. А те из них, кто этого не знает, рискуют испортить себе всю охоту. И я осмелюсь дать им совет: не держите в квартире, в сарае или в ином другом месте подсадную утку долго без воды, дайте ей хотя бы таз, чтобы она могла намочить перья. Иначе утонет на охоте и крыкать будет некому!

Итак, с грязными перьями птицы ни летать, ни плавать не могут.

В чем же тут дело?

Тончайшие щетинки пера, так называемые бородки, которые, цепляясь друг за друга микроскопическими крючочками, делают его прочным, без воды слипаются и ломаются. Но и после купания или если вы взяли, скажем, птицу в руки (вот почему они так этого не любят) бородки теряют взаимную связь: перо рассекает воздух не упруго, а мягко, как масло нож, и поэтому не получается нужного для полета упора, необходимых аэродинамических сил. Но, если перо сильно встряхнуть, микрокрючки его «запоров» автоматически войдут в соединение друг с другом, и оно снова станет упругим.

Поэтому, искупавшись и выбравшись на берег, птицы клювом отжимают воду. Отряхиваются — трясут сначала всем телом, потом головой. Только совы поступают наоборот.

Сильной встряской птицы не только сбрасывают воду с перьев, но и восстанавливают их структуру, без чего летать не могут.

Отряхнувшись после купания и приведя перья в надлежащий порядок, утки, гуси и все птицы, у которых есть копчиковая железа, смазывают ее жиром свои перья. Бакланы и тропические их родственники — анхинги после купания сушат еще хвост и крылья, раскинув их в стороны.

Кожа птиц не то что кожа зверей: она совершенно сухая. У млекопитающих каждый волосок снабжен в основании собственной сальной железой, которая смазывает его, чтобы не ломался. У птиц, и то не у всех, есть только одна такая железа: над хвостом, на копчике. Она окружена обычно щитком из твердых перьев. У зверей каждая шерстинка как бы автоматически смазывается. Птицы же вынуждены это делать сами.

Этот каждодневный ритуал выполняется всегда в строгом порядке. Знание его получено с рождения вместе с другими инстинктами. Давят клювом на железу, выжимают из нее, как из тюбика, жировую смазку, берут ее в клюв и натирают сначала перья груди, потом бока, спину, крылья, живот, хвост, перья на бедрах и в последнюю очередь голову. Так как до головы достать клювом, естественно, нельзя, ее смазывают, потирая круговыми движениями о спину, либо, сняв когтями жир с клюва, расчесывают ими перья на голове.

А дело это непростое — все перья смазать. У лебедя их, например, 25 тысяч! Лишь пятая часть на теле, остальные на голове и длинной шее. У краквы перьев вдвое меньше, но и это

немало; у полярной чайки перьев только 6500, а у голубя — 2600.

Хорошо смазанное утиное перо «вмещает» много воздуха. Оскар Хейнрот точными измерениями установил: у крякового селезня весом в 1337 граммов под перьями, которые все весили лишь 67 граммов, каким-то хитрым образом умещалось почти три четверти литра воздуха — 650 кубических сантиметров!

Понятно, что «надутое» воздухом оперение весьма облегчает и плавание и полет.

Тут, раз уж мы занялись арифметикой, уместно сообщить еще кое-какие интересные цифры, тем более что касаются они клюва, о котором дальше пойдет речь. Так вот, утиный и гусиный клюв, оказывается, более чувствителен ко всяким прикосновениям, чем наш, скажем, указательный палец, которым мы привыкли, не доверяя часто глазам, все щупать. У нас на кончике пальца на квадратном миллиметре 23 осязательных нервных тельца, а у кряковой утки на клюве по краям нёба на той же площади их 27.

Клюв изнутри вооружен, как мы уже знаем, небольшими пластинками. Их структура и даже назначение неодинаковы. У лебедей и уток — фильтрация разной придонной смеси, набранной в клюв. У гусей пластинки более твердые, ими щиплют траву. У крохалей они похожи на роговые зубы: прочно держат в клюве скользкую рыбу. Крохали в основном рыбой и кормятся. Гуси, напротив, — вегетарианцы: едят молодые побеги трав, семена, ягоды. Редкие из них, например, белошейный гусь, населяющий у нас крайний восток Чукотки, едят моллюсков, ракообразных и других беспозвоночных, которые в меню многих морских уток (гаг и турпанов) обычное блюдо. Гаги глотают целиком, вместе с раковинами, моллюсков длиной в 10—12 сантиметров, едят и морских червей, и «лучи» морских звезд. Речные и нырковые утки, как и лебеди, пищу растительную разнообразят, одни больше, другие меньше, разной мелкой водяной живностью.

Утки разбиваются на пары рано, задолго до весны. Еще осенью на зимовках.

Сначала знакомятся: плывут навстречу друг другу и пьют воду. Со стороны может показаться, что они учтиво кланяются, как бы говорят: «Здравствуйте, рад (или рада) вас видеть!»

В мирную жизнь утиных стай раздор вносят молодые утки, которые зазывают женихов. Кричат призывно каждому селезню, который летит или плывет мимо. Если он присядет рядышком, капризная дама норовит натравить своего кавалера на этого селезня. Соперника она указывает, поводя в его сторону клювом, и кричит: «Квегг, квегг!»

Для селезней это лишний повод показать в живописных позах и поворотах свой свадебный наряд.

В прелюдии к дуэли, бросая вызов сопернику, селезень плавает вокруг утки с втянутой в плечи головой и опущенным вниз клювом. Перья на его голове нахохлены, и он вертит и вертит хвостом. Вдруг селезень, со свистом вздымая фонтаны брызг, встает в воде вертикально. Так же поднимается соперник. Все дальнейшее происходит в строгом порядке. Противники встают боком друг к другу и грозят один другому зеркальцами крыльев, спрятав за них, слов-

но за щиты, головы. Затем следует фаза бренчания клювом о стержень пера: селезень сжался в тугой комок. Потом фаза «нечесаной головы»: селезни так взъерошивают перья, что голова принимает форму диска. Финал ритуальной дуэли — «насосные» движения: селезни друг против друга целую минуту как бы качают воду, ритмично то опускают, дотрагиваясь до воды, то поднимают клювы.

Драк обычно не бывает: после демонстрации силы и красоты мирно расходятся. Молодые утки выбирают селезней, которые им больше по душе, и с тех пор остаются им верными женами, часто на всю жизнь.

Как я уже говорил, свои брачные игры утки играют еще осенью и зимой, где-нибудь на юге Европы или на севере Африки. Там собираются они из разных стран Европы (азиатские зимуют в Южной Азии). А весной селезни летят за самками туда, откуда те родом. И бывает так, что селезень из Англии переселяется за финской уткой в Финляндию или за русской в Подмосковье.

Охотники не раз наблюдали, как весной селезни бросаются в погоню за всякой уткой, которая попадает им на пути. Утка удирает, испуганно крича, за ней летят один или несколько преследователей, а за ними ее законный супруг с единственной целью не потерять свою жену.

Преследование селезнями чужих уток называют весенним буйством самцов.

Объясняется это буйное поведение стремлением прогнать чужих уток от выбранного для гнезда места. Тем самым достигается более равномерное размещение гнездящихся пар по всей округе, и утятам, когда они выведутся, не приходится голодать в тесноте.

Отогнав подальше чужую утку, селезень тотчас возвращается к своей. Она еще издалека узнает его и зовет.

Многие наблюдения доказывают, что животные-супруги, в особенности птицы, узнают друг друга и своих детей по голосу и в «лицо».

Как и у людей, даже у животных одного вида разные пропорции головы, клюва, носа, морды, ушей, глаз. По этим для нас часто совершенно неуловимым деталям самки и самцы отличают своего партнера от тысячи других, окрашенных так же, как и он. Чайки и крачки не спутают своего супруга с чужим уже с двадцати метров, даже если он молчит. А если закричит, то узнают и раньше. Утки, заметив своего селезня еще в воздухе, летят за ним. Хорошо знают они и своих утят и, если подсадить чужого, прогонят.

Оскар Хейнрот, немецкий орнитолог, рассказывает, что однажды в Берлинском зоопарке он видел, как лебедь бросился на свою собственную самку и хотел прогнать ее вместе

с компанией других лебедей. Самка на минуту опустила в воду голову, и супруг в суматохе принял ее за чужую. Когда же, озадаченная его наскоком, она подняла голову, тот ее сразу узнал и «сconfузился».

Порой и гуси нападают на своих нежно обожаемых гусынь, когда те в поисках корма прячут головы под водой.

Селезень, выбрав место для гнезда и погоняя чужих уток, считает свой долг выполненным. Больше о детях он не думает и все заботы о них перекладывает на утку. Летом селезни объединяются в мужские общества и заняты только собой. Но селезни широконосок, огарей и синекрылых чирков остаются у гнезда до тех пор, пока выведутся птенцы. А у пеганок даже вместе с самками водят утят — повадка прямо гусяная! Ведь гусь — примерный семьянин, не то что селезень. Союз их с гусынями очень прочен, и нередко эти умнейшие птицы хранят верность друг другу всю жизнь. Даже когда гусыня погибнет, гусь долго или навсегда остается вдовцом.

Браки гуси заключают тоже осенью. Гусиные семьи очень дружные: весь год, с весны до весны, подросшие гусята не покидают неразлучных своих родителей. Вместе кочуют по тундрам и степям, вместе улетают в жаркие страны. Не расстаются и там.

Нелегко поэтому молодому гусю «умыкнуть» у строгих родителей выбранную им невесту. Он должен, покинув свою семью, идти в чужую. Но отец невесты гонит его и бьет. Поэтому ухаживать он начинает издали. Сначала высмотрит в какой-нибудь гусиной семье молодую гусыню себе по сердцу. Потом, не забывая о ее сердитом папаше, долго плавает поблизости в разных гордых позах. Показывает себя храбрецом: нападает на разных обитателей пруда, гонит их прочь, защищает недосыгаемую пока невесту, хотя враги, от которых он ее оберегает, ни для нее, а часто и вообще ни для кого не опасны.

После каждой «победы» гордо плывет к суженой и триумфально гогочет. Но если папа погонится за ним, «герой» поспешно удирает.

Бывает, что гусь долго добивается взаимности. Но как только, услышав его победный клич, зазнав в перьях ответит чарующим (на гусиный, конечно, слух) гогом, он, говорит З. Веселовский, «помолвлен». Гусыня покидает свою семью, и теперь они всюду вместе.

Даже, когда она насиживает, он с ней поблизости, обороняет от врагов, которых может осилить. Потом вместе водят гусят все лето и зиму до будущей весны. Такие же семейные порядки у лебедей и, по-видимому, у пеганок.

Самцы черных австралийских лебедей даже насиживают, чередуясь с самкой. Причем распорядок как у аистов: он преимущественно днем, она ночью.

Белый лебедь не насиживает. И думать о том не хочет! Правда, когда самки нет на гнезде, он стоит над ним и охраняет. Но сесть в гнездо — ни за что! Наверное, гордость лебединая не позволяет...

Яиц в гнезде немало: у гусей и лебедей обычно около шести, у уток до 16. Продуктивность отменная! Утка-мандаринка, например, за 13 дней несет 13 объемистых яиц (каждое по 50 граммов). Все вместе весят они больше породившей их утки.

Утки несутся каждый день, лебедки — через 2—3 дня. Все насиживают только после того, как последнее яйцо ляжет в гнездо.

Для выводковых птиц, говорит Оскар Хейнрот, «безусловно необходимо, чтобы все птицы появились на свет одновременно». Чтобы тут же увести всех от гнезда. Поэтому крик первого яйца, появившееся в гнезде, прикроет пухом, травой и уйдет. На другой день придет, новое яичко ляжет бок о бок с первым. Оба их прикроет и уйдет. Но с каждым новым яйцом все дольше и дольше задерживается она на гнезде. Когда же последнее отложит, садится и насиживает. Поэтому все ее одиннадцать-тринадцать утят вылупляются из скорлупы почти разом: за два часа все успевают сделать этот свой первый шаг в жизнь. Они обсохнут немного, прячась под перьями у мамы. Их теплый густой пух «просмолятся» жиром ее перьев. И вот пушистые комочки уже готовы преодолевать километры и по суше, и по воде. В первый же день они плавают отлично и даже ныряют. Кормятся сами, мать только их водит и оберегает месяца полтора-два, пока не научатся летать.

В первые же часы многим утятам приходится идти на ногах, мало приспособленных для ходьбы, десятки, сотни метров, а иной раз и километра полтора-два, прежде чем они доберутся до воды. Это если родились они на земле или под землей, в норах, в которых гнездятся утки-пеганки и огари. А если высоко от земли, в дупле дерева или на крыше выбрали родители местечко для гнезда? Даже у криковых уток такое бывает. Но крохали, гоголи, утки-мандаринки, амазонские и карликовые утки, оринокские и шишконосые гуси предпочитают гнездиться именно в дуплах. Как утятам и гусятам оттуда выбраться, как на землю попасть?

Рассказывают, что видели, будто утка-мать, посадив на спину одного-двух утят, перебазировывает их таким образом на землю. Южноамериканская чачалача переносит птенцов в лапах. Наш вальдшнеп — тоже. Рассказывают, видели, якобы вальдшнепов, лебе-

дей и крохалей, летящих с птенцами на спине. (По воде лебеди часто путешествуют с птенцами, беззаботно отдыхающими на родителях, как на плавающих островах.) Однако более достоверные наблюдения убеждают: крохотные комочки сами прыгают вниз, без помощи взрослой птицы и благополучно приземляются.

«...некоторые кряковые утки в Берлинском зоопарке давно облюбовали для своих гнезд девятиметровой высоты скалу у львиной вольеры. Каждый год разыгрывался захватывающий спектакль: мать с быстрыми взмахами крыльев слетала со скалы, увлекая за собой пушистые «шарики», которые кувырком падали вниз. Несмотря на высоту, никогда никаких повреждений при падении не было, потому что вес их еще очень мал, а кости так мягки и гибки, что в известной мере пружинят о землю» (Урсула и Хайнц Георг Клёс).

В этом отважном преодолении высоты руководящую роль играет инстинкт, который диктует птенцам всех выводковых птиц первую и самую важную заповедь: «Всюду следуй за матерью!»

Но как узнать несмышленому птенцу, кто мать, а кто враг? Некоторые эксперименты показывают, что врожденные методы узнавания родителей даже у близких птиц, как гуси и утки, несколько разные.

Новорожденный гусенок считает матерью первый появившийся над ним предмет. В природе это обычно гусыня. У гусенка, которого мы вывели в инкубаторе, — человек. Но и любой движущийся предмет, если человек не пришел вовремя.

Как только вы позовете гусенка, склонившись над ним, он начнет кланяться и приветствовать вас в унаследованной гусиной манере: с вытянутой вперед шеей. Тем самым он удостоверяет, что вы признаны его матерью. И после произнесенного им приветствия ничто не поможет, если вы отнесете его к гусыне: он ее просто не признает. Она чужая, по его птичьим понятиям.

Этот не всегда удачно действующий инстинкт — «втискивание» образа родителя в первый увиденный предмет — замечен и у млекопитающих. В Африке случалось, что новорожденные носорог, антилопа или буйвол бесстрашно бегали за всадником или автомобилем, который увидели раньше испуганной и покинувшей их матери. И никакими силами нельзя было прогнать этих трогательных малышей!

Так и гусенок днем и ночью будет ходить за вами (на некотором расстоянии, чтобы видеть вас под определенным углом!) и пищать приятно и нежно: «Ви-ви-ви-ви». Это уведомляющий сигнал, который можно перевести приблизительно так: «Я здесь, а ты где?»

И ждет, такой уж у него инстинкт, что вы ответи-

те ему как гусыня: «Ганг-ганг-ганг», то есть «Я тут, не волнуйся!».

Если не ответите, гусенок начнет пищать: «Фип-фип». Это крик беспомощности и одиночества. И будет пищать, пока его не найдет мать или пока не погибнет, потому что хотя прокормиться он может и сам, но без ее тепла и защиты долго не проживет. Поэтому, повинувшись инстинкту, гусенок все силы отдает писку «фип-фип».

Ответите ему «ганг-ганг», и гусенок, тотчас, одобренный, прибежит приветствовать вас.

Гусенок, днем и ночью требующий своим «фип-фипом» удостоверения, что вы тут, — очень трудный ребенок. Но утенок для человека, решившего заменить ему мать, настоящий «анфан террибль». Потому что у него более сложный «определитель» родителей. По его тезам и антитезам выходит так, что мать прежде всего бегаёт вперевалочку, причем двигаться должны главным образом ноги. Во-вторых, она отзывается на утиный манер.

Как только откроете дверцу инкубатора, утята в панике кинутся от вас. Но убегают они и от чучела утки. Человек, чтобы привлечь их, должен встать на четвереньки, побежать в этой неудобной позе (от которой он давно отвык!) и кричать, как кричит утка: «Квег-гегегег». Если будете так кричать, поленившись стать на четвереньки, утята оповестят окрестности писком о своем одиночестве и не пойдут за вами. В их унаследованном от предков представлении просто не укладывается, что мать может быть высокой, как человек.

«Поэтому надо кричать, передвигаясь на четвереньках.

Я сам попробовал водить семью утят в саду биологического факультета, расположенном в тесном соседстве с психиатрической клиникой в Катержинках. Только крепкий забор защитил меня от этого знаменитого заведения, так как кричащий на корточках человек для посторонних наблюдателей с улицы не иначе как сумасшедший» (Зденек Веселовский).

полулапчатый
гусь

ГУСИ-ЛЕБЕДИ...

Гуси-лебеди — это черно-белая, пегая, птица из Австралии с очень нескладным русским названием — расцепнолапый или (немного лучше!) полулапчатый гусь. У него почти нет перепонки на лапах, темя выпуклое шишкой вверх, и он очень любит сидеть на деревьях.

Это восемь видов древесных уток, которых лучше все-таки называть гусями и которые тоже весьма привержены к деревьям (гнезда, однако, строят на земле). Они окрашены ярко, довольно длинноноги, головы по виду утиные, все прочее тело скорее гу-

Во многих странах Европы лебедь-шипун — обычная парковая птица. Молодые лебеди серо-бурые, через несколько лет белеют. Но среди парковых разновидностей появились белые с юного возраста. Летают шипуны с громким свистом крыльев. Зимуют порой очень далеко: на севере Африки, в Индии и Корее.

синое. Обитают в тропиках и субтропиках всего света и в Австралии.

Это белоснежная, с траурной черной каймой на концах крыльев южноамериканская коскороба (один вид). Странная птица: ни утка, ни гусь и ни лебедь; по виду, однако, больше на гуся похожа. И наконец, пять видов лебедей, девять — гусей, пять — казарок. О них несколько подробнее.

Лебедь, как известно, бел, словно утренний снег. Но таков он лишь в странах полуночных, то есть северных. Если отсюда направимся к югу, то увидим — странное дело! — у тамошних лебедей заметно прибывает черноты. У лебеда, который плавает по водам Америки, от юга Бразилии до Огненной Земли, голова и шея черные. А тот, что живет через два океана восточнее, в Австралии, и вовсе черный как ночь. Лишь маховые перья на концах крыльев белые и кончик клюва белесый.

Горный гусь — житель центральноазиатских плоскогорий. Гнездится он по берегам озер и даже вдали от них в тибетских каменистых степях (порой на высоте 4,5 тысячи метров). В Монголии иногда строит гнезда и на деревьях. По улицам Лхасы безмятежно разгуливают горные гуси в сопровождении гусят.

Самый красивый из наших лебедей, герой многих легенд, перевоплощенный сказочный принц, — лебедь-шипун. Громким звонким криком, как лебедей севера, природа его не наделила, но украсила воистину лебединой шеей. Носит он ее изящно изогнутой латинской буквой S, крылья, токуя или возбуждаясь, чуть вздымает, и они белоснежными парусами вздуваются по бортам живой ладьи. У шипуна клюв перед лбом вздут основательной шишкой, цвет ее черный. Сам же клюв красный. Посмотрите, в зоопарке живут шипуны, по красному шишковатому клюву вы их легко узнаете.

Другие наши лебеди (а их еще два: кликун и малый, или полярный) на клювах ни шишек, ни красного цвета не имеют. У них он в основании желтый, на конце черный. У малого желтое пятно до ноздрей не доходит, у кликуна косо вперед простирается под ноздри и за них. Оба шеи известной нам латин-

ской буквой обычно не изгибают, а несут ее над собой, вытянув вверх.

Малый лебедь гнездится в тундрах. Кликун, благозвучный и звонкий крик которого звучит трубно «ганг-го», — южнее в лесотундрах и по берегам глухих и таежных озер от Исландии, Скандинавии к юго-востоку до Алтая, и дальше по всей Сибири. У шипуна ареал разорванный, небольшими пятнами разбросан по Европе и Азии (Дания и побережья Балтийского моря, низовья Дуная, Днестра, Дона, Кубани, Волги, Урала, Казахстан и междуречье Шилки и Аргуни). В Канаде и на Аляске обитают подвиды малого лебеда и кликуна. Некоторые зоологи считают их особыми видами. От наших лебедей отличают их лишь черные клювы. Американская разновидность кликуна, лебедь-трубач, в годы перед последней войной был почти совсем истреблен, осталось лишь 73 птицы. Теперь под охраной правительства расплодился эти лебеди до двух тысяч.

В Африке лебеди не живут и даже не зимуют там, кроме некоторых крайних северных мест в дельте Нила и в Тунисе.

Нет в Африке и гусей (о нильском «гусе» речь будет дальше), вообще южнее Северной Индии настоящие гуси нигде не гнездятся, лишь зимуют. Серому гусю человечество обязано премного: домашние произошли от него. Серые гуси гнездятся кое-где в Европе, а в Азии — от Урала до Дальнего Востока. От других серо-бурых диких гусей отличает их розоватый клюв.

У дальневосточного сухоноса, который тоже внес генетический вклад в образование некоторых пород домашних гусей, клюв черный и заметно более длинный, чем у всех других гусей. Знак отличия гуменника (север Европы, Сибирь) — оранжевая «перевязь» на черном клюве. Белолобого гуся (север Америки и Старого Света) — белое пятно на лбу. У пискунки (север Евразии) оно больше заходит на темя. У горного гуся голова тоже белая, с двумя поперечными темными полосками на затылке. На боках шеи продольные белые полосы. Наконец, белый гусь — белоснежен, как снега его родины. Только концы крыльев черные. А его родина у нас — остров Врангеля, в Америке — крайний север Аляски и Канады. Там же обитает и малый белый гусь — девятый и последний вид диких гусей. Ареалы белолобого и горного гусей ограничены менее обширным пространством: у первого — Чукотка и запад Аляски, у второго — Центральная Азия.

Казарки похожи на гусей, но поменьше. Впрочем, некоторые подвиды канадской казарки ростом с доброго гуся и даже с лебеда. Этих красивых белошеих, с черными шеями птиц акклиматизировали в Новой Зеландии и в других странах мира.

Все казарки гнездятся лишь на севере Старого и Нового Света. Все, кроме одной, гавайской. Ареал ее в масштабах земли микроскопичен: лавовые поля с небольшими зелеными лужайками на склонах гавайских вулканов. Эта казарка — сухопутная птица. Пе-

репонки на лапах почти полностью атрофировались, без них удобнее передвигаться по каменистым предгорьям и застывшим лавовым потокам. Когда-то тысячи казарок жили на Гавайях. Охотились на них не только люди, но и собаки, свиньи, завезенные на острова мангусты, в результате осталось всего лишь 42 редкостных птицы. После второй мировой войны орнитологу и художнику Питеру Скотту (сыну известного полярного исследователя!) удалось вырастить и развести в Англии 200 гавайских казарок. Их снова завезли на Гавайские острова, там живет сейчас на свободе 500 этих птиц.

УТКИ

Кряковые, шилохвостые, свиязи, чирки, гаги, турпаны, крохали... Их много, очень много, 112—115 видов в странах всего света. Больше трети, 41 вид, гнездятся или залетают в СССР. Даже упомянуть всех не хватит здесь места. Ограничимся немногими.

Огарь — крупная ржаво-рыжая утка. Пеганка — чернобелая с охристой перевязью на груди — близкий родич огаря. Обе гнездятся у нас в степных и пустынных районах, в норах. Роют сами или занимают лисьи, барсучьи, сурчиные (даже жилие!). Самцы пеганок не бросают утят, а водят их, вместе с самкой «собирая иногда по несколько выводков». Не только в этой повадке замечены у них гусиные черты, но и в некоторых анатомических признаках. Поэтому пеганок, огарей и близких к ним нильских, оринокских, магеллановых, австралийских, куриных и других подобных «гусей» называют полугусями. Одни зоологи зачислили их, но не пеганок и огарей, в подсемейство гусей, лебедей и казарок. Другие полагают, что истинное их место в подсемействе уток.

Пеганки интересны еще тем, что нередко несколько самок несут яйца в гнезде, построенном одной из них. В нем бывает до 60 яиц! «Гнездовой паразитизм» в обычае у многих уток. Яйца длинноносого крохале находили в гнездах черного турпана, а белоглазого нырка — в гнездах савок. В гнезде американского краснолобого нырка насчитали как-то 87 яиц! Занимаются подобными делами и некоторые австралийские утки.

Но самая замечательная утка-кукушка — южно-американская гетаронетта. Яиц никогда не высиживает, а тайком подбрасывает их в гнезда других уток, даже чаек, болотных курочек и трубочей. Порой и в гнезда хищных птиц. Например, чиманго. Представляет положение утенка, оказавшегося под крылышком у таких родителей! Не теряя времени, он спешит поскорее удрать из страшного гнезда. Бежит затем к реке, и там пернатый подкидыш старается тоже не приметно пристать к какому-нибудь утиному семей-

Средний крохаль гнездится обычно на земле и выстилает гнезда темным пухом. Многие другие крохали выводят птенцов в дуплах. Например, большой крохаль (пух в его гнезде светлый) и луток. В дуплах гнездятся и гоголи, в природе встречаются помеси между ними и лутками.

ству. Просто невероятно, как удается ему в первые часы жизни совершать подобные подвиги!

Кряква всем охотникам известна. От нее домашние утки произошли. Ареал у кряквы обширный: Новый и Старый Свет к северу от Мексики, Сирии, Индии. Кряква — утка не нырковая. Когда кормится на мелководьях, не ныряет: погружает в воду лишь шею по плечи либо торчком встает вниз головой, так что лишь гузка над водой. Ныряет кряква в случаях исключительных, когда ранена.

Селезни кряквы, как только их утки утвердятся на гнездах насиживать яйца, собираются стаями и улетают линять в места, весьма отдаленные от гнезд. Лишь немногие линяют, прячась в камышах там же, где размножались. Тысячами собираются линные селезни в густых зарослях по берегам больших водое-

мухосудная утка

шпоровый гуся

мов. В дельту Волги прилетают они для этого ответственного дела из Поволжья, даже из Западной Сибири и Казахстана! Линяют кряковые селезни, начиная примерно с середины июня и дней 20—25, потеряв маховые перья, летать не могут. Немало их гибнет от хищников. Утки линяют позднее селезней, когда выводки заметно подрастут. Это полная линька. Недели через две у селезней — вторая, неполная, или предбрачная, линька. У самок она позже: с сентября и до весны.

Дальневосточная черная кряква меньше обычной. Селезни даже весной в таком же скромном оперении, как и утки.

Серая утка похожа на крякву, но зеркальце на крыле белое, у кряквы синее. Обитает в Северной Америке, в Европе и в Азии на восток до Приамурья.

Связь. Селезень с рыжими и охристыми тонами на голове, шее, груди. Спина струйчато-серая, низ белый. Очень красив! Летает быстро, ловко, как чирок. Слышен характерный свист крыльев на лету. Ареал — север Европы и Азии.

Шилохвость (север Старого и Нового Света). Знак отличия — особый, вытянутый тонким шилом хвост. Когда летит, словно оглядываясь, изгибает шилохвость шею в стороны!

У широконоски ареал почти такой же, как у шилохвости, и тоже четкая примета: клюв на конце расширен лопаточкой (некоторая аналогия с колпичей).

Чирками называют уток, самых маленьких в наших широтах: вес 200—400 граммов. Трескунок и свистунок — обычные у нас чирки. Оба гнездятся в Европе и Азии, к югу примерно до широты Ирана, свистунок, кроме того, и в Северной Америке. Он чуть меньше трескунка, по бокам головы зеленая полоса, у трескунка — белая. Очень красивый чирок-клохтун гнездится у нас в тундрах, лесотундрах и в тайге Восточной Сибири.

Утки тропиков в общем подобны нашим и видом и повадками. Особая «наружность», впрочем, у африканского шпорцевого гуся. Эта длинноногая утка ростом с доброго гуся. (Некоторые зоологи ее гусем и считают.) Длинноклювая, с красным голым «лицом», белошекая, сверху черная, снизу белая. Походка у нее как у аиста, при каждом шаге «кланяется» и ноги поднимает похоже — «парадно», важно, не спеша. Но, когда требуется резвость, бежит быстро, но тоже не по-утиному, а вроде как голенастая птица: тело не пригибает к земле, а держит высоко. И самое замечательное, у шпорцевого гуся (или утки?) спереди, на сгибе каждого крыла, острые шпоры, как у паламеев, которых тоже иногда, усложняя путаницу, называют шпорцевыми гусями.

Те специалисты, которые шпорцевых гусей считают все-таки утками, в ближайшие к ним родичи определили мускусных уток Америки. Это довольно странные на вид создания. Возможно, вы их видели в Московском зоопарке. Приземистые, массивные, черные, с зеленым блеском. В зоопарках попадают и белые, и пегие, и бурые, и серые — это все культурные, одомашненные формы. Дело в том, что инки, государство которых разгромили испанцы во главе с Франсиско Писарро, вывели от диких мускусных уток домашние породы разной окраски. Позднее их привезли в Европу. Здесь их и в наши дни разводят на птицефермах. Птицеводы ценят мускусных

уток за хорошую выносливость, способность к быстрому откорму (селезни весят до четырех килограммов) и за то, что они несутся дважды в году. С домашними утками, потомками кряквы, мускусные дают неплодовые помеси.

Теперь из тропиков перенесемся на Крайний Север, туда, где гнездятся гаги, знаменитые своим изумительным пухом, на морские побережья Европы, Сибири и Америки.

...Зима еще — январь, февраль, а гаги тронулись в путь. Плынут все севернее: продвигаясь туда, где день успел уже отвоевать у полярной ночи лишний светлый час. Гаги, зимовавшие у Мурмана и Северной Норвегии, к апрелю добираются (вплавы!) до Белого моря и Новой Земли.

Они еще на зимовках разбились на пары. Но и холостяков хватает. Порой и дюжиной собираются вокруг супружеской пары. Тогда драки бывают. Обычно утка сама своему селезню указывает, кого бить и гнать сначала, а кого потом. В это зоологи прежде не очень-то верили, но Нико Тинберген и другие этологи доказали, что гаги, как кряковые и другие утки, «подстрекают» своих селезней к агрессивным выходкам очень сходными приемами.

Обычно дело происходит так. Самец дремлет или чистит перья, равнодушный к тому, что чужие селезни приблизились на дистанцию, которую любой ревнивый муж нашел бы недозволённой. Тут утка, тоже дремавшая, с возмущенным «кокококок» вытягивает шею в сторону одного из расположившихся вокруг чужих селезней и клювом, как перстом, указывает прямо на него. Затем, откинув шею назад, поведет несколько раз головой вверх-вниз и опять укажет клювом на того же селезня. Теперь никакие силы не удержат ее супруга на месте. Дремоту как рукой снимает. Он кидается в драку на того, кого ему велено бить. Но, бывает, она тут же указывает на другого. Тогда, быстро переменяв фронт, ее послушный кавалер ринется на этого. Забавно, говорит Тинберген, смотреть, как он точно по ее указанию кидается то на одного, то на другого противника.

Отгнав всех на дозволенное расстояние, гордый успехом своего предприятия селезень издает своего рода победный клич, который звучит, однако, довольно глухо и монотонно, похоже на голубиное воркование. Это и есть «воркование» влюбленного селезня — он токует! Встал в воде торчком, трепеща крыльями. Шею откинул назад, клюв то прижат к груди, то вскинут вверх. На суше поза токования иная, тетеревиного типа.

гага
гребенушка

В первые дни, прибыв на родину, гаги на берег не выходят, все время на воде. Плавают на гребнях волн у самого прибоя или удаляются дружными парами в глубь бухты, на морской простор. ныряют тоже вместе: впереди самка, селезень за ней. Она бурным пятном быстро исчезает в глубине, он, весьма заметный, черно-белый, долго еще белеет в прозрачной синеве. Но вот и его не видно. На пять, десять, двадцать метров погружаются они — до самого дна. Там, схватив моллюска, червя или рака-бокоплава, как пробки, выскакивают на поверхность. Глощают моллюсков целиком с раковинами, даже если длина их 10—12 сантиметров! Шея птицы вздувается бугром, обозначая путь отправленного в желудок моллюска. Едят и морских ежей, офиур, морских звезд. Но у этих обычно глотают только один-два «луча», оторвав их.

Но вот гаги вышли на берег: пора строить гнезда. Сначала то тут присядет утка, то там. Поскребет немного землю и на новое место уйдет, словно не решено у нее, где быть гнезду и не рано ли еще. Селезень ходит за ней и тоже пробует лапами копать, но заметно, что дело это не очень его увлекает. С каждым днем утка все усерднее сгребает землю и наконец, решившись, роет ямку глубиной сантиметров десять. Устилает травинками, листьями. Посидела немного, и зеленоватое яичко в ямке!

Пуха еще в гнезде нет. Уходя, прикрывает утка яйцо пока только увядшей зеленью. Как четвертое яйцо появится, будет и пух. Утка щиплет его у себя на брюхе. Скоро пуха в гнезде столько, что яйца «тонут в нем».

«Пух обладает исключительной легкостью и малой теплопроводностью, пользуется заслуженной славой лучшего в мире естественного утеплителя... Промысел гагачьего пуха известен с древних времен. В Исландии первые попытки правильного использования гагачьих гнездовий относятся чуть ли не к XII—XIII векам. Россия, по некоторым данным, в начале прошлого столетия занимала на мировом рынке первое место по экспорту гагачьего пуха, который заготавливался и вывозился в количестве нескольких десятков тонн ежегодно» (профессор А. В. Михеев).

В Норвегии и Исландии «предприимчивые» люди огородили заборами некоторые гнездовья гаг и собирают там драгоценный пух. Гаги к разбою привыкли и каждый год прилетают гнездиться за заборы, где их, обирая, однако, и от хищников охраняют, разорять гнезда не позволяют.

Посидев около 27 дней на утонувших в пуху яйцах, почти не покидая их, чтобы поесть и попить, мать-гага услышит первый писк из-под разбитой скорлупы. Селезень не услышит: лишь только его

подруга утвердится на гнезде, он в компании других сотоварищей уплывает в море, потом на линьку, «на уединенные острова».

Утята обсохнут и уже ловят комаров, зелень разную клюют. На вторые или третьи сутки мать ведет их к воде. Через два месяца, подросших, бросает, посвящая теперь все время только себе.

Кроме обычной гаги, о которой шла речь, еще три вида гаг гнездятся на севере Старого и Нового Света: гребенушка, очковая и малая, или сибирская.

ДНЕВНЫЕ ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ

Дневные хищники охотятся светлым днем, немногие — в сумерках (широкоротые и другие сумеречные коршуны, иногда алеты, чеглоки), ночью — никто.

Птицы средних размеров, но есть и мелкие — карликовые соколы, размах крыльев около 25 сантиметров, и очень крупные — черный гриф, кондоры: размах крыльев до 3 метров. Меньше, однако, чем у пеликанов, марабу и альбатросов. Вес орлов — до 9, кондоров — до 12, черных грифов — до 14 килограммов.

Моногамы. Некоторые пары годами не расстаются (ястребы, беркуты). Насиживают только самки (ястребы, луны, лесные соколы, чеглоки, балобаны, змеееды, секретари и др.). У некоторых и самцы (осоеды, коршуны, сипы, грифы, каранчо, стервятники, сарычи и др.). Впрочем, вопрос о разделении труда между самкой и самцом окончательно не решен. Многие и среди них такие прославленные исследователи, как Оскар Хейнрот и Г. П. Дементьев, утверждают, что у всех, во всяком случае, типичных дневных хищных птиц насиживает самка. Самец лишь приносит ей добычу, иногда ненадолго, часа на два, сменяет ее.

Гнезда на деревьях, в дуплах, в нишах скал, реже на земле (луны, степные орлы, порой и каранчо, сапсаны, дербники, кобчики, скопа), даже иногда в норах (пустельга). В кладке у крупных хищников — 1—2 яйца, у средних 3—4 и до 9 у мелких. Насиживают с первого яйца, около месяца, крупные виды — вдвое больше. Птенцы покидают гнездо у большинства через месяц, у больших грифов — через 3—4 месяца. Половозрелость у крупных птиц (калифорнийских кондоров) в 6 лет.

Орлы живут в неволе до 50 и больше лет, ястребы — до 25 лет. А один кондор прожил в Московском зоопарке 69 лет!

В отряде около 270, по другим подсче-

там — 291 вид. Ареал отряда — весь мир, кроме Антарктиды и некоторых небольших островов.

Пять семейств.

Американские грифы: 6 — 7 видов,

Секретари: 1 вид (Африка),

Скопы: 1 вид (почти весь мир),

Ястребиные: 198—208 видов (весь свет),

Соколиные: 58—60 видов (весь свет).

Некоторые систематики не выделяют скопу в особое семейство, объединяя ее с ястребами. Есть и другие подразделения отряда хищных птиц.

ОРЛИНОЕ ПЛЕМЯ

Хищная птица наделена особым вооружением — ее узнают все. Этот рвущий клюв, изогнутый острым крюком, и когти, в мертвой хватке пронзающие жертву, — оружие явно наступательного типа, которым успешно действуют в разбойничьих налетах все хищные птицы.

Все? Точнее, почти все. Некоторые, веками эволюционируя, отвыкли от лихих атак на дичь. Предпочли мертвечину. Стали падальщиками, трупоедами. Эта непривлекательная склонность не должна нас отвращать: роль птиц-трупоедов в жизни природы очень велика!

Других (американского каракалу, африканского грифового орлана) природа склонила к вегетарианству. Они едят во множестве плоды пальм и других растений. Третьи всем дарам съедобного мира предпочли моллюсков (коршун-слизнеед) либо рыбу (скопа).

С другой стороны, и чайки, и вороны, и сороки, даже альбатросы и буревестники, аисты, некоторые попугаи не откажутся при случае убить и съесть чьих-либо плохо охраняемых птенцов, какую-нибудь малую птицу, зайчонка, цыпленка, мышь, ласку... Словом, известное хищничество в их натуре. Потому в последнее время некоторые уважаемые исследователи предлагают отказаться от старого наименования отряда «хищные птицы» и употреблять иное — «орлиные» или «ястребиные».

Логика согласуется с этим предложением тем более, что известен нам еще один отряд чистых хищников — совы, или ночные хищные птицы. Они не состоят в близком родстве с дневными. Тем не менее вооружены так же и в той же роли (только преимущественно по ночам!) выступают на арене жизни.

«Их родственные отношения с веслоногими (бакланами, пелликанами и т. п.) и с группой цапель-аистов вполне определены...

В эволюционном ряду хищные птицы, в общем, стоят, по-видимому, выше, чем веслоногие, цапли-аисты и куриные, но значительно ниже воробьиных. В развитии их птенцов заметно определенное сходство с аистами: рождение птенцов уже зрячих и в пуху, скорая смена первого пухового одеяния вторым... (которого у цапель нет)... Веслоногие рождаются голыми и слепыми, пухом обрастают лишь позднее. С полным правом можно назвать хищных птиц, аистов и цапель «ненастоящими птенцовыми»... Если гнездо не очень высокое, птенцы скоро из него вылезают, что обычно случается у гнездящихся на земле луней. Птицы истинно птенцового типа покидают свою колыбель, только когда полностью оперены и уже умеют летать. Вспомните, например, о голубях и ласточках» (Оскар и Магдалена Хейнрот).

Но птенцов еще нет. Весна. Возрожденная природа бурлит деятельной жизнью. На зорях по лесным полянам и луговинам токует тетерева, токует глухари в борах и на верховых болотах. Белые куропатки кричат в предрассветном мраке...

Токуют и хищные птицы. Днем. Особым брачным полетом и криком заявляя о готовности соединиться в пары сообразно своему виду и полу. Холостой самец пустельги ритуальным полетом сверху вниз к какому-нибудь выбранному им старому вороньему гнезду приглашает самку. Когда она найдется, птицы вместе слегка подновят гнездо, принесут свежую подстилку и выведут в нем птенцов.

Ястреб-тетеревятник резким криком «гиг-гиг-гиг» оповещает округу о своих брачных намерениях. Нередко супружеские пары, например у ястребов, неразлучны годами. Чужой самец, пытающийся разрушить своим вторжением их союз, очень рискует. Его дружно атакуют, самка с особой яростью, и случается, что убивает непрошеного жениха, ощипывает, рвет на куски и ест. У гнезда одной такой дружной ястребиной пары нашли весной полдюжины убитых и ощипанных самцов-претендентов.

Самки многих хищных птиц крупнее самцов. У ястребов-перепелятников это преобладание в весе и силе «слабого» пола над «сильным» особенно заметно: самец на треть меньше. У других видов разница почти такая же (соколы) или не столь велика (у американских грифов), и вовсе ее нет либо даже самец больше, например, у кондоров.

Разница в силе определяет и «сорт» добычи: самец-перепелятник ловит мелких птиц, самка — более крупных, даже голубей и куропаток. Сама она хоть и крупнее супруга, но тоже не очень велика — 200—300 граммов ее вес.

Посмотрите, как природа мудро распорядилась: крупная самка высидит яйца: чем больший объем

у наседки, тем лучшее укрытие у яиц. Маленький самец приносит ей, а позднее и птенцам добычу: мелких птиц. Но такие и нужны птенцам в первые дни жизни! Позднее, когда они подрастут и выберутся из гнезда на соседние ветки, летает на промысел и самка. А пока, сидя в гнезде, линяет, времени зря не теряя. Самец линяет позднее недели на две-три. Добычу ястреб высматривает из укрытия на дереве или ведет разведку в низком полете над кустами, густой травой. В гнездо возвращается тоже низко над землей. Высоко летают ястребы только весной, когда токуют.

Коршуны, грифы и кондоры приносят добычу в зобу и отрыгивают затем птенцам. Ястребы и соколы транспортируют в когтях, бородач иногда и в клюве. Самец не кормит сам птенцов, во всяком случае у ястребов и чеглоков, а отдает то, что принес, самке. Она сначала ощипывает перья или шерсть, затем рвет жертву на мелкие куски и раздает птенцам.

Самец ястреба-перепелятника обычно еще издали особым криком предупреждает самку, что несет пищу. Та вылетает навстречу и забирает ее. Или же, пролетая над гнездом, самец бросает в него добычу.

Если мать погибнет, то гибнут и птенцы, когда они очень малы и не могут сами разрывать принесенных самцом птиц. Отец только кидает и кидает их в гнездо, заваливает пищей умирающих от голода птенцов. Но иногда в самце пробуждается старый инстинкт, и он начинает, если самка погибла, рвать на куски добычу и кормить птенцов.

Глаза у птенцов, даже у тех хищных птиц, у которых позднее роговица желтеет, всегда черные, хорошо заметны на фоне их белого или серо-белого пухового оперения. Это эвокатор! Видимый знак, который поощряет родителей кормить своих отпрысков. Насытившись, птенцы разворачиваются спиной к родителю. Он не видит тогда черных глаз и кормить перестает. Однажды в гнезде перепелятника, за которым наблюдали зоологи, один уже сытый птенец неловко опрокинулся на спину. Мать видела его черные глаза, обращенные к ней, совала и совала ему в клюв кровавый кусочек мяса. Но птенец есть не хотел, закрыл свой требовательный рот. Тогда она положила настойчиво предлагаемую пищу ему между глаз!

У многих хищных птиц семейные, так сказать, владения распределены на два разряда: гнездовая территория и охотничья. Как правило, между ними лежит ничейная, или нейтральная земля, так как у гнезда обычно не охотятся и здесь в безопасности гнездятся разные мелкие птицы.

«Как-то мне пришлось стать свидетелем одной печальной картины. Вдоль дороги в степи тянулась линия телеграфных столбов и почти под каждым десятым столбом останки орла... Почему, зачем их убили? Ответ получил от шофера: «Просто так, сидит на столбе — ну как ружья не попробовать!» (В. Е. Флинт).

«Да ведь хищник, что жалеть его, вредный...» — скажут еще многие, когда речь пойдет о милосердии к избиваемым орлам, ястребам, соколам... Тут необходим особый разговор.

БЕРЕГИТЕ ХИЩНЫХ ПТИЦ!

Несколько лет назад на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство» шла дискуссия, значение которой в полной мере будет оценено только потомками.

Все началось со статьи профессора Г. П. Дементьева «Нужно ли истреблять хищных птиц?».

Профессор писал, что во многих странах мира пернатые хищники охраняются законом. В Англии, например, с 1954 года запрещено разорять гнезда и убивать сапсанов, дербников, чеглоков, канюков, беркутов и даже ястребов-тетеревятников. Пустельга и скопа тоже охраняются. Только ястреб-перепелятник, истребитель певчих птиц, объявлен, так сказать, вне закона. Живых соколов и ястребов для соколиной охоты, которая все больше входит в моду на Западе, разрешается ловить лишь по особым лицензиям.

И в средние века, и в античное время люди любили и берегли хищных птиц. В Англии и Дании, например, человек, убивший сокола, должен был иметь дело с палачом. Но потом, как это не раз уже случалось в истории, маятник качнулся в обратную сторону: хищных птиц объявили врагами, стали безжалостно истреблять. Принесло ли это пользу?

Нет, только вред! Дичи, которую хотели оградить и умножить, уничтожая ее природных врагов, стало... меньше. Дичи не прибавилось. Первым заметил это норвежец Август Бринкман. С начала века норвежцы без пощады избивали в своих лесах ястребов, соколов, филинов: хотели, чтобы было больше белых куропаток. Но куропаток год от году становилось все меньше. В 1927 году Август Бринкман доказал, что куропатки гибли от болезней, главным образом от кокцидиоза, поражения кишечника паразитами. По-видимому, хищники, уничтожая в немалом числе больных куропаток, исполняют в лесах роль санитаров.

В конце прошлого века и в Англии, в Гемпшире, перебили почти всех пернатых и четвероногих «хищников», даже ежей и цапель! В результате после

1900 года куропаток и фазанов в тех местах стало... вдвое меньше.

И в лесах, нам более близких, в России случались подобные же казусы. В Беловежской Пуще ее управители решили избавиться от всех ястребов, соколов, орлов, сов и других дневных и ночных хищных птиц. За три года, с 1899-го по 1901-й, «всеми способами» уничтожили 984 хищника. И что же? Боровой дичи, глухаря в особенности, стало значительно меньше.

Рассказывают также, что в это же примерно время в бывшей Смоленской губернии граф Уваров и фабрикант Хлудов в своих имениях «повели кампанию беспощадного истребления хищников силами местных жителей». За убитых ястребов крестьян и егерей награждали деньгами, порохом и дробью. Три года длилось избиение: почти всех хищников всех видов перестреляли, и... сразу же «начался массовый падеж белок, зайцев, тетеревов».

И Уваров и Хлудов поспешили исправить положение: опять же за деньги стали покупать у крестьян живых хищников, которых ловили в соседних лесах, и выпускать в своих имениях.

Профессор Г. П. Деметьев в своей статье рассказал, что известный соколиный охотник Эйтермозер заметил, что соколы нередко нападают не на ближайшую птицу, а на... ненормальную, которая летит не так, как другие. Он решил проверить, может быть, хищники не хватают всех без разбора, а предпочитают нападать на больных птиц?

Десять своих соколов Эйтермозер стал напускать на ворон.

Ловчие птицы сбили 136 ворон. Их внимательно осмотрели: у 81 вороны не нашли никаких телесных недугов, но другие 55 явно неважно себя чувствовали до того, как попали в когти к соколу.

Тогда в той же местности экспериментаторы без помощи соколов сами добыли сто ворон. Стреляли всех без разбора: здоровых было среди сотни 79, а больных — 21, то есть в процентном отношении вдвое меньше, чем у соколов.

Вывод может быть только один: соколы явно предпочитают нападать на больных птиц!

Почему? В последнее время зоологи, наблюдавшие за другими хищниками — четвероногими и морскими, заметили, что и у тех тоже такая склонность — охотиться на больных и раненых животных. Проявляется ли в этом своего рода биоценологический инстинкт, то есть инстинкт, возвышающийся над видовыми интересами и обеспечивающий выживание всего сообщества видов — биоценоза? Или, может быть, просто больных добыть легче?

Последнее бесспорно: ведь ловля птиц — дело

нелегкое даже для пернатых асов. Примерно каждые два голубя из трех, на которых пикирует сокол сапсан, уходят невредимыми. Лишь один из трех атакованных голубей падает, рассеченный его когтями.

Зоолог В. М. Гусев наблюдал за разными видами хищных птиц. Он подсчитал, что только 213 атак из 3441, предпринятых на его глазах хищниками, кончались удачно. Удачно для хищника, но не для жертвы, конечно.

Понятно, что пернатые пираты предпочитают нападать на больных животных: те не так внимательны, не так быстры. Часто и держатся особняком, в одиночестве. Здоровые собратья, повинаясь инстинкту, обычно изгоняют их из стаи. А известно, это тоже экспериментально доказано, что многие животные, птицы и рыбы в стаях несут меньше потерь от хищников, чем разбитые на пары или одиночки. И дело здесь не только в умноженной бдительности соединенных в стаи животных, но еще и в каком-то особом психологическом свойстве коллектива, которое приводит атакующего врага в замешательство. Это свойство называли эффектом замешательства.

У большого вопроса — истреблять или охранять хищных птиц? — есть еще один очень важный для нас аспект. Уничтожая больных птиц и грызунов, хищники и нас тем самым спасают от страшных недугов и эпидемий.

Многие дикие животные носят в крови и в чреве своем возбудителей чумы, туляремии, энцефалита, лептоспироза, орнитоза и других трудноизлечимых или неизлечимых заболеваний. Известно их уже около 50! Немало у нас и общих паразитов.

Так правы ли мы, объявляя хищных птиц своими врагами? Разумно ли мы поступали до сих пор, безжалостно их истребляя?

Нет, неразумно.

А между тем избиение хищных птиц продолжается.

От некоторых укоренившихся заблуждений людям очень трудно избавиться.

Еще для многих охотников и сокол, и лунь луговой, и сарыч-мышеед, мирно парящий над лесом, — враг, который не может рассчитывать на пощаду, и мишень для пальбы в цель. Стреляют в любую птицу хищного облика, не разбирая, полезная она или вредная. Многие охотники, я в этом убедился, не умеют, даже взяв в руки, отличить ястреба от коршуна, оставаясь в наивном неведении о том, что, кроме ястребов и коршунов, есть еще и сарычи, мохноногие канюки, луны (пять разных видов, из которых только один опасен для дичи!), подорлики и разные

там осоеды и змеееды. Для неискушенных в зоологии людей это слишком академические тонкости.

А ведь из 46 видов дневных хищных птиц, обитающих в нашей стране, только два вида — ястреб-тетеревятник и болотный лунь — возможно, и вредны тем, что истребляют немало дичи, которую охотники и сами не прочь пострелять.

В 1962 году в нашей стране было уничтожено 1 154 700 «вредных» птиц. А сколько погибло подранков! Сколько убитых птиц вообще не было зарегистрировано!

Дискуссия журнала «Охота и охотничье хозяйство» дала свои плоды. 1 июня 1964 года ее достойно увенчал приказ № 173 по Главному управлению охотничьего хозяйства и заповедников:

«...Учитывая новые данные о биологии хищных птиц и приносимую ими значительную пользу в сельском, охотничьем, лесном хозяйствах и здравоохранении, приказываю:

Запретить отстрел, отлов и разорение гнезд всех видов хищных птиц и сов в охотничьих угодьях общего пользования на всей территории РСФСР».

КОНКУРЕНТЫ ГИЕН

Грифы, сипы, стервятники — конкуренты гиен. Трупы, падали всякого рода — их пища. Парят часами в поднебесье, высматривая ее. Впрочем, у американских грифов иной метод поиска. Многие из них, если не все, наделены редким у птиц даром — неплохим обонянием. Индейковые грифы, например, летают низко над землей, «вынюхивая», где падалию пахнет. Собираются к ней стаями. Либо сидят на дереве и ловят ноздрями ветерок с теми же ароматами. На окраинах городов, у рыбацких деревень, на морских и речных берегах едят индейковые грифы и похожие на них урубу всякие отбросы. Здесь, от границ Канады (урубу — от юга США) до Патагонии, и в природе, и в человеческих поселениях они исполняют роль санитаров. Их неразборчивая прожорливость — важный фактор в неотложных мерах по очищению «загрязненной среды».

Королевский гриф, большая, очень пестро окрашенная птица, гнездится в дуплах тропических лесов от Мексики до Уругвая. В сумраке сельвы, в непролазной гуще леса, трудно увидеть с дерева даже и большую падали. Но запах выдает, королевский гриф его чувствует и летит кормиться.

Два кондора, андский и калифорнийский, тоже из особого и древнего семейства американских грифов, которые с грифами Старого Света имеют лишь внешнее, конвергентное сходство, — возникшее от сходного образа жизни, но не семейное, не родственное.

ИНДЕЙКОВЫЙ
ГРИФ

Грифы в командной позе: «Всемирно дезинфицироваться!»

Андский кондор (горы и побережья всего запада Южной Америки) — всем известный похититель, который в романе Жюль Верн унес в когтях Роберта. (Нужно ли говорить, что в реальной жизни такая ноша ему не по силам!) У самцов кондора гребень на лбу, вроде как у петуха, голова и шея голые, как у всех грифов американских и «старосветских», и белый воротник вокруг шеи. Живет кондор и высоко в горах (до 7 тысяч метров), и у самого моря, где подбирает дохлых рыб, клюет туши мертвых тюленей, китов, ворует яйца и птенцов у буревестников и бакланов. Нападает и на живых викуней, молодых лам и оленей.

Гнездится в скалах. Редко два яйца лежат на рыхлой подстилке из веток, обычно на голом камне. Но и несколько кое-как уложенных веточек — уже достижение; другие американские грифы, кроме, возможно, лишь урубу, подстилок под яйца не делают. Насиживают прямо на голой земле, скале или на полугнилом дереве дупла.

Калифорнийский кондор, черный, с черным, а не белым воротником вокруг шеи и без гребня на голове, прежде обитал по всей Северной Америке, от Канады до Флориды. Теперь же в Южной Калифорнии осталось едва ли больше сорока этих птиц. Истребляли их, гибли они от ядов, положенных скотоводами в трупы коров и овец, предназначенные для волков и койотов.

Размножаются раз в два года: одно яйцо, редко два, высиживает за это время самка кондора. Птенца кормят шесть месяцев, да и потом еще больше года взрослые птицы «нянчатся» с ним, охраняют, подкармливают. Он растет медленно, вполне взрослый — лишь в шесть лет.

Места, где гнездятся калифорнийские кондоры, теперь под охраной. Но беда в том, что очень далеко, за 80—90 километров, улетают за кормом эти большие птицы и, конечно, гибнут в поисковых рейдах под выстрелами и от отравы.

Еще в ледниковое время жил в горах Невады и Калифорнии кондор, названный «невероятно чудовищной птицей» — пять метров в размахе крыльев! Таких великанов, кроме ящера птеранодона и одного вымершего альбатроса, среди летающих над землей созданий ни до, ни после не было.

16 видов грифов Старого Света и близких к ним птиц зачислены систематиками в семейство ястребиных. Их ближайшие родичи орлы, коршуны, луны и сарычи. Внешним видом, однако, грифы выделяются из этой родни: голые или чуть покрытые пухом го-

КОРОЛЕВСКИЙ
ГРИФ

лова и шея, воротник снизу на шее пуховый или из острых длинных перьев, клюв массивный, лишь у стервятника длинный и тонкий. Мощный клюв нужен, чтобы рвать крупную падаль. Бесперые головы и шеи, чтобы не очень пачкаться в пожираемых внутренностях. Воротник снизу на шее — для тех же целей гигиены: он задерживает кровь, стекающую вниз по шее. (Некое функциональное подобие наших бровей, оберегающих глаза от пота на лбу!)

Но все-таки перо пачкается, поэтому любят купаться грифы. Они чистоплотны. Падаль едят нередко настолько уже гнилую, что всякое другое животное, даже гиена, поев ее, подохло бы. Железы их желудка выделяют соки, нейтрализующие трупный яд. Ясно, что миллиардами бактерий кишит их непривлекательное кушанье. В ультрафиолете солнечных лучей, убивающем микробов, дезинфицируют грифы свое оперение, взъерошив его и полураскинув крылья. То один бок, то другой подставляют лучам дневного светила. Особая командная поза побуждает всех птиц в группе или стае принимать солнечные ванны. Стоит лишь одному грифу, распушась, приподнять крылья, сейчас же и другие следуют этой зримой команде: «Всем дезинфицироваться!»

Ищут добычу не чульем, как их американские коллеги. Парят видимые на большой высоте с земли лишь черными точками, а замечают все: кто на земле уже умер, кто умирает. Камнем падают с подблачных высот. Если животное умирает, его не добивают, а усядутся вокруг и терпеливо ждут. (Конечно, если животное крупное; мелких — зайцев, сурков, черепах — живых и здоровых убивают.)

Для таких дел нужны открытые пространства, с хорошим обзором сверху: плоскогорья, степи. Там грифы и забирают свою дань у всесильной смерти.

Черный гриф встречается от Южной Европы, Крыма, Кавказа до Средней Азии и скал Монголии. Белоголовый сип — там же, но еще и южнее: до Индии и Северной Африки. Снежный сип — в высокогорьях Гималаев, Памира и Тянь-Шаня. Ушастые грифы — в Африке и Индии...

Сипы поменьше грифов и светлее: светло-бурые, голова, шея и воротник белые, ноздри щелевидные, у грифов круглые. Гнездятся на скалах группами, в некотором роде колониальны.

Черные грифы в одиночестве, точнее парами, строят на деревьях свои огромные гнезда до центнера весом. Там, где деревьев нет, они не гнездятся. Когда север Африки оскудел лесами, черные грифы стали здесь вымирать, и, кажется, нет их уже там. Но удивительно, что на востоке, в Монголии и Гоби, черные грифы приспособились плодиться и на скалах. Человека боятся, но всякого зверя и птицу смело гонят от падали, даже орлов и волков.

Редчайшая
фотография!
Стервятник камнем
разбивает страусиное
яйцо.

ушастый гриф

Интересно, сумел бы марабу, раздавая удары направо и налево, разогнать их клювом-дубиной, как ушастых грифов Африки? «Ушастые» (у них уховидные красные «серьги» по бокам голой шеи) не так грузны и тяжелы, как черные грифы, хотя размах крыльев у них сходный.

«Когда степной пожар согнал страусов с гнезд, яйца их не были повреждены. Белоголовые и ушастые грифы пытались взломать их сильными ударами клювов, но безуспешно.

Затем прилетели два стервятника. Сначала и они попробовали проломить клювами скорлупу яиц. Когда ничего из этого не получилось, отыскивали камни весом по 100—300 граммов, взяли их в клювы. Вытянувшись вертикально, подняв высоко головы с зажатыми в клювах камнями, бросали затем их прямо на яйца, лежащие у ног. После четырех-двенадцати ударов скорлупа разбилась, и пиршество началось» (Джейн ван Ловик-Гудалл и Гуго ван Ловик).

Трудно было бы в это поверить, но исследователи сфотографировали все стадии трудового процесса: как летит стервятник и несет в клюве довольно увесистый камень, как, вытянувшись вверх, бросает его на страусиное яйцо, как яйцо колется и «начинается пиршество».

Простейшие орудия — камни и палки берут в клювы, хоботы, лапы, челюсти разные животные: слоны, обезьяны, каланы, роющие осы... Дятловый выюрок с Галапагосских островов колючкой или прутиком достает из-под коры личинок жуков. Стервятник, оказывается, колет камнем страусиные яйца. Австралийский хохлатый коршун бомбардирует камнями (с воздуха!) яйца эму. Наверное, со временем откроются и другие умельцы подобного рода.

Стервятников два вида: бурый (Африка) и обыкновенный (Африка, юг Европы, Крым, Кавказ, Средняя и Южная Азия).

Две птицы из подсемейства грифов в своих вкусах сильно уклонились от основной линии — пальмовый гриф (некоторые исследователи причисляют его к орланам) и бородач-ягнятник.

Первый питается в основном плодами некоторых пальм: взяв в лапу, сдирает клювом скорлупу, ядра ест и птенцов ими кормит. Он и гнездится обычно на пальмах. Красивая черная птица. Обитает в манграх и лесах Африки, обычно у рек и морских берегов, где собирает также живых и мертвых рыб, раков, моллюсков.

Бородач-ягнятник ест немало всякой падали. Особенно любит кости: глотает целиком даже коровьи позвонки! Из черепов и трубчатых костей извлекает мозг, разбивая их о камни и затем ловко орудуя своим «особого устройства языком». Местами, в Греции например, главный предмет его охотничьих вожделений — черепахи. Он их обрабатывает когтями, клювом, языком, как и кости. Когда вскрыть панцирь большой черепахи не удастся, бросает ее с высоты о камни.

Ворует у зазевавшихся пастухов малых ягнят. Рассказывают, что на опасных горных тропах он ударами крыльев толкает в пропасть овец, коз, серн, собак (и даже будто бы детей и взрослых людей, что едва ли бывает).

За что называли этого орла из племени грифов ягнятником, теперь нам ясно. Под клювом у него пучок перьев, словно эспаньолка. Отсюда и «бородач».

Высоко в горах гнездятся бородачи: в нишах скал, в пещерах. Гнездо из веток. Бывает, и старые кости среди них уложены. Для тепла и мягкости выстлано сухой травой и овечьей шерстью. Два яйца, но птенец обычно один, второй погибает. Высиживает самка, возможно, немного и самец. Птенца кормят не отрывкой из зоба, как все грифы, а мелкими кусками мяса.

В Южной Европе (Пиренеи, Балканы), в Восточной и Южной Африке бородачей осталось мало. Больше их на Кавказе, в Средней и Центральной Азии. Птицы крупные, с кондора, но крик их не по росту «писклив» — негромкий свист.

Давно уже замечено странное явление: ржаво-бурые бородачи, пожив известное время в зоопарках, вдруг после линьки белеют. Оказывается, их перья в бурые тона окрашивают окислы железа. В нишах скал, где на воле бородачи гнездятся и спят, много пыли выветренных пород, богатой этими окислами. Когда попробовали насыпать на пол клеток песок примерно такого же химического состава, как пыль на скалах, белесые бородачи, которые спали лежа на песке, вскоре заметно «поржавели».

ЯСТРЕБИНЫЕ

У ястребиных несколько иное, чем у соколов, устройство клюва и когтей. На режущем крае соколиного надклювья — маленький, острый, четко обозначенный «зуб». У большинства ястребиных его нет. Только у тех, кто охотится на насекомых и разгрызает твердые хитиновые панцири, надклювье с одним или даже с двумя зубцами соколиного типа.

У соколов пальцы длинные, а когти сравнительно короткие, на всех пальцах одинаковые. Кроме заднего: его коготь несколько длиннее остальных. У ястребиных когти заднего пальца и переднего внутреннего значительно длиннее, чем двух других. В мертвой хватке действуют они как острые клещи.

Соответственно и методы атаки несколько иные. Ястребиные хватают добычу когтями и душат, сжимая «клещами».

Соколы, особенно крупные, пикируя с высоты со скоростью сотен километров в час, стараются распороть свою жертву ударом задних когтей, лапы при этом плотно прижаты к брюху. Хватают на лету и когтями, сжимая в них, долбят клювом затылок жертвы: «зуб» на надклювье — дополнительное острие! — помогает пробить кости черепа.

В семействе ястребиных, кроме грифов, с которыми мы уже знакомы, еще семь подсемейств: сумеречные, или насекомоядные, коршуны — 8 видов, осоеды — 12 видов; настоящие коршуны — 10 видов; ястребы — 52 вида; сарычи, орлы, орланы, гарпии — 94 вида; луны — 8—9 видов и орлы-змеееды — 14 видов.

Не все сумеречные коршуны охотятся в полумраке ранних утренних и вечерних часов, а лишь некоторые. Например, чернокрылый (Африка, Индия) и широкоротый (Африка, Индонезия). У «широкоротого» разрез клюва велик — до самых глаз, как у козодоя! Глаза большие, что-то совиное: его в его «ли-

це». Летучих мышей и насекомых хватает когтями на лету, на лету же рвет на куски и ест.

Такая повадка у всех сумеречных коршунов вообще. Едят только мелких животных, в основном насекомых (эпитет «насекомоядные», пожалуй, больше им подходит, чем «сумеречные», ведь и некоторые настоящие соколы охотятся в сумерках! — впрочем, оба названия не очень удачны). Африканские вилхвостые коршуны, как вороны, дружными стаями нападают на гнезда орлов, грифов и воруют, по-видимому, их птенцов.

Гнезда насекомоядные коршуны выстилают зелеными листьями и травой — изнутри и нередко снаружи. Повадка такая же у сарычей, некоторых ястребов, орлов и осоедов.

Два у нас в СССР осоеда. Обычный, на восток до Алтая, и сибирский хохлатый.

Похож осоед на сарыча, но у взрослых самцов на голове серая «шапочка». Грудь и брюхо исчерчены поперечно-бурыми крапинами, у сарычей — продольные штрихи. Парит мало, когда охотится, а не токует. С дерева или невысокого полета заметит гнездо ос или шмелей, лапами его разорит и ест детку и атакующих жалоносцев. Жуков, гусениц, пауков, червей, кузнечиков, мышей, лягушек, ящериц, змей, чернику, бруснику тоже ест.

Добираясь до шмелиных гнезд, осоед, бывает, выроет такую глубокую ямку, что, копаясь в ней, не видит и не слышит проходящего рядом человека (шмели жужжат вокруг — заглушают слышимость!). Тут его можно поймать руками.

Загадал осоед загадку: почему все пчелы, шмели и осы в его желудке без жал? Может быть, прежде чем съест, он откусывает им жалоносные «окончания»? Но за малайским осоедом наблюдали: с жалом глотает. Убив птицу, вскрыли желудок и нашли там многих ос без жала. Загадка, стало быть, не решена.

Зимуют осоеды в Африке, залетают далеко — до самого юга. К нам возвращаются поздно. Только в июне в гнездах яйца: 2, реже 3—4. Деревья уже листвою укрыты, гнездо заметить трудно. Оно еще и зелеными ветками «украшено». Как только завянут, птицы приносят свежие.

Но выдает их резкий крик «тек-тек», похоже как у горихвостки, только более громкий, напоминает даже отдаленную трескотню мотоцикла. В эту пору осоеды много сидят на гнезде, если даже и яиц в нем еще нет. Или играют высоко в небе. Самец выше и выше над самкой взмывает. Пикирует вниз, не долетев до нее немного, разворачивается и снова вверх.

Вместе по очереди насиживают, вместе кормят птенцов. Личинок ос приносят обычно в клюве, прочих насекомых — в зобу.

Оперенные и умеющие летать полуторамесячные птенцы сидят еще долго на краю гнезда и кормятся

тем, что родители принесут. Обычно снабжает их теперь провиантом одна только мать. Самец семью покинул и занят своими делами. Совсем еще малые осоеды — уже неплохие землекопы: копают подстилку гнезда, словно не терпится им поскорее добраться до шмелей!

Как часто ошибаются люди, несправедливо считая всех хищных птиц своими врагами, доказывает пример павших жертвой этой ошибки осоедов.

Одного заметили на мертвом зайце и, решив, что он зайца убил и ест, застрелили. Вскрыли желудок осоеда: полон личинок трупных мух!

Другого застрелили на выгуле фазанника. Думали, он забрался сюда, чтобы воровать фазанят. Зря убили полезную птицу: охотился осоед на кузнечиков...

К несчастью своему, полетом похож осоед немного на ястреба. И за это его по ошибке убивают. Но посмотрите на длинный хвост птицы: три широкие темные поперечные полосы отличают ее от всех пролетающих над вашей головой хищников. Мало этого? Довольно четкие продольные полосы снизу на крыльях тоже помогут опознать осоеда.

К сожалению, в народе, не только нашем, но и немецком (о том сожалеет Оскар Хейнрот), пожалуй, и в любом другом, всякая хищная птица все «ястреб» да «коршун». А ведь и тот и другой на глаза редко попадают. Особенно ястреб. Быстрыми взмахами коротких крыльев пересечет поляну, мелькнет пестринами и скроется за деревьями.

Если «ястреб» парит кругами над лесом, особенно у опушек и полей, кричит на лету гнусаво, громко «кья» или «киии», а хвост у него сзади прямо обрезан, без вырезки, сам бурый, то «ястреб» этот — сарыч Мышеед. Очень полезная и, пожалуй, самая обычная в Подмосковье хищная птица. Обитает в Европе и лесостепной зоне Азии.

По земле ходит много, ловит мышей, ящериц, лягушек. Или парит над лесом. Крылья широкие, на концах по-орлиному «растопырены», а хвост короткий, веером раскинут — это подорлик. Тоже польза от него в лесном хозяйстве!

Над полями, лугами невысоко летают (приподняв вверх крылья!) белые снизу, «седые» сверху полевые и степные луни. Самки у них бурые. Мышееды. Полезны. Если над сырыми низинами, тростниками, сами бурые, часто с охристыми «шапками» — болотные луни. Эти признаны вредными: губят водоплавающую птицу.

Над степью, полем, лугом трепещет крыльями, словно подвешенная на невидимой нити, полетит быстрым полетом и опять «повиснет» над землей с частыми-частыми взмахами крыльев — малый сокол

Ястреб-перепелятник — уменьшенная копия другого нашего ястреба, тетеревиатника. Перепелятник обитает на обширном пространстве: от Мадейры до Японии, от тундр до Тибета, а в Африке до самой южной ее оконечности. Но у тетеревиатника ареал еще шире и, помимо упомянутых стран (но без Африки), включает и Северную Америку.

пустельга. Полезна. Мыши, насекомые — главный корм.

А где же коршун, пресловутый истребитель домашней птицы? Над берегами больших озер и рек обычно парит он кругами. Бурый и легко узнается: единственная в наших широтах хищная птица с выемчатым на конце хвостом. Выемка небольшая у черного коршуна и довольно глубокая у красного — треугольная вырезка на заднем обресе хвоста.

Красный коршун гнездится в Европе, на севере Африки, в Малой Азии, Иране, у нас — в Прибалтике, на западе Украи-

ны, на Кавказе. Черный — почти по всему Союзу, а за пределами Европы — в Африке, Южной Азии и Австралии.

Только падалью, рыбой и мелкими животными — от насекомых до птенцов — кормятся коршуны. Крупную (и среднюю!) птицу, ни домашнюю, ни дикую, не бьют. Хищник коршун весьма относительно. Сам нередко, как и осоед, попадает в когти ястребу и филину. Птица полезная.

За пределами нашей страны у коршунов около десятка родичей. Особыми дарованиями выделяются упомянутый уже австралийский хохлатый коршун (бомбардирует камнями яйца эму!) и два вида южноамериканских слизнеедов. Один слизнеед (темно-серый, красноногий, красноглазый, с красной же восковицей и «уздечкой») гнездится также во Флориде, на Кубе, в Центральной Америке.

Клюв у слизнееда довольно длинный и тонкий, с острым крючком на конце. Это оружие особого употребления: подсунув его под роговую крышечку, коршун извлекает улиток из раковин. Только их, в общем-то, и ест. Улитки крупные, помации и ампулярии, пресноводные, в засуху по утрам и вечерами выползают они из воды на разные растения. Тут и собирают их коршуны. Обработывают обычно на избранных для этого местах: земля там усыпана сотнями пустых раковин.

Во Флориде осушили много болот, негде стало жить улиткам, и коршуны-слизнееды вымирают. В Южной Америке их еще немало. Гнездятся колониями.

Два ястреба у нас в Подмоскowie: большой тетеревиатник и уменьшенная его копия — малый ястреб-перепелятник. У самки бурая спина, у самца — серая. Оба лесные, в общем, птицы, и ареалы у них сходные: Европа, Азия на восток — до Камчатки, к югу — до широты, проведенной примерно у южных границ Турции. У тетеревиатника еще и Северная Америка, у перепелятника — Африка. Из северных областей улетают зимовать ястребы на юг. В странах с умеренно-прохладной зимой оседлы круглый год или кочуют к югу.

В пути ждут их опасности. Молодых ястребов убивают старые, попадают они в когти к филинам, орланам. А перепелятников забивают иногда и сарычи, душат дикие кошки и куницы.

Темные четкие пестрины, поперечными рядами пересекающие грудь и брюхо ястреба, отличают его от хищных птиц наших широт. У молодых ястребов пестрины продольные. Ястребы-тювики, обитающие в Средней Азии и на юге европейской России, тоже с поперечными пестринами. На северо-востоке Сибири нередки и белые тетеревиатники.

У сарычей, или канюков, родня большая. Например: прилетает к нам зимовать из тундр и лесотундр мохноногий канюк (ноги до пальцев оперены). Дальневосточный ястребиный сарыч, орлы-курганики, все вообще орлы и орланы — около ста видов в подсе-

Ястреб-тетеревятник!

мействе сарычевых. От тундр до тропиков; в равнинах и горах, в лесах и степях, в пустынях и болотах — в разных ландшафтах и климатах живут эти птицы.

Разнородна их добыча: улитки, черви, насекомые, мыши, птицы... Поставим тут многоточие, перечислять долго, и закончим жертвами наиболее крупными — молодые олени и малые антилопы, на которых при случае нападают орлы.

Но и рыба, и морские птицы, которых бьют у моря орланы.

Не забыть ленивцев и обезьян — лакомство южноамериканских гарпий и других хохлатых тропических орлов. Это птицы особенные. Видом свирепые и страшные. Мощью когтей, силой мышц, пожалуй, превзойдут всех пернатых хищников. Они тяжелее беркутов и многих орланов, но не камчатского. Попадались полупудовые гарпии. Они таскают из деревень поросят и собак. Они душат ленивцев, обезьян, носух, агути... Их полет в гуще леса отмечают испуганные крики ревунов, капуцинов, попугаев. Отважно нападая, гарпии даже человека гонят от гнезда.

Гарпия! Обратите
внимание на длину
ее когтей.

Филиппинский обезьяноед — птица столь же мощная, как и гарпия. Ее статное тело длиной почти метр.

Гнездо велико, до двух метров в поперечнике, выстлано обильно зеленью: листьями и мхом. Сооружено на могучем дереве у реки или ручья. И в гигантском этом гнезде насиживают гарпии одно желтоватое яйцо.

Перья гарпий — обменная монета у жителей дикого леса. Индеец, убивший или поймавший гарпию, «получает все, что ему требуется для жизни».

Еще, по крайней мере, 6 видов хохлатых орлов оспаривают у гарпии сомнительную честь истребителей наших кровных родственников. Два южноамериканских: орел-убийца, житель равнинных лесов, и орел Исидора. Этот в горных лесах, в Андах, замещая гарпию, охотится на обезьян, ленивцев, енотов, дикобразов, попугаев и другую подобную дичь.

Два африканских. Венценосный орел преследует мартышек и малых антилоп в густых лесах, а орел-боец в саваннах не дает спокойно вздремнуть старым павианам, угрожая смертью малым их детишкам. Он самый сильный орел Африки. Когда парит над саванной, бегут в страхе и прячутся от него шакалы, молодые антилопы, вараны, цесарки и вся прочая не очень крупная птица.

За внешнее сходство с гарпией, за особые вкусы к обезьяньему мясу этих хохлатых орлов можно было бы назвать африканскими гарпиями, хотя они не

только иного вида, но и рода. А гарпиями азиатскими — еще двух хищных птиц: филиппинского обезьяноеда и новогвинейского гарпиевидного орла. Первый, к сожалению, почти истреблен — только около ста их осталось. Международный союз зоопарков постановил не покупать больше у филиппинцев этих орлов. Может быть, такая запоздалая, впрочем, мера хоть немного поможет спасти исчезающий вид.

Новогвинейские «гарпии» гнездятся в непроходимых горных лесах. За неимением в той стране обезьян вынуждены они довольствоваться мясом сумчатых (кускусов, древесных кенгуру), райских и прочих птиц.

Из настоящих орлов, из благородного рода беркутов, капский орел (Южная и Восточная Африка) тоже при случае душит и ест павианов. Конечно, и беркут перед таким соблазном едва ли устоял бы, если бы на его родине, в Северной Америке, Европе и Азии, водились обезьяны. На северо-западе Африки беркут встречается с маготами, но об их взаимоотношениях, кажется, ничего не известно.

Одолеть мартышку беркуту по силам. Душит же он лисиц, серн, молодых оленей, а ловчий — даже

Орел-могильник немного меньше беркута и похож на него. Беловатый цвет затылка и верха шеи отличает его от этого прославленного орла.

прибылых волков. Берет зайцев, куропаток, глухарей, гусей — всюду, где гнездятся на обширных просторах от лесотундр до Кавказских и Памирских гор. Охотятся беркуты часто парами: самец и самка неразлучны годами. Очень привязаны к старым гнездовьям. Гнезд у них несколько — то в одном высидывают два (редко три) яйца, то в другом. Наверное, чтобы избавиться от блох и других паразитов, которых много в птичьих гнездах.

Внушительные сооружения эти гнезда — двухметровой порой высоты, трехметровой ширины, не один центнер веток уложен в них. Гнезда орланов, которые надстраиваются десятилетиями, весят тонну!

Гнезда многих орлов и сарычей украшены зелеными ветками — хвойными или лиственными. Маскировка? Полагают, что нет. По-видимому, такой у них брачный ритуал. Зелень — знак приветствия, своего рода свадебные подношения, стимулирующие гнезδο-строительное рвение пернатых супругов. Подорлики — птицы лесные. Но если случится им гнездиться на косягах в степи, где никаких деревьев поблизости нет, далеко летают, чтобы принести сосновую ветку и воткнуть ее в гнездо. Степные орлы, давно уже потерявшие всякое воспоминание о лесах и зеленых ветках, за ними не летают. Но случилось тут, кажется, нечто вроде «реакции замещения»: замена веток разными другими предметами, которые легко найти в степи.

«Виды, которые насиживают не среди зелени и строят гнезда перед тем, как зацветет полупустыня и пустыня, приносят в свои постройки — возможно, как «эрзац озеленения»? — кости, тряпки, высохший помет животных и тому подобное» (Вольфганг Фишер).

К сожалению, орлов всюду осталось мало. В Европе, где учет беркутам ведется давно, гнездятся их считанные пары: в Скандинавии — около ста, в Альпах — приблизительно 150, в Германии, в Баварии, — всего семь. В Шотландии и Ирландии подсчет дал бы, наверное, такие же унылые цифры.

Могильник, которого немцы называют королевским орлом, меньше беркута. Предпочитает равнины и лесостепи (Средиземноморье, Украина, Крым, Кавказ, Средняя и Передняя Азия, юг Сибири).

Степной орел еще меньше. Его места обитания — степи и полупустыни Африки и Азии.

Орланы — похожие на орлов, ширококрылые, белохвостые, часто белоголовые или белоплечие большие хищные птицы. Гнезда у моря или на берегах больших рек и озер. Охотятся за рыбой, выхватывая ее из воды когтями, и на морских птиц.

Около десяти видов в странах всего света. У нас три вида: белохвостый орлан (Европа, Азия — от тундр до Турции и Казахстана), долгохвост (Нижнее Поволжье, отсюда северная

*Орел-змееед и его
подростший птенец
по-братски делят
ядовитую гадюку!*

граница протянулась на восток до Монголии, южная — Средняя Индия, Бирма) и камчатский, или белоплечий, орлан (Дальний Восток).

Орлы-змеееды действительно едят змей, даже больших и ядовитых. Лапы их защищены толстыми роговыми щитками: укусить — зубы обломаешь! Рвут змей когтями, клювом, отскакивают, взмывая вверх, опять атакуют, пока не измотают рептилию так, что она уже и кусать не может. Охотятся змеееды и на других животных, но змей и ящериц предпочитают всем.

Обитают в Африке и Южной Азии, один вид — в Европе и на юге СССР — Кавказ, Средняя Азия, Южная Сибирь.

Орел-скоморох, или фигляр, прославленный виртуозным брачным полетом, — тоже змееед. Саванны и степи предпочитает густым лесам, поэтому в бассейне Конго не живет. Токуя, выписывает в небе такие пируэты, словно цирковые номера показывает. Кувыркается не хуже турмана: мертвые петли, крутые виражи, «бочки» — и другие фигуры высшего пилотажа и воздушной эквилибристики. Громко хлопает крыльями, производя немалый шум.

Гнездо, украшенное зеленью, устраивает на дереве, обычно у края просеки или тропы. Подлетая к нему, птицы еще за сотню метров снижаются до земли и летят низко вдоль просеки или тропы. Загадочная повадка...

Единственное большое яйцо насиживает самка.

Самец ее кормит. Приносит ей, а позднее птенцам много разных змей: малых в зобу, больших в клюве. Словно длинные усы, болтается перехваченная пополам змея под головой летящего орла.

СОКОЛИНЫЕ

В сельве, в тропических дебрях Южной Америки живут лесные, или смеющиеся, соколы. Ловким, вертикальным полетом шныряют они в гуще ветвей, прыгают по деревьям, точно обезьяны, даже крылья не распустив. То полетом, то быстрым бегом по земле преследуют змей, и ящериц, и разную другую живность. Ядовитой змее обязательно откусят голову и несут обезвреженную в гнездо.

А гнезда у них в дуплах, в нишах скал. Обычно только одно яйцо в гнезде. В сумерках вечерних и утренних кричат соколиные пары дуэтом «ха-ха-ха». Дикий их хохот пугает утомленных путников, бредущих через дебри заболоченного леса. Жутким стоном измученного человека звучат голоса других лесных соколов.

Так же бегом по земле и низким полетом, но не в лесах, а в пампасах и степях, на побережьях морей и рек ищут пропитание и каракара, или грифовые соколы. Пища их — падаль, всякие отбросы вблизи деревень, ящерицы, черви, насекомые, мелкие птицы и зверьки.

Каранчо — пожалуй, самый обычный и крупный из них. Черный сверху, пестрогрудый, белощекий, с голым красным «лицом», с небольшим темным хохлом на голове. От юга США до Патагонии и Фолклендских островов — обширные пространства населяет этот грифовый сокол.

Каракара — грифовый сокол Америки.

Чиманго поменьше, не так ярок, бурый, с пестринами на груди. (В его гнезда подбрасывает нередко утка-кукушка свои яйца!) От Бразилии до Патагонии собирает он на земле всякую съедобную мелочь и пададь. Где стада пасутся, где степь пашут, там и чиманго. За плугом следуя, подбирают, как грачи, земляных червей. На спинах коров выклеивают из шерсти клещей и личинок оводов. Оба, каранчо и чиманго, гнездятся на деревьях, реже на земле.

Четыре вида горных каракара обитают в Андах. Два вида лесных — в бразильской сельве. Всего же грифовых соколов девять видов.

Лесные грифовые охотятся там же, где и смеющиеся соколы, и «хохочут» похоже: «ха-ха», а потом протяжное «какао-ка-ка-ка-какао!» оглашает полные таинственных звуков леса. Это кричит красногорлый каракара. Поел сочных плодов, закусил парой жуков, покричал и полетел за лакомством особенным. Мало кто отважится составить ему компанию, когда найдет он свое лакомство. Гнездо больших черных ос отыскал в листве. Смело приблизился, повис вниз головой, уцепившись когтями за стенки гнезда, голову сунул в отверстие, из которого роем ринулись на него осы. А он ест их детку, по плечи забравшись в осиный дом, и, как видно, не очень страдает от жалящих укусов.

Карликовые соколы так же быстрокрылы и отважны, как большие их родичи, кречеты и сапсаны, чеглоки и балобаны. Насекомые — их повседневная добыча. Но в стремительных атаках настигают и бьют мелких птиц, которые иной раз и больше их самих. Они самые крохотные хищные птицы на земле. Лишь аргентинский сокол-карлик, прозванный на его родине за отвагу и ловкость королем птиц, чуть меньше пустельги. Все другие уместятся в ладони — 14—23 сантиметра от головы до кончика хвоста. Для одного из них «мути» — жителя гималайских предгорий — это сравнение будет особенно верным.

«Название «мути» значит «горсть». Объясняется это тем, что в Индии его использовали для охоты за перепелками. Сокола держали в горсти и бросали на добычу» (Профессор Г. П. Деметьев).

Один карликовый сокол живет в Южной Америке, второй вид — в Африке, пять других в Юго-Восточной Азии, от Гималайских гор до Филиппин и Калимантана. Все любят открытые пространства равнин и предгорий. Гнездятся в дуплах.

Настоящие соколы. Начнем с наших. Если построить их, так сказать, по росту, то впереди будет кречет, потом — балобан, сапсан, чеглок, далее — почти равные: пустельга, степная пустельга, дербник, кобчик. Прочие 20 видов того же рода «фалько» — «сокол», — здесь не названные, обитают в разных странах мира, некоторые и у нас.

Узкие крылья, быстрый полет, взмахи крыльев частые, зубец на режущем крае надклювья — соколи-

ные черты (о более специальных говорить не будем). Гнездятся соколы на деревьях, на скалах, кое-где и на земле (сапсан, дербник, кобчик, пустельга). Даже иногда в норах: обе пустельги, обыкновенная и степная. Яиц в гнезде 2—6, насиживают либо только самки, либо и самец принимает в этом деле посильное участие. Это по данным некоторых наших авторов, многие иностранные этологи утверждают, что у всех соколов, ястребов и, по-видимому, вообще у типично хищных птиц насиживает только самка, самец приносит ей и птенцам добычу. Когда птенцы подрастут, охотится и самка.

Насиживание у всех соколов около месяца. Четырехнедельные птенцы у мелких видов или семинедельные у крупных покидают гнездо, аначале переселяясь лишь на соседние ветки.

Сапсан — мощногрудый, с четкими удлиненными книзу черными пятнами под глазами («усы») гнездится почти по всему миру, от Арктики до Австралии, от Аляски на восток до Чукотки, от тундр до африканских саванн. Упомянутые «усы» хорошо отличают его от других соколов, кроме чеглока, но тот мельче и с рыжими «штанами» — перьями ног и подхвостья.

На зиму из северных областей своего ареала сапсаны улетают далеко на юг, за 10 тысяч километров — на Цейлон, в Новую Гвинею, в Южную Африку, а североамериканские — в Бразилию и Аргентину.

Кобчики едва ли уступают сапсанам в своих осенне-весенних перелетах. Даже сибирские, гнездящиеся до Байкала, зимуют в Южной Африке, уничтожая там немало саранчи.

Сапсан бьет дичь почти всегда только на лету и почти всегда только птицу: от ласточек и стрижей до цапель и гусей. Бьет когтями, пикируя с высоты, — падает, каждую секунду оставляя за хвостом метров сто! (Впрочем, некоторые исследователи считают, что такая большая скорость пикирования преувеличение.)

Чеглок гнездится в умеренных и теплых зонах Европы и Азии, к югу до Афганистана, и местами в Африке, к северу от Сахары. У него такие же хорошо заметные, как у сапсана, «усы». Так же он быстр и тоже на лету добывает разных некрупных птиц. Даже стрижей ухитряется поймать. Насекомых хватает в воздухе когтями и ест не приземляясь.

Другие соколы и в воздухе, и на земле бьют и душат когтями разных птиц, грызунов (кречеты и балобаны даже зайцев!), рептилий, насекомых. Пустельга, прозванная в народе трясушкой за поисковый полет на месте — подвигание с частыми взмахами крыльев, — почти всю свою добычу: насекомых, кротов, землероек, ящериц, мелких птах, но в основном, до 85 процентов, мышей — хватает с земли.

Балобан — сокол, в общем, степных и пустынных равнин. Он и в горах живет, но не в лесах.

Кречет, самый крупный из соколов, — вес до двух килограммов, размах крыльев до 135 сантиметров — житель приполярных тундр и лесотундр. Кречеты особенно ценились прежде как ловчие птицы и особенно белые, с темными пестринами. Но встречаются и темные, бурые. Сапсан, балобан, оба наших ястреба, да еще беркут в соколиных охотах прежних времен тоже прославили свои имена. У хорошего соколятника жили они по 20—25 лет.

Соколы сами гнезд обычно не строят, занимают чужие — ворон и других птиц. Когда гнездятся в нишах скал, то рыхлая «платформа» из кое-как сложенных веток служит спартан-

ской подстилкой для яиц. Как правило, в одиночестве гнездятся, лишь немногие небольшими колониями: например, степные пустельги и алеты, или соколы Элеоноры.

Похожий на чеглока, но более крупный алет второе свое название «сокол Элеоноры» носит в честь княгини Элеоноры д'Арбореа, которая в конце XIV века управляла большей частью острова Сардиния. Она издала гуманные по тем временам законы, в которых, помимо дел чисто административных, предписывалось охранять ястребов и соколов.

До пятидесяти пар в близком соседстве поселяются алеты на прибрежных скалах средиземноморских островов: на небольших в Эгейском море и на больших — Крит, Кипр, Сардиния, Балеарские острова, на морском побережье Марокко, кое-где в Италии и на Канарских островах. Птенцов выводят поздно, в августе, не по беспечности, а сообразуясь с местными условиями: как раз когда над Средиземным морем потянутся к югу вереницы перелетных птиц, подрастут и птенцы. В эту пору пропитать их будет легче: дичь в изобилии валит с севера!

Навстречу ей рано поутру вылетают сотни самцов-алетов и, выстроившись в небе широким и «высоким» фронтом, образуют живую сеть шириной километра два, высотой с километр. В когтистых «ячеях» этой сети гибнет более шестидесяти видов птиц — сорокопуты, пеночки, славки, горихвостки, соловьи, жаворонки...

Подсчитали: приблизительно пять тысяч средиземноморских алетов за два месяца, пока высиживают и выкармливают птенцов, убивают около 1250 тысяч перелетных певчих птиц!

В остальное время кормятся они жуками, цикадами, саранчой и... летучими мышами, так как, подобно сумеречным соколам, кобчикам и чеглокам, охотятся и на заре.

Осенью улетают алеты зимовать на Мадагаскар и соседние с ним острова у берегов Африки.

Законы Элеоноры давно забыты, и рыбаки, пресытившись рыбой, в конце лета разоряют гнезда алетов. Птенцов жарят и едят, почитая за лакомство. Гибнут алеты...

Семейная жизнь соколов? О ней расскажут нам чеглоки, быстрее из быстрых, за которыми сотни часов внимательно наблюдал общепризнанный ныне зоопсихолог, этолог и отличный писатель Нико Тинберген.

ИТАК, ЧЕГЛОКИ...

Начало июля — время отпусков. Но не в мире пернатых: ответственные у птиц дни. В миллионах гнезд оперились уже птенцы, подросли. Накормить

их ненасытные рты — все силы крылатых родителей отданы этому делу.

На сосне в гнезде под чеглочихой хрустнула скорлупа яйца. Первый черноглазый «уродец», наряженный в белый пух, выбрался из обломков хрупкой колыбели. Хищный клюв непомерно велик для бездумной его головы. Тонкая шейка, напрягаясь, едва держит соединенную тяжесть головы и клюва. От усилия шатается.

За первым другие явились: на наш привычный взгляд некрасивые они, несуразные, нелепые. Непостижимо, какая таинственная физиологическая алхимия превращает их потом в таких превосходных птиц!

По закону природы, предписанному хищным птицам, мать всегда с ними. Отец охотится.

Он, упоенный удачей, кричит «кью-кью-кью» далеко от гнезда, за километр. Дремала она, укрыв крыльями чеглочат, но, представьте, услышала. Узнала знакомый голос. Полетела встречать. Они сблизилась метрах в двухстах от гнезда. Когда он замедлял полет, она приемом, не раз уже испытанным в жизни (и в весенних брачных играх), перевернулась спиной вниз, вытянула лапы, из его когтей приняла добычу в свои. На лету, в быстром развороте!

Уселась на сук, где был у нее «пункт ощипывания». Вырвала все перья, которые не успел или поленился ощипать самец. Съела кусочек не самого первосортного мяса. Лучшую долю понесла в гнездо.

«Она аккуратно отрывала крохотные волоконца мяса, нагибалась и терпеливо держала их в клюве перед птенцами... крохотные болтающиеся головки тянулись к материнскому клюву слабо и неуклюже... После нескольких, а иногда и многих неудач один из птенцов умудрялся ухватить мясо и жадно его проглатывал, от невероятного усилия падая на дно гнезда» (Нико Тинберген).

Покормила всех, поела сама и задремала. Надолго ли? Часто ли тревожит быстрокрылый супруг ее дремотный покой? Это смотря какой он искусный охотник. Одним чеглоком через четыре минуты удается вернуться с добычей, другим — лишь через четыре часа! А охотятся они, в общем, в тех же местах. В среднем через 77 минут следует трапеза за трапезой в семьях чеглоков, которые возлюбили певчих птиц.

Немногие кормились насекомыми. Эти, пожалуй, и не «обедали», а наспех «перекусывали» через три-четыре минуты, съедая за час 17—18 стрекоз. Жили в близком соседстве и охотились, где одинаково было жаворонков и стрекоз, но вот такое несходство в семейных традициях... «оставалось только сделать вывод, что у этих пар были разные вкусы».

Последуем теперь за охотниками туда, где, руководясь «разными вкусами», добывают чеглоки пропитание для птенцов и самок.

«Черными точками» парили они над равниной, «в ослепительной синеве небес». Только в бинокль видно, как в быстром повороте, в недолгой погоне, вытянув когтистую лапу, хватают птицы «что-то крохотное». Лапа затем тянется к клюву, подносит пойманное. Падают вниз объедки. Подобрали их с земли и очень удивились: головы, крылья жуков-навозников.

«Практически целый жук, только без брюшка, которое одно только и интересовало чеглоков... Мы еще не знали, что навозники в теплые дни часами кружат высоко в воздухе. Я до сих пор не понимаю, что они там делают» (Нико Тинберген).

Жуков чеглоки ловят, можно сказать, мимоходом, без усилий — легким взмахом крыла чуть изменят курс полета и лапу выставят, чтобы схватить. Стрекоза — цель более верткая. На нее пикируют, прижав крылья, затяжным, на 100—200 метров, отвесным броском. Как на ласточку или стрижа, которых чеглоки бьют, черной молнией падая с высоты. Стремительные виражи секундной погони — и жертва в когтях: «вы за сто метров слышите звук удара».

Скорость падения огромная, физикам, наверное, нетрудно ее высчитать, учитывая силу земного притяжения и сопротивление воздуха. Наверное, она около 300 километров в час. Ведь уже в конце пикирования, в горизонтальном полете мчится еще чеглок, оставляя за собой 40 метров каждую секунду.

Прибавьте к этому превосходный слух (мы уже знаем, как он чуток) и великолепное зрение (стрекозу видят за 200, жаворонка — за 1000 метров!). Что еще нужно крылатому охотнику, чтобы дети его не голодали?

Все мелкие птицы (стрижи и ласточки — не исключение) в ужасе прячутся, таятся по кустам, лишь увидят в небе пикирующий силуэт.

Тут что интересно. Когда чеглоки спокойно парят в вышине, ласточки метрах в трехстах под ними без страха ловят насекомых, очевидно полагая, что всегда успеют удрать. Но лишь увидят бросок вниз, даже игровой, сейчас же улетают под защиту деревьев. Не просто вид хищника, а манера его полета их пугает.

В списке жертв, в той дани, которую взимают с полей и лесов стремительные чеглоки, три момента обращают внимание. Во-первых, очень большая доля жаворонков, ласточек и стрижей. Почти половина, по другим наблюдениям, больше двух третей всех пойманных птиц. Только жаворонков, по подсчетам Нико

Тинбергена, семья чеглоков за пять месяцев пребывания в наших широтах съедает в среднем 330 штук.

Во-вторых, кроты, землеройки, мыши и другие бескрылые животные. Казалось бы, так прежде считалось, чеглоки, как и сапсаны, добычу с земли не берут. Новые наблюдения внесли в это, в общем-то, верное правило известные поправки. Планируя к земле, хватают нередко и те и другие неосторожную мышшь. Возможно, практикуется и другой метод, который в обычае у фрегатов. Грабеж соседей.

«Внезапно надо мной пронеслась самка чеглока... Пролетев около пятисот метров, она перевернулась на спину и взяла добычу у самца, так мне показалось. Однако в следующую секунду я обнаружил, что второй птицей был самец-пустельга. Пустельги не привыкли передавать добычу в воздухе, они делают это, опустившись на ветку, а потому этот самец, вполне естественно, не разжал когтей. Однако чеглочиха продолжала тянуть добычу к себе и увлекла бедного самца-пустельгу вниз, не обращая внимания на его пронзительные крики... Чеглочиха устремилась прямо к своему гнезду с отнятой мышью, а самец-пустельга уныло полетел навстречу своей подруге с пустыми когтями. Несколько минут эта последняя следовала за ним, громко требуя свой обед, что, на мой взгляд, было с ее стороны довольно бестактно» (Нико Тинберген).

Третий пункт особого значения — мотыльки, а точнее, сосновые бражники, в меню чеглоков. «Приходится предположить, что чеглоки ловят их на заре и в сумерках». Значит, вылетают еще до рассвета и возвращаются после заката, когда в их гнездах черные глаза-эвокаторы требуют: «Есть, есть, есть...»

Они уже подросли, обладатели этих повелевающих глаз. Десять дней уже смотрят на все и на всех сверху вниз: из гнезда на, сосне. Деликатно поднесенных кусочков им мало. Хотят терзать добычу. Инстинкт требует практики. Кидаются к матери, сбивая ее с ног. Устраняясь от «грубостей», она теперь просто бросает в гнездо что принесет: пусть сами рвут.

Еще месяц прошел, выбрались из гнезда, расселись на сучках. «Каждый день они расширяли район своих прогулок по ветвям сосны».

«Прогулок» сказано смело, скорее что-нибудь вроде переползания, карабканья, перепархиванья — все слова неудачны. Но вот точная картина их «прогулок» по сосне.

«Молодой чеглок пытался подняться на ветку, всего на несколько сантиметров выше той, на которой он сидел. Птенец поглядел на ветку, поднял лапку, но, опуская ее, промахнулся и чуть было не свалился вниз. Он попробовал еще раз и снова не дотянулся. Это повторялось 14 раз! На пятнадцатой попытке он скоординировался и, неуклюже взмахнув крыльями, вспрыгнул, а вернее, вскарабкался на верхнюю ветку» (Нико Тинберген).

Их привлекали ветки, обращенные к той стороне, куда улетали, а главное, откуда прилетали родители с кормом. Молодые уже узнавали их среди всех пролетающих птиц. Чужих чеглоков криками не приветствовали, а, насупившись, прижимали перья, проводящая знакомцев тревожными взглядами.

Скоро стали летать. Учились получать обед прямо в воздухе. Трудный урок. Промахи, неуклюжие маневры, перелеты, недолеты, новые заходы и фальстарты...

Родители терпеливо разворачивались, летели обратно, тормозили, трепеща крыльями почти на месте, «в ожидании, когда кто-нибудь из птенцов после очередного промаха вновь займет правильную позицию».

А когда сами они пытались кого-нибудь поймать, то курьез следовал за курьезом. Не лихой разбойный налет, а клоунада получалась.

«Иногда два молодых чеглока бросались на одного жука, сталкивались и кувырком валились вниз, отчаянно хлопая крыльями. В конце концов им удавалось кое-как выровняться, а жук тем временем невозмутимо летел дальше... Стрекозы вначале были для них совсем уж недоступной дичью, но едва им удалось постичь методы ловли жуков, как они принялись гоняться за стрекозами» (Нико Тинберген).

Преследовать птиц, даже в шутку, они и не пробовали.

Отрабатывать охотничьи приемы помогали игры вроде тех «казаков и разбойников», в которые играют наши дети.

Оставив бесплодные попытки схватить стрекозу, молодой чеглок, сложив крылья, вдруг бросался сверху на сестру или брата, который метрах в ста пониже совершенствовал методы охоты на жуков. Бегство, погоня, маневры на виражах, крутой взлет вверх и снова отвесное падение, но ни разу когти не порвали ни одного пера, хотя готовые к хватке лапы выбрасывались всегда в нужный момент. Это игра. Тренинг.

К концу августа молодые чеглоки уже умело ловили стрекоз. За августом, как известно, в череде месяцев следует сентябрь. Пора собираться в дорогу. До Африки путь неблизкий. Как прокормятся молодые чеглоки в этой дальней «прогулке», толком не научившись ловить птиц?

«Совершают ли молодые чеглоки осенний перелет самостоятельно или некоторое время остаются с родителями, не знаю», — говорит Тинберген.

А кто знает?

СЕКРЕТАРЬ И СКОПА

Секретарь — птица особенная: когда он с достоинством вышагивает на длинных ногах по саванне, то похож на короткоклювого журавля или аиста. Черные перья его хохла сложены узким пучком на голове, если птица спокойна. За хохол его секретарем и прозвали: была манера у клерков прежних времен закладывать за ухо гусиное перо, чтобы оно всегда было под рукой, когда потребуются писать.

Ходят парами невдалеке друг от друга. В траве, в кустах, раздвигая их длинными ногами, ищут саранчу, жуков, ящериц, крыс, мышей, птенцов. Черепах небольших тоже едят. Но змеи... змеи для секретарей — добыча самая желанная. Еще птенцы, уже в гнездах «отрабатывают» они боевые приемы охоты на змей, словно танцуя, вскидывают одну лапу за другой, избивая подстилку гнезд вместо будущих жертв.

Увидит змею секретарь, быстро бежит к ней, полураскинув для лучшего баланса крылья. Бьет лапами. Удар силен, но и змея живуча, раз десять ударит ее секретарь, прежде чем убьет. Если очень ядовитая змея, то осторожно атакует ее голенастая хищная птица. Взлетит над рептилией и сверху бьет одной и другой ногой. Крылья как щит не подставляет ее укусам. (Крыльями защищаются от змеиных зубов птицы-носороги, когда небольшими стаями с разных сторон клюют змею!) Самая быстрая змея мира — мамба. От нее не всякий человек убежит. Мамбу секретари сторонятся, не трогают.

Забив гадину до смерти, секретарь прежде всего острым клювом, как ножом, отделяет ее голову от шеи. Потом рвет на куски и ест.

«Я видел, как вполне взрослый заяц был пойман в высокой траве и убит быстрыми ударами, так что слышались громкие шлепки. Здесь тоже к голове он не прикасался... У секретаря хорошие манеры... Я наблюдал за болотным лунем, который что-то ел, когда секретарь прошел в нескольких ярдах от него, остановился, пристально с минуту смотрел на луня и пошел дальше. Лунь, напуганный мной, полетел с тяжелой добычей и сел ярдах в двадцати от секретаря. Тот с большим достоинством направился к нему, проверил, что он ест, и с таким же достоинством удалился» (Р. Майнерцхаген).

Летает секретарь без особой охоты, только когда его к этому вынудят или чтобы поспать на деревьях. Взлетает с разбегу и, приземляясь, бежит какое-то время. Гнезда секретарей на вершинах колючих кустарников или деревьев. Велики, до двух метров в поперечнике, но так хорошо укрыты гущей ветвей, что и незаметны. Два-три белых яйца насиживает самка 45 дней. Молодые секретари долго из гнезда не улетают: 80—100 дней живут в нем на иждивении родителей.

Единственный вид секретарей, которых прежде считали особой разновидностью дроф, систематики теперь выделяют в отдельное семейство хищных птиц. Живут они только в саваннах и степях Африки к югу от Сахары. Два десятка миллионов лет назад водились секретари и на юге Франции.

Скопа атакует!

Скопа-рыболов тоже в единственном числе представляет особое семейство. Гнездятся скопы почти по всему миру, кроме зоны тундр, Южной Америки и центральных областей Африки, но сюда прилетают зимовать, так что, можно сказать, вся Африка ими какое-то время обитаема. Гнезда — на вершинах больших деревьев, на скалах, редко кое-где и на земле. Птенцы, уже подросшие, месяца два сидят в гнездах. Потом под руководством взрослых учатся рыболовному мастерству. Через неделю сами умело рыбачат.

Броски за рыбой с высоты у скопы виртуозны. Заметив с бреющего полета рыбу, полусложив крылья, далеко вперед вытянув лапы, стремительно падает на нее скопа, обычно под углом градусов в сорок пять, но нередко и в отвесном пики. Часто погружается в воду с головой и тут же взмывает вверх, унося рыбу в когтях одной или обеих лап. Держит ее почти всегда головой вперед. В воздухе тут же отряхнется и летит на обрыв или дерево закусить. Потом, бывает, пролетит над водой, окуная в нее ноги и голову, чтобы смыть рыбью слизь и чешую.

У скопы длинные когти, пальцы с нижней стороны усажены острыми бугорками (не вырвется скользкая рыба!), один передний палец, когда хватается она рыбу, развернут назад, чтобы с двух сторон, как в клещи, прочнее ее зажать. Скопа весит около двух килограммов, а рыбу таскает из воды по два-три килограмма. Но обычно сто-двухсотграммовые рыбешки преобладают в ее рационе, дневная норма которого около 400 граммов.

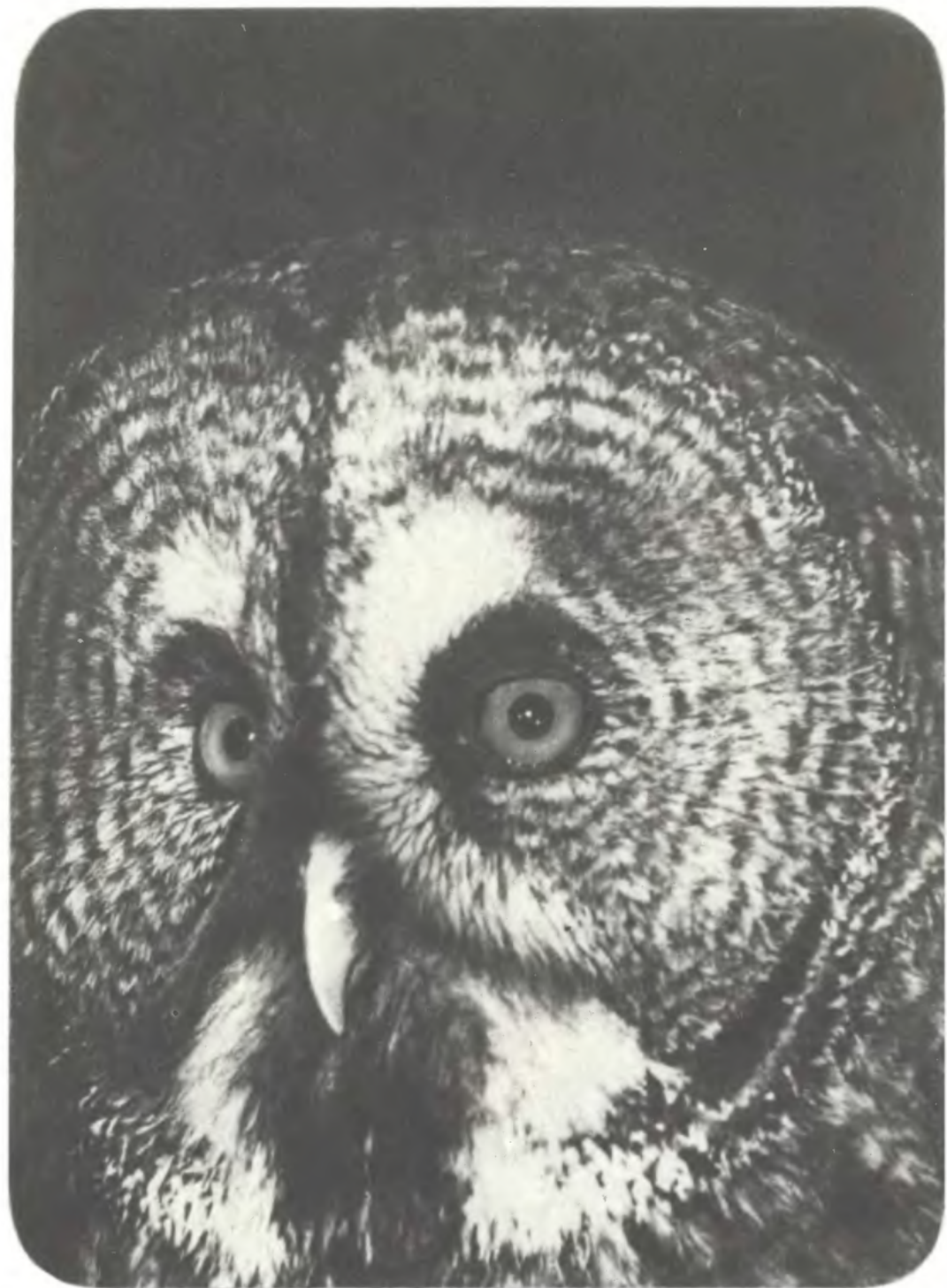
Добычу тяжелее четырех килограммов скопа поднять уже не может. И, случается, глубоко вогнав в нее когти, освободить их вовремя не успеет и тонет тогда, увлеченная на дно слишком тяжеловесной жертвой. Не раз ловили щук и карпов с мрачным «украшением» на спине — с мертвой скопой, от которой порой один лишь скелет жутким всадником восседает на рыбе. Есть такая фотография карпа, пойманного в Саксонии. Он был невелик: весил четыре килограмма и все-таки сумел утащить скопу в глубину.

Когда с рыбной ловлей не везет, охотится скопа на мышей, лягушек, даже на маленьких крокодилов! Нападает порой на птиц, и таких больших, как олущи. Некоторые орланы пиратствуют, атакуя в воздухе скопу, когда она удачно поохотилась. Приходится бросать добычу, а белохвостый грабитель ловко хватается ее на лету и без стеснения уносит как свою законную дань.

ХИЩНИКИ НОЧНЫЕ

Все совы облика, в общем, сходного, узнаются сразу. Большие глаза на большой голове, как бы подчеркнутые, увеличенные расположенным вокруг них веерообразно оперением. Это так называемый «лицевой диск». Ноги, у многих и пальцы, до кривых когтей оперенные. Передний наружный палец «оборотный», может, как у скопы, повернуться назад, образуя типичную для лазающих птиц (попугаев, кукушек, дятлов) конфигурацию лапы. Восковица усажена волосовидными перьями. Есть копчиковая железа. Но зоба нет. Охотятся по ночам, но обитающие в Арктике и некоторые другие совы (ястребиная, в меньшей мере филины, болотная, пещерная совы, воробьиный сыч, рыбные совы и филины) также и днем.

Добыча — в основном грызуны, некрупные птицы, насекомые; у рыбных филинов и сов — рыба. В неволе многие охотно едят и свежую зелень. Самки окраской не отличаются от самцов, но крупнее их. Гнезда — в дуплах, в нишах скал, в развалинах, под крышами домов, на деревьях (в брошенных чужих гнездах) и на земле, у немногих — в норах. От 1 до 12, порой до 18 (сипухи) белых яиц. Насиживает самка около месяца с первого яйца. У воробьиных и домовых сычей — с предпоследнего. Самец приносит корм. Самцы ястребиных сов, эльфовых сычиков иногда ненадолго сменяют насиживающую самку.

Моногамы. У серых неясытей, сипух, некоторых сычей (домового, воробьиного, но не мохноногого!) самец и самка верны друг другу годами. Тип развития птенцовый. Половозрелость у большинства наступает в первый же год.

В неволе некоторые совы жили подолгу: сипухи — 18, сычи — до 22, а филин даже 68 лет.

Населяют все ландшафты. Оседлые или кочующие птицы. Некоторые американские

совы, из наших иглоногая и совки — перелетные. На зимних кочевках ушастые совы собираются небольшими группами.

Самая маленькая сова — североамериканский эльфовый сычик. Длина 12—15 сантиметров, вес — 50 граммов. Немного крупнее наш воробьиный сычик. Самая большая сова — филин: размах крыльев 1,5—1,8 метра, вес 2—4,2 килограмма.

134, 144 или 220 видов, по разным авторам, в странах всего мира. Нет сов только в Антарктиде и на некоторых островах.

*Два семейства:
настоящие совы;
сипухи.*

11 видов последних встречаются во многих странах мира. От настоящих сов сипух отличает сердцевидное, некруглое, «лицевое зеркало» и зазубренный коготь на среднем пальце. В СССР сипухи водятся только в Прибалтике, Белоруссии и на западе Украины. Гнездятся на колокольнях, в старых брошенных зданиях, в дуплах.

КТО СОВЕ РОДИЧ!

Собственно, не здесь бы надо говорить о совах. Их законное место, согласное с правилами классификации птиц, где-то между кукушками и козодоями. Сделано это перемещение, чтобы удобнее было сравнить сов с дневными хищными птицами.

Совы — тоже хищники. Клюв и когти в этом убеждают.

Старые систематики объединяли их в одном отряде с ястребами, орлами, соколами. Но чем больше изучали сов, тем яснее становилось: сходство здесь только внешнее. Его определил образ жизни — хищничество. Обнаружилось у сов много такого, что если не в полной, то в известной мере говорит об эволюционном родстве с тоди, момотами, шурками, сизоворонками, удодами, зимородками — в общем, с ракшеобразными в широких рамках прежней классификации. Нужно ли и сов определить в этот отряд? Некоторые знатоки полагают: так будет правильно. Однако ныне отряд ракшеобразных некоторыми исследователями в большей или меньшей мере расформирован на самостоятельные группы в ранге отрядов: удоды, тоди, момоты, шурки и пр. При таком

Сипухи — совы юго-запада нашей страны. От настоящих сов их отличает сердцевидное лицевое зеркало. На всех континентах, кроме Антарктиды, обитают сипухи. Птицы оседлые, но порой, расселяясь, улетают довольно далеко. Две молодые сипухи, рожденные в ГДР, в одном гнезде, направились осенью в разные стороны: одна — в Испанию, другая — на Украину.

положении дел тем больше оснований у сов обрести собственную автономию в пределах класса птиц.

Сова происхождения древнего. На заре кайнозойской эры, в эоцене, когда впервые пышно расцвели на земле цветы, а звери в изобилии наполнили освобожденные от динозавров леса и степи, 60 миллионов лет назад, совы уже летали темными ночами над Северной Америкой. С той поры мало изменились. Доказывает это, помимо палеонтологии, их довольно сходный вид на всех континентах, раздвоенных океанами, через которые совы никогда не перелетают. Значит, такими, как сейчас, они были еще до того, как широкие моря и проливы разделили современные материки и острова.

Итак, искать близких родичей совы и филина среди орлов и ястребов бесперспективно. Доказательств вполне достаточно.

Взглянем на гнездо совы. Как, из чего она его строит? Собственно, почти никак и не строит. Есть готовое воронье, подходящее по габаритам и дислокации, — займет, немного подправит. За новой, свежей подстилкой, за ветками для ремонта далеко летать не будет. Нет гнезда чужого — вытопчет самка филина ямку в земле и два-три, а то и пять белых яиц без всякой мягкой или жесткой «подкладки» в ней насиживает. В такой же ямке и белая сова больше месяца согревает в прохладные дни и ночи полярного июня полдюжины своих яиц. В дупле на голой древесине, в норе на сырой земле, на камнях в расщелине скалы (сыч — и в скирде) или где-нибудь под крышей сарая неплохо устраиваются совы со своим потомством. Только болотная сооружает кое-какое примитивное гнездовое устройство на земле.

Птицы из отряда орлиных гнездостроительством в такой мере не пренебрегают, только настоящие соколы исключение, подобное совам.

Домовый сыч любит жить в редколесье, в садах, на кладбищах, в парках. Гнезда устраивает в дуплах, в нишах заброшенных построек. Но в Центральной и Восточной Азии гнездится и на земле: между камнями, в норах сурков. Охотится ночью и днем. Встревоженный, трещит почти как зорянка.

Любят ли купаться орлиные птицы? Грифы — да. Когда представится возможность после зловонных трапез. Орланы и скопа волей-неволей совершают омовения, «ныряя» за водоплавающей добычей. Но, в общем, у дневных хищников регулярные купания, кажется, не в обычае.

У сов порядок иной: купаются в воде и в песке, когда воды нет. Мелкий, теплый дождь — блаженный душ для них! Позабыв обо всем, долго кружат в воздухе под дождем, распушась и раскинув веером хвост.

Теперь немного анатомии, предмет, по мнению многих, довольно скучный, поэтому долго на нем не задержимся.

В кишечнике орлиных птиц нет слепых выростов (тех, остатки которых нередко воспаляются у нас, — вот и аппендицит). У сов (у козодоев, кстати, тоже, а еще у кур и гусей) слепые кишки длинные и вместительны. Для чего? Непонятно. Как гуси и куры, зерна и зелень — пищу, которая переваривается в «бродильных чанах» слепых кишок, — совы не едят. Возможно, этот атавистический дар унаследован совами и козодоями от общих предков-вегетарианцев. Зоба, который до предела наполняют мясом орлиные птицы, у сов нет. Поэтому Гаргантюа из совы не получится. Сова много съесть не может. Остатки трапезы прячет где-нибудь в дупле, чтобы потом к ним вернуться.

Как ястреб, сокол или орел ошипывают перья и шерсть с птицы или зверька, которых поймает, сова не будет. Проглотит целиком. Велика добыча — разорвет на куски, ест их с перьями и костями. Филин, правда, большую добычу ошипывает, но всегда ли — не ясно.

Сокol и ястреб даже мясо отдирают от костей, чтобы твердое не есть. И они, конечно, глотают небольшие косточки, попадают в желудок вместе с мясом и перья, шерсть, но не в таком обилии, как у сов. Поэтому погадки (свалявшиеся в ком перья, шерсть, хитин и другие непереваренные остатки) дневные хищные птицы не часто выбрасывают из желудка (через рот) — лишь когда от многих обедов накопится все то, что переварить нельзя. В их погадках немного осколков костей. Совиные погадки основательно «нашпигованы» костями. Ребра съеденных птиц и мышей и даже целые их черепа обработаны в желудке так хорошо, что годятся, говорит Оскар Хейнрот, в коллекции музеев. У зимородков-рыболовов, ракшеобразных птиц (опять они!) погадки сходного «насыщения» — рыбы кости, чешуя...

Яйца у сов белые, с блестящей скорлупой (у ракшеобразных и козодоев тоже). Новорожденные совы одеты пухом (у ракшеобразных голые). Но слепые и глухие. Птенцы орлиного племени, взломав скорлупу яиц, с любопытством рассматривают мир черными глазками. С первого дня слышат.

Глаза и уши совы открываются через неделю, и скоро птенцы линяют, меняя первородный пух на «мезопиль» — мягкие перышки, нечто среднее между пухом и пером. Это уникальное произведение природы: кроме сов, ни у кого больше нет.

Собственно, совы не линяют по общему у птиц образцу. Пух не выпадает, а растет и растет, и вот

оказывается, что сидит каждая пушинка на вершине мезоптильного пера.

Теперь замечены некоторые тонкие, ускользавшие от наблюдателей детали кормления совят.

Ястреб и сокол, ощипав добычу, рвут ее мелко (чеглоки — даже на тонкие волокна!). Берут в клювы и держат затем над птенцами, те быстро, «со знанием дела» хватают подношения.

У сов предшествует кормлению птенцов обязательная процедура «касания». Всем, что предназначается в пищу совенку, сова прикасается сначала к его голове, к углам клюва. Только тогда ее ребенок, точно очнувшись, реагирует на то, чего давно ждал, проголодавшись, и «боком» клюва хватается предлагаемое. «Совершенно подобно поступают ракшеобразные, в известной мере также и дятлы», — пишет Оскар Хейнрот.

Ощупывание «углами» рта — проверка съедобности! — пищевой ритуал даже взрослых сов. Это немного странно: ведь совы в ночных поисках полагаются не на осязание, как другие птицы, промышляющие в темноте (киви, некоторые утки и кулики), а на великолепный слух и все видящее во мраке око.

Это око! Круглое, пристально, не мигая глядящее, будто проникающее в суть вещей. Какие сокровенные тайны скрыты в лупоглазой голове филина? Из-за глазастости своей, невозмутимого философского спокойствия, с которым взирает сова на грешный мир, она прослыла еще у древних греков символом мудрости и познания. В мультфильмах и романах сова весьма впечатляюще «крутит» глазами-шарами, производя необходимый драматический эффект.

Но реальная, живая сова «крутить» глазами не может: слишком прочно соединены они с черепом. Да и глаз совиный вовсе не круглый. Лишь снаружи, в обрамлении век, кажется таким. Если вскрыть окружающие глаз ткани и вынуть его целиком из совиной головы, окажется, что это частично окостеневшая укороченная трубка, сзади более широкая. Бинокуляр, короткая подзорная труба — этот телескопический глаз! Не круглая даггер-камера с малым фокусным расстоянием, как почти у всех зрячих.

Угол зрения каждого совиного глаза — 160 градусов. Но, когда ей этого мало, сова поворачивает голову вбок, назад и, не свернув шеи, даже дальше: на 210, а иные и на 270 градусов от фронтального положения. И все в одну сторону вокруг вертикальной оси!

Темной ночью сова видит неподвижную мышь при освещении всего в 0,000002 люкса! Если и в 46 тысяч раз будет светлее, все другие птицы (кроме, может быть, козодоя) мышь не заметят. Трудно вообразить, как мала доля света, достаточная сове, чтобы с успехом охотиться. В ясный полдень под Москвой, например, солнце освещает землю с силой в 100 тысяч люксов.

В некоторых книгах еще пишут, будто совы днем плохо или ничего не видят. Устарело. Видят. Не хуже, а иные и лучше человека. Больше того, они, как другие птицы, и звери, и, по-видимому, ящерицы, на светлом небе, даже на фоне яркого солнца, отлично различают силуэты парящих птиц. Способность, утерянная нами, а возможно, и изначально не данная от природы.

Ничто не совершенно под солнцем и луной — есть и у совы зрительные «дефекты». Дальнозорка она и близко перед собой, вероятно, ничего не видит.

Положите, говорит Хейнрот, мучного червя перед совой-сплюшкой. Она безуспешно много раз попытается схватить его лапой, так как заметила, когда подносили, что он тут рядом. Но где лежит, не видит. Отойдет назад на несколько шагов, увидит червя и тогда уверенно схватит его.

Филин, когда поймает крысу, подержит ее немного в когтях — характерная для сов пауза! — задушит и поднесет к «лицу». Но не рассмотреть ее хочет. Нет, он глаза даже и вовсе закрыл. Он крысу, прижимая слегка к клюву, «ощупал» осязательными перьями-щетинками, которые растут вокруг совиного клюва.

Опыты доказали: у животных есть врожденная инстинктивная схема реакций на типичные признаки как природных врагов, так и друзей (собратьев по стае, родителей, детей).

Без врожденного, хотя бы приблизительного знания, кого ловить, чем кормиться, тоже не проживешь, когда, неопытный, первый раз выйдешь на охоту без сопровождения и ценных указаний взрослых. Стереотипная пищевая схема, запрограммированная в мозгу, помогает молодым совам сделать правильный выбор в этой критической ситуации. Схема очень проста, учитывает в поведении и форме жертвы лишь главные и характерные черты.

Каждая сова, даже выращенная человеком и никогда не знавшая других сов, с рождения получает понятие о том, что мышь, которую надо хватать, — это шуршащее, бегущее, монолитное, компактное тело на коротких ножках, а птица — тело яйцевидное, с крыльями и хвостом. Двигается оно или не движется, шуршит или не шуршит, не имеет значения.

Ведь совы охотятся ночью, когда мыши тоже не спят, активны и бегают, а значит, шуршат. А птицы спят, значит, не бегают и не шуршат. Сделав соответствующие муляжи (шуршащий, бегающий на ножках и неподвижный яйцевидный с крыльями и хвостом), ученые без труда обманули сову: она схватила эти подделки. (Неподвижную на ножках и яйцевидную

без хвоста, которые тоже ей предлагали, не брала, игнорировала.) Схватила, подержала немного в когтях, закрыв глаза, прижалась клювом и осязательными перьями вокруг него, ощупала, что поймала, убедилась: схватила не то, и выбросила подделку прочь.

Какой тонкий у совы слух, продемонстрировал один слепой сыч. Он слышал совершенно неуловимый нашим ухом «шум» медленно сгибаемых пальцев, смещение мышц и сухожилий! Совы слышат, как ползет по стене таракан... Их ухо раз в пятьдесят более чувствительный акустический «прибор», чем наше, хотя и работает в том же диапазоне частот. Из птиц только у совы есть своего рода ушные раковины — кожные валики вокруг уха, на которых растут особые твердые перья. (Торчащие над головой «уши» филина — украшения, к акустике отношения не имеют.) Звуки «загоняют» в уши и перья, распушенные веером вокруг глаз совы, «лицевое зеркало». «Загоняют», встав вогнутым щитом на их пути не позади ушного отверстия в голове, как у зверей, а перед ним. Это значит, что сова лучше слышит звуки, которые доносятся сзади. Но подвижная голова позволяет, не сходя с места, повернуть ухо к звуку, идущему с любой стороны.

Асимметричное положение на голове правого и левого уха, это у многих сов не уродство, а специальное приспособление, облегчающее точную пеленгацию источника звука. Пытаясь установить, откуда слышен шорох, сова комично выворачивает голову вбок и вниз, словно клоунадой занимается.

Бесшумная, как тень, появляется сова на фоне серого неба. Не слышно ни взмахов крыльев, ни шелеста перьев. Невольно вздрогнешь, когда она вдруг возникнет над тобой... В ее мягком оперении природой предусмотрены разные хитрые глушители звуков, и поэтому бесплотным призраком летает сова в ночи.

...Но по весне совы много кричат. Голоса иных тоскливы, монотонны, всю ночь отрывистым стоном звучат на одних нотах, пугая случайных путников. У других даже мелодичны. Филины, как известно, раздувая горло, страхолюдно ухают — «вуоо». Далеко слышно. Выбрав места для гнезд, зазывают самок. Самки отвечают «ху-хуу». Накричавшись не без успеха — самка прибыла, — филин «танцует» перед ней. Семена, ходит, плотно прижав перья. Оттого фигура его делается стройной, тонкой и высоконогой.

Мохноногий сыч кричит по весне скороговоркой и на высоких нотах «ку-ку-ку». У него каждое лето новая подруга. Серая неясыть голос подает мало: преж-

няя самка обычно возвращается к старому гнездовью, особенно и звать не надо.

Когда год на корма урожайный и грызунов наплодилось много, у сов семьи многодетные. Иные по два раза в лето гнездятся, сипухи даже и зимой! В голодные годы не все и размножаются, яиц мало в гнездах. Да и те совыята, что с запозданием выведутся из них, погибнут, как авели от когтей и клюва старшего брата Каина. Почти все совы насиживают с первого яйца. Оттого птенцы у них разновозрастные. Одни уже улетать собираются, другие едва оперились, а третьи только из яиц вывелись. У полярной совы, что водится у нас в тундре, старшие птенцы вылупляются в июне, а младшие в июле. У филина все птенцы один старше другого примерно на три-семь дней.

Большой биологический смысл заключен в этой птенцовой разновеликости. Родителям трудно было бы прокормить всех птенцов, если бы они вывелись в один день и дружно начали просить есть. Совы выкармливают совыят как бы по частям. Самка, например, полярной совы насиживает вначале. Затем, как появятся на свет первые птенцы, она вместе с самцом улетает на охоту, и улетает далеко, за 5—10 километров от гнезда. Яйца, отложенные позднее, согревают старшие птенцы. Мать сменяет их на короткие промежутки времени, насиживает урывками. А когда младшие выведутся, старшие, которые к этому времени уже подросли, защищают их, отпугивая некрупных врагов. Но они же и съедают своих братьев, если год трудный, малодобычливый и родители не могут прокормить всех птенцов. Этот каннибализм, бесспорно, идет на пользу виду: принесенные в жертву младшие птенцы спасают старших от голодной смерти.

«Гнездо болотных сов выглядит издали как белая кегля. Голова старшего птенца образует вершину; другие птенцы — один меньше другого — прижимаются к нему со всех сторон. В сплошном комке пуха их сначала даже и не разобрать. В целом гнездо похоже на заплесневевшую торфяную глыбу» (Оскар Хейнрот).

Из гнезд совыята вылезают рано, через несколько недель. Еще летать не умеют, а уже пошли, отправились, кто скоком, кто порханием, осваивают окрестности. Встретит их кто большой, распластаются на земле, крылья раскинут, голову вывернут, клювами щелкают. Пугают. Не встретится никто, не поймает, не убьет — заберутся в куст, забьются в кочки, меж камнями, а то и в дупло. Лезут, цепляясь когтями, крыльями, даже клювом! Сидят, изредка покрикивают. Это сигналы родителям. Те их не бросают. Найдут — кормят.

ДОЗНАНИЕ ПО УШАМ И ГЛАЗАМ

...Вдруг где-то на краю поляны, седым туманом раздвинувшей черноту леса, — неожиданное и громкое «ху-ху-хуу». Тишина до звона в ушах. И опять — «ху-ху-хуу». Пауза. «Ху-ху-хуу» с некоторым дребезжанием на последнем слоге... Отрывистая трель «у»...

Шагнули туда, поближе, хрустнул невидимый сучок под ногой, и резкое «кью-витт», «кью-витт» тревожным окриком вспугнуло покойную дремоту леса. Затаилась, замерла настороженная тишина под хмурыми елями, в сонных ветвях берез.

«Филин ухает!» — скажет, возможно, ваш неопытный в ночных криках спутник, если вы не в одиночестве вышли в лес. На филина вроде бы похоже. Тем, кто его не слышал, такое суждение извиняется. Оскудели леса, мало филинов осталось. А это «ху-ху-хуу» с вариациями «ху» и «кью-витт» совсем не редко слышится в апрельском лесу: самец серой неясыти, обычной в Центральной России совы, зовет самку. Они живут в единобрачии, годами сохраняя верность. Весной после разлуки (а может, и зиму не расстаются, кочуя по лесам) летят туда, где и прежде были их гнезда. И вот кричат тихими ночами, чтобы найти друг друга: он «ху-ху-хуу», она «кьюитт» или «кью-виик» — кому как слышится.

В лесах, парках, садах Европы, Азии и северо-запада Африки эти совы истребляют безмерное множество мышей, полевок, крыс — легионы мелких грызунов! Человеку большая польза от серых неясытей, впрочем, и от всех сов. Съедают они, конечно, и певчую птицу, и голубя, если попадутся им в когти, лягушку, ящерицу, насекомое, даже дождевого червя и рыбу, но мышевидные грызуны — главное, чем они кормятся.

Серые неясыти — совы не малые и не большие, средние, размах крыльев — до метра. Действительно серые либо рыже-бурые (цветовые фазы). Клюв желтый, глаза черные. Длиннохвостая и бородатая неясыти в Европе живут севернее серой, а за Уралом — по всей Сибири. Серая на восток за Иртыш не переселилась. Обе крупнее серой: размах крыльев до 1,2 метра — длиннохвостая, до полутора метров — бородатая. У первой хвост длинный, полосатый, глаза черные. У второй под клювом черное пятно, «борода», а желтые глаза словно в центр мишени вставлены: на «лицевом диске» вокруг глаз чередуются светлые и темные круги.

Большие обе эти птицы: можно и с филином их спутать. Но у них нет «ушей», так хорошо нам знакомых по картинкам. Впрочем, только ли у филина «уши»?

...Хлеба обступили пыльную дорогу. Летний полдень. Жарко. Знойное марево над далью равнины. Из зеленого лога, что в низинке, поднялась ширококрылая птица, тихо полетела над полем и вдруг упала в хлеба на неосторожную мышь.

*Болотная сова
в полете.*

Ястребиная сова.

В лапе подержала, наострив небольшие «ушки», прижала к клюву. Ест.

Знакомые повадки: сова! Странная, однако, сова. Днем промышляет... «Ушки»... Маловата, впрочем, для филина и «ушки» невелики, чуть больше ногтя на руке...

Это болотная сова. Впрочем, живет она не только на болотах, а и в степи, горах, пустынях, лугах, тундре, перелесках. Птица открытых пространств и очень обширного ареала: Европа, Азия, на юг до Ирана, обе Америки. Охристо-рыжая, желтоглазая, черно-клювая. Единственная из наших сов строит гнезда (на земле из сухой травы), на мышей охотится ночью и днем, обычно до полудня и вечером. По весне самец болотной совы, облетая владения, кричит «бу-бу-бу», иным слышится: «вуд-вуд-вуд», и хлопает крыльями. Отрывистое «кев» — крик тревоги и предупреждения.

Не только болотная сова охотится днем. Длиннохвостая птица, снизу рябая как ястреб, однажды на Московском ипподроме перед всей почтенной публикой на трибунах точно с ясного неба упала на беговую дорожку и унесла воробья. Ястребиная сова! У нее такие приметы:

«Полет быстрый с чередованием взмахов и скольжения, напоминает соколиный. Малоосторожна и заметна, часто садится на вершины деревьев или на телеграфные столбы. Голос — соколиное «ки-ки-ки» и своеобразное «уль-уль-уль» (В. Е. Флинт, Р. Л. Бёме, Ю. В. Костин, А. А. Кузнецов).

Глаза и клюв желтые, «ушей» нет, а полет более шумный, чем у всех сов. Ареал? Узкой, но длинной полосой тянется по зонам таежных лесов Америки, Европы и Азии.

Здесь же, в этих хвойных лесах, но не в Америке, живет сыч-воробей. (Длина крыла, если его расправить, 9—10 сантиметров.) Он, в общем-то, скрытен. Но иногда, когда днем охотится, любит присесть где-нибудь на видном суку. Дергает хвостом, осматриваясь. Тут его синицы увидят и с писком атакуют, гонят.

Весной, да и все лето и осенью самец кричит тихими ночами монотонно, тоскливо: «дьюу... дьюу... дьюу...» Бывает, как с вечера начнет, так и до утра.

Унылые песнопения не призыв к подруге, покинувшей его в одиночестве. Самка годами с ним. Даже зимой кочуют по лесам вместе, а если расстаются, ненадолго. У них общие, на двоих, кладовые в дуплах, в расщелинах меж камнями, с предусмотрительно заготовленными запасами пищи. Опусто-

*В Америке у нашего
мохноногого сыча,
который тоже там
водится в Канаде и на
Аляске, три близких
родича: северо-,
центрально- и
южноамериканский
мохноногие сычи.
Самцы кормят
гнездящихся в дуплах
самок все время, пока
те высиживают
птенцов.*

*Персмешник атакует
и гонит прочь
североамериканского
филина. Эта
врожденная реакция
на сов замечена у
многих дневных птиц.*

шают их вместе или порознь и не ссорятся. А когда охота удачна, вновь наполняют.

Два других сыча, мохноногий и домовый, крупнее воробьиного. Первый живет там же, где воробьиный, и в хвойных лесах Канады и США. Второй — южнее Оки, Уральских гор, Байкала до Афганистана, Аравии и Африки.

Филин (кажется, добрались до него), мало ему ночи, и днем не дает покоя соседям. От мышонка до зайца, от синицы до тетерева — всех готов съесть. Даже ежа не спасают колючки от длинных когтей филина. В тайге и в степи, местами и в пустыне, на равнинах и в горах разбойничает филин. Селится в местах уединенных, подальше от людей. Встретиться с ним — задача непростая. Однако отправимся в северный лес, куда-нибудь за Вологду. Там на моховом болоте, где токует глухарь, я знаю, живет филин. Пробежимся узкой просекой в мелко-рослый густой сосняк. К ночи придем на место. Приедем на лесину, будем смотреть и слушать.

Луна один бок поляны посеребрила, второй как отрублен черной тенью леса. И вот беззвучно от той черноты словно кусок оторвался. Пролетел через лунный свет по ту сторону поляны, затерялся в лесу. Потом оттуда донеслось глухое «ху-хуу». Пауза. «Ху-хуу!». «У-у-у!» — протяжно и жалобно...

Позади нас ответили, будто гуденьем: «Юю» (похоже на звук детской трубы). Сейчас же отделилась крылатая тень от черного леса, полетела, хлопая крыльями. Села на сук совсем рядом. Подсвечена лунной сзади, и видно, что это сова, и заметны «уши» на ее круглой голове. Длинные, торчком.

Да... Но... «Уши» длинные, а птица маловата... С серую неясить. Пожалуй, и меньше. Тонка телом, стройная, как говорится. Значит, ушастая сова — не филин.

Она почти в тех же странах живет, что и он (к тому же еще в Америке, в США), в тех же ландшафтах, но соседства людей не избегает. Знаменита еще тем, что перелетная в северных областях птица и в зимнюю пору, можно сказать, стайная, что для сов необычно. По пути на зимние квартиры и на зимовках собираются ушастые совы иной раз десятками. Вместе прячутся на день на одном дереве или на нескольких рядом. Сидят по своему обыкновению, тесно прижавшись к стволу.

Ну а где же филин? Каверзный вопрос. Нету филина. Не дождалось мы его, не увидели. Может, все тут уже вымерли... Беречь надо тех, что уцелели. Он, филин, говоря языком науки, «несомненно, заслуживает охраны как прекрасный памятник природы».

*Малайский рыбный
филин.*

Полярная сова.

Днем сплюшки прячутся в дуплах или в тени листьев, на сучьях близко к стволу. 4—6 яиц самка насиживает 24 дня: в дуплах, между камнями, в старых постройках и брошенных вороньих гнездах. Самец все это время кормит ее. Месячные птенцы покидают гнездо. Сплюшки северных областей зимуют в Африке и Южной Азии. Здесь, как и на родине, избегают густых лесов.

Искали бы его в Сахаре — скорее, возможно, нашли. Там филины тоже водятся. И в Индии, в Китае. А южнее Сахары живет африканский «бледный» филин. В Америке, от Аляски до Патагонии, — американский. Оба похожи на нашего: у первого двусложное, у второго — трехсложное «уханье».

В Южной Азии, у нас на Курилах, Сахалине и в Приморье рыбные филины рано по утрам и вечерами бродят по мелкой воде, ловят рыбу и раков.

В Африке так же рыбачат рыбные совы. Эти уже без «ушей». В Австралии, где филинов нет, «экологическую их нишу» занимают, истребляя кроликов, опоссумов и птиц, большие иглоногие совы. Пальцы у них с жесткими щетинами. Иглоногая сова другого вида живет у нас в дальневосточном Приморье.

Дальше на севере, в тундрах вокруг всего Ледовитого океана, роль филина отведена природой большой, почти с него ростом, белой полярной сове. Она покажется исполином рядом с самым крохотным своим собратом — сычи́ком-эльфом. Он так мал, что в дыру, пробитую дятлами в кактусах, пролезает без труда. Тут и гнездится, иной раз вместе с дятлами. Родина его — юго-запад США и Мексика.

Там же, на американском Дальнем Западе, и южнее — до Патагонии, в кроличьих и других норах уютно устраиваются с потомством пещерные, или кроликовые, совы. Если чужих нор не найдут, сами роют небольшие подземелья. Совята, когда подрастут, сидят на пороге норы и ждут родителей. Напугает их кто-нибудь — они сейчас же нырнут в нору, и оттуда вдруг слышится треск гремучей змеи — зловещий звук, который здесь все хорошо знают, и лезть в нору за совятами

сплю-ю-ю-ю-ю-ю.

сразу пропадает охота. Как ухитряются они так ловко подражать сигналам угрозы ядовитого гада?

Кроликовая сова не крупнее домового сыча, и добыча у нее примерно такая же, не считая тысяченожек и скорпионов, которых она тоже ест.

Перед тем как проститься с совами, вернемся домой. Знаете ли вы украинские ночи? После этого всем известного вопроса описывать их не требуется: он пробуждает верные воспоминания. Книжные или пережитые — неважно. Итак, украинская ночь во всей своей воспетой великим Гоголем красе. И в этой ночи — свист! Не удалой вольницы и не разбойничий, а «печальный и мелодичный»! — «сплю-ю». «Сплю-ю». Совка-сплюшка кричит! Маленькая сова — крыло короче 20 сантиметров, у болотной совы — 28—34.

О болотной вспомнили не зря. У нее «ушки на макушке». У совок тоже. Сколько же тогда у нас ушастых на манер филина сов? Ответ такой: семь. Одна большая, филин. Две средних ростом: ушастая и болотная. Четыре маленьких: сплюшка и три другие совки (тоже на юге страны). В Средней Азии — буланая, в Приморье — ошейниковая и уссурийская. А сплюшка живет у нас почти всюду к югу от Оки, Уральских гор и Байкала, кроме прикаспийских и среднеазиатских степей и пустынь. В Индии и Африке ее «сплю-ю», «протяжное и мелодичное», тоже ночами слышится.

Еще одна довольно необычного облика сова может встретиться на самом западе Украины (а также Белоруссии и Литвы). Сипуха. Сверху золотистая с рябью, с сердцевидным лицевым «зеркалом», отороченным четкой золотистой каймой, а «зеркало» грязно-белое, без пестрин, резко отделенное от прочего оперения.

Скорее всего такая встреча состоится где-нибудь на чердаке, на колокольне, у берега моря — в расщелине скалы, в дупле, — в таких местах сипухи прячутся днем. Здесь же и гнезда устраивают. В некоторые годы и осенью птенцов выводят, даже зимой, если зима мягкая и много мышей (было бы чем совы кормить). Это редкий случай: еще только клесты, как вам, наверное, известно, гнездятся у нас зимой, да ворон в конце зимы, в феврале. Когда весна ранняя, уже в марте, а то и в апреле самец-сипуха, выбрав гнездовье (обычно на старом, уже годами испытанном месте), токует, мелко вышагивая около своей подруги. Они годами не разлучаются.

Сипухи не крикливы, услышать голос этой совы можно лишь, когда она напугана и, раскрыв клюв, шипит. Да еще в брачное время нежное, негромкое

храпение «хррюю» — это самец и самка «разговаривают», приветствуют друг друга, «воркуют».

Четыре-семь белых, удлинённых яиц лежат без всякой подстилки. Когда год «урожайный» на мышей, то яиц больше: до 12—18. Самка насиживает с первого яйца, как это принято почти у всех сов. Самец ее кормит.

Через месяц появляется первый птенец: еще слепой, глаза у него открываются на восьмой день. Около двух недель мать не отлучается от совят, копошатся они под ней. А потом, как щенята, заползают друг под друга, в кучу и так греются. Два месяца исполнится — вылетают ночами на охоту за мышами, полевками, землеройками, лягушками и насекомыми. Взрослые недели четыре их опекают, не бросают.

Молодые сипухи от тех мест, где вывелись, расселяются обычно недалеко. Но бывают исключения: некоторые, родившиеся в Германии, улетали в Испанию, в СССР, а одна молодая сипуха была найдена за 1380 километров от родного гнезда. Сипухи оседлые птицы: осенью на юг не улетают и очень привязаны к местам своего обитания. Но некоторые в голодные годы переселяются в соседние области, удаляясь на расстояние до 500 километров от родины. Многие, однако, остаются и гибнут в суровые зимы.

Сипухи в отряде сов представляют особое семейство. В нем 11 видов. Наша обычная сипуха, образуя множество подвигов, обитает в обеих Америках, в Африке, всюду в Западной Европе, кроме Скандинавии, в Аравии, Турции, Ираке, в Индии, Индокитае, на некоторых островах Индонезии и по всей Австралии. В разных этих странах живет она и в степях (здесь гнездится на земле), и в саваннах, и в густых тропических лесах.

КУРИНЫЕ ПТИЦЫ

Отряд большой и древний. Крылья у куриных птиц короткие, широкие, «облегчающие быстрый вертикальный подъем». Машут ими часто, временами планируют (павлины не планируют). По земле бегают быстро. Ноги сильные, у самцов многих видов со шпорами. У тетеревиных по краям пальцев роговые бахромки: помогают крепче обхватывать обледенелый сук и ходить по рыхлому снегу не проваливаясь.

Большой зоб, лишь у некоторых гокко его нет; копчиковая железа у всех, кроме аргуса, и слепые выросты кишечника. Тип развития выводковый. Самцы у многих крупнее самок и ярче окрашены. В большинстве полигамы. Но и моногамы вопреки прежним представлениям, как оказалось, совсем не редки: африканские павлины, рябчики, серые, белые, лесные куропатки, улары, кеклики, турачи, вилохвостые дикие куры, хохлатые цесарки, трагопаны, воротничковые рябчики, карликовые, жемчужные, виргинские и все прочие зубчатоклювые перепела, гоацины, многие гокко и, по-видимому, золотые фазаны. Самцы, даже у моногамов, обычно не насиживают и не заботятся о птенцах. Заботятся — у цесарок, турачей, африканских павлинов, белых куропаток, уларов, у жемчужных и зубчатоклювых перепелов, у многих гокко, воротничковых и, по-видимому, обычных рябчиков. Самцы насиживают (по очереди с самкой) у гоацинов, альпийских кекликов, иногда виргинских перепелов и серых куропаток (есть такие данные). Некоторые виды гокко годами живут, по-видимому, в единобрачии.

Гнезда на земле — небольшая ямка, выложенная сухой травой и листьями, позднее — перьями. У павлинов иногда — в развилке толстых сучьев, на зданиях, даже в брошенных гнездах хищных птиц. У жемчужных аргусов — часто на пнях. У африканских павлинов — всегда над землей: на

сломанных стволах, в развилке больших сучьев. Только у гоацинов, трагопанов и, как правило, у гокко гнезда всегда на деревьях.

В кладке от 2 до 26 яиц (у большинства), в среднем — 10. Развитие быстрое. Насиживание — 12—30 дней.

Обсохнув, обычно в первый же день птенцы уходят за матерью из гнезда. Рулевые и маховые перья вырастают у них рано, и поэтому уже однодневные (сорные куры), двухдневные (фазаны, гокко, трагопаны), четырехдневные (рябчики, африканские павлины) и чуть позже многие другие могут перепархивать. Птенцы африканских павлинов, виргинских перепелов неплохо летают на шестой день после рождения. Диких кур, индюков, фазанов и др. — на девятый-двенадцатый.

Половозрелость у мелких видов (карликовых перепелов) — через 5—8 месяцев после рождения. У большинства — на другой год, у крупных (гокко, павлины, индюки, аргусы) — через 2—3 года.

Истинно перелетных птиц среди куриных мало — 4 вида, все перепела. Кочующие, частично перелетные, из северных областей, — серые куропатки, виргинские перепела, дикие индюки.

Во время линьки способность летать не теряют. Тетеревиные, линяя, сбрасывают роговые покровы когтей, клюва, бахромки пальцев.

250—263 вида в странах всего света, кроме Антарктиды, ближайшей к ней части Южной Америки и Новой Зеландии. Расселены по разным странам: только в Новой Зеландии акклиматизировано 9 видов куриных птиц из других частей света. В Европе разводят более 22 иноземных видов этого отряда, многих на воле. Самые мелкие из куриных весят 45 граммов (карликовые перепела), самые крупные — 5—6 кило-

граммов (глазчатые индейки, павлины, глухари) и даже 10—12 (дикие индюки, аргусы). В неволе жили виргинские и карликовые перепела до 9—10 лет, трагопаны — до 14, африканские павлины, золотые фазаны, глухари — до 15—20, азиатские павлины и аргусы — до 30 лет.

Пять семейств.

Гоацины. 1 вид — Южная Америка.

Сорные куры, или большеноги. 12 видов в Австралии, Полинезии и Индонезии.

Древесные куры, или гокко. 36—47 видов в Центральной и Южной Америке.

Фазановые — фазаны, павлины, индюки, цесарки, куры, серые куропатки, перепела, улары, кеклики. 174 вида почти во всех странах мира.

Тетеревиные — тетерева, рябчики, глухари, белые и тундряные куропатки. 18 видов в северных областях Европы, Азии и Америки.

В СССР — 20 видов этого отряда (8 — тетеревиных, 12 — фазановых).

ТОКИ!

Апрель. В борах, оврагах лежит еще снег. А на прогалах, в чернолесье — парная, теплая земля. Первые весенние цветы — голубые пролески, медуница синяя, с краснотой. Ландыши... Нет еще ландышей. А вот золотистая мать-и-мачеха — на всех голых буграх.

Углубимся в северные, хвойные леса и, может быть, увидим где-нибудь на сосне большую черную птицу, очень странную на вид, краснобровую, бордату.

...Глухарь шею вытянул. Насторожился. В испуге срывается и грузно летит над болотом. Сумрак леса скрывает его. А вокруг — сказочная быль. По земле мох и мох, сфагновый, торфяной. Клюква по мху, багульник и пушица. Чахлые сосенки нерешительно обступили трясину. Ели хмурые насупились неприветливо. Тревожно шуршат иглами сосны. Бурелом да гниль, пни да коряги.

Чавкает ржавая жижа. Кочки проваливаются. Гнилой мох взбаламученной трясины бурой стежкой устилает бледную седину кочкарника.

*В Западной Европе
рябчики почти всюду,
кроме Альп,
истреблены. Самцы и
самки разбиваются на
пары еще с осени.
Весной, когда его
супруга насиживает,
рябчик не прочь
поухаживать за другой
самкой. Насиживать
не помогает, но, когда
подросшие птенцы
научатся взлетать на
деревья (на седьмой-
десятый день), он
присоединяется
к выводку.*

Уходим все дальше в лес, в самую глушь. Солнце садится за лесом. Тихо спустились сумерки. Почернело вокруг.

...И вдруг среди ночи, во мраке — щелчки какие-то, деревянного тембра пощелкивание — «тк-тк-тк». Звуки странные...

Вот пауза, нету щелчков. Тихо вокруг.

Опять щелчки. Пощелкивание ускоряется и — словно кто-то спичкой быстро-быстро постучал по коробку — дробь. А за ней то, что охотники называют «скирканием»: негромкое короткое скрежетание, звук точения ножа о брусек. Ждут его с замиранием любители одной из лучших охот мира. Ждут, чтобы под эту «песню» сделать два-три быстрых скачка (а лучше один большой!) и замереть при последних звуках «точения».

...Быстро светает. Серые тени кустов и деревьев тонут по пояс в сером тумане. Громко и совсем будто близко поет глухарь. Начальные звуки его песни: «Тк-тк-тк» — запев. Все чаще щелкает. Нарастает ритм, и вдруг слились глухаринные синкопы в один недолгий скрип.

Так, скачками, то замирая на полушаге, то кидаясь вперед по бездорожью, ближе и ближе подходит охотник к дереву, на котором, распутив веером хвост и выгнув взъерошенную шею, поет опьяненная весной птица. Захлебываясь, без устали, без перерыва поет и поет древнюю песню лесных дебрей. Вдруг громкий выстрел, секундная пауза, треск ломаемых сучьев и глухое «ту-тт!». Упала тяжелая

птица. В сырой мох, едва видимый в предрассветной мгле, упала.

Все зори напролет каждую весну в необъятных наших лесах поют глухари. В страстном экстазе, в кульминации своих песнопений, называемых точением, глохнут на время. В эти скудные мгновения охотник должен подскочить на два-три шага к глухарю. И замереть, хоть и на одной ноге, прежде чем глухарь вновь «заскиркает». Когда не «скиркает», все слышит...

...Светло уже... Из леса вышли охотники на широкую, в блеклых тонах луговину. Пожухлая, прошлогодняя трава. Вышли и сразу скорее спрятались, из-за куста подглядывают. Когда подходили к поляне, лес наполняли загадочные звуки, которые и до этого слышались вдалеке. А теперь усилились, слились в многоголосое и дружное бормотание. Порой его прерывают будто отдельные выкрики: «Чу-фыы!» И снова бормотание.

Там, в глубине луговины, какие-то черные небольшие фигурки на земле. Тетерева токуют! Много тетеревов: десяток, два, а может и больше. Одни самозабвенно бормочут, пригнув шеи к земле и распустив хвосты. Другие выкрикивают «чу-фыы», подпрыгивая и хлопая крыльями. Иные, сойдясь во встречных прыжках, сшибаются грудями. Набухшие кровью брови алеют на черных птичьих головах, белые подхвостья сверкают в косых лучах солнца. В общем, ток в разгаре.

Затемно слетаются тетерева со всей округи на уединенные луговины, лесные болота, тихие поляны. Солнце взойдет, а они еще поют и поют серенады пернатым дамам. Повздорят, порой и подерутся.

А где же те, ради кого затеяно это игрище? Где тетерки? Среди певцов их не видно. Они недалеко, но и не рядом. Бурые, неяркие, неприметные на блеклых красках луга, не спеша прохаживаются метрах в 30 от крайних косачей. Поят, опять лениво пойдут. Скромно и будто бы равнодушно гуляют по краю токовища. Клюют что-то на земле. Это поощрение певцам. Вроде наших аплодисментов. Заметив поклев-аплодисмент, косачи токут азартнее.

Охотники заранее строят на токах шалаши. Укрывшись в них с ночи, стреляют поутру тетеревов. А сейчас, когда светло, трудно к ним подобраться.

Можно было бы по лесу ходить, рябчиков подманить, да запрещена теперь такая охота: рябчик моногамная птица, с одной самкой живет, о птенцах заботится. Весной, а местами и осенью, на умелый свист хорошего манка рябчик быстро прилетит. Сядет близко на сук или по земле подбежит, странно непугливый, неосторожный какой-то. Особенно и пря-

таться от него не надо: стреляют почти в упор. Промахнешься — снова можно манить, еще не раз прилетит, обманутый коварным зовом манка.

Глухарь, тетерев, рябчик — наши боровые птицы. По виду разные, но жизнь у них сходная. Весной токуют, каждый на свой лад. Кончится брачный сезон — самцы линяют, прячась по глухим местам. Самка в ямке под кустом высидывает от 4 до 15, но обычно 6—8 яиц. Рябчик-самец и спит и кормится недалеко от гнезда. Когда птенцы выведутся, тоже их не оставляет.

Тетереvat и глухарят водят только матери. Кормятся их дети первое время насекомыми. Пятидневные рябчики, недельные тетереvята, а глухари — десятидневные перепархивают невысоко над землей. Дней через пять-семь ночуют на деревьях. Месячные хорошо летают, даже глухарята. В сентябре молодые косачи, самцы тетеревов, живут уже без матери, но самочки еще при ней. Глухари собираются в небольшие стаи: самки с самками, петухи с петухами, — кормятся осенью на осинах листьями. Так и всю зиму держатся. У тетеревов стаи смешанные: косачи и тетерки.

Зимний корм тетеревов и рябчиков — почки и сережки ольхи, березы, осины, ивы, можжевельниковые ягоды. Глухарей — хвоя сосен, пихт, кедров, режеелей. Ночуют в снегу. С дерева или прямо с лета падают в сугроб, пройдут немного под снегом (тетерева иногда и много — 10 метров), притаятся и спят. В пургу и мороз сутками не вылезают из-под снега. Там ветра нет и теплее градусов на десять, чем на поверхности. Если после оттепели ударит сильный мороз и ледяная корка покроет снег над птицами, бывает, гибнут они, не сумев пробиться на волю.

Весной снова тока. Впрочем, и осенью, кое-где и зимой токуют тетерева, старые косачи и молодые глухари. «Пищат» и рябчики, по-весеннему разбиваясь на пары. Вместе, парами, кочуют всю зиму по общей для самца и самки территории. Осенние тока ненастоящие, никакого размножения за ними не следует. А какой тогда от них толк, не очень-то понятно.

Там, где весной тетерева токут недалеко от глухарей, случаются помеси. Гибриды похожи больше на глухарей, не всякий и отличит, но токовать прилетают к тетеревам. Они сильнее косачей и токут азартнее — пламеннее и восторженнее. Голос, однако, немного напоминает глухаря. Всех косачей с токовища разгонят, «чертом» кидаясь на каждого петуха, которого увидят, хотя бы и за триста метров. Прежде думали, что эти бастарды, как и другие межвидовые гибриды, бесплодны. Оказалось, что нет: и с тетеревами и глухарями дают потомство. Лучше,

чем глухари, приживаются они в современных поредевших лесах Европы. Поэтому их расселяют там, где хотят снова развести глухарей, например, в Шотландии.

Мало осталось в Европе глухарей. В ФРГ, например, по подсчетам 1964 года, только 6002! Тетеревов — 14 708; рябчиков — 4120. Безрадостная статистика. На севере европейской России в конце прошлого века добывали ежегодно 65 тысяч глухарей. Теперь — лишь несколько тысяч.

В Пиренейских горах еще не всех глухарей перебили. Кое-где уцелели они в Альпах, Карпатах, на Балканах, в Скандинавии, а на восток отсюда живут глухари по таежным лесам до Забайкалья и Лены. За рекой Нижняя Тунгуска и от озера Байкал до Камчатки и Сахалина — ареал другого глухаря, каменного. Он поменьше обычного, черноклювый. Наш с белым клювом. Токовая песня — «односложное щелканье, переходящее в короткую трель». Не глохнет, как наш, когда поет, лишь ненадолго хуже слышит. Каменная глухарка темнее окрашена и без ржавого пятна на зобе. Тетерки и глухарки, напомним тем, кто этого не знает, серо-бурые. У рябчиков и самцы серо-буро-рябенькие, только темное пятно под клювом отличает их от самок.

Ареал рябчиков и тетеревов почти совпадает с глухариним, лишь обширнее к югу захватывает лесостепные зоны, а к востоку простирается до Уссури (у рябчика — до Приморья и Сахалина).

На Кавказе, в альпийской и субальпийской зоне, живет кавказский тетерев (хвост у него без белого подхвостья и менее круто изогнут лирой). Токует иначе.

«На току петухи или спокойно сидят, или, опустив крылья и почти вертикально подняв хвост, подпрыгивают вверх... поворачиваясь при этом на 180 градусов. Прыжок сопровождается характерным хлопанием крыльев... Обычно ток проходит в молчании... Изредка петухи щелкают клювами или издают короткое хрипение, напоминающее приглушенный и мягкий крик коростеля» (профессор А. В. Михеев).

От Забайкалья до Приморья и Сахалина живут по соседству с рябчиками дикуши — непугливые, более крупные и темные окраской. Похожи на рябчиков.

ДРУГИЕ ТЕТЕРЕВИНЫЕ

Рябчик Северцова живет в Центральном Китае. Ареал крохотный, образ жизни неизвестен.

Воротничковый рябчик: Аляска, Канада, США. У самца два пучка длинных перьев по бокам шеи. Токуя, он их распускает пышным жабо. Раздувает полосатую шею, хвост раскинут веером. Если самка погибнет, самец водит и охраняет птенцов.

Белая куропатка — Англия, Скандинавия, север европейской России, вся Сибирь и Канада. Летом рыже-бурая. Зимой белоснежная, только хвост черный. Густое, до самых когтей, оперение на лапах — «канадские лыжи», которые держат птицу на рыхлом снегу. Весной самцы сидят на буграх, высоких кочках, «как на сторожевых постах». Белые, с ярко-рыжей головой, шеей и зобом — издали заметны.

ВОРОТНИЧКОВЫЙ
РЯБЧИК

Это и требуется: выбрав гнездовой участок, его собственной персоной маркируют. Атакуют и гонят всех других самцов с яростной отвагой.

Токовые крики белых куропаток — странное, резкое, громкое «карр...эр-эр-эрр». Какой-то дьявольский хохот: не сообразишь, если не знаешь, кто так страшно «гаркнул» у тебя над ухом. Это может случиться на моховых болотах ночью, перед рассветом, когда пробираешься в темноте на глухариный ток. Самого крикуна никогда не видно, хоть он и пестрый, еще белокрылый, чернохвостый, даже если совсем рядом «закаркал». Куропач, пролетев немного над землей, взмывает круто вверх, повисает на секунду в воздухе и вот тут кричит. Затем с криком падает круто вниз.

Самка сядет на гнездо, супруг ее, как рябчик, поблизости таится между кочками, распластавшись на земле. Он теперь уже не кричит, помалкивает, на буграх не красуется, летает мало. В общем, прячется, чтобы не выдать врагам гнездо. Смелый опекун своего потомства. Не боится и людей.

«Самец бросился на наблюдателя, сбил с него очки и при повторном нападении был пойман руками» (профессор А. В. Михеев).

Большой луговой тетерев токует перед самкой.

Шотландские белые куропатки (особый подвид) на зиму не белеют. Называют их в Англии «граусами». Веками разводили и охотились на граусов британские дворяне в своих имениях. В конце прошлого века завезли граусов на болота по обе стороны бельгийско-германской границы. Там живут они в небольшом числе.

Тундряная куропатка — Гренландия, Шотландия, Пиренеи, Альпы, Скандинавия, тундры, лесотундры Евразии, Канады, Аляски, горы Южной Сибири. Повадками, образом жизни и видом похожа на белую, но поменьше. Зимой у самцов черная полоса между клювом и глазом, летом «в окраске преобладает серый, а не рыжий тон», как у белой.

Американская белая куропатка — горы запада Северной Америки от Аляски до Нью-Мексико. Похожа на первых двух, но хвост не черный, а белый.

Луговые тетерева — Северная Америка. Четыре вида. Самый крупный, почти с глухаря, — полярный тетерев. Три других (длиннохвостый, большой и малый луговые) ростом с небольшого тетерева. Окрашены пестро и ярко. На груди два голых желтых пятна, у длиннохвостого — пурпуровые. Под ними в коже воздушные мешки. Токуя, петухи их раздувают, слышится звук, похожий на барабанную дробь или трещотку.

На токах полярных тетеревов строгий порядок, соблюдаются ранги и старшинство среди петухов. Главный петух в середине, рядом с ним — второй,

высший в ранге. Чуть поодаль токуют два-шесть третьестепенных тетеревов, а вокруг по периферии — молодежь. Их гротескные чернобрюхие фигуры (в белых жабо спереди, с остроконечными «веерами» сзади) стоят, церемонно ходят на холмах и равнинах среди скудной зелени полынных лугов. Позы величавые, гвардейские груди раздуты шарами, головы утонули в пышных воротниках... «Пузыри» на груди («желтые, как два мандарина»), вздуваясь и опадая, мелькают сигнальными огнями в лучах восходящего солнца... Живописная картина, но, к сожалению, теперь уже редкостная. Мало сохранилось на северо-западе США полынных тетеревов.

Кончится ток, и петухи разбирают самок в порядке старшинства: главному достаются обычно три четверти, второму по рангу шестеро меньше, тройке-шестерке ближайших к ним — тридцатая часть. Другим — немногие «невостребованные» тетерки.

Полынных тетеревов нередко называют шалфейными. Но первое точнее, потому что кормятся эти птицы почти исключительно листьями, почками и плодами американской полыни. Корм мягкий, переваривается легко. Поэтому полынный тетерев — «единственная из куриных птиц с мягкой внутренней выстилкой желудка». В нем нет даже камешков, которые (от песчинок до гальки!) глотают почти все птицы, чтобы они, как жернова, перетирали твердые корма.

ФАЗАН

«Лишь только край неба загорелся пурпуром... взошли аргонавты и сели за весла, по два на каждую лавку».

Плыли долго, чудес повидали немало. Весело провели время на Лемносе, где «всех мужей перебили лемнианки за их измену». Сразились с шестирукими на Кизике, освободили (одним лишь прибытием!) несчастного Финея от гарпий. Царь бебриков Амик, «непобедимый кулачный боец», пал от кулаков Полидевка, и воины его были рассеяны. Через страшные Симплегады вышли в Черное море, Понт Эвксинский, и благополучно прибыли в Колхиду, потеряв в пути лишь Геракла и Полифема — дела задержали их в Мизии. Из Колхиды привезли золотое руно (для чего и кому — не совсем ясно), Медею (на горе Ясону) и... фазанов на радость всей Греции. С той поры судьбы чудесных птиц сплелись с человеческими.

В Колхиде, в Грузии, на реке Фазис, ныне Рион, была у греков колония того же названия — факт это уже достоверный, не легендарный. Многоцветных длиннохвостых птиц, которые водились здесь, греки переселили на родину, в Элладу, и назвали фазана-

ми. В «золотой век» Перикла (IV век до нашей эры) по всей Греции уже разводили фазанов. Римляне среди других военных «призов» получили из покоренной Эллады и фазанов. В разных странах империи устроили фазанники, даже в Британии; тысячами подавали жареных фазанов на пирах. Даже львов кормили в зверинцах!

Пала империя, к другим завоевателям перешел колхидский приз. Фазан, птица вкусная, полюбилась рыцарству и в жареном, и в живом виде — как охотничья дичь высокого класса. Подавали фазанов на серебре, в золотых ожерельях с жемчугами, под громкие звуки рога и торжественную риторику герольда. Фазан стал символом высшего благородства. Клятва фазаном была самой верной у рыцарства.

— Клянусь перед дамами и фазаном, что не буду открывать этого глаза, пока не увижу сарацинского войска!

— Клянусь фазаном, что не буду спать на постели, есть на скатерти, пока копьем не напишу свое имя на воротах Иерусалима, и т. д.

Клятвы разные, нередко странные и забавные, но фазан в самых торжественных из них часто упоминался.

Позднее, когда географические открытия широко распахнули «окна» и «двери» дальних стран, завезли в Европу из Азии и других фазанов, не кавказских. Впрочем, того же вида, только подвиды и расы иные. Особенно ценились японские, потому что не таятся перед легавой, сделавшей стойку, а взлетают и легко попадают под выстрел. Поэтому почти все европейские фазаны — гибридные, разномастные, кто с полным, кто с неполным белым кольцом на шее, а кто и без него. Очень редко один подобен другому.

Интересно, что по этому белому «кольцу», или «ошейнику», нетрудно узнать, откуда фазан родом: с запада своей обширной родины или с востока. У кавказских, североиранских фазанов сине-зеленый глянец на шее не отделен белым кольцом либо полукольцом от оперения иных тонов ниже на шее и груди.

Чем дальше к востоку, тем яснее обозначается белое кольцо. Сначала прерванное или узкое спереди (среднеазиатские фазаны), затем широкое и полное — амурские, китайские и корейские.

У обыкновенного, или охотничьего, фазана 34 расы и подвида, а ареал обширнее, чем, пожалуй, у любой дикой куриной птицы: от Атлантики до Тихого океана, в пределах умеренных широт, и дальше, за Тихим океаном, в США. В Новый Свет, как и в Западную Европу, Новую Зеландию и на Гавайские острова, с легкой руки аргонавтов охотничьих фазанов расселили люди. Излюбленные фазанами места — кустарники, тростники по долинам рек, пойменные леса, окраины засеянных полей. По долинам рек поднимаются и в горы, но не очень высоко и только там, где есть густые укрытия из разнотравья.

Ранней весной, в феврале—марте, местами позже, уходят фазаны из зимних стай. Петухи выбирают гнездовые территории. У каждого своя. Ее он охраняет, на ней кормится и токует. У него там свои излюбленные маршруты для прогулок, протоптанные тропинки. Ходит, кричит «ке-ке-ре» и «кох-кох» и хлопает крыльями. Помолчит минут пять, поклюет что-нибудь — опять кричит. Дойдет до конца тропы с полкилометра она — и обратно, с криком и хлопанием крыльев.

Холостая самка, она где-нибудь рядом, в кустах, поощряет его токовой энтузиазм негромким «киа-киа».

Позднее придет к нему. Он сейчас же, как домашний петух, боком-боком подступает, опустив до земли обращенное к ней крыло. И «воркует»: «гу-гу-гу». По-петушину прельщает найденным либо воображаемым зерном, червячком.

По своему участку кочуют они теперь вместе. А если расстанутся, перекликаются. Голос партнера хорошо знают. Если чужой петух явится, гонят прочь. Одни исследователи утверждают, что драки между петухами бывают «иногда ожесточенные. Дерутся самцы на манер домашних петухов». Другие: «Драки никогда не наблюдаются». Пойди разберись... Уж, наверное, дерутся — у всех петухов нрав задиристый.

Гнездо — ямка в кустах. Иногда...

«В некоторых частях ареала фазаны делают закрытые гнезда шарообразной формы с боковым входом. Стенки гнезда довольно плотные и хорошо предохраняют от ветра и дождя» (профессор А. В. Михеев).

В гнезде 7—18 яиц. Все прикроет фазаниха, высиживает. Если первая кладка погибнет или ее заберут из-под птицы, как делают в охотхозяйствах, может снести за сезон и 40 яиц (пава — только 25).

Птенцы к вечеру того дня, когда вывелись, уходят с ней из гнезда. Кормятся насекомыми. Ночуют первое время на земле у нее под крылом. На третий день уже порхают, на тринадцатый летают так, что за матерью на своих крыльях поднимаются на ветки и там ночуют.

В конце лета разные выводки соединяются в стай. Опекают их сначала самки, осенью — петухи.

Прославленный герой рыцарских традиций, фазан, довольно-таки глуп (в рамках тех пределов, где в сравнительных категориях можно рассуждать об уме животных). Во всяком случае, ворона, галка, гусь, попугай и многие другие птицы сообразительнее фазана. Так считается. Однако Оскар Хейнрот несколько поколебал это нелестное для фазана утверждение.

1... ГИМАЛАЙСКИЙ МОНАЛ
2... УШАХОТЫЙ ФАЗАН
3... ЗОЛОТОЙ ФАЗАН
4... СЕРЕБРЯНЫЙ ФАЗАН
5... ЖЕЛТОХВОСТЫЙ ФАЗАН
6... БЕЛОХВОСТЫЙ ФАЗАН
7... КИТАЙСКИЙ ФАЗАН

Молодой фазан, которого он вырастил, стал совсем ручным, садился на руку, брал корм с ладони, любил, когда чешут «за ухом». Очень привязался к хозяину и отчаянно ревновал его к жене. Кидался на нее, бил клювом и шпорами. Шпор-то, собственно, у него еще не было, не выросли, удары получались слабые. Но клювом до крови щипал.

Однажды решили проверить: узнает ли он людей в лицо или только вид платья ему ненавистен. Переоделись муж с женой. Фазан немного растерялся, не привык видеть хозяина в женском платье. Пристально посмотрел в его лицо и кинулся к нему, выражая прежнюю радость и любовь. Повернулся затем к жене Хейнрота и яростными наскоками угрожал порвать на ней хозяйский костюм. Когда фрау Хейнрот поменялась платьем с сестрой, он и тут, «вглядевшись в лицо», распознал своего «врага». Позднее этот фазан в Берлинском зоопарке так же враждебно принимал необходимые услуги от сторожа, но, когда Оскар Хейнрот пришел его навестить, он узнал друга и обрадовался.

Дрофа-петух, говорит Хейнрот, вел себя в подобных ситуациях глупее: не разбирая лиц, враждовал с одеждой людей, которых невзлюбил.

Фазаны, кроме акклиматизированных в других странах, живут только в Азии, здесь их больше двух десятков видов. Длиннохвостые, пышнохвостые, белохвостые, чернохвостые, желтохвостые, белоспинные, рогатые, хохлатые, ушастые, алмазные, золотые, серебряные — словом, всякие. Оперение у всех великолепное, токовые повадки изумительны не меньше.

О трех расскажу, для прочих нет места.

На склонах предгорий Тибета в апреле золотой фазан, распустив широким веером красочный воротник, так что спереди он закрывает клюв, сзади — шею, прыгает вокруг фазанихи, повернувшись, то одним, то другим боком, и кричит «металлическим голосом». «Хан-хок», «хан-хок» звучит, словно косари косу отбивают. Поверх воротника, как кокетка из-за веера, подмигивает для пущего эффекта янтарным глазом. Крутой поворот, другой бок к самке. Сейчас же на обратном к ней боку «веер» распускается, на прежнем собран. Теперь с этой стороны ей подмигивает.

В Гималайских горах в ту же пору громким мелодичным свистом, который напоминает меланхолический крик кроншнепа, созывают своих кур на токовища петухи-моналы. Прибывших обольщают так: сначала боком робкими шагами ходит кавалер вокруг дамы, опустив обращенное к ней крыло до земли и уперев клюв в свою грудь. Круги все уже и уже. Затем вдруг встал грудью к ней — оба крыла и

*Калимантанский
белохвостый фазан,
когда токует,
превращается в
совершенно сказочную
фигуру.*

клюв у земли. Поклон? Демонстрация блестящего оперения на спине. Кланяясь, ходит петух ритмично вперед и назад, вертится, рассыпая вокруг красочные вспышки «металлического» оперения. (Это «па», впрочем, больше в обычае у другого монала, который живет в Китае, — зеленохвостого.) Затем... забыта сразу самка, ищет проголодавшийся танцор, чем бы подкрепиться. Интересно, что, копаясь в земле, он роет ее клювом, как паламедеи, редко ногами, что типично для куриных птиц, но не тетеревиных.

В лесах Калимантана белохвостый фазан, токуя, перевоплощается неузнаваемо, лишь только самка явится на его зов. Он сразу тонким, плоским и высоким становится, сжавшись до невозможного с боков. Хвост белым колесом распушился позади его черного тела. Но не как у павлина, в иной плоскости: не в горизонтальной, а вертикальной. Верхние перья превращенного в колесо хвоста касаются спины, а нижние чертят по земле.

Но самое поразительное происходит с головой. На ней — две пары голых голубых наростов. Мясистые украшения, как у многих петухов, индюков, цесарок. Два, как рожки, вверх торчат, два — серьгами вниз висят. Теперь эти «рожки» и «сережки» налились кровью, вздулись, вытянулись непомерно (два вниз, два вверх). Закрыли собой клюв, и превратилась голова фазана в голубой, с красным глазом в

центре, почти полуметровой длины полумесяц, если сбоку смотреть. Уподобился он акуле по имени молот-рыба. Не забудьте, что сзади к этой странной фигуре еще внушительный белый круг приделан. «Не бывает таких птиц!» — невольно скажешь, взглянув без предварительных разъяснений на фото, где изображено это пернатое создание.

ДИКИЕ КУРЫ

Миллиарды кур питают человечество мясом и яйцами. Лишь в ФРГ от 75 миллионов несушек ежегодно получают больше 13 миллиардов яиц. В среднем по 126—200 от каждой (рекорд — 1515 яиц за 8 лет). 80 миллионов кур иных пород откармливают и забивают каждый год на мясо. Куры всюду, на фермах вокруг окутанных смогом городов, и в индейских, негритянских, папуасских деревнях, затерянных в глуши лесов. Мыслимо ли подсчитать, сколько их (предполагают — не меньше трех миллиардов) и какова их общая и средняя яйценоскость? Но продуктивность диких предков кур известна — 5—14 яиц в год. Потрудились птицеводы всех времен и народов немало.

Дикие куры, по существу, — украшенные гребнями фазаны. Где-то между моналами и серебряными фазанами их место в научной системе пернатого мира. Они, бесспорно, выделяются из типичного ряда, но остаются в общих рамках, объединяющих всех птиц подсемейства фазанов.

Прямой родоначальник всех пород домашних кур, банкивский петух, и в наши дни живет в сырых и сухих, горных и низинных лесах — от Гималайских гор, Восточной Индии, через весь Индокитай, Бирму и юг Китая до Суматры и Явы. На деревенских петухов огненной («дикий») окраски он очень похож. Но поменьше, с тетерева. Кукарекает! Только последний слог в «ку-ка-реку» короткий. Зимой стаями живут. Весной петухи токуют порознь на частных своих владениях, собирая вокруг около пяти кур.

Два вида диких кур Индии и Цейлона подобны банкивскому образом жизни и видом. Окрашены, впрочем, несколько иначе. У всех самки без гребней и серег. Четвертый вид — вилхвостый дикий петух с острова Ява выделяется тем, что живет в моногамном единобрачии с одной курицей, не кукарекает, а кричит пронзительно: «Ча-а-а!» Гребень у него без зазубрин наверху. В остальном такой же.

банкивский
петух

вилхвостый
петух

АРГУС

Полуфазан-полупавлин, именуемый аргусом, необыкновенно живописно объясняется в любви. Многие в «хохлаткиной родне» токуют красочно: достаточно вспомнить павлиний хвост. Но аргус, пожалуй, всех превзошел.

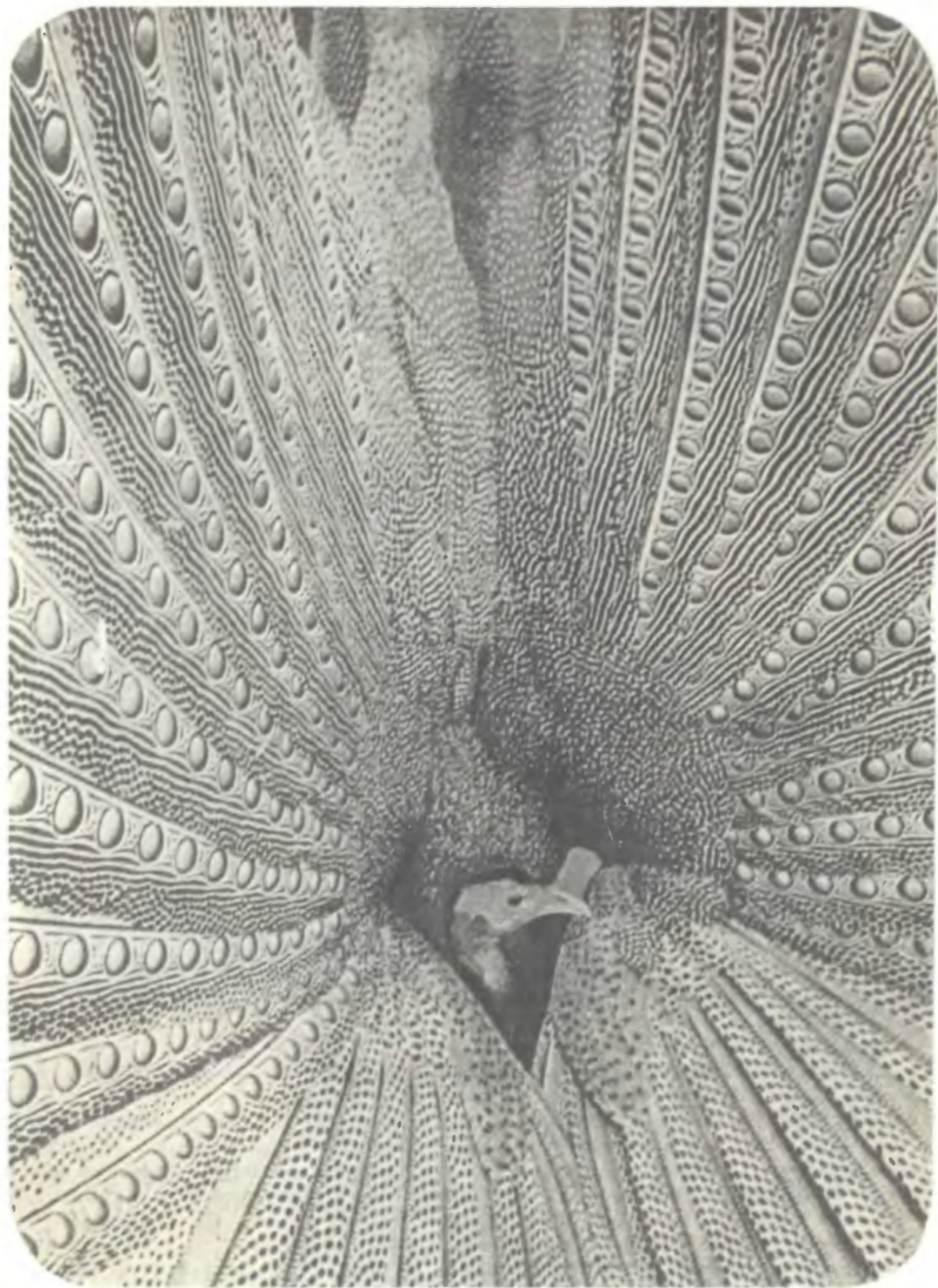
В начале брачного танца вид у аргуса какой-то нелепый: на сгорбленного грифа или на карикатурного монаха похож. Вышагивает вокруг самки, ритмично и громко шлепая лапами. Вдруг резко поворачивается, преклоняет перед ней колени и перевоплощается неузнаваемо! Окружит себя широким колесом из стооких перьев, а из этого шикарного обрамления синим кобальтом смотрит его лысая голова (фото на следующей странице).

У него очень длинные перья на крыльях, второстепенные (все-го-то, казалось бы!) маховые. Они сплошь усыпаны множеством глазчатых пятен, которые так удачно оттенены, что кажутся выпуклыми. За них и имя получил аргус в честь стоокого великана из греческих легенд.

Два средних пера в хвосте тоже длинны невероятно — полтора метра. Сама птица в два раза короче. С таким хвостом, а главное, с такими крыльями летать нелегко. Не столько для полета, для других дел употребляет их аргус.

На поляне в лесу расчистит землю от листьев и веток, три шага туда, три сюда. Отлучается, только чтобы попить и поесть да ночью поспать на дереве, и опять спешит на «танцплощадку». Зовет самок протяжным, жалобным «квиа-у», раз 10—12 все медленнее и тише его повторяет. Самка отвечает: «Хау-ово-хау-ово». Прибежит. Присядет на площадке. Он согбенно, вытянув голую синюю шею, кося глазом, боком-боком выжидательно, будто даже недоверчиво, приглядываясь, ходит вокруг. Бесподобный хвост шлейфом волочится в пыли. Ритмично, в размеренном темпе сильно шлепает лапами по земле. Шагнет — шлепнет. Шлепнув, шагнет. Слышатся звучные удары.

Вид у него нелепый, какой-то шаржированный: на сгорбленного грифа похож или на иезуита, на карикатурного монаха в тонзуре (черный хохолок-пушок

на лысой голове). Это только начало. Прелюдия. Главное представление впереди.

Вот оно: резко повернулся к самке и колени преклонил, ноги полусогнуты, грудь у земли. Крылья двумя «круглыми ширмами» раскинул: широким колесом из многооких перьев окружил себя и с боков, и спереди, и сзади. Как из рамки, очень большой и очень шикарной, синим кобальтом смотрит голова, слишком мизерная в грандиозном обрамлении. И над

этим великолепием как стяги колышутся на ветру два хвостовых пера!

Замер аргус. Вдруг прыжок на месте! Перьями потрясает так, что звенящий слышится шелест.

Самка равнодушно смотрит на картинную пантомиму. Скоро от галантности ее кавалера ничего не останется. Одна почти месяц, не вставая попить и поесть, просидит на гнезде. Двух потомков, как обсохнут, поведет за собой в кусты, где много муравьиных яиц и червей. Они побегут за ней, прячась, как под зонтом, под длинным ее хвостом!

Когда аргус спит, длинные перья хвоста, как бдительные антенны радара, оберегают его покой. На Калимантане, Суматре и в Малайе живут аргусы. Так вот, калимантанские даяки рассказывают: на ночь аргус устраивается всегда хвостом к стволу. Дикая кошка, леопард или удав добраться до спящего аргуса могут только по ветке. Но в пути наткнутся на два длинных пера и, конечно, разбудят аргуса. Он, недолго думая, улетит, браня громким криком разбойников, которые и по ночам не дают покоя мирным птицам.

Хвост аргуса втрое длиннее, чем у павлина! Тут необходимо, впрочем, уточнение. То, что павлин, токуя, распускает шикарным веером над собой, что обычно его хвостом называют, не настоящий хвост, не рулевые, а верхние кроющие перья. Их птицеводы именуют «шлейфом». Этот «шлейф» — 140—160 сантиметров. Так что самое длинное перо павлина на 17 сантиметров длиннее, чем у аргуса. Но и это не рекорд: у фазана Рейнарта хвост 173 сантиметра! Длиннейшие перья в мире диких птиц. Лишь у домашнего декоративного японского петуха феникса хвост больше пяти метров.

Глазчатый аргус, жемчужный аргус, фазан Рейнарта, просто рейнартия — по-разному называют эту длиннохвостую птицу. Рейнартии живут в глухих лесах Малакки и Вьетнама.

Подобно аргусу, петух рейнартия очищает от листьев площадки для «танцев». В Малакке, где оба встречаются, они иногда по очереди токуют на одной площадке. Курица-рейнартия птенцов водит за собой тоже под хвостом.

Аргусы гнездятся на земле, рейнартии часто на пнях, на обломках стволов, в общем, где-нибудь повыше, на метр от земли.

Разные «танцы» у петухов: рейнартия больше позирует, взъерошив белым «шаром» хохол на голове. Замирает перед самкой с раскинутыми крыльями, на павлиний манер подняв над собой хвост. Перья в хвосте — с человеческий (выше среднего!) рост и каждое шириной с ладонь — 13 сантиметров. Откуда си-

лы берутся в невеликой, в общем-то, петушиной гузке, чтобы столь грандиозный веер расправить и вверх поднять!

ПАВЛИН

Павлин (кто его не знает?) избрал своей резиденцией зеленые холмы Индии и Цейлона. Немногочисленные семейства, просто компаниями вылетают из леса венценосные жар-птицы на возделанные поля земледельцев. Пуганут их отсюда, удирают резво в кусты. Полетят, только когда погоня вот-вот настигнет.

Пугают их лишь мусульмане, христиане и язычники. Всем, кто исповедует индуизм, обижать павлинов запрещено. Вблизи поселений, где охраняют их религиозные обычаи, безбоязненно кормятся павлины на рисовых полях. В жаркие часы дремлют, купаются в пыли у лесных дорог. Спят на деревьях, выбранных не на одну ночь, порой прямо в деревьях.

Павлин посвящен богу Кришне. Не только за красоту, за немалые услуги также.

Мяукающий крик павлина «мии-ау» в Индии «переводят» как «минх-ао», что значит «дождь идет», или, точнее: «дождь, иди!» Действительно, перед грозой и муссонами павлины особенно разговорчивы, много «мяукают». В сезоны дождей у них токовые игры. Ну а получается, будто павлины криками раскрывают «хляби небесные». Для людей, жизнь которых зависит от урожаев на жаждающих влаги полях, это много значит.

Тигры, леопарды караулят неосторожных в лесах вокруг полей и деревень. Идешь ли по дороге, пасешь ли скот или хворост собираешь, всегда надо помнить об опасном соседстве, остерегаться. Прислушиваться к голосам джунглей. Лангур, каркер, читал и павлин — главные осведомители: тревожными криками предупреждают всех, кто в этом жизненно заинтересован, о близости тигра и леопарда.

Змеи — вторая, если не первая, опасность тех мест. И тут услуги павлинов неоценимы. Много молодых кобр убивают и едят. Всю округу, где поселяются, очищают от подобного сорта змей. Любят и берегут за это павлинов разумные люди.

Токует павлин словно с сознанием своей безусловной неотразимости. Не бегаёт очертя голову за невестами, как петух за курицами. Ждет, красуясь, их приближения и почтительного внимания.

Гарем его невелик: две-пять венценосных, как и он, пав. Но свадебное приглашение, которое они удостоены лицезреть, царственно великолепно. Раскинутый стоглазым веером павлиний хвост неудержимо влечет их под свой стяг, как победное знамя полка

*Вверху — петух
рейнартия (справа
токующий), внизу —
павлины: обычный
с «венцом» на голове
и (справа) яванский,
с «султаном».*

старых ветеранов. Фейерверк самоцветов... Радужный каскад... Чарующее буйство красок! Волшебные грезы о красоте птиц потерянного рая... (Что еще сказать?) Сравнений явный избыток, но они не дают представления о той бесподобной феерии, которую птица, распустив хвост, представила на поляне в лесу.

Павы сначала «как бы случайно» являются на пле-

нительный вернисаж, послушные мяукающему зову самца. Как бы вовсе равнодушные клюют нечто несуществующее на земле. Павлин невозмутим. Величественно позирует, демонстрируя шикарный хвост, «лишь некоторые движения шеи выдают его волнение».

Затем, решив, что дань женскому кокетству отдала достаточно и мера его исчерпана, внезапно совершает крутой разворот и обращает к даме... невыразительный тыл.

Пава будто опомнилась и, чтобы стоокое многоцветие снова увидеть, забегает во фронт павлину. Но павлин, потрясая с громким шорохом и шумом всеми перьями, безжалостно лишает ее обворожительного зрелища. Короче говоря, опять к ней задом повернулся.

Радужные «очи» на хвосте словно околдовали ее, снова бежит пава с тыла во фронт. Новый разворот на 180 градусов оставляет ее перед тем, от чего бежала.

И так много раз. Пока, согнув ноги, не ляжет пава перед павлином. Тогда, свернув «знамя», кричит он победно «мии-ау», и финал брачной церемонии свершается.

Самка высиживает в одиночестве три-пять яиц. Гнездо — чуть прикрытая сухой травой ямка в гуще кустов, реже — над землей, в развилке больших веток, в покинутых гнездах хищных птиц или на старых постройках. Птенцов мать водит под хвостом, как аргус, или близко сбоку от себя.

«Они растут медленно, перья короны начинают появляться через месяц, полный «шлейф» молодые петуши получают только в возрасте почти трех лет. К шестому году жизни удлиняются перья «шлейфа» до 160 сантиметров» (С. Рэтель).

Четыре тысячи лет назад павлины, привезенные из Индии, уже жили в садах Вавилона и других царств в долине Тигра и Евфрата. Позднее фараоны Египта, галикарнассские, лидийские и прочие малоазиатские цари и сатрапы дорого платили за павлинов — лучшее украшение их дворцовых парков. После того как Александр Македонский и его 30 тысяч греков с победными боями прошли 19 тысяч километров от Геллеспонта до Индии, они среди других «трофеев» привезли в Грецию много павлинов. Из Греции попали они в Рим. Здесь их разводили в обширных птичниках. У римлян утилитаризм всегда преобладал над чистым эстетизмом: павлинами любовались мало, ощипав заморских жар-птиц, их жарили и ели. В конце II века павлинов в Риме было больше, чем перепелов, отчего, повествует Антифан, «цены на них очень упали».

В средневековых хрониках Западной Европы упоминаются и павлины, но до XIV века их здесь, в общем-то, было мало. На праздничных столах павлин подавался как редкостное лакомство. Кого только не ели тогда с великим аппетитом и пристрастием: жестких лебедей, еще более жесткие соловьиные языки, цапель, бакланов, рысей, дельфинов... Про зубров, кабанов, оленей и говорить не приходится.

яванский павлин

Речь все шла о синем, или обычном, павлине. Есть и другой вид в Бирме, Индокитае, на Яве. Яванский. У него шея не чистой синевы, а сине-золотисто-зеленая. На голове не венец из стержней перьев, опушенных лишь на концах, похожий на корону, а узкий перьевой пучок, как султан на гусарских киверах. Поэтому первого можно назвать «венценосным», а второго — «султанным». Пуглив, осторожен, агрессивен. В птичниках, парках и зоопарках «султанских» павлинов нелегко содержать: дерутся жестоко друг с другом и других птиц терроризируют. На людей кидаются! Петухи и павы. Бьют и шпорами и клювом. Вес 5 килограммов, и силы у птицы немалые. Яванские павлины «для посетителей парков представляют серьезную опасность».

Их крик не мелодичное «мяуканье», а «громкое, трубное «кей-яа, кей-яа!», которое слышится преимущественно по утрам и вечерам». И еще — громкое, трубное «ха-о-ха!». Крик тревоги — предупреждение другим павлинам и всем, кто это понимает: «Так-так-керр-р-р-р-оо-оо-керр-р-р-роо», будто кто-то двумя бамбуковыми палками друг о друга стучит. Случится быть в тех местах, помните на всякий случай, когда такую «стукотню» услышите в лесах: может быть, тигр или леопард пробирается кустами.

Еще есть павлины? До 1936 года искушенные знатоки уверенно ответили бы: «нет».

В 1913 году Нью-Йоркское зоологическое общество снарядило экспедицию в Африку под руководством Герберта Ланга. Помощником у него был молодой ученый, доктор Джеймс Чэпин, которого конголезцы прозвали «Мтото на Ланги» (Сын Ланга). Ученые хотели привезти из Африки живую лесную «жирафу» — окапи, открытую в 1900 году в Восточном Конго.

Но взять в плен нелюдимого жителя дремучих лесов Африки оказалось не так-то просто. Два совсем еще молодых окапи, которых они поймали с большими приключениями, вскоре погибли. Экспедиция вернулась в Америку в 1915 году без окапи. Однако ученые собрали в Африке другие ценные коллекции, и среди них головные уборы местных охотников, украшенные красивыми перьями. Перья были от разных птиц. Мало-помалу Чэпин определил, каким видам они принадлежат. Осталось одно большое перо, но чье оно, никто не знал. Его исследовали крупнейшие специалисты и знатоки тропических птиц, но тайна оставалась по-прежнему неразгаданной.

Через 21 год Чэпин приехал в Бельгию, чтобы в

африканский павлин

Музее Конго закончить свою работу о птицах Африки. Просматривая здесь коллекции птиц, Чэпин случайно в одном из темных коридоров обнаружил всеми забытый шкаф, в котором хранились малоинтересные экспонаты. В шкафу на верхней полке он нашел два пыльных чучела совершенно необычных птиц, с перьями, подобными тому полосатому из головных украшений конголезцев, которое поставило в тупик американских орнитологов. Чэпин поспешил взглянуть на этикетки: «Молодой обыкновенный павлин».

Обыкновенный павлин? Но при чем тут Конго? Ведь павлины — это известно даже школьникам — в Африке не водятся.

Чэпин писал позднее: «Я стоял как громом пораженный. Передо мной лежали — я сразу это понял — птицы, которым принадлежало мое злосчастное перо».

Он узнал, что незадолго до первой мировой войны Музей Конго получил от других музеев Бельгии небольшие коллекции животных. В большинстве это были чучела общеизвестных птиц Африки. Но два чучела принадлежали, как решили сотрудники музея, молодым индийским павлинам. А поскольку павлины не имеют никакого отношения к Конго, их чучела забрали как ненужный хлам.

Одного беглого взгляда Чэпину было достаточно, чтобы убедиться, что перед ним не павлины, а еще никому не известные птицы не только нового вида, но и нового рода. Бесспорно, эти птицы близки к павлинам и фазанам, но представляют совершенно особую их разновидность.

Чэпин дал им название *Afropavo congensis*, что в переводе с латинского языка значит «Африканский павлин из Конго».

Он не сомневался, что поймает этих птиц там, где были добыты их перья. К тому же один его знакомый, служивший в Конго инженером, рассказал, что в 1930 году он охотился в лесах Конго на неведомых «фазанов» и ел их мясо. По памяти инженер набросал рисунок этой дичи. Из рисунка стало ясно, что речь идет об африканском павлине. Летом 1937 года Чэпин вылетел в Африку. Между тем известие об открытии нового рода крупных птиц — впервые за много лет! — быстро облетело весь мир. Достигло оно и берегов великой африканской реки. Когда Чэпин прилетел в город Стэнливилль на берегу Конго, его там уже ждали семь экземпляров африканских павлинов, добытых местными охотниками в окрестных лесах.

Через месяц Чэпин собственными глазами увидел живого африканского павлина. Большой петух вылетел из зарослей «с оглушительным хлопанием крыль-

ев». Проводник Чэпина Аньязи выстрелил в птицу, но промахнулся. Через два дня Аньязи реабилитировался: подстрелил «оглушительную» птицу.

Чэпин выяснил, что открытые им птицы хорошо известны конголезцам: они называют их итунду или нгове. Это довольно обычные обитатели обширных лесов от реки Итури на крайнем северо-востоке страны и до реки Санкуру в центре бассейна Конго.

Афропавлин без умопомрачительного хвоста: нет «шлейфа». Нет и радужных «глаз» на перьях, лишь у некоторых — черные, без глянца круглые пятна на концах кроющих хвоста. Но «корона» венчает птичье темя. Голая кожа на голове серобурая, на горле — оранжево-красная.

Африканские павлины живут в единобрачии. Моногамы.

Афропавлин и афропава неразлучны днем и ночью. Рядом или недалеко друг от друга клюют плоды-опавыши. Ночуют, спасаясь от леопардов, на вершинах деревьев-великанов. Ночами за версту слышатся их громкие голоса «Рро-хо-хо-о-а». «Гови-и». «Говэ-е», — вторит самка.

На лесные прогалы и светлые опушки редко выходят. Разве что у деревень, за плодами, выращенными людьми. Тут их и ловят в петли. Перья — на украшения, мясо — в котел. (Или живых в зоопарк.) В гуще леса трудно добыть этих павлинов.

Гнезда на высоких пнях, в расщеплах сломанных бурей стволов, в замшелых развилках ветвей. Два-три яйца. Насиживает самка. Самец рядом — на сторожевой вахте у гнезда. Его тревожный крик звучит как «кудахтанье» взволнованной мартышки. Самка на гнезде сейчас же принимает необходимые меры. Ниже припадает к «насесту». Голову — под крыло. Трудно заметить ее тогда на лишайниках и мхах, на которых она без подстилки насиживает яйца.

Через 26—27 дней афропавлинчики выклевываются. Нетерпеливый отец ждет их внизу. Дня два прячутся, набираются сил в гнезде под крылом матери. Потом прыгают к отцу вниз, он зовет их звонким кудахтаньем. Эту ночь спят у отца под крыльями на земле. А потом — кто с ним, кто с матерью на невысоких суках, куда (четырёхдневные!) умеют уже вспорхнуть. Шесть недель живут с родителями и затем каждый уходит в лесной мир своей дорогой.

Аргусы — эволюционные звенья, соединяющие фазанов с азиатскими павлинами. Африканский павлин объединяет павлинов с цесарками.

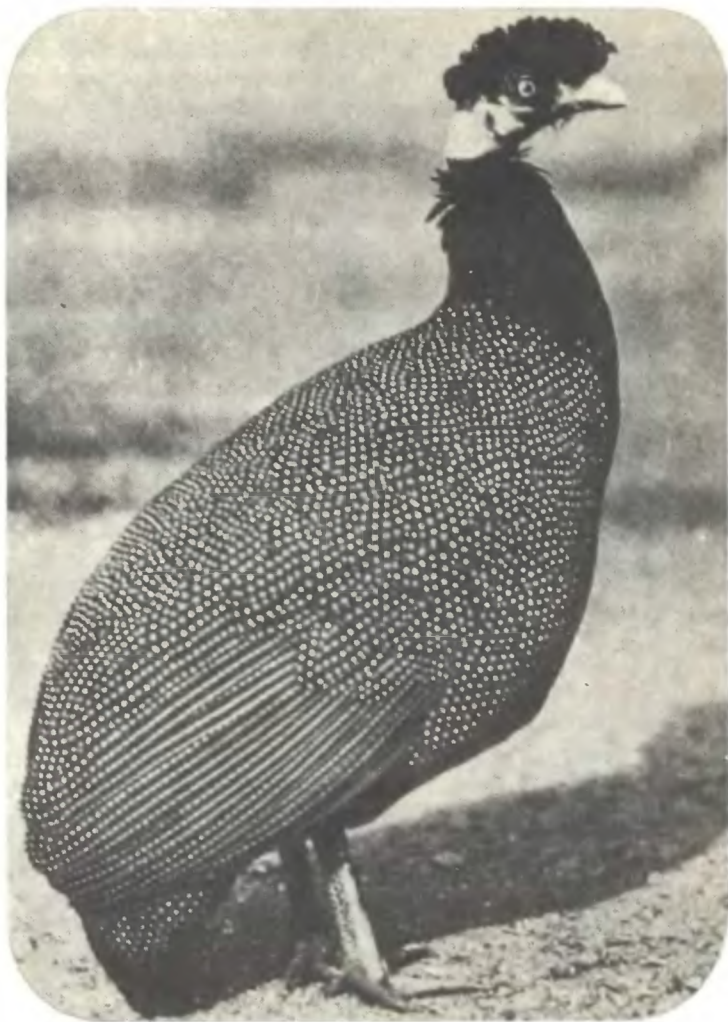
ЦЕСАРКИ

У них — синие либо красные лысые головы с мясистыми наростами, «синюшные» голые шеи (красные у лесных видов), белые пятна разбросаны бисером по

Хохлатых цесарок два вида: у одного перья хохла прямые (кистевая цесарка), у второго — курчавые (изображенная здесь канга). Хохлатые цесарки обитают, по существу, по всей Африке, к югу от Судана.

ГРИФОВАЯ
ЦЕСАРКА

всему оперению. Появились эти пятна будто бы от многих слез, которые пролила сестра легендарного Мелеагра, когда он погиб от далеко разящей золотой стрелы Аполлона. Слезы выплавав, превратилась безутешная сестра быстрого героя в цесарку.

Впрочем, два вида лесных цесарок пролили, как видно, мало слез: они без пятен или почти без пятен. Это белогрудая и черная цесарки. Тропические леса Западной Африки — их родина. Живут скрытно. О повадках их мало знаем. Стайками бродят по земле, клюют опавшие фрукты. Одна что-нибудь вкусное найдет, сейчас же все кидаются к ней и плечом, ногами стараются ее отпихнуть. И вот толкаются, словно неорганизованная толпа за билетами у кинотеатра.

Грифовых цесарок впервые привезли в Европу в 70-х годах прошлого века. С 1878 года их разводят здесь на некоторых фермах. До 27 яиц насиживают самки 24 дня. Птенцы уже в первые дни жизни способны перелететь двухметровый забор. Как у всех цесарок, самцы и самки внешне почти не различаются. В зоопарках Европы грифовые цесарки жили по 10—12 лет.

Самой сильной достается пища. Это не драка, силовая борьба. Острые клювы не употребляют: неоперенные головы могли бы они сильно поранить.

Красные тона на их головах, белые на груди — сигнальные знаки. Ориентируясь по ним, находят друг друга в сумрачных чащах.

Еще четыре вида цесарок в Африке (один из них — и на юге Аравии). Хохлатые цесарки, в общем, лесные птицы.

Шлемоносные, или обыкновенные, цесарки — жители степей и саванн. Домашние цесарки, которых еще римляне разводили в птичниках, — их потомки. В средние века цесарок в Европе, по-видимому, не было. Позднее португальцы их снова сюда завез-

ли. Одичавшие, живут теперь и на Мадагаскаре, на Маскаренских, Коморских, Антильских островах.

Самые крупные — грифовые цесарки (сухие степи Восточной Африки, от Эфиопии до Танзании). «Лысые», без хохлов и шлемов головы, с сильным изогнутым на конце клювом напоминают головы хищников. Длинные черно-бело-голубые перья струйчатой «пелериной» украшают низ шеи, плечи и грудь. Средние рулевые перья удлинены тонким пучком, а на конце чуть вверх загнуты.

Как все цесарки, стайны. Как все, ночуют на деревьях. Испуганные, проворно удирают в колючие кусты. Летают мало.

ИНДЮК

В Америке фазаны не водятся. Кроме тех, конечно, которых здесь акклиматизировали. В США и Мексике дикие индюки представляют фазанье семейство. Но почти всюду здесь они уже истреблены. Увидеть теперь весенние их тока — редкость.

Грудь — шаром вперед, голова закинута на спину, хвост колесом, сапфиром синеют голая шея, голова и мясистый «рог» на лбу — в таком виде предстает перед индюшками токующий индюк. Степенно вышагивая и замирая, высокомерно смотрят они на него с края поляны. А он чертит и чертит землю крыльями и бормочет: «Гоббель-оббель-оббель». Здесь в народе его «гобблером» и зовут.

Другой «гобблер» сюда явится — драки не миновать. Тот, кто послабее, чувствуя, что силы его покидают, падает плашмя и шею покорно приклоняет к земле. Поза подчинения. Не сделает так, насмерть забьет его победитель. Вокруг поверженного будет ходить, грозный и мстительный, но лежащего не тронет. (Инстинктам павлина такая поза покорности ничего не говорит, лишь удобна для нападения. Поэтому в птичниках павлины забивают сдающихся на их милость индюков.)

Индюшки устраивают гнезда в укрытии: под кустом, в траве. 8—20 яиц высиживают четыре недели. Иногда — коллективно. Однажды трех спугнули с общего гнезда. Подсчитали: в нем 42 яйца!

Индюшки сообща водят и объединенные выводки: две матери и смешавшиеся стайкой их дети. Через две недели уже ночуют индюшата на ветках под индюшкиным крылом. Осень и зиму не отстают от нее. Зимой многие семейства живут стаяй. Петухи отдельно, мужскими компаниями.

«Индюки крыльям предпочитают ноги и, когда земля покрыта тающим снегом, бегом удирают от преследователей. Одюбон на лошади несколько часов гнался за индюками и не смог их опередить» (Александр Скотч).

За резвость индюку дали научное имя «мелеагрис», в честь быстрого героя Эллады — Мелеагра из Калидона.

Еще один дикий индюк — глазчатый, живет в лесах Гондураса, Гватемалы и юга Мексики. Поймали в

1920 году индюшку. Повезли в Лондон, но клетка с ней упала в Темзу, и редкостная птица утонула.

Четверть века назад удалось первый раз развести глазчатых индеек в одном Калифорнийском зоопарке. (От хромого индюка искусственным осеменением!) Теперь этих индеек в зоопарках мира едва ли не больше, чем на воле, в лесах Юкатана, где они только и водятся, но очень редки. Разведение в неволе, возможно, спасет этот вид от вымирания.

Глазчатый индюк похож на обычного, но меньше, светлее, такие же голубые тона на голой коже головы и шеи, на концах перьев хвоста голубые, отороченные черным глазчатые пятна, вроде тех, что у павлина.

ДРУГИЕ ФАЗАНОВЫЕ

Улары — дети гор. В этом определении двоякий смысл. Не было гор Кавказских, Гималайских, Алтайских и других центральноазиатских, не водились на планете и улары. Когда могучие потрясения земли миллионы лет назад смяли, сжали и высоко вознесли над равнинами нагромождения пород, возвысились эти горы. Век за веком заселяли их предки уларов, все выше и выше. И наконец добрались до заоблачного поднебесья, до самых вершин под шапками вечных снегов, где редкая птица и редкий зверь встречаются. Живут улары обычно выше двух тысяч метров, а выше — до 4—5 тысяч их обычная резиденция. Лишь на зиму уходят улары в альпийскую зону, к границам горных лесов.

Улар больше тетерева. В общем похож на куропатку. Бег у него быстрый, ловкий. Полет удивительно скоростной и маневренный. С криком срывается улар с кручи, сильные взмахи крыльев снарядом кидают его в полет. Потом планирует и круто снижается вдруг за бугром или скалой.

На зорях улары много кричат. Сначала один какой-нибудь хрипло «гогочет» или «квохчет», минут пять не смолкая. Другие ему вторят. Услужливое эхо разносит вокруг по ущельям и склонам многоголовую переключку, умножая хоровое звучание.

Мелодичные свисты уларов, другие песни и крики, особенно в брачную пору, оживляют томительное безмолвие пустынных высокогорий.

«Брачная песня самца довольно сложна и состоит из трех колен, общей продолжительностью примерно в шесть секунд... самцы никакого участия в насиживании и дальнейшей заботе о потомстве не принимают» (профессор А. В. Михеев).

Это кавказские. Иное пишут натуралисты о гималайских и тибетских уларах. Самцы неотлучно дежурят у гнезд. Опасность случится, громко свистит пе-

тух улар. Самка таится на гнезде, а он отвлекающим маневром уводит врага. Семейство уларов с папашей во главе путешествует гуськом. Вверх и вниз машут хвостами, словно подгоняя себя. Подрастут дети, и соседствующие семьи объединятся.

Кавказские улары (около полумиллиона их) нигде, кроме Главного хребта тех гор, имя которых носят, не живут. Четыре других вида уларов расселились по высокогорьям Азии — от Турции до Саян и Монголии.

Каменные куропатки, или кеклики, названы так за крик «ке-ке-лек»; кричат, впрочем, и по-другому. Четыре вида — горы Северной Африки, Европы, Азии. Акклиматизированы в Англии и США.

Оперение пестрое: пепельно-серое «с розоватым оттенком». На боках черно-буро-белые полосы, на горле светлое пятно, опоясанное черной полосой. По глубоким ущельям, по каменистым предгорьям, даже среди пустынь бегают быстро.

«Самка альпийского кеклика обычно делает две гнездовые ямки на расстоянии приблизительно в сто метров и откладывает в каждую от девяти до пятнадцати... яиц. Еще великий греческий натуралист Аристотель (384—322 годы до нашей эры) знал, что одну из двух кладок насиживает петух» (С. Рэтель).

Совершенно необычное для птиц разделение родительских обязанностей!

О деятельности самцов наших кекликов мнение в науке иное: «Насиживание производит самка. Что касается участия в нем самца, то точных данных по этому вопросу нет» (профессор А. В. Михеев).

Серая куропатка — негустые леса, лесостепи, степи Европы, юга Западной Сибири, Казахстана (от Скандинавии и Белого моря на северо-западе, до Кавказа и северного Ирана на юге, на восток до Тувы).

Знак, который серую куропатку выделяет среди других похожих серо-бурых птиц, — ржаво-коричневое, похожее на подкову пятно на брюхе. У самок оно, впрочем, менее четкое или его совсем не бывает.

Жизнь серых куропаток проста. Осенью и зимой кочуют стаями. Весной рано по утрам самцы на своих гнездовых участках кричат резко, отрывисто, сидя на буграх. Приглашают самок. Моногамы. Когда она подлетит, он с открытым клювом, распушась, с ворчливым «кудахтаньем», без особо вычурных поз токует около нее.

Где-нибудь в бурьяне, в хлебах, кустах по оврагам, перелескам насиживает самка в небольшой ямке дюжину или две серо-буро-оливковых яиц. (Очень плодовитая птица — рекорд: 26 яиц!) Самец — недалеко от гнезда. Возможно, даже и он насиживает, по некоторым наблюдениям. Если так, то в роду куриных птиц это будет четвертое исключение из общего правила, другие три — гоацины, альпийские кеклики и виргинские перепела. Птенцов водят самец и самка.

Из районов, где зимы многоснежные (северо-восток Европы, Западная Сибирь), зимой улетают серые куропатки на запад в Германию, и юг, на Украину, Предкавказье, в Среднюю Азию.

Бородатая, или даурская, куропатка — пограничный юг нашей страны от Ферганы на восток до Забайкалья, Уссурийский край, Северный Китай. Похожа на серую, но поменьше. Пятно на брюхе более темное. Под клювом «бородка» из жестких перьев, особенно приметная осенью и зимой.

В Тибете живет белогорлая тибетская куропатка. Там же и в Гималайских горах — гималайская. У самцов небольшие шпоры, у трех вышеперечисленных шпор нет.

Песчаные куропатки. Два вида: персидская — у нас называют ее пустынной, — юг Средней Азии, Персии, Ирак, и арабская — каменистые предгорья и горы Аравии, африканских берегов Красного моря.

Есть еще скальные (каменистые холмы на южных границах Сахары) и лесные куропатки: 11 видов в горных лесах Юго-Восточной Азии от Гималайских гор до Индонезии.

Турачей, или франколинов, разных видов много в степях, саваннах, лесах и горах Африки и Азии. Самая северная граница, где еще встречаются турачи, — равнины Закавказья и юго-запад Туркмении. Турачи не больше куропатки, черные, в белом крапе. Шею опоясывает коричневое кольцо, за глазами белые пятна. Жизнь как у куропаток. Моногамы. Самец токует, правда, иначе: запрокинув шею, хлопает крыльями. Кричит, забравшись на бугор, куст или термитник. Знамениты турачи самой прочной в птичьем мире скорлупой яиц: яйцо, если уронить его на землю, не всегда и разобьется.

Тысячу лет назад завезли арабы турачей в Испанию и Сицилию. Но позднее их здесь всех перестреляли.

Наконец добрались мы и до перепелов. 8 видов в Европе, Азии, Африке, Австралии.

Крик перепелиный — «пить-полоть» или «спать пора», как порой слышится, знаком всем, кто бывал весной и летом в лугах и полях. 8—24 яйца насиживает перепелка чуть больше двух недель. Самца нет рядом. Он о детях, которых у него много от разных самок, не заботится.

Перепела — единственные истинно перелетные птицы в отряде куриных. Низко над землей по ночам улетают они зимовать в Африку, Индию, в Китай.

Уже в начале августа перепела начинают потихоньку кочевать поближе к Крыму. Летят они в одиночку и только уже на юге сбиваются в стаи на хорошо им известных местах отдыха и кормежек. В Крыму и на Кавказе собирается особенно много перепелов. Прибывают они сюда даже из Сибири. На склонах Яйлы птицы дожидаются теплых и ясных ночей, чтобы пуститься в отчаянный полет над морем. Но и в Турции долго не задерживаются, спешат дальше, в Африку.

Североафриканские перепела на лето, которое на их родине очень сухое и бескормное, улетают на

ТУРАЧ

КАЛИФОРНИЙСКИЙ
ПЕРЕПЕЛ

север — в Южную Европу. Но размножаются в Африке, зимой.

Многие восточно- и южноафриканские и австралийские перепела в засуху кочуют туда, где прошли дожди, расцвели травы. Выведут, вырастят здесь птенцов и все вместе из тех мест удаляются, следуя за перемещением по континенту дождливого сезона.

Когда-то тысячные стаи перепелов пролетали над Синаем и Египтом. Еще 50 лет назад Египет вывозил до 3 миллионов перепелов ежегодно. Теперь сильно поределели перелетные стаи. Много бьют перепелов на пролете в Южной Европе, много гибнет их от ДДТ и прочих инсектицидов, которыми обрабатывают поля, убивая здесь все живое...

К востоку от Байкала гнездятся перепела особого вида или подвида. Называют их «немыми» за глухой, тихий крик, который издали похож на жужжание.

С конца XVI века японцы разводят перепелов как домашнюю птицу. Сначала за звонкую «песню» держали их в клетках, потом — ради мяса и яиц. Ежегодно в инкубаторах Японии выводят около 2 миллионов крохотных, в 7 граммов весом, перепелиных «цыплят». Через месяц петушков забивают, курочек рассаживают по клеткам. Каждую отдельно. Клеточка с небольшой коробку — 15 на 15 сантиметров площадь ее пола. В ней в пять этажей миниатюрные гнездовые «ящички». Через две недели полторамесячная несушка-лилипуд, привыкнув к своему заточению, начинает нести яйца. Через 16—24 часа — яичко! Так весь год. Потом ее — на сковородку и новую, молодую, поселяют на ее место.

Яичко перепелиное раз в семь меньше куриного: 9—11 граммов. Однако питательно, и открылись в нем якобы некие лечебные свойства. Поэтому теперь и в странах Европы разводят японских перепелов: «яйца и мясо уже сейчас играют хозяйственную роль».

Карликовые перепела — Африка, Индия, Индокитай, Южный Китай, Индонезия, Восточная Австралия. Эти «курочки» и «петушки» с воробья! Вес соответственный — 45 граммов. «Цыплята у них — сошмеля!»

Своих «дюймовочек» крохотный петух защищает отважно. Вытянув шею, опустив крылья, взъерошившись, чтобы больше казаться, кидается в атаку даже на собак!

Он с одной «курочкой» живет и всегда при семье. Детишки растут быстро. Две недели проживут и уже летают. В пять месяцев самцы, в семь-восемь самки готовы размножаться.

Эта фотография документально удостоверяет врожденную повадку виргинских перепелов устраиваться на ночлег тесным кругом — головами наружу, хвостами внутрь.

Трагопан Кэбота живет в горных лесах Южного Китая. Вершин лес почти не покидает, на деревьях, в старых гнездах хищных птиц и белок высидивает птенцов. С конца прошлого века трагопанов разводят в некоторых фазанниках Европы.

Зубцеклювые перепела, или американские куропатки, — Америка от юга Канады до севера Аргентины. Название «зубцеклювые» дано за зубцы на подклювье. Больше 13 видов: одни с перепела, другие с куропатку. У многих пышные хохлы на головах. У калифорнийского и горного перепелов прямо-таки султаны: два тонких длинных (6 сантиметров!) пера торчат

на темени вертикально вверх. Зубцеклювый поющий перепел (Центральная Америка) — единственная в куриной родне певчая птица.

Родич его, виргинский перепел (США, Мексика, Куба), не поет, но у него два других редких качества. Первое — самец насиживает иногда яйца. Второе — уже с первого дня жизни птенцы, отдыхая на земле или устраиваясь на ночлег, садятся рядом друг с другом всегда кругом: головы наружу, хвосты внутрь. С какой бы стороны враг ни подбирался, его заметят обращенные во все стороны головы!

«Выбрав место для сна, один долго ходил вокруг него, вскоре второй присоединился к нему. Они улеглись на землю, плотно прижавшись друг к другу боками. С края легли еще двое — все головами наружу, хвостами внутрь маленького полукруга, который образовали своими плотно сомкнутыми телами. Другие перепела опускались рядом и вскоре замкнули круг.

Но один опоздал, места ему в кругу не нашлось! Потерянно бегал он, пытаясь как-нибудь втиснуться между братьями, но тщетно: лежали они очень плотно. Тогда он подпрыгнул и, перескочив через замкнутую линию клювов и голов, упал уже в круг на их спины. «Раскопал» среди них себе местечко, затем вклинился между двумя перепелами, и его голсва просунулась в круг других голов» (Линдс Джонс).

Американцы разводят виргинских перепелов в клетках, выпускают в поля: «описываемый вид принадлежит к числу охотничьих птиц». Вывели уже много цветных рас: белых, черных, желтых. Возможно, виргинская перепелка станет скоро домашней птицей.

Сатиры, трагопаны, или рогатые фазаны, живут в горных лесах Гималаев, Ассама, Северной Бирмы и Китая. Пять видов. Малоизвестные, но очень интересные птицы. Красочные, как фазаны. У самцов на затылке мясистые рожки, на горле — слабо оперенный кожистый мешок. Когда петух токует, рожки, набухая кровью, растут на глазах, и горловой мешок вздувается широким и длинным нагрудником. Петух так трясет шеей, что его «нагрудник» бьется и «летает» вокруг головы. Поднимает и опускает ритмично крылья, «фыркает и шипит», хвост широким веером царапает землю, замер артист, закрыв глаза в совершенном экстазе. Раздутые теперь в полную силу рожки и разбухший «галстук» на груди сияют бирюзой, васильками и огненно-красным.

В общем, невозможное вытворяет петух-сатир. А это лишь только «фронтальный» брачный танец — лицом к курице. Ему предшествовал еще и «боковой» с церемонным шагом, бегом, прыжками и прочими трюками.

Перед началом представления много кричал петух поутру: «Вэй, ваа, оо-а-оо-ааа» или «ва-ва-ва-оа-оаа». У разных видов по-разному, но у всех последние растянутые строфы звучат как овечьё блеяние.

Во внебрачный сезон трагопаны молчаливы. Негромко перекликаются самец и самка, потеряв друг друга в густом лесу. Они живут парами в вершинах леса. Там, реже на земле, клюют листья, ягоды, фрукты. На деревьях строят гнезда. Если найдут брошенные воронами, белками, хищными птицами, забирают их, постелив сверху зеленые ветки, листья и мох. Кремowych яиц — 3—6. Птенцы на третий день уже летают с ветки на ветку. Спят на деревьях у матери под крылом.

СОРНЫЕ КУРЫ

трагопан

Никобарские, Филиппинские, Марианские, Молуккские острова, Сулавеси, Калимантан, Ява, Новая Гвинея, Полинезия (до Ниуафу на востоке), Австралия — только здесь, и нигде больше, только в здешних лесах и кустарниках совершаются птицами такие дела, о которых невольно скажешь, пока не представлены еще убедительные доказательства: «Быть не может». Руководят теми птицами, бесспорно, инстинкты, однако действия, к которым побуждают они сорных кур, вторгаются в сферу поступков, продуманных, кажется, до мелочей.

450 лет назад два уцелевших корабля Магеллана кружным путем добрались-таки до вожделенных «Островов пряностей». Устремился в те места и доминиканский монах Наваретт. Сказки о заморских чудесах многие тогда рассказывали. Это было даже модно. Но то, что поведал Наваретт, выходило за рамки допустимых обычаем прикрас и фантазий. Он видел будто бы на островах Южного моря диких кур. Яйц те куры не насиживали, а бросали во всякую гниль. (Яйца велики: больше самой курицы!) От гниения получалось тепло, оно рождало цыплят, как в той «печи», изобретенной египтянами, которую римляне называли инкубатором.

Два столетия секундной стрелкой промелькнули на циферблате истории, поселились в Австралии европейцы. В сухих равнинах на юге континента, в кустарниках среди эвкалиптовых лесов на его востоке, тут и там попадались им большие кучи листьев, прищипанной землей. Могильные, наверное, курганы? — решили по привычке, принесенной с родины. Были холмики и поменьше. Этим определили иное происхождение: их строили женщины-аборигенки, развлекающая темнокожих детей.

Аборигены весело смеялись, поражаясь наивной глупости белокожих: «Эта «женщина» — лейпоа с хвостом и в перьях!» То, что они рассказывали дальше, уже слышали от того монаха...

В 1840 году Джон Джильберт (определенно лишенный «здорового смысла») раскопал странные кучи: почти в каждой были яйца. Втрое больше куриных, хотя птица, которая упрятала их в самодельный парник, как потом выяснилось, ростом была с курицу.

Назвали ее мегаподом, большеногом. Обычный большеног живет во всех странах, где водятся и другие сорные куры. В зависимости от местности и погоды типы гнезд у него разные и объединяют почти все способы, известные у сорных кур. На севере Австралии, в тропических лесах Кейп-Йорка, гнезда большеногов — внушительной кубатуры парники, пятиметровой высоты бугры («египетские пирамиды» в мире птиц!). Окружность бугра — 50 метров, но это рекорд, обычно они поменьше.

Не один год трудятся петух и курица, иногда в компании с другими парами. Сгребают ногами в кучу землю, песок и немного опавших листьев на светлых полянах. Здесь солнце хорошо прогревает инкубатор. В гуще леса больше листьев и всякого органического гумуса идет в дело: в тени будет согревать яйца тепло гниющих растений. С каждым годом все больше вишьи и ввысь растет мусорная куча. Сгнивший материал из нее выбрасывают, новый подсыпают. Когда дело сделано, обработан парник должным образом, петух и курица роют в нем глубокие, до метра норы. В них закапывают снесенные яйца вертикально, тупым концом вверх, и больше к ним не возвращаются. Через два месяца птенцы сами вылезают из земли и разбегаются по кустам.

На Новой Гвинее и на других островах гнезда-парники обычных большеногов устроены проще: ямки в земле, засыпанные гниющими листьями. Там, где есть вулканы, птицы не утруждают себя даже и этим. Зарывают яйца в теплый пепел. Если попадутся где-нибудь в лесных проплешинах хорошо прогретые солнцем скалы, не упустят и такой возможности: воткнут яйцо в щель между теплыми каменными глыбами. Вот что значит умело использовать среду обитания!

Малео, целебесские сорные куры, которые живут в глубинах острова, умело находят такие места, где вулканический пепел и лава согрели почву, поручают зарытые здесь яйца ее теплу.

Когда до берега моря путь не очень дальний, километров 10—30, уходят малео из джунглей на песчаные пляжи. Путешествуют пешком, петухи и куры. Роют вместе ямы в песке. Положат яйцо и яму засыплют. Сотни малео собираются на некоторых таких пляжах. Одни приходят, другие уходят, чтобы вернуться через неделю или две. Два-четыре месяца продолжается это репродуктивное движение туда и обратно, между лесом и морским побережьем, пока все куры не закопают в песок по шесть-восемь яиц.

Малео, сорные куры Уоллеса (Молуккские острова), обычный и два вида других мегаподов с островов Ниуафу и Марианских, образуют трибу, объединение близких родов, ма-

лейпоа

малло

петух
кустарниковой
индейки

лых сорных кур. В трибе больших сорных кур (они ростом примерно с индейку) еще семь видов. На Новой Гвинее — пять видов телегаллов, в Восточной Австралии — кустарниковая курица или индейка, в Южной Австралии — лейпоа, или глазчатая сорная курица.

Большие сорные куры, не доверяя термическому непостоянству вулканического пепла и песка, строят инкубаторы уже известной нам конструкции. Петухи месяцами бессменно дежурят у мусорных куч. Даже спят тут же на кустах и деревьях. С утра и до вечера следят за режимом температуры в парнике. Если она слишком мала, подсыпают сверху больше земли, а внутрь — гниющих листьев. Когда велика, лишний утепляющий слой удаляют или роют сбоку глубокие отдушины.

Как измеряют птицы температуру гниющей массы?

Какие-то природные термометры у них есть. Какие и где, не вполне ясно. Телегаллы — прежние наблюдения в этом убеждали, — раскопав верхний слой, прижимаются к куче крыльями, их неоперенной нижней стороной. Но пробуют тепло и «на вкус» — раскрытым клювом. Петухи кустарниковых и глазчатых сорных кур поступают так же.

«Тут и там разгребает он свой инкубатор и в дыры в нем глубоко сует голову. Я наблюдал... как петух брал в клюв песок из глубины кучи. Вероятно, органы «температурного чувства» у болшеногов на клюве, возможно, на языке или небе» (Г. Фрит).

Пока петух не удостоверится, что температура внутри кучи именно та, которая требуется, он курицу и близко не подпускает. Она несет яйца где попало, но не в инкубаторе.

Но вот в инкубаторе установился нужный термический режим: не горячо, не холодно, около 33 градусов. Петух глазчатой курицы разгребает сверху, разбрасывая вокруг, около двух кубометров земли. Два часа работает не отдыхая. Приходит курица. Пробует клювом, где самое подходящее место. Роет там ямку. Снесет яйцо и уйдет. Петух его зарывает и снова насыпает сверху кучи сброшенную землю.

Самки кустарниковых кур размещают яйца в инкубаторах без помощи петухов. Много земли сверху они не раскидывают, роют в куче ниши. Положив в них яйца, зарывают. Удаляются, чтобы прийти еще через несколько дней и не раз. Будет ли погода хорошей или плохой, сумеет ли петух поддерживать нужную температуру в выводковых нишах гнезда — в зависимости от этого яйца кустарниковых кур развиваются то быстрее, то медленнее от 50 до 85 дней.

Перед лейпоа — глазчатым петухом природа поставила особенно сложную задачу. Лейпоа живут в местах засушливых, среди кустарников южноавстралийского скреба. Гниющих растений здесь мало, все высушено солнцем и ветрами. А что осталось, доедают термиты. Летом жара под сорок и больше градусов, зимой весьма прохладно.

В начале австралийской осени, в апреле, петухи лейпоа ссорятся с соседями из-за мест, пригодных для сооружения парников. Не кормность угодий их прельщает, а обилие прелых листьев и всякого мусора. Сильным достаются самые обширные, захламленные куски земли — до 50 гектаров кустов, хилых эвкалиптов, всякого разнотравья, кое-где проросшего из сухой земли. На своем участке роет петух большую яму, в глубину до метра, до двух с половиной в диаметре. Все листья и ветки, которые только найдет, сгребают ночами в эту яму.

Зимой выпадают на его родине небольшие дожди. Листья в яме, наполненной уже выше краев, набухают. Пока собранный им мусор еще сырой, петух засыпает яму песком и землей. Растет над ней холмик. Листья гниют. Сначала этот процесс идет бурно. Температура в инкубаторе слишком высокая, опасная для яиц. Петух ждет, когда упадет градусов до 33 по Цельсию.

Месяца четыре уходит на устройство инкубатора и подготовку нужного теплового режима. Только в конце августа и в сентябре петух разрешает курице приблизиться к своему творению, предварительно удалив с «крыши» два кубометра земли. Петух укрывает песком снесенное ею яйцо, утвердив его вертикально, тупым концом вверх, чтобы птенцу было легче выбраться. Курица придет еще. Через четыре дня, через неделю или две. Сроки неопределенны. Многое зависит от погоды. Вдруг похолодает или дождь польет, петух ее не подпустит. Боится в плохую погоду раскрывать парник: яйца могут погибнуть от холода.

Десять месяцев бессменно дежурит он у инкубатора. Забот и дел много. Еще до восхода, в сером свете зари петух суетится у кучи. Пришла весна. Солнце греет теплее, а влаги в куче еще много — бурно идет гниение. Трудится петух часами, чтобы пробить отдушину, удалить лишнее тепло из инкубатора. Вечером нужно засыпать эти дыры. Ночи еще холодные. Поесть тоже надо. Отбежит, покопается тут и там, кое-как перекусит. Далеко не уходит. А чтобы самого не съели, тоже следить надо! Беспокойная у петуха жизнь. Ни одна птица, ни одно, пожалуй, животное в мире не отдает столько нервных и физических сил трудам и заботам.

...Пришло лето. Жара в полдень 40—45 градусов. Сухо. Знойно. Спешит петух насыпать к полудню побольше земли сверху кучи. Она сохранит влагу в гнезде и не даст перегреться. Теплоизоляция! Но это только часть дневной работы. Еще до этого, рано на рассвете, разрыл петух кучу. Разбросал сверху песок тонким слоем по земле. Проветривает на утреннем прохладном ветерке. К полудню насыпал этот песок сверху: охлажденный, он в самые жаркие часы внесет прохладу в инкубатор.

Дни за днями бегут. Снова осень в скребах. Петух копошится у гнезда. Солнце чуть пригреет, он песок с кучи рассыпает. Но уже с иной целью. Не охлаждение, а прогрев теперь требуется. Скупое осеннее солнце. Но все-таки греет тонкий слой песка, оставленный над яйцами, и тот, что рассыпан на земле вокруг. К ночи его соберет петух, уложит как грелку над яйцами.

...И вот по одному вылезают из кучи цыплята. Ради этого все хлопоты и труды. Но отец не замечает детей. Не помогает поскорее выбраться из колыбели, которая, если польет дождь, может стать их могилой. Сами пробиваются через метровую толщу земли и всякой там трухи. Как кроты, крыльями, ногами, грудью раздвигают они завалы листвы, ветвей, гумуса и песка, пробираясь наверх, к свету.

На крыльях у птенцов уже годные к полету маховые перья. Каждое укрыто чехлом из студневидной слизи, чтобы не пообтрепались. Пока рыли землю, все чехлы содрали.

Выбрались — и скорее в кусты. Спрячется там птенчик и лежит, дышит тяжело. Устал очень. Сохнут перья и пух. К вечеру, отдохнув, вспорхнет на сук. На нем переночует. Один, без отца, без матери, без братьев и сестер. Он их, можно сказать, и не знает. Без семьи живет от рождения до смерти. Через год проснется в нем всемогущий инстинкт — сгребать мусор в кучу.

А петух, его отец? Он скоро уходит, бросив на произвол стихий свое сооружение, над которым трудился почти год. Но недолго его отпуск — месяца два. А потом опять трудовые дни.

«Этот особый тип «насиживания» наверняка не древний признак. Он позднее развился у птиц той же эволюционной ветви, к которой принадлежат и другие куриные. Стоит посмотреть на одного такого «чернорабочего», который месяцами от рассвета до позднего вечера листья и землю туда-сюда разгребает, ямы копает, да еще бешено гоняется за каждым существом, хоть немного похожим на петуха, сразу станет ясно, что все это дело никакой не «прогресс»... Стародедовский способ удобнее: куда милее, приятнее и спокойнее посидеть на яйцах пару недель» (Бернгард Гржимек).

ГОККО, ИЛИ КРАКСЫ

Хохол на голове, «зачесанный» вперед либо назад, у иных — мясистый красный рог на лбу либо голубой гребень. На клювах наросты. Раскрашенные восковицы. Перья черные. Брюхо белое либо бурых тонов. Хвосты длинные, ноги сильные. Рост разный — с куропатку, тетерева или глухаря...

Это гокко — «фазаны» (как их тут называют) американской сельвы, здешних перелесков и льяносов. От южного Техаса до северной Аргентины 36—47 видов гокко. Пища им определена — фрукты, ягоды, листья, почки. Приправа из насекомых.

Гокко спуют, порхают, бегают по веткам в вершинах леса (иногда и вниз головой, перехватывая ногами ветку вверх!).

В глухих лесах, в кустарниках по окраинам полей и пастбищ, ночью и днем, но особенно на зорях, слышатся их странные крики: гортанные и мелодичные, оглушительные, «как звуковой взрыв»; и глухие стоны «мм-мм-мм» (не раскрывая клюва, «мычит» так шлемоносый гокко); монотонное «бу-бу-бу» (это большой гокко); кастаньетное кляцанье клювов, «деревянные» хлопки крыльев, тихий свист «пииии» и четкое скандирование «ча-ча-лак, ча-ча-лак».

«Ча-ча-лак» или «ха-ха-лак» отчетливо выговаривают небольшие гокко из рода орталис, будто представляясь всем и всякому. Увидит чачалака оцелота, другого какого кота, человека ли, сейчас же громко на весь лес о том сообщает. Соседи немедленно передают сообщение дальше, и такая оглушительная какофония поднимается в лесу, что хоть уши затыкай!

«После того как ближайший крикун замолчит, вдали еще надтрываются другие голоса. Хор, кажется, умолкает, лишь далеко, возможно, за километр он еще слышится. Но затем с новой силой возвращается волна криков, нарастая, как гул прибоя, и, наконец, оглушительно гремят раздражающие нервы вопли шести-восьми чачалак почти прямо над головой наблюдателя» (Александр Скотч).

Гнезда у гокко на деревьях и высоких кустах. Рыхлые платформы из веток, листьев и травы, нередко еще зеленых. Немногие гнездятся иногда и на земле. Два, редко три яйца высидивают самки. Попадались и четыре, и даже девять яиц в гнезде, но, наверное, их снесли разные куры одного петуха-полигама. Некоторые гокко — моногамы. Пары годами неразлучны. Пенелопы, или рыжебрюхие гокко, семьями — самец, самка и выводок — кочуют в пределах своей ревниво охраняемой территории.

Как подсохнут пух и перья, птенцы гокко покидают высокие гнезда. Прыгают вниз, или мать по одному, зажав между ногами, переносит их на землю. (И с земли на деревья!) Чачалаки порой так спешат расстаться с тесным гнездом, что толком еще не обсохших птенцов, два-три часа всего им от роду, уносят в лапах на землю. Там кормят из клюва ягодами и насекомыми. Ночуют всем семейством на деревьях. Птенцы на второй уже день могут вспорхнуть довольно высоко.

Белолобая пенелопа. В Центральной и Южной Америке сорок или немного больше видов гокко заменяют отсутствующих здесь тетеревов, глухарей и фазанов. Самые крупные из них размером с глухаря. Но пенелопы меньше, длиной до 70 сантиметров с хвостом, который служит балансиром — помогает удерживать равновесие в прыжках по тонким ветвям.

САМАЯ ЗОБАСТАЯ ПТИЦА

До сих пор толком неясно, к каким птицам в отряд записать гоацина. Определили его мнением большинства к куриным как подотряд.

Птенцы у гоацинов с когтями на крыльях, как у первоптицы археоптерикса! Неоперенные, лазают по веткам, можно сказать, на четвереньках, цепляясь за ветку когтями ног и крыльев. А если древесная змея или дикая кошка их догоняет, падают прямо в реку — гнезда обычно над водой строятся. Ныряют и плавают. Сами потом лезут на дерево и в гнездо. Взрослого гоацина в воду, можно сказать, палкой не загонишь, хотя плавал когда-то и он в малолетстве. Его и на землю согнать нелегко: все по веткам прыгает и порхает.

Именно «порхает», потому что летать гоацин толком не умеет. Если надо перелететь протоку, планирует, как какая-нибудь белка-летяга, с высокого дерева на низкое по ту сторону воды. Машущим полетом способен одолеть лишь небольшое пространство. Потом бухнется на сук и лежит, растянувшись, долго отдыхает.

У гоацина непомерно большой зоб, он весит в 7,5 раза меньше самой птицы. А желудок крохотный, в 50 раз меньше зоба!

Зоб мускулист чрезвычайно, укреплен изнутри роговыми выстилками. Разделен на разные отделы, словно коровий желудок. В зобу мнется, толчется зеленая масса: листья, съеденные гоацином. Листья ароидных растений — жесткие, каучуконосные. Переварить их нелегко. Оттого, очевидно, и понадобился такой зоб.

А чтобы гигантский зоб в грудь птицы «вмонтировать», пришлось природе грудные кости и машущие крыльями мышцы сильно потеснить, уменьшив их объем, а значит, и силу.

«Гоацин» — имя древнее, ацтекское, на родине птицы забытое. Его обычно называют здесь «вонючкой». Запах у этой птицы неприятный. Поэтому на гоацинов не охотятся.

«Это счастье для редкостной хохлатой птицы. Однако на самом деле не мясо, а только содержимое зоба так пахнет. Снимая шкуру с одного гоацина... я убедился: всепроникающий запах, который напомнил мне коровий хлеб, исходит только из пищи, наполняющей зоб» (Гюнтер Нитхаммер).

Гоацины в разных ситуациях кричат на разные голоса: «мяукают», шипят, свистят, «визжат», «бормочут», кудахчут...

Гнезда — сложенные из веток рыхлые платформы — почти всегда на суках, нависающих над рекой, заводью или протокой, «чтобы птенцам при опасности можно было падать в воду». Строят их самец и самка. По очереди и насиживают. Птенцы недели две не покидают гнезда (если их не тревожат). Родители их кормят подобно пингуинам: птенец сует клюв глупо в глотку взрослой птицы.

Гоацины обитают в лесах Гвианы и всего бассейна Амазонки.

ПАСТУШКОВЫЕ, ИЛИ ЖУРАВЛИНЫЕ

Обширный неоднородный отряд. В нем объединены (без достаточных, кажется, оснований) и настоящие пастушковые, и журавли, дрофы, сериемы, трехперстки и другие внешне и образом жизни мало похожие птицы. В последнее время многих из них выделяют в отдельные отряды. Для целей популярной литературы такое чрезмерное, хотя, возможно, и обоснованное дробление мало подходит. Поэтому рассмотрим отряд в прежнем составе из 11 семейств: пастушковые, журавли, дрофы, сериемы, пастушковые куропатки, арамы, трехперстки, солнечные цапли, лапчатонogi, казу, трубачи.

Настоящих пастушковых 131—140 видов, ареал — весь мир, кроме северных арктических областей, Антарктиды, Сахары и аравийских пустынь.

Ноги без перепонок, у лысуховых — плавательные оторочки, «фестоны», вдоль пальцев. Полового диморфизма нет или он незначителен. Моногамы. У большинства насиживают две-три недели самцы и самки. У многих две кладки. Тип развития выводковый. Птенцы в черном пуху. Гнезда обычно на земле. У камышниц — нередко на пнях и кустах, затопленных водой, яиц 1—2 (такахе), 2—3 (атлантиси), 6—16 у многих других.

Журавлей 14 видов. Европа, Азия, Австралия (но не Новая Зеландия), Африка, Северная Америка. Крупные птицы, вес до 8—15 килограммов. Небольшие плавательные перепонки. Самцы и самки внешне похожи. Моногамы. У многих партнеры, по-видимому, сохраняют верность друг другу всю жизнь. Гнезда на земле, у африканских венценосных журавлей нередко и на деревьях. 1—3 яйца насиживают оба партнера или только самка около месяца. Тип развития выводковый. Обсохнув, птенцы следуют за родителями, в первый же

- 1...ВЕКА-ВЕКА
- 2...ТАКАЖЕ
- 3...ОТКРЖ
- 4...Рогатая лысуха
- 5...ТРУБАЧ
- 6...КАГУ
- 7...ТРЕХПЕРОТКА
- 8...СОЛНЕЧНАЯ ЦАПЛА
- 9...АРАМА

день хорошо плавают. Десятидневные летают. Половозрелость — в 2 года и позже. Живут долго, до 55 лет, в зоопарках. Перелетные птицы.

Дрофы, их 22 вида, обитают в степях и пустынях Европы, Азии, Африки и Австралии. Некоторые африканские дрофы живут также в густых кустарниках и болотных камышах. Ноги трехпалые, без перепонки. Копчиковой железы нет. Хорошо бегают и летают. Не плавают, многие даже не пьют воду. Самка отличается от самца главным образом меньшим ростом и весом. Даже у тех видов, где петух весит почти четверть центнера, самки — не больше пяти килограммов. Это соотношение «весовых категорий» полов 1:3 и даже 1:7 ни у кого больше в мире пернатых и четвероногих не наблюдается. У многих самцов к сезону токов появляются некоторые вторичные половые признаки, например, «усы» на щеках из похожих на щетины перьев (обычная дрофа); черные и белые поперечные полосы на шее, «ошейники» (стрепет). Моногамы (исполинская дрофа, стрепет и, по-видимому, джек) и полигамы. Гнезда — ямки в земле, с небольшой выстилкой и без нее. Насиживают самки 20—30 дней. Самцы водят с самками птенцов у стрепетов и исполинских дроф. У крупных видов 2—3 яйца в кладке, у мелких — до 5. Птенцы выводковые. Половозрелость у крупных дроф в 4—5 лет. Живут до 30 лет.

Сериемы, 2 вида, встречаются в Южной Америке от Бразилии до Уругвая и северной Аргентины. Похожие немного на дроф, крупные птицы, до 90 сантиметров в высоту. Моногамы. Насиживают 24 дня оба родителя 2—3 яйца. Самцы водят вместе с самками птенцов. Живут семьями в кустарниковых и лесистых равнинах и невысоких, до 2 тысяч метров, горах. Летают неохотно, но ночуют на деревьях. Здесь же и гнезда.

Пастушковых куропаток 3 вида на Мадагаскаре. Русское название неудачно, так как это не куропатки и, возможно, не пастушковые птицы. Ростом с дрозда или чуть больше, короткокрылые и длиннохвостые, по-видимому, не умеют летать. Два вида живут в лесах, один, мония, в сухих кустарниках на юго-западе острова. У монии клюв длинный, слегка изогнут вниз. Самцы насиживают и водят птенцов. Гнездо на кустах — на высоте 1—2 метров. Забираются в него, прыгая по веткам. Обычно одно яйцо. Выводковый тип развития.

Арамы — 1 вид. Юг Северной, Центральная и Южная Америка. Немного похожие на кроншнепов и такого же примерно роста бурые, со светлыми пестринами птицы. Живут на открытых местах и болотах. Кормятся в основном моллюсками. Гнезда на земле, реже на деревьях, 4—8 яиц насиживают оба родителя. Птенцы выводковые.

Трехперстки, 15—17 видов, живут на юге Испании, в Южной Азии, Австралии, на некоторых островах Полинезии, в Африке, на Мадагаскаре. В СССР встречаются в Уссурийском крае.

Мелкие, похожие на перепелов птицы. Летают неохотно, быстро бегают в траве и кустарниках. У большинства видов только по три пальца на ногах. Самцы мельче самок, насиживают и водят птенцов. Самки только делают для гнезд небольшие ямки, несут яйца, токуют и дерутся между собой из-за самцов. У некоторых видов помогают и насиживать. Выводковые птицы с очень коротким временем насиживания, 10—13 дней. Птенцы развиваются быстро: через 10—19 дней уже летают, в этом же возрасте или еще недели через 2—3 живут самостоятельно, в 4—5 месяцев половозрелы. Новорожденные птенцы весят всего 2 грамма — рекорд легковесности среди выводковых птиц.

1 вид солнечных цапель обитает в Центральной и Южной Америке. Некрупные, примерно с галку птицы с красивым «рябым», оперением. Похожи немного на цапель, но хвост длинноват, а ноги короткие. Хотя и названы солнечными, живут в тени густых тропических лесов, у воды. Гнезда шарообразные, из веток и глины, на земле, на кустах и деревьях. Два яйца насиживают оба партнера. Птенцы три недели не покидают гнезда. Родители кормят их, как пастушки, поднося пищу в клюве. Угрожая, широко раскидывают крылья и хвост, ослепительно красивой становится птица! Возможно, отсюда и название «солнечная», по другой версии, потому что токуют на солнечных полянах.

Лапчатоголов 3 вида. По одному в Африке, Юго-Восточной Азии (от Ассама до Суматры) и Америке (от южной Мексики до северной Аргентины). Приземистые, с ворону или крупнее птицы. Пальцы оторочены широкими «фестонами». У американского вида пальцы исчерчены яркими черно-желтыми поперечными полосами! Плавают хорошо (часто выставив над водой лишь голову), ныряют «внезапно, без всплеска», как змеешайки. Быстро бегают и лазают по ветвям. Живут в одиночестве или парами в лесах по берегам рек и озер. Гнезда обычно низко над водой. Птенцы выводковые.

Кагу (1 вид) живет на острове Новая Каледония, к востоку от Австралии. Сумеречные и ночные голубовато-серые, величиной с цаплю птицы. Оперение, словно пыльное, обильно присыпано порошком пуховых пудрениц. Летают очень плохо. Вымирающие птицы. Одно яйцо высидывают оба родителя. Перед этим очень живописно токуют. Самец и самка, встав друг перед другом и опустив до земли крылья, расправляют широкой короной длинные хохлы на головах. Затем вертятся вокруг себя, иногда прихватив клювом кончик собственного крыла или хвоста. Опять стоят нос к носу и снова вертятся. Громкие мелодичные брачные песни исполняют дуэтом. Самец запевает: «Ва-ва-ва-ва-ва». Самка отвечает:

«Вавава-ва». Потом опять петух: «Ва-ва, вава». Эти три строфы повторяют минут десять подряд.

Трубачи — 3 вида. Живут небольшими стаями на земле в густых лесах бассейна Амазонки, Гвианы. Черные, короткоклювые, похожие немного на цесарок птицы. Роясь в листве, ходят «зигзагами, при каждом шаге приподнимая крылья». Испуганные, взлетают высоко на деревья. Здесь же, в развилке ветвей или в больших дуплах, у них гнезда. Брачные танцы шумные: бегают, хлопая крыльями, прыгают и «даже кувыркаются». Крик громкий, трубный, мелодичный. В неволе быстро привыкают к людям и очень дружелюбны.

БОЛОТНЫЕ КУРОЧКИ

Нелегко увидеть этих птиц. Только разве лысухи, черные, с белым щитком на лбу, иногда плавают на плесах заросших камышами озер, тихих заводей и рек. Другие таятся в гуще болотных и приозерных трав. Редко летают, но бегают, пригнув голову, меж стеблями камышей и осок, быстро, ловко, и, можно сказать, тайно: мелькнут и в двух шагах уже невидимы. Тело с боков немного сжато, чтобы легче лавировать в траве. Позвоночник гибок, как ни у одной птицы. Щитки на лбах, белые, красные, оранжевые, оберегают головы от укулов и порезов.

Птиц называют пастушковыми, а в народе часто болотными курочками. Коростель, он же дергач, а еще лучше лысуха могут дать представление об этих птицах сырых, болотистых приозерных и речных долин.

Крик коростеля слышали в лугах, наверное, все. Монотонно, однообразно, резко «дергает» он: его песню трудно передать словами, в общем, треск, словно бы плотное полотнище рвут. Птичка небольшая, немного крупнее дрозда, бурая. Живет рядом с нашими деревнями, летними дачами, но увидеть ее трудно. Редко когда полетит, свесив ноги, потом их подбирает или выйдет из травы на открытое место и никогда здесь долго не задерживается. Редко и плавает.

Гнездо, внутри выложенное мхом, хотя и не всегда, строит только самка. Она же, кажется, насиживает и водит птенцов. Бросает их рано, через неделю. У большинства других пастушковых самцы и гнезда строят, и разделяют все прочие семейные заботы своих подруг. У погоныша, пастушка, камышницы, лысухи по два, иногда и по три выводка в году. У коростеля только один. Впрочем, возможно, бывают и два. Зимуют коростели в Африке. Каждый в одиночестве туда улетает. Прежде думали, что он не летит, а почти всю дорогу идет пешком. Возможно, и в самом деле немалая часть пути совершается по земле, но как это увидеть и доказать? По некоторым народным поверьям, летают коростели в южные стра-

ны на журавлях, устроившись в их оперении. Журавли будто бы сами приглашают криками своих пассажиров.

Погоныш, птица, похожая на коростеля, но потемнее его, свистит отрывисто «фить-фить», словно стадо или коней подгоняет! Этот посвист слышится по вечерам и ночам вблизи прудов, озер, в сырых кустарниках, порой у самой дороги. Пугает запоздалых путников, так как, по уверениям многих, похож на подозрительную переключку хулиганов и прочих недобрых людей. Некоторые погоныши улетают зимовать очень далеко, до самого юга Африки или Азии.

Пастушок, от имени которого назван весь отряд, птица облика в общем коростелиного, лишь клюв слегка изогнут вниз. Обитает по тем же сырым местам. Крик его — визгливое повторяющееся «уйть-уйть-уйть» или резкое «тильк». Некоторые считают, что сначала с расстановкой кричит «кёп-кёп», потом быстрее и быстрее — «кёп-кёп-кёп-кёп-кёп-кип-кирр». Бегаёт пастушок, поддергивая приподнятым хвостом, в гуще трав. На открытых местах редко появляется.

Султанка — самая большая и красивая из болотных курочек в нашей стране. Зелено-синяя, с большой красной бляшкой на лбу, клюв и ноги того же цвета. У нее редкая повадка: берет корм лапой и подносит к клюву! В отряде пастушковых чи у кого такого нет, а только у попугаев, соколов, сов и некоторых певчих птиц. Красивую эту птицу немногие видели. Не только потому, что осторожна и умело таится в тростниках восточного Азербайджана и волжской дельты, куда эти птицы изредка залетают: мало осталось султанских куриц. Уцелевших охраняет закон.

Камышница — краснолобая, как и султанка, но оперение ее без синего блеска, черно-бурое. Поменьше белолобой лысухи, которая примерно с утку. Обе птицы — обитатели многих наших низовых болот.

Камышница и лысуха надежно маскируют гнезда, согнув над ними тростники. Получается зеленая довольно, впрочем, рыхлая беседка в густой траве. Дном она чуть касается воды. Либо, опираясь на стебли, как на сваях, чуть возвышается над водой. Тогда лесенка, а точнее сходни, сооруженные из стеблей, косо положенных от воды ко входу в гнездо, облегчают малышам и взрослым птицам доступ в дом. Птенцы первые дни после водных прогулок ночуют, отдыхают и сушат пух в этой беседке. Позднее родители строят из тростинок островки на мелкой воде или на сырой земле, чтобы их малыши могли обшуститься здесь и переночевать. Тогда необходимость в гнезде и сходнях к нему постепенно отпадает.

Черные птенцы многих пастушковых с яркими сигнальными пятнами на головах. У лысухиных птенцов — оранжевые кольца вокруг глаз. Юные камышницы — с голубыми надбровьями, у пастушков — голое красное пятнышко на темени. Клювы родителей и птенцов тоже часто цветисты. У камышниц — красные, с желтизной на конце, у погонышей — красные, с зеленью. Это возбуждающие соответствующие реакции эвокаторы, вроде красного пятна на клюве у сере-

бристых чаек. Первые дни пастушковые, как и чайки, кормят птенцов, взяв предлагаемое лакомство в клюв. Цветные пятна на клюве предназначены привлечь внимание неопытного еще в земных делах птенца, рожденного, однако, с инстинктивной реакцией на эти сигналы.

Еще один природный дар помогает птенцам водяных курочек, лысух и камышниц карабкаться через нагромождения стеблей и, цепляясь за них, продираться сквозь болотные дебри. Это «коготки» на крылышках — косточки, «похожие на маленькие клешни рака».

Птенцы пастушковых выводкового типа. Это значит, что, покинув скорлупу яиц, они в гнезде долго не задерживаются. Но день-два, а крупные виды — тричетыре еще сидят в нем, позднее, как уже знаем, на ночь, да и днем не раз возвращаются в него, если здесь их никто не тревожит. Мать обычно охраняет и согревает малышей, отец приносит корм. Позднее водят вдвоем детей (лысухи, во всяком случае). Молодые камышницы и лысухи помогают родителям в их заботах о братьях и сестрах второго выводка. Корм выпрашивают не только для себя, для малышей тоже!

Летать начинают поздно: пастушки и коростели — двухмесячные, лысухи — на неделю позже.

Лысухи обороняют малышей отважно, дерутся и клювами и лапами. А на плесе, прежде чем нырнуть, или удирая «рысью» по воде, энергичными ударами лап брызгают водой в неприятеля! Холодный душ остужает охотничий пыл хищника. Небольшого замешательства порой достаточно, чтобы дети успели ускользнуть от острых когтей.

Из заморских родичей болотных курочек необыкновенными повадками выделяется, пожалуй, только рогатая лысуха. Крупная, сине-черная, желтоклювая птица с длинными наростами на лбу, нависающими как рога над клювом. Лишь на некоторых высокогорных озерах чилийской провинции Атакама гнездятся эти лысухи. Но как гнездятся!

Метрах в тридцати от берега строят рогатые лысухи остров из камней. Из-под воды, схватив клювом, достают их и один за другим вновь бросают на дно на том месте, где решили соорудить гнездо и где, разумеется, неглубоко. Галька на гальку ложится, трудятся птицы, не жалея сил, вырастает со дна озера каменная горка! В поперечнике у основания — 2—4 метра, высотой — около метра. На ее сооружение ушло полторы тонны камней! Над ней еще высятся на 30 сантиметров и больше платформа, сложенная из растений. И лишь на ней подстилка для яиц.

Некоторые виды пастушков, обитающие на островах, утратили умение летать. Например, атлантия с острова Тристан-да-Кунья и новозеландские века-века. Интересная история орнитологических поисков, неудач и счастливых открытий связана с одной нелетающей пастушковой птицей по имени такахе.

Первые исследователи Новой Зеландии из рассказов маори заключили, что на островах, кроме моа, водились еще какие-то замечательные птицы. Маори охотились на них. Птицы были ростом с гуся, с развитыми крыльями, но летать не умели. Одно воспоминание о чудесном оперении этих птиц приводило в восторг старых охотников на моа, так называли дикивинную птицу на Северном острове. Другое ее имя, такахе, было в обиходе у жителей Южного острова.

Ученые сначала с интересом собирали все сведения о странной птице. Но проходили годы, и никаких следов ее обитания, даже в далеком прошлом, не нашли. От моа остались хотя бы кости и перья. А о существовании такахе никаких вещественных доказательств... Решили было, что мого-такахе — мифическое существо из маорийских сказаний.

Но вот в 1847 году Уолтер Мэнтелл, неутомимый собиратель редкостных животных Новой Зеландии, случайно приобрел в одной деревне на Северном острове череп, грудную кость и другие части скелета неизвестной крупной птицы. Он тщательно запаковал свою находку и послал в Лондон отцу, известному в то время геологу. Мэнтелл-старший обратился за консультацией к палеонтологу Оуэну. Профессор Оуэн определил, что кости принадлежат большой крылатой, но нелетающей птице. Он назвал ее в честь Мэнтелла *Notornis mantelli*, то есть замечательная птица Мэнтелла.

Через два года последовал еще более неожиданный сюрприз. Группа охотников на тюленей расположилась на одном из небольших островков у юго-западного побережья Новой Зеландии. Ночью пошел снег. Наутро, когда люди вышли из палаток, они с удивлением увидели на снегу следы крупной птицы. О таких птицах здесь ничего не слышали!

Охотники, забыв о деле, ради которого сюда приехали, пошли с собаками по следу таинственного пернатого.

Пройдя порядочное расстояние, люди увидели впереди большую птицу. Собаки бросились в погоню за ней. Но странное дело: вместо того чтобы полететь, птица с необычной быстротой пустилась бежать по снегу. Наконец собаки ее поймали. Птица пронзительно закричала. И когтями, и толстым клювом она отбивалась так успешно, что собаки не могли ее задушить. Люди спасли отчаянную птицу от разъяренных псов.

Охотники на тюленей не были натуралистами, но и они сразу поняли, что пойманная птица — большая редкость. Какое красивое у нее оперение! Голова и горло — сине-черные. Шея, грудь, бока — фиолетово-голубые, спина — оливково-зеленая, крылья и хвост — синие, с металлическим отливом, а низ хвоста (подхвостье) — белоснежный. Толстый клюв и сильные ноги — ярко-красные.

Восхищенные блеском ее оперения люди не решились убить столь чудесную птицу. Они отнесли ее на корабль. Там она жила несколько дней.

Но что же с ней дальше делать? Охотники не знали. С большим сожалением после четырех дней раздумья они убили прекрасную пленницу, изжарили и съели ее.

Но шкурку птицы все-таки сохранили! По счастливой случайности она тоже попала в руки Уолтера Мэнтелла. Он немедленно послал ее в Лондон.

Позднее с помощью собак было поймано еще несколько живых такахе. Из-за чучела одной из них произошел забавный «коммерческий конфликт» между Британским и Дрезденским музеями.

История эта такова. Один охотник на кроликов расположился лагерем в 12 километрах к югу от большого озера Те-Анау на Южном острове. В настоящее время берега этого озера — главная «резиденция» такахе. Однажды охотничий пес, гордый своей удачей, притащил в пасти еще трепещущую птицу. Хозяин был в восторге от дичи, которую поймала умная собака. Он подвесил птицу к потолку палатки с намерением съесть ее на следующий день. К счастью, мимо проходил заведующий опытной станцией Коннор. Он «реквизировал» редкую птицу, в которой сразу признал драгоценную для науки такахе. Принес находку домой, снял с нее шкурку и тщательно отпрепарировал все кости скелета. Это был первый полный скелет такахе, посланный в Лондон.

Но в Лондоне он не достался англичанам. Редкостную находку предприимчивый Коннор решил продать с аукциона. Представитель Британского музея получил от своего начальства инструкцию больше ста фунтов стерлингов не платить. А представитель Дрезденского музея прибыл с разрешением заплатить столько, сколько потребуется, но приобрести драгоценный экспонат.

Начался торг. Цена быстро поднялась до ста фунтов, и... Британский музей вышел из игры. Посланец Дрезденского музея прибавил еще пять фунтов, получил покупку и с триумфом вернулся домой.

Здесь немецкие ученые подвергли скелет такахе тщательнейшему исследованию, не обошлось и без микроскопа, и нашли в нем некоторые отличия от самого первого экземпляра этой птицы, добытого Мэнтеллом 32 года назад. Значит, на Северном и Южном островах Новой Зеландии обитают два разных вида такахе. Первый был описан еще Оуэном. Второй назвали *Notornis hochstetteri* в честь известного австрийского исследователя Австралии и Новой Зеландии профессора Хохштеттера.

За другой пойманный позднее экземпляр такахе коллекционеры заплатили еще дороже, чем на аукционе в Лондоне: 250 фунтов стерлингов! Даже по теперешним временам это большая сумма.

Птица, оцененная так дорого, была поймана в 1898 году, и с тех пор она как в воду канула. Проходили десятилетия, но ни одна живая такахе не попадалась больше в руки охотников. А охотились за дорогой птицей, надо полагать, очень активно. Правда, маори рассказывали, что такахе еще водятся в горах около озера Те-Анау, но им не верили. Решили, что птица, пойманная в 1898 году, была последним живым представителем своего вида, и такахе занесли в списки вымерших животных. Там она и пребывала 50 лет.

Но вот в 1947 году Д. Орбелл, врач из небольшого новозеландского городка и натуралист-любитель, решил проверить, действительно ли птица окончательно вымерла. Это была бесмысленная, с точки зрения многих специалистов, попытка. С несколькими товарищами Орбелл проник в густые леса западного побережья Те-Анау, расположенные на высоте около тысячи метров над уровнем моря.

Во время этой экспедиции Орбелл открыл неизвестное картографам озеро. Для начала неплохо! Но такахе он не нашел. Правда, исследователи слышали крики каких-то неведомых птиц и видели странные птичьи следы. Это вселило в них новые надежды.

На следующий год в ноябре Орбелл вернулся в леса Те-Анау, еще лучше оснащенный экспедиционным оборудованием, со всевозможными сетями, телеобъективами и даже с аппаратом для цветной киносъемки. Не забыл он и про кольца для мечения пойманных птиц. На этот раз его ждала удача. Сразу две живые такахе во всей красоте своего чудного оперения попались в сети! Их привязали к столбу, сфотографировали во

всех позах, как голливудских кинозвезд, надели на лапы кольца и отпустили на волю.

Через год, во время третьей экспедиции, доктор Орбелл нашел даже гнезда такахе. Исследовав 30 гнезд, он пришел к выводу, что супружеская чета такахе воспитывает в год только по одному черному, как ночь, птенцу, по другим данным, двух.

Орбелл и его спутники подсчитали, что в двух смежных долинах живут 50—100 взрослых такахе. Конечно, где-нибудь по соседству есть и другие поселения этих птиц.

Правительство Новой Зеландии немедленно объявило заповедником места обитания такахе. Орбелл исследовал пространство в 200 гектаров. Современный заповедник такахе у озера Те-Анау охватывает площадь в 160 тысяч гектаров. Этой «жилплощади» вполне достаточно для расселения всего будущего потомства сохранившихся здесь редкостных птиц. Их теперь тут, по-видимому, около трехсот.

Фотографии, цветные рисунки и подробные описания такахе в изобилии встречаются теперь в каждой книге о птицах Новой Зеландии. Ее красочные изображения мы видим даже на марках этой страны. Еще вчера «вымершая» птица стала сегодня символом надежд всех энтузиастов — искателей неведомых зверей и птиц.

ЖУРАВЛИ

СЕРЫЙ

ЧЕРНЫЙ

ЖЕЛТОГОЛОВЫЙ

В СССР гнездятся шесть разных журавлей. Самый обычный — серый почти по всей стране, кроме Заполярья, юга Украины и Средней Азии. Самый маленький — красавка в степных районах от Молдавии до Забайкалья. Самый большой — белый, красноголовый стерх в низовьях Оби и тундры северо-востока Якутии. Самый редкий и «загадочный» — черный, голова и шея у него, однако, белые, житель глухих таежных болот Сибири. Ну а самый искусный в «танцах» — уссурийский, или японский. Журавлиные танцы — по-видимому, не только токовой ритуал, но и просто выражение радости и хорошего настроения. Танцуют самцы и самки, старые и совсем молодые, брачный возраст которых наступит еще не скоро, и во все времена года, не только весной. Уссурийские журавли даже зимой на снегу.

Журавль этот — белоснежно-белый, с черной шеей, черными концами крыльев и красной шапочкой — сам по себе очень красив, а когда танцует, то у зрителей, говорят, просто дух захватывает. Недавно его танцы подробно описал, снабдив прекрасными фотографиями, американский натуралист Стюарт Кейн.

Уссурийский журавль гнездится на болотистых равнинах Маньчжурии и Хоккайдо, а у нас в Уссурийском крае и, возможно, местами по Амуру. Он всюду редок. В Японии, например, сохранилось сейчас лишь около 200 танчо, так японцы называют этих птиц.

Как и другие журавли, танчо всегда готов сплясать, но в январе, феврале и марте танцует особенно много и хорошо.

Танцуют журавли и парами, и всей стаей.

Парный танец такой. Обе птицы, самца и самку по внешности невозможно различить, вдруг прерывают на время охоту за «лягушками» и поворачиваются друг к другу клювами. Одна из них начинает кланяться: вытягивает шею к партнеру, слегка выгнув ее дугой вниз. В этой позе голова и шея журавля легонь-

ко покачиваются вверх-вниз, вверх-вниз. Затем птица хлопает крыльями и танцующим шагом прохаживается вокруг.

С каждым новым поворотом темп нарастает.

Вот обе птицы, встав друг против друга, прыгают вверх, хлопая крыльями. В прыжке левая нога — она держится слегка выше, чем правая, — энергично лягает воздух. В апогее прыжка, высотой он бывает метра два, птицы разбрасывают крылья, и кажется, что они какое-то мгновение плывут в воздухе.

Иногда, подскочив особенно высоко, журавли совершают «танцевальный полет»: бок о бок медленно и изящно планируют вниз и приземляются метрах в сорока от того места, где поднялись в воздух. Обычно после этого кончают танцевать, отряхиваются и снова деловито бродят по лугу.

В танцах маньчжурских журавлей есть еще три интересных па. Танцуя, они часто хватают клювами с земли разные мелкие предметы: прутики, сухие былинки, зерна или даже обрывки бумаги — и подкидывают их в воздух. Второе па: танцор прыгает спиной к партнеру, раскинув как можно шире крылья. Тогда хорошо видна их черная оторочка, контраст к белому оперению журавля.

Иногда птицы замирают одна перед другой, вытянув вверх шеи и прижав клювы к груди, показывают красные шапочки на темени. Крылья слегка приподняты. Затем поднимают головы, так что клювы смотрят теперь в небо, и пронзительно кричат. Обычно же хореографические дуэты совершаются в полной тишине. Но, когда танцует вся стая, журавли подбадривают себя криками.

Если какая-нибудь птица кивками приглашает партнера на бал, другие танчо, мирно пасущиеся на болоте, часто окружают их и тоже начинают прыгать. Иногда танцует сразу целая дюжина журавлей. Одни исполняют весь танец, другие делают лишь несколько ленивых прыжков, третьи стоят и смотрят, четвертые, те, что находятся далеко от танцоров, собирают в поле зерна, ягоды, насекомых или равнодушно чистятся. Но те, что поближе, не могут удержаться, чтобы не сплясать. «По-видимому, — пишет один зоолог, — на журавлей танец действует так же заразительно, как на нас смех».

Танцевальному искусству молодым журавлям не приходится учиться у стариков, они рождаются «обученными», с полным знанием всех фигур и пируэтов. Живший в неволе крошка журавленок, пишет Кейт, пяти дней от роду уже умел выделять журавлиные батманы — высоко прыгал, лягая ногой. А также кланялся и подбрасывал вверх разные предметы. Он никогда не видел, как танцуют другие журавли.

ДРОФА

50 миллионов лет, с эоцена, дрофы процветали. 200 лет назад под Магдебургом (в центре Европы!) дроф было так много, что они, «как бы покрывали собой поля». Еще столетие минуло, а тысячные и тысячные их стаи по-прежнему паслись «на десятки верст» вокруг в задонских и казахских степях.

«В прошлом дрофы были одной из крайне многочисленных птиц...»

А сейчас?

«Теперь даже в лучших местах Казахстана осенние скопления дроф не превышают нескольких десятков птиц» (профессор А. В. Михеев).

В безлюдные степи явился человек, вооруженный плугом и еще более опасными для дроф ружьем и... палкой. В осенние дожди не смазанное жиром — нет копчиковой железы — перо дроф быстро намокает, смерзается при первых же холодах, и тут бьют их кому не лень просто палками. Варварство, конечно, и запрещенный способ охоты. Но как убедить в этом браконьеров?

Добыча-то очень возбуждающая аппетит: доступная, вкусная и весьма весомая. С небольшого оленя, с косулю, если старый петух-дудак попадаетеся.

Для охоты на дроф специально изобреталось фантастическое оружие: множество спаянных вместе очень длинных ружейных стволов, в Китае трехметровые и больше! Чтобы с дальней дистанции градом пуль поразить зоркую птицу. Подбирались к дрофам на укрытых ветвями повозках, которые сами же и волокли. Теперь автомобили облегчили этот трудный охотничий подвиг...

Распашка степей, конечно, тоже повинна в том безрадостном явлении, что «резко снизилось количество дроф». Однако дрофы приспосабливаются к измененным человеческим хозяйством ландшафтам. Гнездиться стали и на полях. Надлежащая охрана (и сознательность, пробужденная в охотниках и браконьерах), бесспорно, помогли хотя бы сдержать оскудение нашего края этими великолепными птицами. Пример — опыт стран Восточной Европы или даже Германии. Много ли под Берлином нераспаханных степей? А здесь, «в ближайшей близости», на пашнях и полях орошения живут дрофы. Один молодой петух в 1964 году прилетел даже в самый центр Берлина и как «павлин» был доставлен любезной публикой в зоосад! Здесь в апреле на болотистых бренденбургских равнинах, «которые сегодня все больше и больше превращаются в пашни и луга», рано по утрам, перед восходом, когда еще холодно, а иней и туман укрывают землю, вдруг беззвучно и призрачно «на однотонно-серой сцене» распускаются огромные белые «цветы».

«...можно еще подумать, что это громоздкие кучи перьев, но никак не дрофы! Особенно загадочно и непонятно все это выглядит, когда какой-нибудь такой «цветок» внезапно исчезнет, чтобы позднее бесшумно и таинственно снова расцвести на другом месте. На некоторых участках можно увидеть иногда в округе нескольких километров пять, шесть и больше этих загадочных предметов, которые, содрогаясь и покачиваясь, поворачиваясь вокруг себя, или совершенно неподвижно («...как снежные кучи») торчат вверх из голой земли» (В. Гевальт).

Когда с рассветом туман рассеется, трудно сразу понять, что это такое белое и большое тут и там возвышается на лугу. Видно, что стоит на птичьих ногах и движется. Узнается, что это «нечто» бесформенное «сооружено» из белых перьев, местами из розоватого пуха. Но где у него перед, где зад — непонятно.

Дрофа в общем серо-рыже-бурая... Откуда столько белого взялось? Белое у нее подхвостье, некоторые перья крыльев, беловатое брюхо. Этого, казалось бы, мало, чтобы «за несколько секунд» превратиться в «белую загадочную фигуру». Дрофа закидывает на спину хвост, и тогда белые перья подхвостья «куполлом» укрывают сверху птицу. Крылья «неопишемым образом» изгибает так, что белоснежные их перья «красивыми белыми розетками» маскируют ее темные бока, а черно-коричневые перья крыльев выворачивает белым исподом наружу! Горловой воздушный мешок на шее раздут «шаром с футбольный мяч». Голова запрокинута назад и утонула в буйстве взъерошенного пера, и не видно ее. Лишь щетинистые «усы», вырастающие к этому времени на щеках, торчат вверх, обозначая местоположение головы.

В таком виде токуют петухи-дудаки. А то, что обычно изображают художники-анималисты: «токующих дроф, как пародии на индюков и глухарей, с распущенным веером хвостом и приподнятыми крыльями» — действительности, говорит В. Гевальт, «совсем не соответствует». В такой позе лишь в прелюдии к току выступает дрофа.

Джек, вихляй, или воротничковая дрофа, с длинными перьями на шее (токуя, распускает их широким воротником) обитает у нас в Закавказье, в Средней Азии и на юге Западной Сибири. Кроме того, в Северной Африке и в степях Азии от Турции до Монголии.

Джек заметно меньше обычной дрофы, а стрепет, называют его также карликовой дрофой, вдвое-втрое меньше джека, с тетерева. Гнездятся стрепеты на севере Марокко и Алжира, в Испании (здесь и обычные дрофы сохранились), кое-где во Франции, Германии, в Восточной Европе и в наших степях от Молдавии до предгорий Алтая. Токует он, прыгая на месте, отчего в земле выбивается ямка — «точок». Скачки высокие: секунд 10—15 в прыжке хлопает со свистом крыльями и кричит «цррр!».

Прыгая как стрепет (и «квакая» как лягушка!), токует и небольшая индийская длинночубая дрофа-флорикан. На затыл-

Дрофа токует.

ке у нее, словно вымпелы, гибкие длинные перья, распушенные на концах.

Южноафриканская красночубая дрофа, «как футбольный мяч», со свистом, внезапно вылетает из травы, где, токуя, прыгала. Устремляется вертикально вверх «приблизительно на 70 метров». В конце взлета вдруг складывает крылья, какое-то еще время по инерции летит вверх, затем камнем падает вниз, хвостом вперед. Лишь у земли раскрывает крылья и быстрыми взмахами тормозит падение.

Африка особенно богата дрофами разных видов. Токовые позы и приемы у многих живописны. Исполинская дрофа, выше, но стройнее и легче нашей, сверкая белым подхвостьем, раздувает горло «печной трубой» и глухо ревет, подобно страусу: «Вумм-вумм». С «кудахтаньем» в мастерских пике и выражах токует в воздухе очень красивый черно-бело-рыжий коорхан.

В Австралии лишь один вид дрофы, и тот завезенные сюда лисы грозят совсем извести. Необыкновенная фигура получается, когда токует австралийская дрофа. Распушенные шея и хвост и другие подобные фокусы нас не удивят. Это и у других птиц видели. Но вот пышно оперенный «подгрудок», столбом спущенный до земли, — трюк небывалый! Этот безмерно раздутый и вытянутый вниз горловой мешок, кроме зримого эффекта, производит и весьма внушительный акустический. Резонируя, далеко разносит по округе усиленный многократно крик токующей птицы.

СЕРИЕМЫ

50 миллионов лет назад жили в Америке огромные хищные птицы, которых палеонтологи называли диатримами. Крылья у них были недоразвиты, и они не умели летать. Зато бежали очень быстро. Рост диатримы — 2 метра, а ее хищный клюв, массивный и длинный, почти полметра, напоминал нож гильотины. Этим страшным оружием чудовищная птица могла вспороть брюхо любого хищника.

45—35 миллионов лет назад другие гигантские хищные птицы фороракосы обитали в Патагонии.

диатрима

чунья

Фороракосы и диатримы недолго разбойничали в американских равнинах. Они исчезли так же внезапно, как и появились.

Но до сих пор еще их родичи — сериемы, или кариамы, живут в Южной Америке.

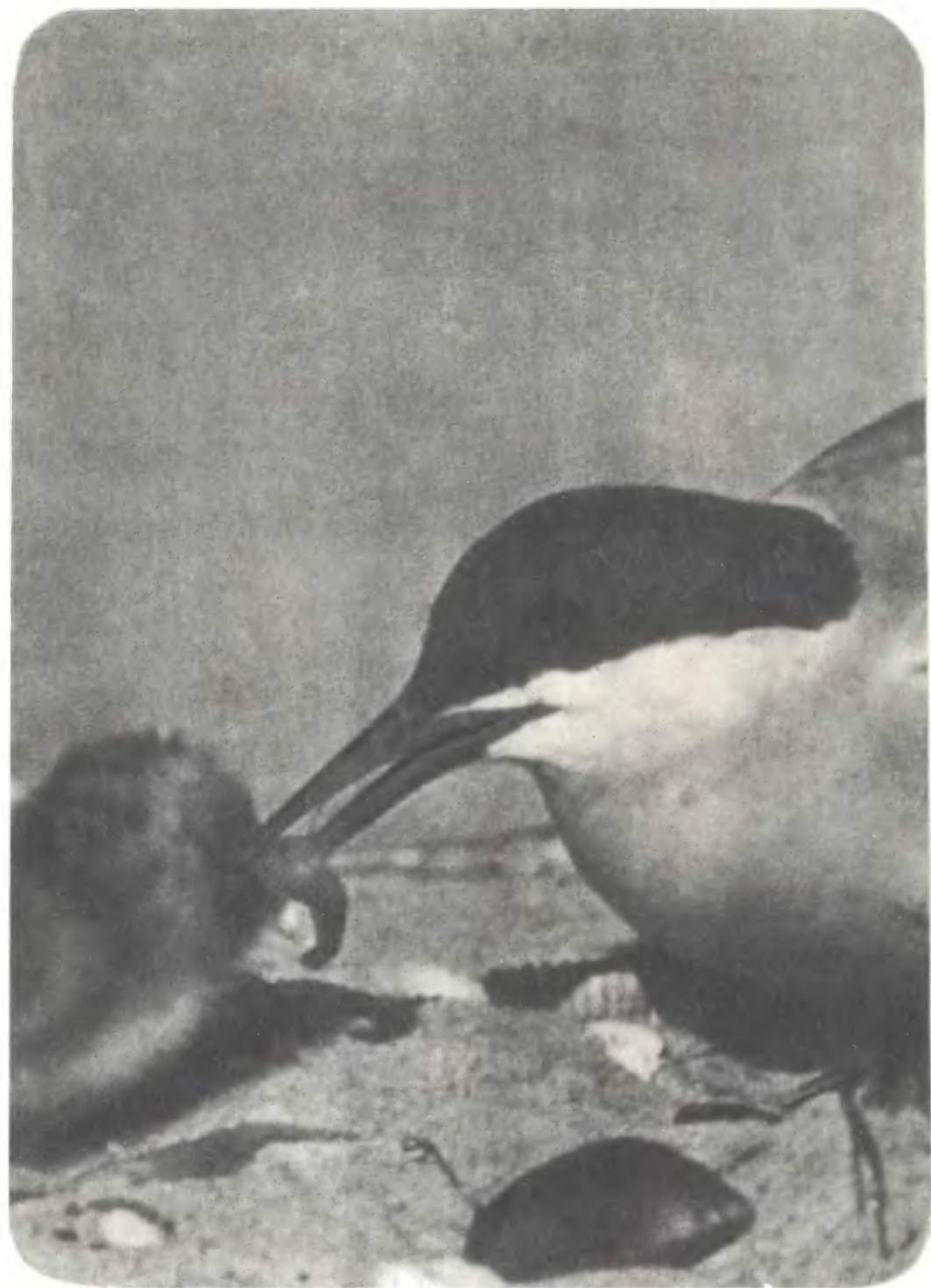
Крик серием похож на хохот или на щенячье тьяканье. Живут семьями всю осень и зиму. Весной самцы вприпрыжку танцуют перед самками.

Чунья, поменьше сериемы. Токует похоже. Самка лежа смотрит на танцора. Разойдутся, потом полчаса примерно перекликаются. Вновь сойдутся: самец вприпрыжку танцует, самка лежит и смотрит. Так недолгими разлуками, призывами и новыми встречами разнообразят свои свадебные церемонии. Молодые чуньи живут с родителями несколько месяцев.

Кормятся сериемы и чуньи плодами и ягодами, мелкими животными. Змеи для них, очевидно, деликатес. За это ценят и берегут люди серием. Прирученных держат около сельских домов. Охраняют серием местные обычаи и законы.

ЧАЙКИ, ЧИСТИКИ И КУЛИКИ

Орнитологи три группы названных птиц теперь выделяют обычно в самостоятельные отряды, но иногда и в подотряды одного отряда. Для компактности изложения это сделаем и мы.

Итак, чайки. Пальцы с перепонками. Хорошо плавают. Самцы и самки внешне похожи. Моногамы. Пары у многих постоянны годами. Насиживают 2—4 недели с первого или второго яйца и выкармливают птенцов самец и самка. Яиц — 1—5. Тип развития полувыводковый: птенцы рождаются зрячие и в пуху, но несколько дней (у поморников — неделю, у моевок — пока не полетят) не покидают гнезд, которые устраиваются на земле или на уступах скал, с выстилкой или без нее. Полуторамесячные птенцы обычной чайки уже хорошо летают. Половозрелость у мелких видов — через год, у крупных — на третьем или пятом году. Живут, по-видимому, долго: полярные крачки в природе — до 27 лет, в среднем 11—13.

Малая крачка не больше стрижа. Большая морская чайка, бургомистр и другие крупные чайки длиной до 80 сантиметров, весят до 2 килограммов. Серебристые чайки и большие поморники немного меньше.

Около 90 видов в странах всего мира.

Чистики (топорки, тупики, ипатки, гагарки, кайры) составляют основное население знаменитых птичьих базаров. На отвесных скалах, по берегам морей тысячами гнездятся они вместе с морскими чайками. Одно, реже два крупных яйца многие чистиковые птицы насиживают прямо на голых уступах скал. Чтобы труднее было скатиться, яйцо конусовидной формы. Кайры, насиживая, держат его на лапах.

Тупики в мягкой почве, покрывающей вершины и уступы скал, роют ногами и похожим на колун клювом глубокие норы длиной до 3—5 метров. Самец и самка, внешне неразличимые, насиживают по очереди.

Птенцы рождаются зрячие, в длинном (у некоторых до 3 сантиметров!) и густом пуху, но гнезд долго не покидают. Трехнедельные кайры уже отваживаются с отвесной скалы прыгать в море. Растопыривают широкие перепонки лап, небольшие еще крылышки и на этом природном парашюте большей частью благополучно приземляются на гребни волн и даже на камни внизу. Во внегнездовое время кочуют по морям в пределах почти тех же широт, где и размножаются.

Все чистики — отличные ныряльщики. Погружаясь на 10 и больше метров, гребут, как пингвины, короткими и широкими крыльями. Остаются под водой до 2 минут, в их крови очень много гемоглобина. Охотятся за мелкой рыбой, кальмарами, рачками. Летают с очень частыми взмахами крыльев, до 8 в секунду.

Птицы, в общем, небольшие: вес 80 — 1200 граммов. 20 видов в высоких широтах северного полушария, 18 видов гнездятся в СССР.

Кулики — всем известные птицы речных берегов и болот. Многие длинноногие и длинноклювые. Клюв у некоторых изогнут вниз или вверх и у одного вида вбок. У лопатня расширен на конце лопаточкой. Лапы трех- или четырехпалые, с перепонками в основании пальцев или без них. У плавунчиков по бокам пальцев небольшие лопасти. Есть копчиковая железа. У чаек и чистиков тоже.

Самки и самцы у большинства видов в одинаковом оперении. Большинство видов моногамы. Насиживают 19 — 28 дней самки и самцы, либо только самки (бекасы, вальдшнепы, дупели), у плавунчиков и якан только самцы. Яиц обычно четыре, у рачьих ржанок — одно белое яйцо. Гнезда на земле. У некоторых в норах, расщелинах, в чужих или своих гнездах на деревь-

ях. Птенцы почти у всех выводкового типа (у рачьих и белых ржанок — скорее птенцового). Около 190 видов во всех ландшафтах и странах мира от Арктики до Антарктиды.

ПОМОРНИКИ, КРАЧКИ, ЧАЙКИ И ВОДОРЕЗЫ

Поморники. Что о них сказать? Бандиты, да и только. Их четыре вида, и все — кто больше, кто меньше — разбойничают. Яйца и птенцов воруют у соседей. Особенно страдают от больших поморников пингвины.

Большие поморники, или скуа, гнездятся в Антарктиде и около нее, до Огненной Земли и Новой Зеландии. Это с одной стороны земного шара, а по другую — в Исландии, Шотландии и на ближайших островах. Там же, в высоких широтах на севере Европы, Азии и Америки, гнездятся другие поморники, три вида. Жизнь их зависит от леммингов: в годы, «урожайные» на этих грызунов, много и поморников, потому что, кроме грабежа на гнездовьях, кормятся они и леммингами.

Большие поморники, ростом они с большую серебристую чайку, забивают крепкими клювами и взрослых птиц, которых могут одолеть. Подобно фрегатам, пиратствуют в воздухе, вынуждая удачливых рыболовов отдать свою добычу.

«Кайры, чайки и крачки безжалостно преследуются этими пиратами, пока не отрыгнут недавно проглоченную пищу. Поскольку большие поморники иногда нападают на птиц прямо как на добычу, вместо того чтобы требовать от них дань в виде пищи, легко понять, что инстинкт «отдачи дани» выработался в качестве легкого средства спасения. Он сравним в этом отношении с инстинктом обламывания хвоста у ящериц» (Х. Котт).

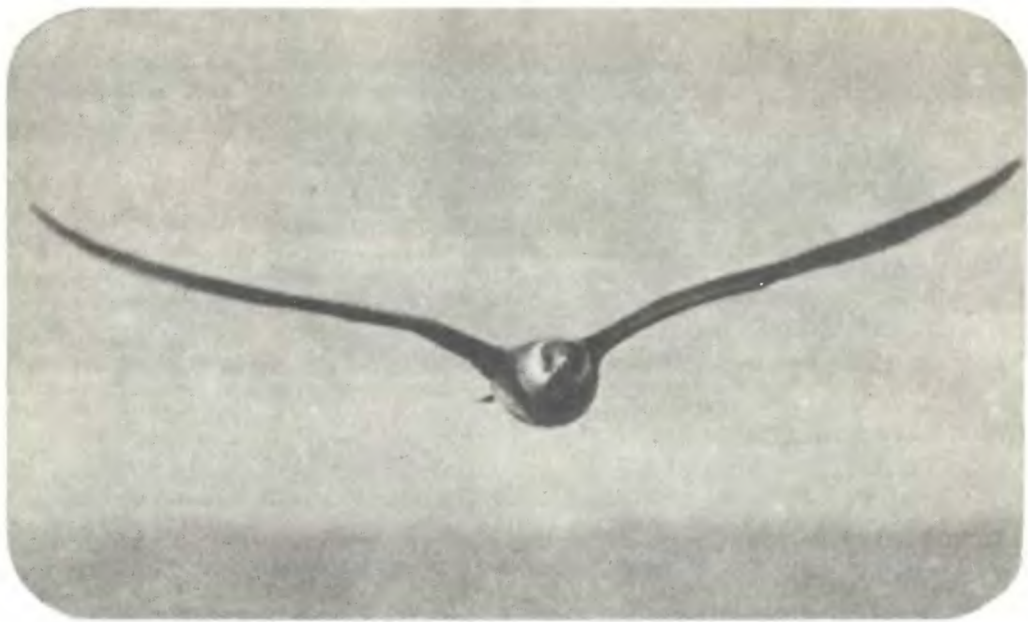
Все поморники — перелетные птицы: зимовать улетают в теплые моря, и, наверное, северные и южные собратья встречаются там. Поскольку весна у того и другого полюсов во времени отнюдь не совпадает, то встречи их, разумеется, очень коротки.

Поморники похожи на чаек, но все в темных нарядах, бурые, впрочем, попадают и светлые цветные фазы. Средние перья двумя острыми «рогами» торчат из заднего края хвоста. У чаек хвост срезан прямо либо даже закругленный, редко с небольшой выемкой, у розовой чайки клиновидный. У крачек вильчатый, как у ласточки. В мире 40 видов крачек, в СССР — 10. У морских берегов, над реками, озерами охотятся они за мелкой рыбой, рачками, насекомыми. Летая над водой, порой повисают на месте, трепеща крыльями на манер пустельги, вдруг бросаются в воду, погружаясь в нее немного, и взмывают вверх с добычей в клюве.

В клюве приносят рыбешек птенцам. Чайки — в зобу!

В брачном ритуале крачек преподнесение рыбы и принятие самкой этого дара — своего рода акт формального бракосочетания. Самец идет по отмели и несет рыбку в клюве. Это его свадебное предложение. Крачки самцы и сосватанные уже самки на нее внимания не обращают. Только та, которая не на-

Большие поморники не только воруют птенцов и яйца у своих соседей, но нападают и на взрослых птиц: крачек, уток, даже на цапель; подстерегают у берегов и перелетных кукушек. Бьют жертву крепким клювом по голове. Утки, спасаясь от них, ныряют, а поморник, кружась над водой, ждет, когда она вынырнет, чтобы вновь атаковать.

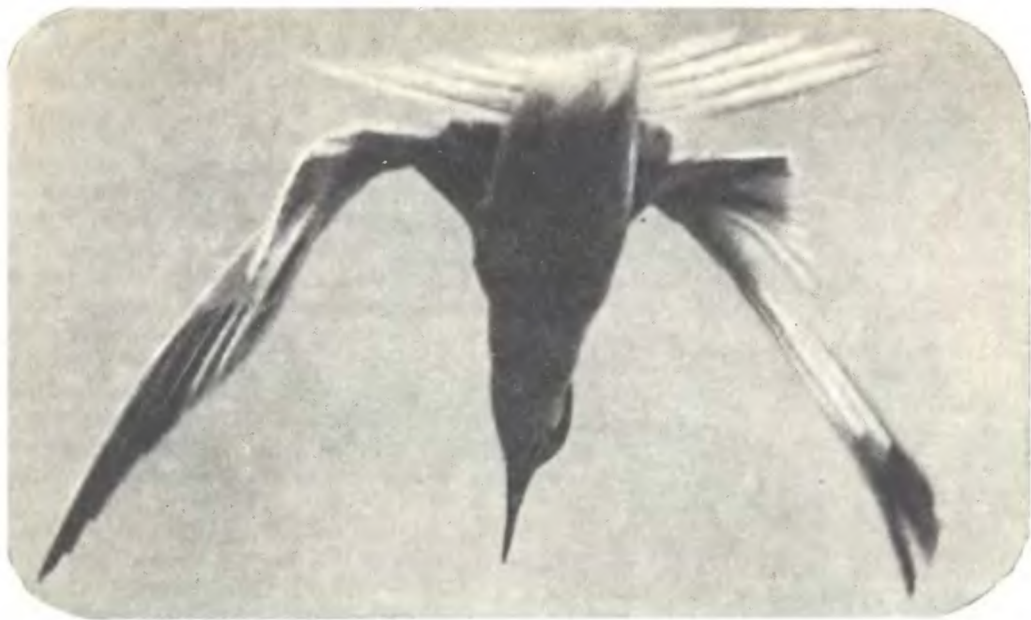
шла еще себе пару, подойдет и в птенцовой манере попросит ее покормить, тем самым предлагая себя в жены. Играют и в воздухе, словно бы в догонялки, одна из птиц с рыбкой в клюве.

Речная крачка обитает по всей нашей стране, кроме Крайнего Севера, в Западной Европе и на востоке США и Канады. Сверху серая, снизу белая, с черной «шапочкой» на голове. Крикливые стайки речных крачек встретятся вам на многих песчаных и галечных берегах рек, озер и морей.

Малая крачка — не больше стрижа, но память у нее «велика». Предпочитает гнездиться на песчаных косах и берегах. Ямка в песке без всякой подстилки — все гнездо. На наш взгляд, вокруг однообразие песчаной пустыни в миниатюре. Но крачка всегда точно, без ошибки находит свою ямку с тремя охристыми, в черную крапинку яичками. Засыпьте их песком, она прилетит и без колебаний сядет прямо на погребенные в песке яйца. Быстро сообразит, что не все в ее хозяйстве ладно. Разроет короткими лапками песок, извлечет из-под него яички и будет их насиживать.

Чеграва — большая крачка, больше вороны, темная сверху, снизу светлая, с черной «шапочкой». Гнездится по всему миру, кроме приполярных областей и Южной Америки. У нас — на юге Украины, в Казахстане, по берегам южных морей. Гнезда выстланы травой и костями съеденных рыб (из погадок).

В поведении чеграв замечена одна интересная биологическая несуразность. Они кормят птенцов

*Полярная крачка
пикирует с высоты
на рыбу в воде.*

мелкой рыбой. Тогда все в порядке. Но случается, поймают и большую, длиной с ладонь. Несут ее детям. Те и вдвое меньшую рыбу глотают с трудом. А такую даже в клюве удержать не могут. Роняют ее на песок. Тогда неразумный родитель хватается рыбу, летит над морем и полощет ее в воде. Опять предлагает своему ребенку. Рыба вновь падает на песок. Новое омовение в воде, и новые танталовы муки голодного птенца.

«Я однажды видел, как взрослая птица пять раз подряд пыталась накормить своего новорожденного птенца рыбой длиной в 20 сантиметров. Всякий раз между этими попытками следовало неизменное обмывание рыбы в море» (Бергман).

За Полярным кругом — на островах Ледовитого океана, в Гренландии, на севере Канады, Аляски, Сибири и Европы — гнездятся маленькие белые птицы с черными «шапочками» на головах — полярные крачки. На морских побережьях в неглубоких ямках выводят здесь птенцов.

Полярные крачки поселяются иногда так близко к полюсу, что, бывает, и в июле на их гнезда падает снег. Тогда, чтобы прикрыть от холодного ветра птенцов, крачки сгребают его в кучу и окружают дом снежной стеной.

Осенью крачки покидают тундру и летят на юг, в теплые края. Впрочем, края, где они проводят зиму, теплые лишь относительно. Ведь зимуют эти неиспра-

вимые полярники тоже в Заполярье! На другом конце света, в Антарктиде. 8 месяцев в году не видят они ни восхода, ни заката солнца, а только круглосуточный полярный день!

Из Канады и Гренландии крачки летят сначала в Европу, у Британских островов встречаются с сибирскими и европейскими сородичами. Стаи крачек смешиваются и вдоль побережья Франции и Португалии направляются в Африку. У Сенегала и Гвинеи пути их расходятся. Одни крачки поворачивают на запад и, еще раз пересекая Атлантический океан, летят к Бразилии, а оттуда — к Фолклендским островам и Огненной Земле. Другие остаются верны Африке и, миновав мыс Доброй Надежды, прямоком устремляются в Антарктиду — в моря Росса и Уэдделла. Там кружат уже над волнами крачки, прибывшие с Аляски. Они летели иным путем — вдоль тихоокеанских берегов Америки.

Дважды в году из канадской тундры до Антарктиды пролетают полярные крачки 19 тысяч километров! Путь туда и обратно почти равен кругосветному путешествию вокруг экватора!

А наши крачки с Чукотки или Анадыря совершают еще более далекие рейды. Прежде чем повернуть на юг, тысячи километров летят они на запад вдоль сибирского побережья Ледовитого океана. Огибают с севера Скандинавию, а потом только поворачивают к берегам Африки. Но не задерживаются в стране бегемотов и львов, спешат дальше — в Антарктиду.

Пролетают весь земной шар «от макушки до макушки». У некоторых путь — 30 тысяч километров туда и столько же обратно.

Этот небывалый подвиг маленьких пилотов воодушевил шведского океанолога Кулленберга на нелегкий труд: ученый сопоставил этапы маршрута полярных крачек с гидрологическими данными океанографических экспедиций. Его интересовала поверхностная температура воды тех частей океана, над которыми пролетают крачки. Кулленберг убедился, что крачки тщательно избегают очень теплых акваторий, предпочитая сделать крюк в тысячу километров, чтобы лететь над холодными течениями. Там больше рыбы и рачков, которых крачки ловят, бросаясь с высоты прямо в воду. Их пути над океаном почти совпадают с маршрутами усатых китов.

Чаек 43 вида. Море и чайка — ассоциация верная. Многие чайки, выкормив птенцов на побережьях, кочуют потом над морями и в тропиках, и в самых высоких широтах Севера и Юга. Кормятся дарами моря: живыми и мертвыми — отбросами китобойного и прочего промысла, даже экскрементами моржей и тюленей. Большие чайки — бургомистр, большая морская и полярная — разбойничают, как и поморники.

Розовая, с сизой спиной и черным «ожерельем» на шее красивая чайка живет на нашем севере. О том, что есть такая птица, люди науки узнали в 1823 году, но с тех пор даже из орнитологов очень немногие ее видели.

Розовые чайки гнездятся только в СССР, в немногих местах восточносибирской тундры. В конце июля молодые розовые чайки и взрослые птицы улетают зимовать не на юг, а на север — в Ледовитый океан, в места, где нет льдов.

Озерная чайка, голова до затылка, «лицо» и горло у нее коричневые, — обычный обитатель наших внутренних водоемов, озер, рек, лиманов.

В превосходной книге Нико Тинбергена «Осы, птицы, люди», которая недавно переведена на русский язык, вы найдете интересный рассказ о жизни этих птиц.

Моевка, или трехпалая чайка, «истинная чайка открытого моря», во многом непохожа на других чаек. Особенности ее поведения развились под влиянием гнездования на отвесных скалах: по всему северному приполярью Америки, Европы и Азии (у нас, кроме того, гнездятся почти по всей береговой полосе Дальнего Востока). Осенью многие моевки с европейского и западносибирского севера улетают к Исландии, Гренландии и Нью-Фаундленду.

«Большинство птиц из года в год возвращались на тот же утес и обычно даже на тот же карниз... Моевки придерживаются строгого единобрачия — пары держались вместе весь сезон, причем нередко и не один год. Супруги узнавали друг друга. Пары создавались на карнизах. Оба члена пары строили гнездо. Партнеры сменяли друг друга на гнезде в период насиживания и по очереди кормили птенцов...

Остальные чайки начинают с того, что постепенно выкапывают неглубокую круглую ямку, садясь на то место, где будет гнездо, и выскребывая из-под себя мусор, дерн и землю. Моевки, гнездящиеся на узких каменных карнизах, ...приносят туда ил или водоросли, а потом утаптывают их, пока не образуется твердая, плотно прилипшая к скале площадка...

Птенцы прочих чаек начинают вылезать из гнезда и расхаживать вокруг него на 2—3-й день жизни. Через неделю они уже совершают довольно большие прогулки. Птенцы же моевок гнезда не покидают. Они лежат в нем, а позже стоят на его краю» (Нико Тинберген).

Эта тесная приязанность к гнезду — врожденная. Птенцы серебристых и других чаек, выведенные на скалах моевками (из подложенных яиц), «ничтоже сумняшеся принялись беззаботно расхаживать по карнизу». Конечно, свалились с него и погибли. Вырвав у брата или сестры корм, птенцы моевок не убегают с ним, как малые дети других чаек да и всех, пожалуй, выводковых птиц. Они только голову отворачивают, «и такое движение приводит к поразительным результатам — нападение немедленно прекращается». Моевки — «единственный вид, птенцы которого имеют на шее черную полосу». Поперечную, сверху на шее, и молодые птицы долго сохраняют. Это сигнальный знак, действующий умиротворяюще на взбешенного сородича!

КЛУБ ХОЛОС- ТЯКОВ

До того как Тинберген и его ученики занялись исследованием моевок и озерных чаек, этот прославленный ученый точными наблюдениями и экспериментами открыл нам интимный мир других чаек — серебристых.

Всю осень и зиму серебристые чайки живут стаями — вместе ищут разную живность на морских отмелях, вместе кочуют, вместе спят, когда застает их ночь.

Если попытаете к ним подойти, то вся стая сразу замирает. Птицы перестают есть, вытягивают шеи и смотрят на вас внимательно. Вдруг одна из них с криком «ха-га-га» машет крыльями и взлетает. Это тревога! И сейчас же вся стая снимается с места.

Весной чайки разбиваются на пары. Внутри территории, занятой всей колонией, каждая пара выбирает свой собственный участок и «столбит» его, много раз облетая кругами. Однако не все чайки быстро делают свой выбор, многие долго еще держатся общей компанией, образуя своего рода «клуб холостяков».

У серебристых чаек обычно самка ухаживает за самцом, предлагая ему соединиться в законном браке. Она в странной позе, пригнувшись, закинув назад голову и вытянув вверх клюв, мелкими шажками прохаживается перед ним. Самец быстро пленяется. С гордой осанкой ходит вокруг нее, задирая по пути других самцов в «клубе», которые, по его мнению, подошли слишком близко. Вдруг с победным криком он улетает, самка спешит за ним, старается не отстать.

Приземлившись где-нибудь неподалеку, они продолжают флирт. Самка теперь проявляет хорошее расположение к избраннику тем, что просит покормить ее. И для этого есть особая поза: она приседает и машет головой вверх-вниз. Самец отрывает пищу, он и птенцов так кормит, а невеста жадно ее глотает. Это любовная игра, а не настоящее кормление голодной птицы. Условный ритуал, символизирующий смысл их союза, совместное воспитание птенцов.

Изо дня в день повторяют они эту игру и вскоре так привязываются друг к другу, что, кажется, и жить в одиночестве больше не могут.

И тогда строят гнездо. Выбирают укромный уголок и делают на него заявку: птица садится на то место, где потом будет гнездо, и вертится здесь, скребет землю лапами. Теперь молодые могут спокойно лететь за мхом и веточками, которыми выложат ямку в земле: никто из стаи в их отсутствие не займет облюбованный ими клочок земли. Он помечен.

В перерывах между рейсами за стройматериалом самец и самка, если им не мешают, «целуются»:

встав нос к носу, с негромким мелодичным криком кивают головами, почти касаясь клювами. А когда мешают, оба сильно гневаются. Самец бежит к чужаку с видом очень сердитым. Но дело до драки обычно не доходит, ограничивается лишь демонстрацией силы, которая убеждает непрошеного гостя, что он здесь лишний и лучше ему убраться восвояси.

Когда самец не очень рассержен, он вытягивается вверх, приподнимает крылья и идет с воинственным видом к противнику, напрягая все мускулы. Если это врага не остановило и он продолжает углубляться в чужую территорию, то законный ее владелец подбегает к агрессору и перед самым его носом вырывает из земли пучки травы. Рвет и бросает. Это последняя угроза! Нарушитель границ немедленно ретируется.

Когда самка и самец встречаются в своих владениях другую пару, они предупреждают ее о том, что место здесь уже занято, странной церемонией. Приседают — все это в паре, голова к голове, — вытягивают шеи вниз, хрипят, словно подавились.

Яйца насиживают самец и самка. Очередной сменщик, возвращаясь из кратковременного отпуска, заявляет о своем намерении сесть на гнездо продолжительным криком. А иногда и «документально»: приносит в клюве какую-нибудь веточку или пучок травы — обычай, принятый и у некоторых других птиц.

Но вот птенцы вывелись и просят есть. Смотрят на мир желтыми глазами, но ничего вокруг, кажется, не замечают: ищут красное пятно.

Это красное пятно играет особую роль в сигнальном лексиконе серебристой чайки. Клюв у нее желтый. Но на конце подклювья словно ягодка зреет: отчетливое яркое красное пятно. Для новорожденного птенца эта «ягодка» — как бы поверенный представитель внешнего мира, опекун и посредник в мирских делах. Инстинкт научил его: «Когда выберешься из скорлупы, ищи красное пятно! Оно накормит и напоит, согреет и защитит».

И он ищет. Тычется носиком в родительский клюв. А для родителя это сигнал, даже приказ, которого нормальная птица не может ослушаться: инстинкт велит. Она сейчас же разевает рот и кормит птенца.

Опыты показали, что птенец ищет именно красное пятно. Когда к нему подносили модели клювов чаек, он без колебаний клевал тот «клюв», на котором было красное пятно. Некоторые птенцы, правда, неуверенно тыкались и в модели с черными пятнами.

Еще меньше их возбуждали клювы с синими и белыми пятнами. И уж совсем малое впечатление произвел на птенцов желтый клюв без всякого пятна. Также и синий, черный, серый, зеленый и другие клювы без пятен.

Зато сплошь красный клюв очень привлекал птенцов: они принимали его, очевидно, за само пятно, а чересчур большие размеры не очень их смущали.

Чтобы переключить внимание птенца с красного сигнала на то, что он, в сущности, обозначает, взрослая птица берет отрыгнутую пищу кончиком клюва так, чтобы лакомый кусочек был поближе к пятну. Птенец, тычась в него, попадает клювом в пищу. Гло-тает. Понравилось!

Совсем даже неплохо. И вот тянется за новым кусочком. Так совсем крошечный и дня не проживший на свете птенец обучается есть самостоятельно. Теперь у него образовался условный рефлекс на пятно, как у мышей на колокольчик: где оно, там и пища.

Еще одну «фразу» из словаря взрослых чаек он отлично понимает с первой минуты рождения — крик тревоги «кьяуу!». Как услышит его, бежит, прячется, припадая к земле, замирает. «Маскировочный халат», в котором он родился, не выдаст его.

А родители тем временем кружатся с криками над нарушителями спокойствия. Если на отмель забрела лисица или собака, то чайки пикируют на них, стараясь ударить клювом, лапами, и, увертываясь от зубов, взмывают вверх. А другие бомбардируют врагов с воздуха, отрывая на них пищу. Не очень-то это приятно... Люди и собаки, отряхиваясь, спешат покинуть запретную зону.

Опасность миновала, и чайки летят к гнездам, «мяуканьем» вызывают детей из укрытий. И снова мир воцаряется на отмелях.

Водорезы — тропические родичи крачек. Американский, или черный, водорез обитает и по морским берегам юга Северной Америки, кроме того и в Южной. Но два других вида — африканский и индийский — жители только тропиков и субтропиков тех стран, именем которых они названы.

Длиннокрылые, коротконогие и длинноклювые птицы со щелевидным зрачком — исключение в классе птиц! У клюва нижняя половинка длиннее верхней. Зачем? Чтобы бороздить поверхность рек и морей!

Днем стоят или лежат водорезы на песчаных отмелях. Вечером, по утрам, да и ночами отправляются за добычей — рыбой, рачками, водяными насекомыми. Ловят так: летит птица над самой водой, опустив в воду нижнюю половинку клюва. Надклювье поднято вверх и воды не касается, но тут же сомкнется с подклювьем, лишь только наткнется на что-либо живое и некрупное.

Поскольку от частого трения о воду конец подклювья скоро снашивается, роговой слой, покрывающий его, быстро нарастает вновь.

Гнездятся водорезы на обмелевших песчаных банках, по берегам рек и морей. В их брачных ритуалах замечена параллель с крачками — свадебные преподношения в клювах, но не рыбок, а небольших камней. От двух до пяти яиц в песчаной ямке насиживает, по одним данным, только самка, по другим — также и самец.

Трудно рассказать о тяге вальдшнепов тому, кто ее не видел, не пережил.

Весна. Апрель. Лес. Молодой березняк и осинник. Сырая поляна или опушка. Пожухлая, прошлогодняя трава еще залита водой. Лес тихий, прозрачный. За черным ельником вдали блеклая вечерняя заря (васнецовский пейзаж!).

Печальные, смиренно вопрошающие, родные песни дроздов-белобровиков. Поют зорянки и певчие дрозды. Никого и ничего не слышно больше. Пеночки-веснички и прочие уже умолкли. Скоро и дрозды уgomонятся.

Около восьми часов вечера. На лес тихо спускаются сумерки. Между деревьями смутно видится. Но небо еще светлое вверху.

И вот над невысоким березняком из-за леса летит темная птица. Небыстрая, и, когда близко, видно — длинноклювая. Над самыми вершинами летит.

Негромкие, но отчетливые звуки предшествуют ее появлению: «Ци». Пауза. «Ци». Временами — «Хрррр».

Вальдшнеп — лесной кулик. Мясо вальдшнепов высоко ценится знатоками. Даже кишечник для некоторых — лакомое блюдо, именуемое по-немецки «шнелфендрэк». Перья вальдшнепов украшают охотничьи шляпы. Самцы, по некоторым наблюдениям, водят птенцов, которых высидивает только самка. Североамериканский вальдшнеп похож на нашего образом жизни и полетом, но меньше и с красноватым брюхом.

Циканье и хорканье, говорят охотники. Чудная, милая охота! Лучшая из охот — на тяге вальдшнепов. И вреда от нее птицам сравнительно немного, потому что убиваются самцы, которые, как увидим ниже, в дальнейшем воспитании молодого пополнения рода вальдшнепов и не нужны.

В относительном смысле, конечно. Но что в мире не относительно?

Тяга — токовой полет самцов. Редко самки немного летят. Начинается он сразу после заката и продолжается до полной темноты и недолго в темноте, чтобы вновь повториться перед рассветом. В одиночестве облетают вальдшнепы низкорослые осинники и березняки, лесные прогалы, поляны, лесосеки и просеки и тихими голосами зовут самок. Те с земли негромко им отвечают. Тут же вальдшнеп круто меняет полет и снижается к подруге. Как он токует там, на земле, в гуще подлеска, мало кто видел. Крылья приподнял, распушился, хвост веером, клюв прижат к груди, семенит вокруг самки.

Иногда к ней снижаются сразу два или три. Вальдшнепы — полигамы. Союз самки и самца мимолетен. Сразу же после свидания самцы улетают в ночь: местные кормиться, пролетные — в дальний путь, в северные леса.

А самка? Самка после нескольких таких встреч в ямке под кустом, у пня, или в густой траве снесет четыре охристых, с рыжими пестринами яйца. Будет их насиживать три недели, вставая лишь по утрам и вечерам, чтобы поесть.

Сидит удивительно неподвижно, не шевельнется, ни разу даже глазом не моргнет!

Когда птенцы выведутся, дней сорок она их водит. Видели не раз, как переносит вальдшнепиха своих малышей по одному, а то и сразу двух! Несет в клюве или зажав между лапами.

В некоторых местах месяца через два после первой бывает у вальдшнепов и вторая тяга и кладка.

Осенью перед самыми морозами улетают вальдшнепы зимовать. Молодые раньше старых. Для большинства европейских вальдшнепов зимние квартиры в Португалии, Испании, Италии, Франции, Англии, Ирландии, кое-где и у нас на юге. Сибирские и японские зимуют в Индонезии и на Новой Гвинее.

Днем вальдшнепы прячутся в гуще кустов и трав. Иногда таятся на деревьях и кустах. Ночью кормятся. Дождевые черви и насекомые — это почти все, что они едят. Эластичный на конце и чуткий к прикосновениям клюв вальдшнепа — отличный земляной бур, который тут же, когда надо извлечь из земли что-либо съедобное, превращается в тонко действующий пинцет.

Турухтаны зимуют в Африке и Южной Азии в скромном серо-буром наряде. Весной прилетают в северные области Евразии и здесь примерно с апреля по июль их самцы красуются в разноцветных жабо. Ни у одной птицы нет такого богатого выбора индивидуальных нарядов: очень редко один самец похож весенней окраской на другого. На определенных местах сырых луговин, болот и тундр токуют турухтаны, распушив красочное оперение. Птенцов высидивают и водят только самки.

Рассказывают, что вальдшнеп иногда стучит одной ногой по земле и прислушивается: есть ли там кто, не зашевелился ли под землей дождевые черви? Если услышит их возню, вонзает длинный клюв в землю и его чутким концом пытается нащупать червяка. Если тут не нашел, то, чуть отступя, втыкает еще раз. Так сантиметр за сантиметром ощупывает он подозрительное место. А когда наткнется на червя, упрется лбом в землю, кончик клюва раскрывается, и птица, как пинцетом, хватает и вытягивает червя.

Иногда вальдшнеп легонько стучит клювом по земле. Так он имитирует стук дождевых капель и, обманув червей, заставляет их вылезать из глубины поближе к поверхности, где их легко достать клювом.

Занимаясь этим делом, вальдшнеп должен все время помнить о врагах, которым во мраке нетрудно к нему подобраться. Глаза у вальдшнепа высоко на голове, у самого темени. Они следят за всем вокруг, пока он носом ковыряет землю. Их позиция так удобна для сторожевого наблюдения, что вальдшнеп одновременно, не поворачивая головы, обзоревает пространство почти на 360 градусов вокруг себя. Лишь два небольших сектора — прямо перед кончиком клюва и за затылком — остаются не в поле его зрения.

Там же, где стоят охотники на тяге вальдшнепов, и на болотах всякого вида, верховых и низовых, лесных и пойменных, над сырыми полянами и лугами слышится на зорях, да и среди дня, порой и корот-

У кроншнепа, самого крупного из куликов, клюв длинный, до 15 сантиметров, изогнутый немного вниз. Но птенцы рождаются с короткими прямыми клювами. Обитают кроншнепы по сырым луговинам, болотам и другим подобным местам от Ирландии до Амура. Средний кроншнеп населяет более северные области, вплоть до тундр Европы, Азии и Америки. У больших кроншнепов поразительное долголетие: один из них прожил 32 года!

кой весенней ночью странное «блеянье». Словно ягненок или козленок потерялся на болоте и мать зовет. Те, кому редко приходилось бывать весной в подобных местах, порой так и думают: блеянье прямо овечьё!

...Небольшие птицы с криком «те-кэ», «те-кэ», летают над головой. Полет неровен, зигзагом взлет, крутое падение вниз, почти до земли, снова взлет, падение... Поверить, что это они блеют, человеку, в лесных звуках неискушенному, трудно. А между тем блеянье, если прислушаться, исходит оттуда — сверху.

Знаменитое ныне слово «снайпер» происходит от английского названия этих блеющих птиц. Снайперами называли лучших стрелков по бекасам. Труден выстрел! Взлетая с кряканьем, летит бекас быстро, кидаясь вправо-влево зигзагами.

Дупель — собрат бекаса, очень на него похожий и живет, по существу, в тех же местах, предпочитая лишь несколько более сухие. Но он с земли срывается молча, летит низко, не так быстро и без резких бросков в стороны. Кроме упомянутой манеры взлета, дополнительным знаком отличия могут служить белые, заметные даже на лету, крайние перья хвоста. У бекаса они темные.

Токуют бекас и дупель по-разному. Бекас в упорном вышесте пикирует вниз, растопыря хвост. Крайние перья в хвосте (они особой формы, отогнуты сильно вбок) и вибрируют, производя звук, похожий на бляенье.

Дупеля собираются на болотах, на излюбленных местах из года в год, как тетерева. Дупелиные токовища — сухие площадки порой в сотни квадратных метров — узнают по примятой траве и множеству помета. Птицы слетаются после захода солнца. Бегают, распушась, раскинув веерами хвосты, дерутся. Но главное и самое интересное не это, а концерт, который они здесь устраивают. (И, кажется, в полном отсутствии слушателей: самок как будто бы не замечали на их токах.) Поднимают дупеля клювы вверх и быстро ими щелкают. Щелчки многих птиц сливаются в странный и таинственный хор, исполняемый шепотом: «Биббелиби бибиби биббелиби, бибиби». Так рассказывают, кто это видел и слышал. С темнотой затихают на болотах концерты «шептунов».

У дупелей и бекасов насиживают только самки. На болотной кочке, хорошо укрытой со всех сторон травой. Но самцы позднее, по-видимому, присоединяются к выводку и помогают водить его и оберегать. Бекасы, как вальдшнепы, тоже переносят, если надо, пуховых птенцов, зажав между лапами!

Гаршнеп — крохотный куличок (60 граммов — меньше двух дробовых зарядов двенадцатого калибра!). Однако желанная для охотников дичь. Вкусен и тоже из плеяды «благородных», в охотничьем смысле, куликов, как дупель, бекас и вальдшнеп. Токует гаршнеп очень интересно.

«Обычно его можно слышать в тихую пасмурную погоду, причем голос гаршнепа, как бы приглушенный, слышен попеременно из разных мест... Это происходит оттого, что птица токует высоко в воздухе и при этом быстро перемещается...

Токование гаршнепа очень напоминает стук копыт по плотно утрамбованной дороге. Это три однообразных, быстро повторяющихся друг за другом приглушенных звука «топ-топ-топ» с ударением на последнем слоге» (профессор Н. А. Гладков).

По сырым низинам у озер и рек, на лугах, нередко там, где токут тетерева, на лесных моховых болотах, но в достаточно глухих местах, слышатся мелодичные громкие трели. Уже рассвело и видно, что с этими криками взлетают и приземляются довольно большие буроватые птицы с длинными изогнутыми вниз клювами. Кроншнепы. Самые крупные кулики.

Самец и на земле токует около самки, поводя клювом вверх-вниз, приподняв крылья, распуская и складывая хвост.

Живут кроншнепы парами и очень преданны друг другу. Самец выбирает места для гнезд. Грудью прижавшись к земле, скребет ногами назад — получается небольшая ямка. Потом еще несколько таких же ямок выскребает невдалеке. Одну из них птицы вдвоем выстилают травой, и самка откладывает оливковое в бурых пятнах крупное яйцо. Через несколько дней будет второе, потом третье и четвертое. Оба насиживают 26—28 дней. Оба водят птенцов, которые через месяц с небольшим уже летают. Тогда родители и дети разных выводков соединяются в стаи и кочуют по лугам и болотам. Зимовать в Африку, Южную Азию (до Индонезии) улетают рано: в августе, даже в конце июля, но многие и в сентябре. В некоторых местах Западной Европы (в Англии, Германии) кроншнепы остаются и на зиму.

Пять видов кроншнепов в нашей стране. А всего их в мире 7—8 видов. У одного, таитянского, интересная история.

Джозеф Бэнкс, спутник Джемса Кука в кругосветном плавании, добыл в 1769 году на Таити неизвестного науке кроншнепа. Позднее и на других островах Полинезии не раз видели и стреляли этих птиц. Через сто лет после плавания Кука таитянские кроншнепы неожиданно были обнаружены на Аляске!

Естественное последовало решение: здесь, на Аляске, их родина, а на Таити, Гавайи и другие южные острова Тихого океана они улетают зимовать. Но сколько с тех пор ни искали, не могли найти на Аляске гнездовый таитянский кроншнепов. Взрослые и молодые птицы попадались, но не гнезда.

И только в 1948 году, через 179 лет после приобщения к науке, нашли на Аляске первую кладку таитянского кроншнепа. Позднее — еще пару десятков гнезд.

«Тем самым вековая загадка завершилась прибавлением последнего вида к 815 гнездящимся в Северной Америке видам птиц» (Генрих Кирхнер).

Как долетает этот кроншнеп до островов Полинезии и как находит их в Великом океане? От Аляски до Гавайских островов, первой земли на пути к зимовкам, около 4 тысяч километров. Почти столько же от них до Таити. Эти многие и многие километры над океаном нужно преодолеть по воздуху беспосадочным курсом! Наш большой кроншнеп плавать умеет, умеет ли таитянский — неизвестно. Но едва ли сумеет он сесть на морские волны и потом взлететь, пусть хотя бы и в штиль, когда океан колышет мертвая зыбь. Да и редки штили осенью в тех широтах, над которыми пролетают кроншнепы.

Возможно, более изученные маршруты бурокрылых ржанок помогут науке разобраться в этом загадочном деле. Из Аляски на Гавайи и дальше, на Маркизские острова и Таити, улетают не только кроншнепы, но и более мелкие их собратья, представители особой группы куликов — бурокрылые ржанки.

Осенью из канадской тундры они летят в прерии между Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айресом через Лабрадор и Западную Атлантику. Возвращаются другой дорогой — через Панамский перешеек и долину Миссисипи. Этот же маршрут избирают и молодые ржанки, когда впервые в жизни отправляются в южноамериканский рейс.

Но ржанки, гнездящиеся на Аляске и Чукотке, зимуют на Гавайских островах! Между ними и Аляской нет никакой суши. Это значит, что ржанки, которые на воде не отдыхают, немногим более чем за сутки совершают беспосадочный перелет в три тысячи километров!

«Подсчитано, если ржанка летит со скоростью 26 метров в секунду (то есть примерно 94 километра в час) и делает ежесекундно 2 взмаха крыльями, то она, чтобы достигнуть Гавайских островов, должна лететь без отдыха 36 часов и сделать при этом 252 тысячи взмахов крыльями безостановочно!» (профессор Н. А. Г л а д к о в).

В СССР бурокрылые ржанки гнездятся в тундрах Восточной Сибири, в более западных — золотистые ржанки. Зимуют они далеко: у берегов Восточной Африки, в Южной Азии, Австралии, Тасмании и Новой Зеландии.

Ржанки — кулики с недлинными клювами. В тундрах, кроме упомянутых двух, гнездится у нас еще одна ржанка — тулес. У него «заунывный, но довольно мелодичный крик». Мелкие кулички зуйки с черной полосой поперек груди, которые торопливо бегают по песчаным и галечным берегам наших рек, тоже из семейства ржанок.

Близки к ржанкам и чибисы, или пигалицы. Над полями, лугами их всегда можно увидеть. Хохлатые, ширококрылые, черные сверху, белые снизу, крикливые птицы. «Чи-вы», «Чи-вы» — словно вопрошая потревоживших их людей, летают неровным, изломанным полетом в небольшом отдалении, а то и прямо над головой. Сядут на сырое поле, пробегут немного и опять летят, круто меняя высоту и направление полета. Гнезда — в ямке, выстланной несколькими стебельками, прямо среди поля, луга или пастбища. Четыре яйца насиживают самка и самец. Вместе водят и птенцов.

«Чибисы... проявляют склонность класть яйца среди экскрементов домашних животных... Во многих случаях гнезда и яйца располагались прямо в середине рассыпанных экскрементов и в этом положении, несомненно, были менее заметны, чем в окружении чистой травы» (Х. К о т т).

Рачьи и белые ржанки не настоящие ржанки, а представ-

ляют особые семейства. Первые гнездятся в норах, вырытых в песке у берега моря. Занимают и норы сухопутных крабов. Насиживают только одно белое (исключение у куликов!) яйцо. Птенец скоро умеет уже неплохо бегать, но долго сидит в норе. Рачьи ржанки похожи скорее на толстоклювую пегую, черно-белую цаплю, чем на кулика. Обитают по африканским, персидским и индийским берегам Индийского океана.

Белые ржанки (белые как снег) похожи немного на голубей, и полет у них голубиного типа. Кричат, однако, как вороны. Гнездятся в Антарктиде и на островах вокруг нее: в камнях, на уступах скал, в норах буревестников. Подстилкой для яиц служит всякий хлам, собранный вокруг, — раковины, водоросли, перья пингвинов, скорлупки яиц, кости и пр. Из двух-трех птенцов выживает обычно лишь один и долго сидит в гнезде, где его кормят оба родителя.

Эта книга, в общем-то, о поведении птиц. Поэтому, минуя всех других куликов — их еще очень много, — познакомимся лишь с теми, повадки которых наиболее интересны. Сначала отправимся в Африку. Здесь на песчаных берегах рек и озер живет небольшой кулик из семейства тиркушек — крокодилов сторож, или египетский бегунок. О нем писали историки и натуралисты древности, от Геродота и Аристотеля до Плиния и Плутарха. Знаменит он дружбой с крокодилами: после сытного обеда раскрывает громадная рептилия свою пасть, а кулички без страха лезут в нее и очищают зубы крокодила от остатков пищи и пиявок.

В новейшее время эти старые повествования у науки под сомнением, хотя и после Брема и Майнертцагена в некоторых рассказах путешественников по Африке встречаются те же утверждения.

Оставим эту тему до поры, пока новые наблюдения ее не прояснят. Кулик, крокодилов сторож, интересен и другим. Его самки «насиживают» яйца по методу, в котором можно увидеть определенную параллель с сорными курами.

Жарко в Африке. А на раскаленном песке речных пляжей особенно. Самка бегунка снесет яйца и тут же зарывает их в песок. На бугорке, который их прикрывает, сидит терпеливо в жаркие часы дня, очевидно защищая яйца от перегрева. Если слишком уж горяч песок, полетит к воде, наберет ее в клюв и поливает затем песок над яйцами!

Такой же душ устраивает она и птенцам. Они первое время тоже таятся в песке. И позднее, когда уже бегают, при тревоге спешат к ямке, в которой вывелись, или к любой другой, даже во вмятину от ноги бегемота, и там прячутся. Мать быстро-быстро швыряет клювом песок и засыпает их, скрывая от враждебных глаз.

Теперь из тропиков перенесемся в тундру, раскинувшую свои заболоченные равнины по северным окраинам Старого и Нового Света. Весной прилетают

сюда стайки маленьких куличков. Тихие заводи, моховые болота, просто лужи, укрытые зарослями осоки и хвоща, — это дорогой их сердцу мир, их родина, к которой они стремились и днем и ночью, покинув синие моря благодатного юга. С севера изгнала их лютая зима. Но теперь над тундрой снова светит солнце, снова жизнь вернулась в эти края.

Кулички — у нас называют их плавунчиками, плавунцами — с раннего утра на воде. Ловят разных водяных личинок и жуков. Большую дань собирают и с комаров, поедая их куколок. Те висят ведь у самой поверхности воды. Кулички точно живую пленку снимают с воды, выуживая тонкими клювами комариное потомство.

Плавают плавунчики быстро, все время вертятся туда-сюда. Иногда забавно подкрадываются к взрослым комарам, которые бесчисленными роями кружатся над болотом. Подплывают медленно, низко вытянув шею над водой, вдруг бросаются вперед и хватают комара.

Ранним утром, когда вода еще очень холодная и все водяные насекомые, очоленев, лежат без движения на дне, плавунчики баламутят воду. Быстро кружатся на месте и болтают ногами: ил вместе с насекомыми всплывает кверху, а хитроумные птички ловят в водовороты добычу.

Но ведь не только затем, чтобы комаров есть, они сюда прилетели! Пора о детях подумать. О гнездах и обо всем, что с этим связано. И вот то один, то другой плавунчик со странным храпом взлетает в воздух, летит низко над водой, шумно хлопая крыльями и скандируя «уить-уить-уить».

Затем опускается на воду и кричит «уэду-уэду», плывет с вытянутой шеей, как гусь, словно кому-то грозит, оглядывается по сторонам: какое произвел впечатление? Минут через пять снова взлетает с криком и снова садится на воду. И так часами.

Плавунчики токуют. Криком и церемонным полетом стараются привлечь внимание самцов.

Да, самцов — не самок. У этих странных птиц самцы и самки поменялись ролями. Самки у них токуют, свистят, ухаживают за кавалерами, сами выбирают места для гнезд и защищают их от соперниц. А самцы заняты женскими делами: насиживают отложенные самками яйца и выводят птенцов. В соответствии с таким необычным разделением труда подобран и наряд у плавунчиков. Куличихи окрашены ярче: здесь они петухи! Спинки аспидно-серые, с двумя охристыми продольными полосами, горло ржаво-красное, с большим белым пятном у подбородка и брюхо белое. Имеется в виду круглоносый плавунчик, другие виды окрашены иначе. А самцы серень-

кие, невзрачные. Им птенцов насиживать, потому и нельзя яркими красками блистать, чтобы не привлекать врагов.

Самцы у плавунчиков мирные, тихие, а самки очень воинственные, насакивают на соперниц и гонят их подальше от своей лужи. Но если самка увидит самца (они приходят к крикливым амазонкам), сейчас же летит к нему и с нежным посвистом опускается рядом. Вытягивает по-гусиному шею, словно хочет прогнать. Но не делает этого: подойдет к нему и бежит или плывет обратно с высоко поднятой головой. Потом опять с игривой угрозой приближается к несмелому кавалеру и убегает с гордой осанкой. И так, пока он не расчувствуется.

Тогда они уже плавают вместе, в одной луже ловят комаров, и самка перестает токовать. Но и тут всякая инициатива принадлежит ей. Вдруг бросает охоту и куда-то улетает. Недалеко, впрочем. Вскоре садится в траву и скребет здесь землю ногами. Самец присоединяется к ней и тоже скребет. Потом она, а за ней и он летят на другое место и там скребут. Топчутся на месте, приминая мох и траву. Репетируют гнездостроительство. Некоторые из этих «потешных» гнезд птицы посещают по несколько раз на день, про другие совсем забывают.

И вот наступает ответственный момент: передача самкой материнских обязанностей самцу. Однажды утром она поднимается вдруг в воздух с хорошо знакомым нам токовым криком, который мы не слышали с тех пор, как она нашла самца. Летит над болотом и приземляется у одного из «тренировочных» гнезд. Сейчас же рядом с ней опускается и самец. Она кричит опять и летит к другому гнезду. Он за ней. Они облетают подряд несколько таких мест, где в дни своего первого знакомства скребли землю: самка хорошо помнит их все. Наконец в одной из ямок, которая ей, видно, больше по душе, откладывает первое яйцо. Желтоватое, с бурыми пятнами.

Вскоре в примитивном гнездышке уже четыре яичка. Больше не будет: теперь самка считает себя полностью свободной от всех родительских обязанностей, наложенных на нее природой. Самки-плавунчики собираются стайками, беспечно кочуют по болотам, перебираются все южнее и южнее и отлетают потихоньку на юг, к берегам тропических морей и океанов, где и зимуют.

А самец садится на гнездо. Три недели в полном одиночестве высидывает птенцов. Когда птенцы появятся, ведет их к воде. И долго еще в меру своих птичьих сил оберегает детишек от всех опасностей и невзгод.

ЯКАНЫ

Это особая группа куликов. Подотряд или семейство, по мнению разных систематиков. Внешне яканы похожи скорее на пастушков и болотных курочек, с которыми их роднят некоторые анатомические черты. Есть виды якан с такими же, как у болотных курочек, бляшками на лбу. Но самое поразительное в их внешности — невероятно длинные пальцы и когти, которые часто длиннее самих пальцев. У австралийской яканы когти — 7 сантиметров, а расстояние между концами передних и задних когтей — 20 сантиметров. Длина самой птицы чуть больше!

Африканская карликовая якана ростом с воробья, а коготь заднего пальца у нее 4 сантиметра!

Опираясь длинными пальцами на большую площадь, яканы легко бегают по поверхности слабо текущих и застойных вод, точнее — по листьям водяных растений, покрывающим эту поверхность.

Семь видов якан. В тропиках и субтропиках Америки (1 вид), Африки (2 вида), Мадагаскара (1 вид), Индии, Индонезии (2 вида) и Австралии (1 вид). Кормятся насекомыми, моллюсками, мелкими рыбешками и семенами.

Гнездо строят из водных растений обычно на больших плавучих листьях. Четыре яйца насиживают 22—24 дня. Кто насиживает?

Утверждения разные. Одно из них: «Насиживают и потом заботятся о птенцах оба родителя». Другое: в насиживании и заботах о потомстве «самка совсем или почти совсем не принимает участия». Она лишь снабдит двух-четырех самцов полной кладкой яиц, (некоторых дважды) и удаляется на покой.

Самец, длиннохвостой яканы, или водяного фазанчика, например, расставив свои нелепо длиннопалые ноги, осторожно садится в гнездо...

«...медленно и бережно приближая грудь к драгоценной кладке, при этом он опирается на свои крылья, как на руки. Затем сдвигает крыльями яйца с обеих сторон под свое тело и, легко покачиваясь с боку на бок, белыми маховыми перьями подхватывает их с сырого грунта, так что яйца надежно покоятся в тепле между внутренней стороной крыльев и грудью» (Альфред Гоффманн).

Все бы хорошо в этой поистине патриархальной идиллии, да природа, проявляя в июле и августе свое неукротимое буйство, нарушает мирный покой насиживающих отцов. Ливни и паводки, затопляя гнездовья, заставляют нередко этих милых птиц переселяться со своим дорогим хозяйством на новые места. Гнездо самец не трогает, строит новое, где выше, и переносит в него яйца (метров за пятнадцать!). Но, случается, и там его скоро заливают вода, так что некоторым папашам приходится переселяться раза по три-четыре и больше!

Если отец сидит на гнезде в странной, как бы вздыбленной, высокой позе, значит, первый птеник

под ним уже вывелся, и он, чтобы дать ему простор, не раздавить, терпеливо выносит вынужденную пытку этой неудобной посадки.

Яканчики, не прожив еще и нескольких часов, уже хорошо плавают и ныряют. Манера прятаться от врагов у них подобна той, в которой согласно летописным преданиям упражнялись и наши предки-славяне. Перебирая лапами за подводные стебли, погружаются в реку (птенцы уже с первого дня жизни!). Под листом отсиживаются в воде, выставив из нее лишь клюв, чтобы дышать, разумеется, а не по какому-либо капризу. (Наши предки брали в рот тростинку.)

Когда все четыре потомка выведутся, уходит с ними отец в путешествия. Несколько раз в час он собирает детей около себя минут на 5—10 для обогрева. Они плотно льнут к нему, а он, опустив крылья, прикрывает птенцов, прижимая их к себе. Стоит терпеливо на листе лотоса или на другой какой плавучей растительности. Если случится внезапная тревога, он под крыльями уносит птенцов в безопасное место.

ГОЛУБИ, РЯБКИ И ДРОНТЫ

Эти три группы птиц не все исследователи объединяют в один отряд. Многие выделяют рябков в особый отряд, другие предлагают объединить их с чайками либо с куриными, а дронтов — с пастушковыми.

Птицы из семейства голубей внешне очень похожи. Сизарь может служить моделью для всех. Большой, разделенный на два боковых «кармана» зоб. Мягкая восковица. Пудретки. Копчиковая железа у одних видов есть, у других ее нет. Моногамы. Самцы и самки внешне похожи, четко различаются окраской на голове, шее или груди лишь у десятой части всех голубей. Гнезда на деревьях, в скалах, в норах, под крышами домов, редко на земле. Обычно два белых яйца, у некоторых видов одно или три. Насиживают 13—30 дней оба родителя. Самец днем, самка ночью. Тип развития птенцовый. Птенцы почти голые и слепые. Первые дни родители кормят их «птичьим молоком», выделениями эпителия зоба. В 15—20 дней уже летают. В году два, а у некоторых больше выводков. Половозрелость на первом году жизни.

В основном зерноядные птицы, тропические голуби едят плоды и насекомых. Пьют иначе, чем другие птицы: окунув клюв, сосут воду. Американские карликовые голуби не больше воробья, весят 45—70 граммов. Самые крупные венценосные голуби длиной до 85 сантиметров, весят до 1,3 килограмма.

292—302 вида в странах всего света, кроме холодных северных областей, Патагонии и Антарктиды. В СССР — 10 видов, не считая залетных.

Рябки. Коротконогие пустынные и полупустынные птицы, похожи на длиннохвостых длиннокрылых куropаток. Размером с голубя. Окраска в общем песочных тонов, но с довольно яркими, ржавыми, черными, белыми и прочими пятнами и пестринами.

Ноги у большинства видов четырехпалые, оперенные до пальцев. У садж, или копытток, трехпалые (пальцы оперены и срослись почти до когтей), с общей толстой подошвой. Восковицы нет. Зоб без эпителия, выделяющего «птичье молоко». Есть копчиковая железа и слепые выросты кишечника.

Моногамы. Самцы окрашены ярче самок. Гнездо — ямка в земле с небольшой выстилкой или без нее. 2—4 небелых яйца насиживают оба родителя 21—23 дня. В году бывает два-три и даже четыре вывода. Птенцы в общем выводкового типа. Родятся в густом пуху и быстро покидают гнездо. Через 5—6 недель летают. Живут рябки большими стаями, когда подрастет молодежь. Быстро бегают, иногда плавают, прекрасно летают. На деревья никогда не садятся. Едят семена и побеги растений. Пьют воду, как голуби. Однако новые наблюдения над некоторыми видами рябков это не подтверждают. 14—15 видов: Африка, Мадагаскар, Южная Европа, Турция, Передняя, Средняя, Центральная Азия на юг до Индии и Маньчжурии.

В СССР 4 вида в низовьях Волги, Средней Азии, степях Сибири, на восток до верховий Енисея.

ВОДОСНАБЖЕНИЕ В ПУСТЫНЕ

Два интересных момента в жизни рябков. Первое — саджи часто улетают далеко от мест гнездовий: в Европу (до Англии, Норвегии и Архангельска) и на восток до Маньчжурии и Приморья. Пытаются здесь плодиться, задерживаясь по году и больше, но приспособиться к местным условиям до сих пор не смогли.

Второе — методы транспортировки воды для птенцов. Улетают на водопой днем, иногда дважды, и ночью, но обычно в сумерках, нередко за 20—50 километров! Наши чернобрюхие рябки приносят птенцам воду, по-видимому, в желудке: до стакана за один полет. Но африканские рябки поступают иначе. Самец у водопоя заходит в воду по грудь. Присядет, повернется туда-сюда. Иногда и четверть часа прини-

Две фотографии,
иллюстрирующие метод
«водоснабжения в
пустыне». Вверху:
папаша-рябки мочат
перья груди и брюха
в воде. Внизу: птенцы
пьют капли воды,
принесенные отцом
с дальнего водопоя в
своих перьях.

мает ванну, высоко подняв голову, пока перья на груди и брюхе хорошо не промокнут. Затем быстро летит туда, где оставил птенцов. Путь дальний, порой 30 верст. Понятно, что за это время на ветерке высохнут перья. Однако, оказалось, когда их исследовали, перья на брюхе рябка из-за особого строения обладают высокой гигроскопичностью, позволяющей вместить и удержать много воды.

Как только папа приземлится, птенцы тут же бегут к нему. Он поднимает живот повыше, а они, взяв в клюв, «сосут» сохранившие влагу перья, словно «доят» их.

Этот необыкновенный способ «водоснабжения» заметили у рябков давно. Но не очень-то верилось в возможность подобного. Однако в последние годы разные ученые точными наблюдениями над четырьмя видами африканских рябков (среди них и обитающий у нас белобрюхий) доказали, что именно так коротконогие пустынные птицы поят изнывающих от жажды птенцов. Есть и фотографии, иллюстрирующие весь процесс от начала до конца.

ГОЛУБИ

Все голуби воркуют. Многие еще и «гудят», свистят, шипят и пр. Но воркование — обязательный атрибут ухаживания, как и характерные позы, которые мы видим постоянно у сизарей, флиртующих на площадях и скверах наших городов. Но стиль воркования, тембр его и ритмика разные даже у близких видов голубей.

При постройке гнезд и насиживании птенцов разделение труда почти у всех голубей такое: самец собирает и приносит травинки и прутики, по одной веточке в клюве, как цапли и бакланы. Самка, сидя на месте, выбранном для гнезда, подсовывает их под себя и вокруг себя. Получается довольно небрежно сложенная рыхлая платформа из веток.

Отложив первое яйцо, обычно после полудня, ближе к вечеру, голубка стоит над ним, «прикрывая его» так, что оно не видно снаружи и не очень стынет». Затем на этом посту ее сменяет голубь. Через день в гнезде уже два яйца. Тогда и начинается настоящее насиживание. Голубь обычно сидит с утра до вечера либо только до полудня, а голубка с вечера до утра. У голубей не принято кормить насиживающего партнера, поэтому регулярные смены обязательны. Если голубь встретит свою голубку не на гнезде, сейчас же летит в него и садится, «хотя время смены еще не настало». Погибнет подруга, он будет бессмысленно сидеть два дня, а потом, гонимый голодом и жаждой, бросит гнездо навсегда.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ
ГОЛУБЬ

*Вяхирь, или
вытютень, — самый
крупный у нас голубь.*

*Горлицы — самые
маленькие наши
голуби.*

*Кормление «птичьим
молоком».*

...Но все обошлось благополучно: на 18-й день появились на свет два голубенка.

К этому времени в мозгу родителей крохотная эндокринная железа, именуемая гипофизом, производит особый гормон — пролактин. Тот самый, который наших женщин и всех самок млекопитающих побуждает независимо от их сознания, желания или нежелания производить молоко. (Пролактина много, например, в миндальных орехах, их можно рекомендовать кормящим матерям, желающим обильнее питать своих младенцев.)

Но голубям зачем гормон лактации?

Чтобы зоб производил «птичье молоко»! Слизистые ткани его внутренних стенок под действием пролактина разбухают и как бы крошатся, наполняя зоб богатой жирами творожистой массой. У новорожденных голубят клювы длинные, относительно длиннее, чем у взрослых, чтобы глубже засунуть в рот родителя, сбоку, у угла клюва. Родитель, отрыгнув, выдает птенцу порцию «молока».

10—18 дней, некоторые, возможно, и больше, кормят голуби своих младенцев зобной продукцией, а потом уже семенами и ягодами.

Многие голуби выводят за лето птенцов не один раз: клинтухи четырежды, вяхири трижды, горлицы дважды (в северных широтах выводков, конечно, меньше). Поэтому хлопот у них много: опять ухаживание и воркотня, опять гнездостроительство, заботы о пропитании первых птенцов — все почти одновременно. Бывает так, что в одном гнезде, или около него, просят есть уже оперенные трехнедельные птенцы (их еще неделю-две кормить надо!), а в другом лежат яйца.

Упомянутый выше вяхирь, или вытютень, клинтух и горлица — обычные наши лесные голуби. Горлицы живут и в степях, по долинам рек, и в пустынях Северной Африки, Европы и Азии. От клинтуха и вяхиря, кроме малого роста, отличает их буроватая спина и монотонное приятное воркование: снова и снова повторяемое «турр-турр-турр...». Гнезда — невысоко на кустах и деревьях, редко на земле.

Вяхирь — крупный голубь, на шее и крыльях у него белые пятна — громко и ритмично выкрикивает четырехсложные воркующие строфы «гху-у-ухуху... гху-у-ухуху», разнообразя их время от времени шестисложной воркотней. Сидит обычно на вершине большого дерева или на ветке, близко к стволу. Взлетит косо вверх, хлопает крыльями и планирует, снижаясь к месту, где ворковал. Когда голубка прилетит, она, подражая птенцу, «выпрашивает» корм у голубя, полуприсев, трепеща крыльями и вытянув вверх клюв. Гнезда высоко на деревьях, реже на кустах, на постройках или на земле.

Клинтух похож на сизаря, но надхвостье темное, у сизого голубя светлое. Воркуя, много раз глухо и хрипло повторяет двусложное «ху-хуу». Гнездится в дуплах (Европа, Азия на восток до юга Западной Сибири и гор Средней Азии). Как выглядит сизый голубь, можете судить по его потомкам когда-

Кольчатая горлица знаменита своей поразительной экспансией. В конце минувшего столетия лишь кое-где на юго-востоке Западной Европы гнездились эти голуби. Но примерно с 1930 года ринулись на завоевание новых земель: через два года переселились за Дунай, еще через четыре обзавелись в Чехословакии, во время войны — в Германии и Италии, в 1949 году — в Скандинавии, еще через шесть лет — в Англии, а немного позднее — на западе нашей страны.

то одомашненным и вновь одичавшим, которые тысячами населяют города Европы, Азии и Америки. Они очень на него похожи.

Настоящие дикие, не городские, сизые голуби пугливы. Селятся колониями на скалах в горах и у моря или озер, на крутых берегах рек, в старых развалинах. В Египте — на пирамидах, в Англии — в кроличьих норах. Живут и в пустынях, но не в лесах. На деревья редко садятся и всегда не на вершину. Одни из самых быстрых в мире птиц: 185 километров в час — их зарегистрированная скорость!

Дикие сизые голуби за год дважды-трижды выводят птенцов, а то и пять раз, если тепло и корма много. (Так полагают некоторые исследователи, хотя это и сомнительно.)

Городские сизари, если их регулярно подкармливать, «размножаются, за исключением сезона линьки (август — ноябрь), почти весь год, даже зимой».

При такой плодовитости неудивительно, что голуби заполонили многие города. Перепачкали пометом памятники, фонтаны, площади, фасады и карнизы домов, засорили желоба и водосточные трубы. В иных местах такое «гуано» лежит слоем в пять и больше сантиметров. А их помет опасен тем, что в нем может быть вирус орнитоза. Некоторые голуби

Гривистый голубь — обитатель крохотных коралловых островков, разбросанных в Индийском и Тихом океанах от Никобарских островов, Филиппин и Новой Гвинеи. Днем эти удивительные голуби обычно спят на деревьях, а в сумерки летят кормиться, часто за много километров над морем, в леса больших островов. Мускулистый желудок этих птиц способен переварить очень твердые орехи и косточки фруктов. Гнездятся на малых островах небольшими колониями. В кладке только одно яйцо.

переносят тиф и другие болезни. У мест, где играют дети, совсем нежелательно присутствие голубей, а именно так и бывает.

Стали по приказу городских властей стрелять и уничтожать голубей другими способами. Население возмутилось. Придумывают теперь разные электрические, химические, акустические средства, отпугивающие голубей от человеческих жилищ. Но лучший способ прекратить их чрезмерное и опасное размножение, советует доктор Г. Брунс, разъяснить населению, при условии, конечно, что оно достаточно сознательное, следующее: не кормите голубей! От этого вред и нам и им. Сытые голуби не только безмерно плодятся, но и, привыкая к даровым еже-

дневным пайкам, перестают кормиться естественным образом. Не клюют сорняки. Жиреют. Теряют подвижность, обленившись, не улетают дальше полукилометра от мест подаяния. Болеют: в хлебе и каше, которыми их обычно кормят, мало витаминов и прочих нужных веществ.

Если оценить чисто утилитарно городского голубя, то польза от него невелика: истребление сорняков, где голуби еще этим занимаются, мясо на жаркое и помет на удобрение (прежде извлекали из него еще и щелок, который добавляли в тесто, чтобы булки пышнее и вкуснее получались!).

ОТ ГИЛЬГАМЕША ДО НАШИХ ДНЕЙ

При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я;
Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.

Нет, не о Ное идет речь, хотя почти теми же словами и то же сказано в библии. Не из библии этот стих — из сказания о Гильгамеше, сложенном 5 тысяч лет назад на берегах Евфрата. В стихе говорится о первом в мире документально датированном испытании навигационных способностей птиц: «отправившись, голубь назад вернулся». Пять тысяч лет назад люди уже знали, что голуби могут отлично ориентироваться и всегда находят свой дом, как бы далеко ни улетали от него.

Как только люди догадались об этих способностях, сейчас же стали птиц ловить и обучать несложной науке почтарей.

Римлянин Плиний Старший в I веке нашей эры писал о некоем Цецине, большом любителе конских бегов. Отправляясь на ристалища, тот «имел обыкновение брать с собой ласточек, пойманных под крышами домов своих друзей». Если его лошади получали призы, он красил птиц в условленный цвет, означавший победу, «очень хорошо зная, что каждая вскоре вернется в свое гнездо». Еще совсем недавно один француз рекламировал своих ласточек, предлагая воспользоваться их услугами.

Но голуби, несомненно, более подходящие для почтовых сообщений птицы. Они неприхотливы, хорошо размножаются в неволе, летают быстро и достаточно сильны, чтобы переносить небольшие посылания.

Сизый голубь — родоначальник 140 разных пород и рас домашних голубей. 5 тысяч лет назад их уже разводили в Египте и Вавилоне. Почтовые появились позже. Египтяне, древние греки и римляне посылали голубей с сообщениями.

Современные почтари — не прямые потомки древ-

них: их вывели гибридизацией разных пород больше ста лет назад в Бельгии. Тренировкой и умелым отбором селекционеры добились поразительных результатов: лучший современный почтовый голубь пролетает за день тысячу километров!

Голубиная почта имеет почтенную историю. Но и в наше время, несмотря на новейшие средства связи, голуби несут почтовую службу.

В одной лишь Англии больше миллиона таких голубей. Пятая их часть, «призванная» в армию, приняла активное участие в минувшей мировой войне: с ними было передано немало разных сообщений. Агентство Рейтер, которое еще в середине прошлого века пересылало письма с почтовыми голубями, в 1962 году, испробовав искусственные спутники, вновь обратилось за помощью к голубям. Они оказались наиболее удобным и быстрым средством для передачи коротких информации через районы больших городов, на улицах которых постоянные пробки задерживают движение.

В последние годы многих любителей привлекают спортивные состязания голубей, начало которым было положено еще в 1825 году в Бельгии. В состязаниях главное для птицы — вернуться домой возможно быстрее, и часто лишь последние секунды многочасового полета приносят лучшим голубям победу.

Голубей выпускают обычно всегда в определенном направлении от дома, на одном из этапов какого-нибудь традиционного маршрута. Знатокам этого спорта хорошо известно, что быстрее и увереннее возвращаются по маршруту те птицы, которые уже не раз по нему летали.

В этом главный смысл обучения почтовых голубей. Сначала птиц выпускают недалеко от дома. Потом расстояние увеличивают. Обучение должно помочь птице изучить все ориентиры на маршруте и направить ее полет вдоль узкого коридора хорошо знакомой местности.

И вот заключительный курс науки: голубя увозят за сотни километров от конечных звеньев изученного им по частям пути. Поднявшись в воздух, он не должен видеть привычных ориентиров, но птица быстро их находит и летит к дому уже по знакомой трассе. В США есть гоночные маршруты протяженностью в тысячи километров и есть тысячи голубей, которые отлично «вызубрили» каждый их километр.

СТРАНСТВУЮЩИЕ ГОЛУБИ

О невероятной плодовитости, к которой способны голуби при благоприятных условиях, повествует история странствующих голубей Северной Америки. Едва ли какие-нибудь еще птицы летали над землей такими

чудовищными стаями. Рассказы о странствующих голубях читаются как фантастический роман.

Они обитали на всей территории США и Южной Канады. Они появлялись в небе столь густыми стаями, что буквально заслоняли солнце. Становилось сумрачно, как при затмении. Летящие птицы покрывали весь небосвод от горизонта до горизонта. Голубиный помет падал с неба, подобно хлопьям снега, гудение крыльев напоминало свист штормового ветра.

Проходили часы, а голуби все летели и летели, и не было ни конца, ни начала их походным колоннам. Ни криками, ни выстрелами, ни пальбой из пушек нельзя было отклонить от курса бесчисленную, как саранча, «эскадрилью».

Американский орнитолог Вильсон рассказывает о стае голубей, которая пролетала над ним в течение четырех часов. Стая растянулась на 360 километров! Он подсчитал приблизительное количество птиц: получилась невероятная цифра — 2 230 272 000 голубей.

Орнитолог Одюбон сообщает о стае странствующих голубей числом в 1 115 136 000 птиц! Это значит, что в одной стае голубей было во много раз больше, чем всех вообще птиц в такой стране, например, как Англия или Финляндия.

Можно ли быстро истребить такое сказочное множество птиц? Печальная судьба странствующего голубя говорит, что можно, если умело приняться за дело.

Странствующих голубей уничтожали всеми способами, которые для этого годились. Стреляли из ружей, винтовок, пистолетов, мушкетов всех систем и калибров. В ход были пущены даже горшки с серой, которые разжигали под деревьями на местах ночевки голубей. Птиц ловили сетями, били палками, камнями. Стаи голубей были столь густы, а порой летели так низко, что колонисты сбивали их жердями. Рыбаки, когда над ними пролетали голуби, били их веслами. Ни один метательный снаряд, брошенный вверх не падал обратно, не сбив одного или двух голубей. Рассказывают, что работники на фермах наловчились сбивать летящих голубей ножницами для стрижки овец. Даже собаки выбегали на бугры и ловили пролетающих голубей, прыгая в воздух. Прямо чудеса!

Когда голуби пролетали над военными фортами, солдаты заряжали пушки картечью и сбивали сотни птиц. Один из американских писателей середины XIX века описывает город Торонто во время пролета над ним большой стаи голубей. Три или четыре дня, пока голуби летели над городом, стены его домов дрожали от непрерывной пальбы, словно на улицах шла перестрелка с неприятелем. Все лавки, все учреждения были закрыты. Люди осаждали крыши

домов. Всевозможные ружья, пистолеты и мушкеты были пущены в ход. Даже почтенные члены муниципального совета, адвокаты, преуспевающие дельцы и сам шериф графства не могли отказать себе в увлекательном «спорте» — истреблении безобидных птиц.

Странствующие голуби питались желудями, каштанами, буковыми и другими орехами, которые в изобилии производили нетронутые леса Северной Америки. Голубям часто приходилось менять места кормежек, но ночевать они прилетали обычно в одну и ту же местность. Здесь их с нетерпением поджидали толпы людей, собравшихся со всей округи.

Одубон рассказывает, что одно место ночевки голубей занимало участок леса шириной почти 5 и длиной около 65 километров. Голубей еще не было видно, а вокруг расположились лагерь «охотники» с повозками, бочками для засолки мяса и другим снаряжением. Два фермера пригнали за 140 километров стада свиней, чтобы откармливать их здесь голубиным мясом.

Когда село солнце, на горизонте показалась темная туча. Это летели голуби. Они быстро приближались. Тысячи голубей были убиты первыми же выстрелами, но прибывали все новые и новые легионы птиц. Они уже заняли все деревья в лесу, не осталось ни одной свободной ветки. На некоторых суках голуби сидели в несколько слоев, располагаясь на спинах друг у друга.

А воздух вокруг дрожал от непрерывной пальбы, от треска веток, падающих под тяжестью голубей, хлопанья миллионов крыльев. В адском грохоте нельзя было расслышать слов соседа. Даже ружейные выстрелы распознавались лишь по вспышкам. Всю ночь длилось побоище. К утру под деревьями лежали горы убитых и издыхающих птиц.

Европейцы презирали законы «невежественных» индейцев, запрещающие охоту на птиц в период размножения. Они миллионами убивали гнездящихся голубей. В штате Мичиган в 1878 году гнездовая колония голубей занимала все деревья в лесу на пространстве 15 на 57 километров. Гнездовье в Кентукки располагалось на вдвое более обширной площади. На каждом дереве висели иногда сотни гнезд, и нередко ветки обламывались под тяжестью быстро растущих птенцов.

Когда птенцы уже годились в пищу, отовсюду собирались фермеры. Они приезжали с семьями, работниками, пригоняли стада свиней. Деревья с гнездами валили на землю и убивали палками не оперившихся еще птенцов.

В США насчитывалось много тысяч профессиональных «охотников» на голубей, которые зарабатывали

баснословные по тем временам деньги, до 10 фунтов стерлингов в день. Их «дело» было широко поставлено. Целая сеть агентов посылала по телеграфу донесения о появлении тут или там новых стай голубей, о местах их ночевки и направлении полета. Туда сразу мчались заготовители.

Развитие железных дорог обеспечивало быструю доставку сотен тонн убитых голубей на рынки страны. Ежедневно, например, из гнездовой колонии в штате Мичиган отправлялось по железной дороге 12,5 тысячи птенцов и взрослых птиц, а валовой сбор за период размножения с марта по июль достигал 1,5 миллиона птиц.

Таков «урожай» только одной гнездовой колонии. Во всех же США и в Канаде в семидесятых годах прошлого века добывались сотни миллионов голубей!

Еще в 1848 году в Массачусетсе издали постановление, запрещающее ловлю голубей сетями. Через три года в штате Вермонт были взяты под охрану все непромысловые птицы, в их числе странствующие голуби. Законы, запрещающие их добычу, были вскоре приняты и в других штатах. Но кто считался с ними, когда речь шла о большом бизнесе!

В 1880 году в стране встречались еще значительные стаи странствующих голубей, но уже через 20 лет от них не осталось и следа. Исчезновение фантастически многочисленного вида было так внезапно, что в Америке, кажется, до сих пор не могут прийти в себя от неожиданности. Изобретено несколько «теорий» для объяснения ошеломляюще быстрого, «как взрыв динамита», исчезновения голубей. Одни предполагают, что все голуби утонули в Атлантическом океане, когда «эмигрировали» в Австралию. Другие думают, что они улетели на Северный полюс и там замерзли.

В начале нашего века в зоопарках и у различных любителей жило еще несколько странствующих голубей. Последний представитель этого вида (по кличке «Восьмое марта») умер в городе Цинциннати в сентябре 1914 года.

«МЕРТВЫЙ, КАК ДРОНТ»

В 1507 году португалец Педро Маскаренас открыл в Индийском океане острова, которые позднее были названы его именем. Они представляли удобную перевалочную станцию на пути в Индию, и вскоре толпы авантюристов, как прожорливая саранча, наводнили их. Команды судов пополняли здесь запасы продовольствия, убивая все живое в лесах архипелага. Голодные матросы съели всех огромных черепах, а затем принялись за дронов.

Португальцы называли их «додо», а голландцы,

которые прибыли позднее, дронтами. Много потешались тогда над нелепым видом фантастических птиц, неуклюжих и жирных, как откормленные каплуны. Беззащитные дронты, тяжело переваливаясь с боку на бок и беспомощно размахивая жалкими обрубками крыльев, безуспешно пытались спастись от людей бегством.

Трюмы кораблей доверху набивали живыми и мертвыми дронтами. Голландские поселенцы завезли на Маскаренские острова домашних свиней, кошек и... макак. Они принялись с не меньшим усердием, чем люди, уничтожать яйца и птенцов дронтов. И все вместе, люди и животные, к концу XVIII века истребили всех додо. Несколько жалких скелетов в музеях, изображения на картинах голландских живописцев да поговорка «мертвый, как дронт» — вот все, что осталось теперь от удивительных птиц.

Зоологи не многое успели узнать о дронтах. Эти огромные, ростом больше индюка — весили они 18—20 килограммов — жирные и неуклюжие птицы были, по-видимому, выродившимися голубями. «Лысую» голову дронта украшал массивный крючковатый клюв, а на месте хвоста и крыльев торчали небольшие пучки перьев.

На трех островах Маскаренского архипелага — Маврикии, Реюньоне и Родригесе — обитало, по-видимому, три разных вида дронтов. Дронт с Маврикия, или темный додо, оставил после себя наиболее ценное для зоологов наследство: несколько костей, лапу и клюв (или две лапы и два клюва?), не считая дюжины рисунков и картин, на которых более или менее мастерски запечатлены его портреты.

В 1599 году адмирал Ван Нек привез первого живого дронта в Европу. На родине адмирала в Голландии странная птица произвела шумный переполох. На нее не могли надивиться. Художников особенно привлекала ее прямо гротескная внешность. И Питер Холстейн, и Хуфнагель, и Франц Франкен, и другие известные живописцы увлеклись «дронтописью». В то время, говорят, нарисовано было более четырнадцати портретов пленного дронта.

Другой живой додс попал в Европу полвека спустя, в 1638 году. С этой птицей, вернее с ее чучелом, случилась забавная история. Дронта привезли в Лондон и там за деньги показывали всем желающим по-смотреть на него. А когда птица умерла, с нее сняли шкуру и набили соломой. Из частной коллекции чучело попало в один из оксфордских музеев. Целый век прозябало оно там в пыльном углу. И вот зимой 1755 года хранитель музея решил провести генеральную инвентаризацию экспонатов. Он долго с недоумением рассматривал полусъеденное молью чу-

чело сюрреалистической птицы с нелепой надписью на этикетке: «Агк» (ковчег?). А потом приказал выкинуть его в мусорную кучу.

К счастью, мимо той кучи случайно проходил более образованный человек. Дивясь неожиданной удаче, он вытащил из помойки крючконосую голову дронта и неуклюжую лапу — все, что от него осталось, — и со своими бесценными находками поспешил к торговцу редкостями. Спасенные лапа и голова позднее снова, на этот раз уже с великими почестями были приняты в музей. Это единственные в мире реликвии, оставшиеся от единственного чучела драконоподобного голубя. Так считает Вилли Лей, один из знатоков печальной истории дронтов. Но доктор Джеймс Гринвей из Кембриджа в превосходной монографии о вымерших птицах утверждает, что в Британском музее хранится еще одна нога, а в Копенгагене — голова, бесспорно принадлежавшие когда-то живому додо с Маврикия.

Последнего дронта видели здесь, на Маврикии, в 1681 году. А через сто лет жители острова уже забыли, что когда-то в лесах их родины водились пудовые каплуны. Когда в конце XVIII века натуралисты устремились по следам дронтов и поиски привели их на остров Маврикия, все, к кому они тут обращались за советами, лишь с сомнением качали головами. «Нет, господин, таких птиц у нас нет и никогда не бывало», — говорили и пастухи и крестьяне.

Охотники за додо, разочарованные и смущенные, возвращались ни с чем. Но Дж. Кларк, не веря местным преданиям, упорно продолжал искать забытых каплунов. Он лазил по горам и болотам, не один камзол изорвал о колючие кусты, копал землю, рылся в пыльных осыпях на речных кручах и оврагах. Удача всегда приходит к тому, кто упорно ее добивается. И вот Кларку повезло: на одном болоте он откопал много массивных костей крупной птицы. Ричард Оуэн детально исследовал эти кости и доказал, что они принадлежат дронтам.

В конце прошлого века правительство острова Маврикия распорядилось произвести более основательные раскопки на болоте, открытом Кларком. Нашли немало костей дронтов и даже несколько полных скелетов, которые украшают сейчас залы с наиболее ценными коллекциями некоторых музеев мира.

Соседний с Маврикием остров Реюньон прославили белые дронты. Они более чем на полвека пережили своих темных собратьев: последнего белого дронта убили, по-видимому, в 1750 году.

Дронты с Реюньона мало чем отличались от додо с Маврикия. Но, кажется, были значительно более

светлыми, почти белыми. Их называли дронтами-отшельниками, потому что большую часть жизни птицы проводили в одиночестве.

Отшельником прозвали также и еще одного дрон-та совсем особого вида и даже рода, как полагают некоторые исследователи. Этот второй «отшельник» коротал свои дни на небольшом островке Родригес. Крылья, вернее, то, что от них осталось, были у него более длинные, чем у других дронтов, и на их концах болтались какие-то странные круглые костяшки, по одной на каждом крыле, размером с мушкетную пулю. Этими «пулями», словно кастетами, дронты в драке наносили друг другу удары. Отбивались ими и от собак, причем кусались отчаянно. Клювы у пернатых отшельников были не маленькие, крючковатые и острые, укусы они наносили довольно болезненные. Так что это были не такие уж беззащитные птицы. И вид у них весьма хищный и устрашающий, для вегетарианцев малоподходящий. Дронты ведь питались, говорят, только листьями, плодами и семенами деревьев.

В честь дрон-та с Родригеса было названо одно созвездие на небе. В июне 1761 года французский астроном Пингре провел на Родригесе некоторое время, наблюдая за Венерой на фоне солнечного диска, она как раз тогда его пересекала. Через пять лет его коллега Ле-Менье, чтобы сохранить в веках память о пребывании своего друга на Родригесе и в честь удивительной птицы, обитавшей на этом острове, назвал открытую им между Драконом и Скорпионом новую группу звезд созвездием Отшельника. Желая отметить его на карте по обычаям тех времен символической фигурой, Ле-Менье обратился за справкой к популярной тогда во Франции «Орнитологии» Бриссона. Он не знал, что Бриссон не включил дронтов в свою книгу, и, увидев в списке птиц название *solitaria*, то есть «отшельник», добросовестно перерисовал названное так животное. И все перепутал, конечно: вместо внушительного додо новое созвездие на карте увенчал своей малопредставительной фигурой синий каменный дрозд — *Monticola solitaria*. Он живет и сейчас на юге Европы, а у нас — в Закавказье, Средней Азии и Южном Приморье. И тут дронтам не повезло. Серия роковых неудач отметила последнюю страницу их истории курьезным финалом.

Последний из дронтов был убит на острове Родригес в самом конце XVIII века. До просвещенного девятнадцатого столетия не дожила ни одна из этих «неправдоподобных» птиц.

ПОПУГАИ

На кого похож попугай? На самого себя. Едва ли кто-либо спутает его с другой птицей. Расцветка необыкновенно яркая, все цвета радуги представлены на оперении. (Есть, впрочем, несколько видов однотонно зеленых, оливковых, бурых и даже черных.) Крючковатый клюв с особым сочленением надклювья с черепом: верхняя половина клюва независимо от нижней может приподниматься кверху. Нижняя тоже подвижна: вперед-назад и вбок. На нёбе, ближе к концу надклювья, твердые поперечные рубцы вроде напильника. (У лори и некоторых других попугаев такой «насечки» нет.) Все это для лучшего измельчения, «пережевывания» семян и фруктов.

Клюв так силен, что раскусывает крепкую кожуру орехов. Почти все, когда лазают, цепляются клювом за ветки. Язык мясистый, на конце с углублением, облегчающим захват семян. У лори, которые едят немало цветочной пыльцы и пьют нектар, язык на конце с густой щеточкой из щетинок.

Восковица у некоторых оперенная, большой зоб, пудретки. Копчиковой железы нет лишь у некоторых видов (ара). Два пальца направлены вперед, два назад, как у сов, кукушек, дятлов.

Самцы и самки внешне у большинства похожи. У волнистых отличаются цветом восковицы, у дятловых и некоторых других окрашены по-разному. Моногамы, кроме кеа и, по-видимому, кака. Партнеры у многих верны всю жизнь. Гнезда у большинства в дуплах (подстилка из травы, листьев, древесных стружек и измельченных веток или нет никакой подстилки), у некоторых — в расщелинах скал и норах. Гнездятся и в термитниках (дятловые попугаи, некоторые какаду, неразлучники и др.).

Немногие строят гнезда: ночные и болотные попугаи и попугаи-монахи. Одно-десять

белых яиц, насиживает 18—35 дней, как правило, самка. Птенцы рождаются слепые, голые или опушенные. Кормят их родители отрыжкой из зоба, измельченной и обогащенной витаминами. Птенцы 1—3 месяца, у кеа больше четырех, не покидают гнезда.

Половозрелость у волнистых попугайчиков в 3 месяца, у более крупных в год и больше. Живут долго. В неволе — до 120 лет. Самые маленькие дятловые попугаи — с королька, вес 13 граммов, самые большие — ара, длиной до метра.

Около 330 видов попугаев обитает в тропиках и субтропиках всего мира. В Северной Америке — 1 вид, каролинский попугай, ныне вымерший. Южная Африка и Европа — единственные с подходящим климатом (в Европе, во всяком случае, на юге) части мира, где нет попугаев, но 25—40 миллионов лет назад водились они и в Европе. Ближайшие родичи попугаев, по-видимому, голуби и кукушки.

Одно семейство, 7 подсемейств:

несторы — 2 вида (Новая Зеландия); щетиноголовые — 1 вид (Новая Гвинея); какаду — 17 видов (Австралия, Тасмания, Новая Гвинея, Сулавеси, Филиппины); дятловые: скачут по стволам, как дятлы, упираясь в кору хвостом, кормятся соками деревьев, фруктами и насекомыми, гнезда в древесных термитниках — 6 видов в Новой Гвинее; лори — 61 вид (Австралия, Новая Гвинея и ближайшие острова); совиные попугаи — 1 вид (Новая Зеландия); настоящие попугаи — более 200 видов во всех странах, где водятся попугаи.

«ПАПСКИЕ ПЕТУХИ»

Странное слово «попугай». Ему еще Чехов удивлялся. Откуда оно произошло, не совсем ясно. Верна ли следующая версия, не берусь судить. Попугая вначале называли будто бы «папагалл», что значит

«папский петух». В Ватикане в средние века жило много ручных и разговорчивых попугаев. Иные говорили на многих языках! Была там и особая должность — «смотритель попугаев».

В Европу впервые попугаи попали, когда вернулись из восточных походов воины Александра Македонского. В Риме их было не меньше, чем павлинов: Сумасбродный император Гелиогабал теми и другими кормил львов в зверинце, хотя цена на попугаев была немалая: за них платили больше, чем за раба. Когда открыли Америку, попугаев в Европу повезли еще больше. Правильный курс к ближайшему берегу указала Колумбу будто бы пролетавшая над морем стая попугаев, что, в общем-то, маловероятно.

И поныне попугаи очень популярны у любителей птиц. Какаду — обычные пленники такого рода. Белые или черные, ростом примерно с ворону, большой хохол на голове. Менее приметная деталь — широкое подклювье, в него частично погружено надклювье. Самцы вместе с самками насиживают птенцов: этим на многих других попугаев непохожи. Черный какаду — самый из них крупный и самый большеклювый попугай вообще: клюв длиной в дециметр — без труда перекусит палец! («Какаду» происходит от малайского слова «какатуа», что значит «кусачки».)

Сине-желтые, красно-зеленые и прочих красочных тонов южноамериканские попугаи ара — обычные гости зоопарков. Гиацинтовый ара — самый крупный в мире попугай, почти метр длиной от клюва до конца хвоста. Другие ара (22 вида, из них 8 уже истребленных!) немногим его меньше. Клюв у ара такой сильный, что способен перекусить двухмиллиметровую железную сетку.

В индейских селениях живут обычно разные рученные животные и среди них попугаи ара. По мере необходимости перед праздником, например, индейцы заимствуют у ара их красивые перья, бесцеремонно их выдергивая. Но возмещают птице нанесенный ущерб, украшая попугаев цветными бантиками и лентами. Польза от ара и другая: не хуже сторожевых псов громкими хриплыми криками предупреждают жителей, когда незнакомые люди приближаются к деревне. Рассказывают, что история спасения Рима гусями повторилась на Американском континенте, но в ином составе действующих лиц: вместо галлов, римлян и гусей соответственно — испанцы, каррибы и попугаи.

Ара — представители подсемейства настоящих попугаев. У них не как у какаду, а наоборот: надклювье шире подклювья и охватывает его своими краями. Подсемейство обширное — в

Светло-серый, красхвостый жако — лучший из говорящих попугаев. Он способен запомнить и четко произнести (нередко весьма к месту) до 100 различных слов. Живут жако в лесах Средней Африки от Гвинеи и Анголы до Великих озер на востоке.

жако

нем и волнистые попугайчики. 130 лет назад их привезли из Австралии в Европу и с той поры успешно, миллионами, здесь разводят. Выведены уже желтые, белые и голубые расы. Эти попугайчики часто продаются в зоомагазинах, многие их, конечно, видели. А тому, кто захочет поселить у себя дома парочку волнистых попугайчиков, несколько советов лишними не будут.

Этих попугаев лучше всего содержать именно парами или в большем числе, но не в одиночестве. Очень скучают. Тут и куклы, и зеркала мало помогают.

Итак, выбираем самца и самку любой расцветки или какая вам больше нравится. У самца синеватая восковица — основание надклювья, у самки коричневая. У совсем молодого попугайчика — розоватая, немного позже голубеет. Клетка должна быть не меньше таких размеров: 70×40×30 сантиметров. По узким сторонам клетки — два гнездовых ящичка, размером 12×12×25 сантиметров, с одним отверстием, диаметр — 4 сантиметра. Пол присыпан немного опилками.

Кормить надо просяной смесью, очищенным овсом или тем,

Черный какаду — самый большеклювый попугай (длина самой птицы 80 сантиметров). Живет в лесах Новой Гвинеи и Северо-Восточной Австралии. Другие 16 видов какаду обитают на Филиппинах, в Индонезии, Австралии и Тасмании. У всех на голове хохлы, а подклювье шире надклювья.

что предложат для попугаев в зоомагазине. Свежий салат и рубленые овощи должны быть если не всегда, то возможно чаще. Полезно немного подсолить пищу и добавить в нее мелко истолченную яичную скорлупу или глицерофосфат кальция. Весной и летом кладут в клетку зеленые веточки ивы, березы и другие с почками и листочками. Поилка с чистой водой обязательна, хотя волнистые попугайчики и не очень много пьют.

Если все в порядке, скорее всего в октябре — декабре самка снесет в одном из ящичков 3—8 яиц и будет их насиживать 18—20 дней. Птенцы голые и слепые. Через неделю откроют глаза. Еще через несколько дней начнут оперяться. Через месяц вылезут из ящичка. Они черноглазые, с розовой восковицей. Родители еще их кормят, но недолго. Трехмесячные готовы сами размножаться.

Волнистых попугайчиков можно научить словам. Говорят они с щебечущим «акцентом», скороговоркой, без «точек и запятых». Произношение не то что у больших попугаев.

Жако! Вот знаменитый говорун! Серый, с красным хвостом. Родина его — тропические леса Западной

Африки и Конго. Больше ста слов и оборотов речи может выучить жако. Иные произносит очень кстати и, казалось бы, со смыслом. Например, «Доброе утро» и «До свидания», «Алло», когда звонит телефон. У попугаев абсолютный слух, мелодии запоминают быстро и могут тут же повторить.

«Серый попугай жако известного берлинского орнитолога полковника фон Лукануса прославился исключительной памятью. У Лукануса с другими птицами жил ручной удод по имени Хопфхен. Попугай, который хорошо говорил, это слово скоро усвоил. Удод, к сожалению, жил в неволе недолго... Попугай, казалось, забыл его имя. Во всяком случае, никогда его больше не произносил. Ровно через девять лет приобрел полковник Луканус нового удода и, когда попугай его первый раз увидел, тотчас же сказал и затем повторил: «Хопфхен... Хопфхен...» (Конрад Лоренц).

Амазоны, 26 видов в Тропической Америке, говорят немногим хуже жако. Лучшим «болтунам» из рода какаду, во всяком случае, не уступят.

Южноамериканский попугай-монах тоже неплохой говорун, но с научной стороны более интересен другим: он строит большие общественные гнезда, которые внешне похожи при известном воображении на крепостные или монастырские башни либо на стог сена, что более точно. Попугаи сообща (одни действительно работают, другие лишь шумят) сооружают из ветвей, преимущественно колючих, башню с «амбразурами» внизу. Это входы в гнездовые камеры. У каждой семьи своя квартира в общем доме, диаметр которого до одного, а иногда и до трех метров! Раз построив «башню», попугаи-монахи ее не покидают даже после того, как выведут птенцов. В ней ночуют и прячутся от врагов. Как во всяком хорошем доме, есть здесь и непрошеные квартиранты. Мирные: амазонские и прочие местные утки. И опасные: поселяются опоссумы в верхних этажах. Но до гнезд попугаев под колючим и плотно сплетенным «полом» захваченных квартир им трудно добраться. Опаснее других врагов — индейцы. Желая полакомиться жареными «цыплятами», они просто поджигают этот общий птичий дом.

В Африке живут неразлучники. «Один погибнет — второй умрет от тоски»; такое преувеличенное мнение о супружеской верности этих попугаев определило их странное название. Они действительно очень привязаны друг к другу, но не настолько... У неразлучников тоже определенное тяготение к «обществу»: поселяются в коллективных гнездах ткачиков, в термитниках или под крышами домов в гнездах ласточек. Строят гнезда и в расщелинах скал. Веточки, травинки для гнезд переносят весьма оригинальным способом, известным только у попугаев,

в частности, у лорикулюсов. Втыкают их в оперение спины и так летят с грузом за плечами!

Многие неразлучники, впрочем, еще по старинке носят строительный материал в клюве. Но у тех видов, которые нагружают свою спину, ученые, внимательно исследовав перовое одеяние, нашли в его свойствах «дополнительную прочность». И после этого введено было в науку новое, совершенно неожиданное понятие «транспортное оперение»!

Подобно попугаям-монахам, неразлучники в гнездах отдыхают, ночуют и прячутся от врагов. Даже когда самка насиживает 5—6 яиц (немало ведь), самец на ночь тоже здесь, в гнезде, пристраивается. И у других попугаев есть такие же повадки. Поэтому, в общем-то, правильное научное разъяснение о том, что птицы в гнездах не спят, нуждается в известном дополнении: некоторые попугаи и ткачики, крапивники, ремезы и немногие другие спят!

Лорикулюсы, или висащие попугаи, когда носят материал для гнезда, обрывки коры и листьев втыкают не только в оперение спины, но и груди и шеи. Десять видов лорикулюсов живут в странах Южной Азии от Бомбея до Австралии.

Зеленые в общем, с красным и синим попугайчики, как и неразлучники. Похожи на них, близки по роду-племени, но поменьше: с синицу или чуть больше. Ловко прыгают в ветвях и по земле. Едят фрукты, нектар, пыльцу с цветов, пьют сок кокосовых пальм. Любовные игры особенные: не клювами ласкаются, а деликатно преподносят друг другу лакомые кусочки, зажав их кончиком клюва (ритуальное кормление, приятное и у других птиц).

Спят лорикулюсы, как летучие мыши, повиснув на суку вниз головой. И держатся за ветку вверх нередко только одной ногой...

Казалось бы, попугаи однообразны и видом, и образом жизни. Шумливые, весьма неглупые, яркие дети солнечных, жарких стран. Плоды, ягоды, орехи, клубни, сочные побеги, нектар цветов — круглый год вечнозеленые леса одаряют их всем этим в изобилии, достаточном для беззаботной жизни. В общем все так. Однако есть исключения. Иные предпочли жизнь в горах, в климате довольно суровом, со снежными зимами. Даже птенцов зимой выводят, как в наших лесах клесты. Это кеа, новозеландский «убийца овец»! Но о нем чуть позже.

Другие уподобились в некотором роде страусам, разучившись летать. Третьи — совам и козодоям, предпочтя темные ночи светлым дням.

Ночной попугай, к сожалению, почти уже истреблен в Австралии. Днем он спит, забившись в гущу колючих кустов и трав. Тут же и гнездо, сложенное на земле из веток и трав. Ночью пешком, летает мало, отправляется на поиски семян колючих растений, среди которых живет.

Австралийские и тасманийские наземные или болотные попугаи и новозеландские бегающие, какарикисы, летают тоже ма-

ло. Кормятся не в древесных ветвях, как нормальным попугаям положено, а на земле, роясь в листве ногами, как куры. На земле строят гнезда из ветвей и корней. Иногда и на голой почве насиживают с полдюжины своих яиц. Птенцы рождаются в черном пуху, — даже помет у них черный! — маскировка, вполне пригодная для торфяных болот, где живут наземные попугаи. К сожалению, эти интересные птицы тоже почти все истреблены.

Попугай, разучившийся летать, — это какапо. Умеет лишь немного, метров сто, планировать сверху вниз, с дерева на землю. Крылья есть, но мышцы, приводящие их в движение, слишком слабы для полета, да и киля на грудине, опоры для этих мышц, нет. Кости тяжелые, без воздушных полостей. Какапо — единственный представитель подсемейства совиных попугаев, и, знакомясь с ним, мы расстаемся с настоящими попугаями.

Перья вокруг клюва и глаз какапо образуют жесткое обрамление, похожее на лицевое оперение, «зеркало», совы. Образ жизни тоже соответствующий, ночной. Пешком, по тропинкам, им же протоптанным, в поздних сумерках выходит оливково-бурый, ростом с ворону совиный попугай из укрытий, где спал днем, «положив голову под крыло». Идет несмело, «крадется, как кошка», от куста к кусту. Найдет сочный лист папоротника, «грызет» его. Ягоды, мхи, грибы, корневища папоротников тоже ест — это весьма своеобразный вегетарианец. Непереваренную клетчатку выбрасывает в погадках.

Всего два яйца и те через год насиживают попугаихи в глубоких расщелинах скал, под корнями и в норах.

«Станным образом все птицы гнездятся, очевидно, в один год. В эту пору слышатся ночами с токовых мест глухие крики самцов, которые похожи на голоса выпей. Самцы какапо — единственные попугаи, наделенные горловым мешком; способным раздуваться» (К. Колар).

В горных влажных лесах Южного острова Новой Зеландии уцелели немногие какапо. Лисы и кузу-лисы, горностаи, хорьки и кунницы, крысы, кошки, собаки, ежи и прочие четвероногие, завезенные на родину какапо, где миллионы лет не было, кроме летучих мышей, никаких зверей, грозят уничтожить последних совиных попугаев.

С «хищной жестокостью» мстит кеа белым поселенцам за истребление своих сородичей, а таких немало — 17 видов! Небывалое случилось с этим попугаем. Мирно кормились кеа всякой зеленью и насекомыми, пока не пришли к берегам их острова большие корабли и приплыли на них странные бляющие животные. Попугаям овцы пришлись по вкусу: презрев вегетарианство, быстро научились есть их «живьем»! Сначала кормились отбросами у скотобоен. Потом научились сами «потрошить» мертвых овец, добывать больных и увязших в снегу. На здоровых

овец стали нападать: сядут на спину и рвут острым клювом сало и мясо, «добираясь до почек». Овца мечется, сбросит иной раз страшного седока. Но попугай опять ее догоняет. Из рваных ран течет кровь, гибнет обессиленная овца или падает со скалы. К ней собираются попугаи, и начинается пиршество.

Так рассказывали овцеводы. Правительство объявило премию по фунту стерлингов за убитого попугая. Высокая цена. Десятки тысяч их перебили, но не убавилось в горах Новой Зеландии хищных попугаев. В наши дни жалобы на них не то чтобы прекратились, а как-то вроде поутихли.

Исследователи Джексон и Мерриер пытались не с чужих слов, а собственными глазами убедиться, в самом ли деле так уж вреден кеа овцеводству.

Первый решил, что на больных и увязших в снегу овец попугаи, возможно, и нападают. Садятся без злого умысла и на спины здоровых, а те от страха, в панике иной раз падают со скал и разбиваются. Однако подобные происшествия очень редки, и кеа, как редкостная птица, заслуживает охраны, а не избиения.

Мерриер полагает, что в стае попугаев есть все-таки несколько старых, опытных в разбое птиц, которые порой убивают овец. Пируют сообща. Но опять-таки это случается не часто. Обычно едят уже павших овец, поэтому от кеа, как от санитаров, даже польза: зимой в горах погибает много овец.

В зоопарках Европы испытали вкусы кеа: лошадиное мясо, сливочное масло и сало едят они охотно.

Попугаи «убийцы овец» живут в горах выше зоны лесов. Даже в метель бродят они по глетчерным полям, роаясь клювом в снегу. Буровато-оливковые, с красноватым надхвостьем, сравнительно длинноклювые. Туристы из Европы, приезжающие сюда покататься на лыжах, принимают их издали за ворон. Но любопытный попугай подходит ближе, и ошибка вскоре обнаруживается.

Брачные отношения у кеа весьма своеобразные и для попугаев необычные. Молодая самка на втором году жизни подыскивает для гнезда подходящую расщелину, дыру под корнями или в стволе гниющего на земле дерева. Нору удлиняет иногда до семи метров. Расширяет гнездовую камеру, устилает мхом и папоротниками, ветками и листьями. Времени у нее впереди много: год и два длится постройка. А пока она еще не готова, какой-нибудь старый и боевой самец — уже давно женатый и не раз! — ухаживает за ней, не обращая внимания на энергичные протесты своей старой подруги. Кормит молодую отборными продуктами. В июне — июле, в разгар местной зимы, или позже, в любой месяц

до января, снесет она 2—4 яйца и месяц их насиживает. Когда выйдет из норы, чтобы поесть, утром или вечером (попугаи эти, в общем-то, сумеречные и ночные), кавалер ее уже обычно поджидает с угощением. Выведутся птенцы — и о них не забывает: приносит пищу. Мать раздает ее детям. Позднее он и сам их кормит. И долго: молодых своих сыновей — почти три месяца, а дочерей — больше четырех. Потому что первые, как научатся летать, уходят от него, а самочки еще полтора месяца живут на родительском иждивении. Мать их бросила, но отец заботится, кормит. Если учесть, что у него не одна семья, не восхищаться таким отцом нельзя!

Кроме того, он древнейший из попугаев — из оскудевшего племени, точнее подсемейства, несторов. Новозеландский лесной попугай кака да кеа — всего и уцелело из этого племени. Третий попугай — нестор, тонкоклювый филиппинский, вымер еще в середине прошлого века.

Лори — веселые, дружные, «разговорчивые», пестро, ярко, прямо-таки «абстрактно» окрашенные небольшие попугаи, с голубя и меньше. Приручаются легко, неволю переносят стойко, даже мягкой зимой могут жить на воле. Некоторые виды пахнут цветами, гиацинтами например, другие — мускусом. Язык устроен иначе, чем у других попугаев, — с «кисточкой» на конце: так удобнее добывать из цветов нектар и пыльцу. Семян, орехов и твердых фруктов лори почти не едят. Об этом должен помнить тот, кто приобрел попугая из породы лори: кормить его надо смесью из меда, цветочной пыльцы, мелких насекомых и сочных фруктов. Зерен — только немного на добавку.

Когда в 30-х годах в Европе вспыхнула эпидемия загадочной болезни с некоторыми признаками сильного гриппа и воспаления легких и выяснилось, что переносчиками ее во многих случаях были попугаи, правительства тут и там запретили ввоз попугаев. Болезнь назвали пситтакозом, «попугайной лихорадкой». Позднее оказалось, что едва ли не все птицы восприимчивы к этому вирусу — голуби, куры, утки, дрозды, канарейки, чайки, буревестники — около ста видов птиц, насколько уже известно. Даже от кошки можно заразиться этой болезнью, которую теперь называют орнитозом, «птичьей лихорадкой». Антибиотики ее хорошо лечивают. Поскольку избежать полного контакта со всеми птицами, потенциальными переносчиками, во всяком случае с голубями и курами, невозможно, нет смысла особенно опасаться и попугаев.

КУКУШКИ И ТУРАКО

Кукушки и турако внешне непохожи, но некоторые анатомические и физиологические черты, по мнению многих исследователей, их сближают. Другие же предлагают, не найдя достаточно убедительного сходства, выделить турако в особый отряд.

Кукушки — около 130 видов во всех частях света, кроме Антарктиды. Мелкие, с крапивника, и довольно крупные, до килограмма весом, как правило, длиннохвостые птицы. Клюв у одних тонкий, у других массивный, как у ворона, и еще толще. Два пальца направлены вперед, два — назад. Большинство видов моногамы. Самцы и самки у многих похожи, у самок наших кукушек больше бурых тонов в оперении.

2—6 яиц откладываются с промежутками в один-два дня, насиживают с первого яйца около трех недель (не паразитические виды). Птенцы рождаются голые или в грубом «пуху». Живут в основном на деревьях и в кустах, есть наземные виды, и гнезда у них на земле.

Кормятся в основном насекомыми, некоторые едят ягоды, плоды, лягушек, ящериц, разоряют чужие гнезда. Многие виды поедают «лохматых», покрытых щетинками гусениц, которых другие птицы не трогают. Наши кукушки, например, — гусениц походных шелкопрядов, больших вредителей леса. И в этом польза от кукушек. После такого лакомства, съеденного во множестве, вся внутренняя поверхность желудка кукушки бывает сплошь утыкана щетинками гусениц. Периодически птица выбрасывает через рот эти щетинки вместе со слоем желудочной выстилки.

РОЖДЕННЫЕ В ЧУЖОЙ СЕМЬЕ

Птенец, маленький и слепой, несет на спине... другого птенца. Поддерживая его культиками-крылышками, осторожно подвигается к краю гнезда опускает вниз голову, упирается лбом в дно гнезда, и вдруг резко откидывается назад. Птенец, который сидел

у него «на закорках», летит вверх, а затем падает вниз, на землю. Птенец-носильщик минут десять-пятнадцать отдыхает и вновь поднимается на неокрепшие ножки. Пятится задом, подползает под другого соседа, вскидывает его на спину и тащит к краю гнезда. Рывок — и еще одна жертва летит «за борт».

Так кукушонок расправляется со сводными братьями. Не успокоится, пока не выкинет всех из гнезда. Делает он это бессознательно, подчиняясь приказу инстинкта. Уже в первые часы жизни непреодолимое стремление побуждает кукушонка выбрасывать из гнезда все, что там находится. Он весит в это время 3 грамма с небольшим, а положите ему на спину шестиграммовую гирьку, выбросит и ее.

На спине у кукушонка — чувствительные сосочки. Стоит к ним притронуться, как он сейчас же становится в позу «выбрасывателя» и готовится выкинуть коснувшийся его предмет из гнезда. Действует как живой автомат. Но пройдет четыре дня, и инстинкт выбрасывания исчезнет. Автомат выключается! Если за четыре дня кукушонок не успеет избавиться от всех лишних ртов в гнезде, то никогда уже больше не сможет это сделать.

Как-то в Англии была устроена выставка. На ее стендах демонстрировались голубые, бурые, зеленоватые, серые, белые, однотонные и пестрые яйца. Всего 919 яиц, и все кукушечьи, собранные из гнезд 76 различных видов птиц. Ученые подсчитали, что кукушки подбрасывают свои яйца в гнезда 150 видов птиц! Под Москвой кукушата нередкие гости в «лесных домишках» трясогузок, коньков, зорянок. Под Ленинградом — в гнездах горихвосток. На Украине их выкармливают обычно белые трясогузки, серые славки, камышевки, сорокопуты. Кукушечье яйцо можно найти в гнезде почти любой певчей пташки: пеночки, крапивника, завирушки, мухоловки и даже в дуплах дятлов и на болотной кочке, среди яиц кулика. Прямо поразительно, в каких разнообразных гнездах и на какой различной пище воспитывается кукушинный род. Почему маленькие хлопотливые пташки не выбросят вон яйцо непрошеного гостя?

Опыты показали, что многие птицы очень плохо знают свои яйца. Орлы, куры, утки, например, могут насиживать любой предмет, по форме похожий на яйцо. А лебеди пытались высидеть даже бутылки. Один ученый заменил яйца садовой славки яйцами другой пташки — завирушки. После этого славка снесла еще одно яйцо. Оно не было похоже на другие в гнезде. Птичка внимательно осмотрела «подозрительное» яйцо и выбросила вон. Она приняла его за чужое!

И все-таки некоторые птицы выбрасывают яйца кукушек. Иногда они «замуровывают» в гнезде сброшенное яйцо вместе со всеми яйцами, среди которых оно лежит. Покрывают их травинками, шерстью и пухом, делают новое дно у гнезда. Получается двухэтажный «домишко». В первом этаже лежат сброшенные яйца (среди них одно кукушечье), во втором — вновь снесенные, которые насиживаются.

Чтобы труднее было распознать ее яйца, кукушка «подделывает» их. Эволюция наделила кукушку удивительным свойством: ее яйца и размером и цветом похожи на яйца птиц, в гнезда которых она их подбрасывает.

Все это хорошо, но ведь воспитывают кукушат птицы 150 разных видов. И у всех яйца разного цвета. Как кукушка узнает, что в гнездо к горихвостке нужно положить голубое, к дроздовидной камышевке — голубое с темными пятнами, а к садовой славке бурое яичко?

Дело в том, что кукушки специализируются на птицах определенного вида. Есть кукушки «горихвостковые», «трясогузковые», «камышевковые» и так далее, то есть кукушки, которые из года в год подбрасывают свои яйца в гнезда горихвосток, трясогузок и камышевок. Каждая кукушка несет обычно яйца одного определенного цвета, именно такого, в который окрашены яйца приемных родителей ее кукушат. Случается, конечно, что кукушка помещает свои яйца среди окрашенных совершенно иначе. Но обычно она не ошибается.

Кукушка весит примерно 100 граммов, а птички-воспитатели кукушат — всего 7—10. Диверсию с яйцами трудно было бы произвести, если бы они были такие же крупные, как, скажем, у бекаса, который тоже весит 100 граммов. У кукушек очень маленькие яйца, примерно как у воробья! И весят не больше воробьиных, около 3 граммов.

Яичко маленькое, а зародыш в нем развивается очень быстро. Уже через одиннадцать дней кукушонок выклевывается из скорлупы. Он спешит обогнать своих соседей по гнезду, которые появляются на свет через 12—13 дней. Чуть обсохнув, новорожденный кукушонок приступает к тяжелой работе: нужно выкинуть из гнезда лишних едоков.

Гнезда певчих птиц хорошо укрыты, увидеть не легко. Как находит их кукушка?

Возможно, помогает тут «опасное сходство». Летящую кукушку легко принять за ястреба-перепелятника. У нее похожая раскраска, такие же размеры и характер полета. Это поразительное сходство, надо полагать, не простое совпадение.

«Низко над вырубкой я заметил кукушку. У нее был странный полет: летела она над самой травой, почти касаясь ее, и круто поворачивала то вправо, то влево. Время от времени кукушка хлопала крыльями, и так сильно, что колыхалась трава. Она искала гнезда и шумом крыльев старалась вспугнуть насидевших птиц. Ее действия невольно напомнили мне обильную охоту, когда загонщики криком и стуком выпугивают зверя» (П е у с).

Птицы, заметив низко над собой силуэт снижающегося «хищника», выскакивают из укрытий. Спасаясь бегством, они выдают свои гнезда. А кукушке это и нужно.

Не только наша кукушка, но и некоторые ее сородичи из тропических лесов Африки и Индии раскраской и полетом напоминают хищных птиц. Факт поразительный!

Разведку кукушка ведет и по-другому, наблюдает из засады. Сидя где-нибудь на высоком дереве или столбе, она терпеливо высматривает, где птицы выют свои гнезда.

Как поступит она, если найдет гнездо с насиженными яйцами? Такое не годится для кукушонка: он не успеет здесь вывести раньше других птенцов. Обычно кукушка не «эксплуатирует» гнезда с сильно насиженными яйцами. Но, случается, инстинкт подсказывает ей и другое действие. Некоторые натуралисты видели, как кукушки выбрасывали из гнезд насиженные яйца и тем самым вынуждали пострадавших птиц приступить к откладке новых яиц. К ним кукушка контрабандой подбрасывает и свое яичко.

А как? Откладывает прямо в гнездо или приносит в клюве?

По-разному. В гнезда, которые слишком для нее малы или до которых трудно добраться, она приносит свое яйцо в клюве и осторожно помещает его между чужими. Но, прежде чем положить свое яйцо, кукушка обычно удаляет из гнезда одно чужое. Уносит его в клюве.

Кукушке-самке иногда помогает самец, отвлекая внимание птиц. Пролетит над гнездом и сядет на видном месте. Птички с писком атакуют его, гонят прочь. А он не спешит. Самка тем временем тайно совершает свою диверсию и почти моментально: всего 5—8 секунд требуется для этого кукушке. До 20 яиц в разных гнездах размещает она за лето.

Кукушонок очень прожорлив. Приемные родители весь день от зари до зари, буквально каждую минуту, приносят ему корм. Его оранжево-красный рот так привлекателен, что нередко даже чужие птицы, пролетающие мимо, не могут устоять перед соблазном покормить кукушонка! Через 20 дней кукушонок покидает гнездо, но еще месяц или полтора преданные родительским обязанностям птички кормят его.

А как родная мать — кукушка? Навещает ли его хоть изредка? Наши обыкновенные кукушки, подкинув яйца, никогда больше к ним не возвращаются, улетают довольно скоро на юг. Первые кукушки появляются в Африке уже в июле. Молодые летят позже и совершенно самостоятельно. Инстинкт указывает им дорогу.

Не все кукушки столь беспечны. Есть и такие, которые вместе с приемными родителями выкармливают своих подкинутых в чужие гнезда птенцов.

Например, некоторые африканские кукушки. Другие и кормят и высиживают птенцов, но гнезд не строят, занимают чужие. Третьи, наконец, и гнезда строят и несут все связанные с ними заботы о потомстве, но порой подбрасывают яйца в гнезда других кукушек или иных птиц. Некоторые откладывают яйца в одно общее гнездо, и несколько самок сообща их насиживают... Разнообразие тут большое, и переходы от собственного насиживания к чистому гнездовому паразитизму намечаются определенные.

Новозеландские бронзовые кукушки, интересные, кроме всего прочего, своими перелетами, птенцов тоже не насиживают, но подкармливают. Они зимуют на островах Бисмарка и Соломоновых. Молодые кукушки, которым нет еще и года, летят туда много позже старых и сначала — на северо-запад, в Австралию. Вдоль ее восточных берегов продвигаются на север и поворачивают затем на северо-восток — в открытый океан, отыскивают несколько маленьких островков, в давние времена полюбившихся их предкам, и только здесь встречаются со своими беспечными родителями. Как находят они эти затерянные в океане острова, просто непостижимо!

Следы былой, потерянной в веках семейной жизни, заметны в поведении даже нашей кукушки. Самцы громкими «ку-ку» скликают самок. Самки не кукуют. Кричат, подлетая к самцам, «кли-кли-кли» и временами глухо «хохочут» — странный звук, который весной часто слышится в лесах. Около самки собирается несколько самцов, порой они дерутся, а порой в их ухаживании наблюдали странные повадки: собрав кое-какой годный для гнезда материал, самец предлагает его самке! Ненужный уже для дела, но сохранный в брачных играх ритуал.

У других, тоже паразитических, кукушек самцы кормят самок, когда те принимают позы выпрашивающих пищу птенцов. Это говорит о том, что их предки когда-то были хорошими семьянинами и сами воспитывали своих детей.

Мы уже знаем, что и у других птиц встречаются нерадивые родители, всегда готовые подбросить свои яйца в чужие гнезда. Некоторые из них и сами насиживают. Это не «чистый» гнездовой паразитизм. «Чистый или обязательный», кроме кукушек, еще у 18 видов медоуказчиков, или медоведов, нескольких видов ткачиков и воловьих птиц.

Почти сотая часть всех известных науке птиц — 83 вида! — избавлена эволюцией от забот о потомстве. Кукушкам в этом смысле повезло больше всех! На земле около 130 видов кукушек. По крайней мере, 50 из них, и почти все из восточного полушария, не насиживают своих яиц. Целая серия замечательных инстинктов и приспособлений помогает этим птицам освободиться от самого, пожалуй, хлопотного дела — воспитания детей.

ТУРАКО

Турако, или бананоедов, некоторые исследователи предлагают объединить в один отряд с куриными птицами. Как у гоацинов, у птенцов турако на каждом крыле по когтю, которым они цепляются за ветки, когда, покинув гнезда и не умея еще летать, путешествуют по дереву. Гнезда у турако — плоские платформы из веток, скрытые в гуще ветвей. Яиц два-три.

Взрослые турако очень красивы: яркие фиолетовые, голубые, зеленые, красные и желтые тона в их оперении. Причем зеленый цвет не структурной природы, как у других птиц. Особый, содержащий железо пигмент тураковердин окрашивает перья, поэтому они и мокрые блещут изумрудами. У других птиц зеленые перья «становятся» тускло-бурыми, если птица сильно намокнет под дождем».

Ростом турако с галку, ворону, некоторые и с ворона. Длиннохвостые. У многих на головах хохлы. Клюв короткий, но прочный, лишь у некоторых довольно массивный. Кормятся в основном ягодами, почками, плодами (даже ядовитыми, которые никакие птицы не едят!). Живут на деревьях в разных ландшафтах: в горах и на равнинах, в сырых тропических лесах и в саваннах.

На землю редко спускаются. В ветвях прячутся умело, замирая на месте, когда чувствуют, что замечены. Но громкие крики выдают места их обитания. Все турако очень крикливы.

Около 20 видов в Африке, к югу от Сахары.

КОЗОДОИ

Ночные птицы — длиннокрылые, ширококрытые, коротконогие. Клюв небольшой, с широким разрезом и окаймлен в основании щетинками. Зоба нет, слепые выросты кишечника длинные, у некоторых видов есть пудретки, но не у совиных лягушкоротов, у которых имеется копчиковая железа. У настоящих козодоев средний палец с длинным, зазубренным снизу когтем — «туалетный гребень», как у цапли! Самцы и самки похожи, у некоторых видов самцы в брачном наряде украшены длинными хвостовыми перьями. Моногамы. Насиживают и выкармливают птенцов оба партнера. Все, кроме гуахаро, кормятся насекомыми, которых, как стрижи и ласточки, ловят на лету (настоящие козодои) или собирают на земле и ветвях.

Одно-четыре яйца. У обычных козодоев, как правило, два. Насиживают с первого яйца на голой или устланной листьями и хвоей земле. Некоторые гнездятся в дуплах (совиные лягушкороты, например), в пещерах (гуахаро). Лягушкороты строят на деревьях простейшие гнезда. Южноамериканские исполинские козодои яйцо обычно откладывают сверху на обломок ствола или на голый сук и насиживают его в вертикальной позе.

Срок инкубации сравнительно небольшой: 16—18 дней, у лягушкоротов — до месяца, у гуахаро — чуть больше. Птенцы полувыводкового типа: рождаются зрячие, в пуху (у гуахаро — голые) и через несколько дней обычно ползают уже вокруг гнезда. Половозрелость у многих на следующий год.

92 — 96 видов в странах всего мира, кроме полярных областей.

Пять семейств.

Гуахаро, или жиряки, — 1 вид на севере Южной Америки.

Лягушкороты: небольшие и крупные ко-

зодои, охотятся на земле, а не в воздухе, за насекомыми, скорпионами, тысячножками, лягушками, ящерицами, мышами, мелкими птицами, едят и плоды. 12 видов на юге Индии, Цейлоне, в Индокитае, Индонезии, кроме Сулавеси, на Филиппинах и в Австралии.

Совиные лягушкороты: небольшие, похожие немного на сов козодои. Насекомых ловят и в воздухе, и на земле. На ветки садятся не вдоль сука, как обычно козодои, а поперек него. 5—7 видов в Австралии, Новой Гвинее, Новой Каледонии и на Молуккских островах.

Исполинские козодои. Крупные, до метра в размахе крыльев, похожие на обычных козодоев птицы. Но, отдыхая днем, не лежат, плотно прижавшись к земле или ветке, а сидят вертикально. 5 видов в Центральной и Южной Америке.

Настоящие козодои. Около 70 видов в Америке, Африке, Европе и Азии. В Австралии их нет. Некоторые североамериканские козодои зимой, спрятавшись в расщелинах скал, цепенеют. Температура тела их снижается до 18 градусов. Так спят до весны.

ПТИЦЫ БЕЗ ГНЕЗД

Странное название «козодой» рождено недоразумением: ночами летают эти птицы среди пасущегося скота. Привлекают их насекомые, а народная молва еще во времена античной древности решила, что сосут птицы молоко коров и коз. Их широкий рот будто бы для этого годится, что, конечно, неверно.

В наши леса, степи и полупустыни самцы козодоев прилетают из Африки, в Сибирь — из Индии, раньше самок. Прилетают ночью, а днем, прижавшись к земле или ветке, сидят неподвижно, полужакрыв глаза. Увидеть их трудно. Но в вечерних сумерках выдают себя. Протяжная, «мурлыкающая» или, скорее, приглушенная трескучая, несколько «картавая» трель — «трррр» — песня самца козодоя звучит над перелесками и полями. Выкрикнув резко «кувык», он срывается с дерева, на котором «ворковал», и

совиный
лягушкорот

летит неровным полетом, лавируя между деревьями. Приподняв крылья, хлопает ими над собой. Веером распускает хвост, чтобы показать белые пятна на нем. Самка отвечает криком или летит на зов. Самец за ней.

Гнезд не делают. Прямо на голой земле, на опавших листьях и хвое, на мху, порой даже на лесной тропе насиживают два яйца. Жесткие стебли, которые тут лежат, самка отбрасывает в сторону, чтобы не мешали. Самец насиживает меньше самки, обычно в сумерках и ночью. Врагов отводят от кладки, притворяясь ранеными, волоча крылья и перепархивая. А затем откатывают яйца, продвигаясь задом вперед, на несколько метров в сторону, потому что прежнее их местоположение небезопасно.

Птенцы через несколько дней уже ползают вокруг. Днем прячутся у матери под крыльями, а угаснет солнце — тормошат ее, прикасаясь к щетинкам у рта: просят есть. Мать летит на охоту.

Летают козодой с закрытым клювом. Только перед тем, как схватить жука или мотылька, раскры-

С юного возраста у исполинских козодоев появляется инстинкт вертикальной посадки. В такой позе они очень похожи на гнилые ветки или наросты на дереве.

вают свой невероятно широкий рот. Насекомых приносят в горловом мешке. Возбужденно попискивая, встречают их птенцы. Родители погружают клювы в широкие их рты и отдают добычу.

Птенцы растут быстро. Две-три недели от голого места на земле, где они вывелись, далеко не уходят, но «уборные» в стороне: узким белым кольцом высохшего помета окружают «гнездо». Потом, когда полетят, живут с родителями до августа — сентября, до отлета в южные края. Каждая семья козодоев в эту пору занимает и охраняет охотничью территорию в несколько гектаров.

В некоторых местах Средней Европы бывает у козодоев летом и вторая кладка. Тогда они так разделяют родительские обязанности: самец заботится о первом выводке, а самка насиживает.

Когда погода плохая, насекомых мало, козодои, как и стрижи, цепенеют в неподвижности, температура тела падает, энергия экономится. Много дней и ночей может длиться подобная «голодная спячка».

«Группа козодоев — один из наиболее совершенных примеров покровительственного сходства, какое можно отыскать во всем животном царстве среди форм такого размера. Эти птицы одеты в мягкие криптические тона, красно-бурые, желтовато-коричневые, коричневые, золотисто-бурые и пепельно-серые или в нейтрально-песчаные тона... Козодои сидят, плотно прижавшись к земле, невидимые, они позволяют почти наступить на себя, прежде чем внезапно поднимутся, чтобы умчаться легким и изворотливым полетом» (Х. Котт).

В Ираке, на небольшом участке голой земли, размером с полгектара, днем пряталось, по крайней мере, два десятка египетских козодоев. Но заметить их было совершенно невозможно, пока птицы не взлетали из-под самых ног!

Покровительственная окраска австралийских лягушкоротов не менее совершенна. Птицы сидят вертикально на ветках или изгородях, закрыв до узких щелей глаза, и так похожи на обломки сучков, что, случалось, человек, подойдя, мог положить на них руку, не подозревая, что это птица, а не кусок дерева! «Доверяя своему изумительному подражанию природе, она остается замершей и неподвижной и не пытается улететь, если ее не столкнуть силой».

«Мертвыми» невидимками насиживают они и яйца...

«...в развилке расходящихся горизонтально ветвей. Это позволяет птице сидеть на гнезде, положив хвост вдоль сучка и выставив голову между ветвями, откуда она может видеть все происходящее внизу. Она сидит, распластавшись на гнезде, а ее голова с пучком щетинок над клювом придает птице вид куска сухого дерева... В этом положении она кажется безжизненной и улетает лишь тогда, когда наблюдатель вскарабкается по дереву почти к самому гнезду» (Меллор).

ЖИРНЫЕ КОЗОДОИ

Жирные козодои, или гуахаро, как их называют в Америке, живут в пещерах Перу, Венесуэлы, Гвианы и на острове Тринидад. Если вздумаете нанести им визит, запаситесь терпением, а главное, лестницами и электрическими фонарями. Необходимо также и некоторое знакомство с основами альпинизма, потому что козодои гнездятся в горах, и часто, чтобы до них добраться, приходится карабкаться по отвесным скалам.

А как войдете со всем этим снаряжением в пещеру, заткните уши, потому что тысячи птиц, разбуженные светом, сорвутся с карнизов и стен и с оглушительным криком станут метаться у вас над головой. Птицы крупные, до метра в размахе крыльев, шоко-

ладно-коричневые. Глядя на их виртуозные маневры в мрачных гротах айдова царства, все поражаются и задают один и тот же вопрос: как умудряются эти пернатые троглодиты, летая в полной темноте, не наткаться на стены, на всякие там сталактиты и сталагмиты, которые подпирают своды подземелий?

Погасите свет и прислушайтесь. Полетав немного, птицы скоро успокоятся, перестанут кричать, и тогда вы услышите мягкие взмахи крыльев и как аккомпанемент к ним негромкое щелканье. Вот и ответ на ваш вопрос!

Это работают эхолоты. Их сигналы улавливает и наше ухо, потому что звучат они в диапазоне сравнительно низких частот, — около 7 килогерц. Каждый щелчок длится 0,001—0,002 секунды. Дональд Гриффин, известный исследователь эхолотов летучих мышей, заткнул ватой уши некоторых гуахаро и выпустил их в темный зал. И виртуозы ночных полетов, оглохнув, тут же и «ослепли»: беспомощно наткались на все предметы в помещении. Не слыша эха, они не могли ориентироваться в темноте.

Дневные часы гуахаро проводят в пещерах. Там же устраивают и свои глиняные обильно «нашпигованные» косточки плодов гнезда, прилепив их кое-как к карнизам стен. По ночам птицы покидают подземелья и летят туда, нередко за 40—50 километров, где много фруктовых деревьев и пальм с мягкими, похожими на сливы плодами. Тысячными стаями атакуют и плантации масличных пальм, срывая плоды на лету, трепеща крыльями и «повисая» на манер колибри около дерева. Возможно, что фрукты гуахаро разыскивают с помощью обоняния. Плоды глотают целиком, а косточки потом уже, вернувшись в пещеры, отрыгивают. Поэтому в подземельях, где гнездятся гуахаро, всегда много молодых фруктовых «саженцев», которые, однако, быстро гибнут: не могут расти без света.

Брюшко только что оперившихся птенцов гуахаро покрыто толстым слоем жира. Когда юным троглодитам исполнится примерно две недели, в пещеры приходят люди с факелами и длинными шестами. Они разоряют гнезда, убивают тысячи редкостных птиц и тут же, у входа в пещеры, вытапливают из них жир. Хотя у этого жира неплохие пищевые качества, употребляют его как горючее в фонарях и лампах.

Гуахаро кормят птенцов по три-шесть раз за ночь. Растут их дети быстро и через два месяца весят уже в полтора раза больше взрослых птиц. Сидят в гнездах долго, по три-четыре месяца, пока не научатся летать.

ДЛИННОКРЫЛЫЕ

Стрижи и колибри образуют этот отряд. И те и другие летают прекрасно, большую часть жизни проводят в воздухе. Но ходить, плавать, тем более нырять не умеют.

Подотряд стрижи. Длинные серповидные крылья, маленький, с широким разрезом клюв. Крохотные лапки. Все четыре пальца направлены вперед (обычные стрижи, но не новорожденные!) либо два вбок, два — внутрь (пальмовые стрижи). У других — три вперед, один — назад. У некоторых саланган одного переднего пальца вообще нет.

Моногамы. Самцы и самки похожи. У черных стрижей пары, как правило, постоянны. 1—6 яиц в кладке. Насиживают и выкармливают оба родителя, саланганы 2—3 раза в год. Тип развития птенцовый.

Небольшие птицы, длина 10—33 сантиметра. Средняя продолжительность жизни в природе у черных стрижей 7 лет, некоторые жили 15—21 год.

Два семейства: стрижи и хохлатые стрижи. Около 80 видов в странах всего мира, кроме Арктики и Антарктиды.

Подотряд колибри. Самые крохотные птицы мира: длина 6—22 сантиметра, вес — 1,6—20 граммов. Как у стрижей, у них длинные маховые перья и точно так же основу крыла составляют кости кисти. Клюв длинный, у некоторых длиннее всего тела, прямой, чуть изогнутый вверх или вниз. Ножки короткие и слабые, пригодны лишь для «приземления» на ветках, но не для ходьбы. Три пальца направлены вперед, один назад. Язык длинный, бахромчатый, раздвоенный на конце. Пищевод образует зоб, в котором взрослые птицы приносят птенцам насекомых. Сердце велико, вдвое-втрое больше желудка. А желудок устроен так, что вход в него и выход сближены, и поэтому, когда колибри сосет нектар, тот беспрепятственно протекает в ки-

шечник, даже если желудок забит насекомыми.

У многих видов самки окрашены менее красочно, чем самцы, у других — лишь без удлинённых, причудливой формы перьев хвоста. Но у некоторых очень похожи. Модногамы. Самцы у большинства не строят гнезд и не высидивают птенцов, охраняют лишь гнездовую территорию. Обычно два белых яйца в кладке. Насиживают 14—20 дней. Тип развития птенцовый: гнезда юные колибри покидают обычно через три недели.

321 вид в Америке, от Аляски до Огненной Земли.

СТРИЖИ

В конце весны с хорошей погодой прилетают к нам стрижи. Срок прилета для каждой местности у них из года в год постоянный, с опережением или опозданием на несколько дней, в зависимости от капризов местного климата. С визгом летают над полями, селами, над каменными громадами городов. Когда погода хорошая и теплые струи восходящего от нагретой земли воздуха возносят в небо насекомых и пауков, летающих на паутинках, высоко в небесной синеве охотятся и стрижи, а в дни пасмурные и перед дождем мчатся низко над землей, быстрые и серпокрылые. По-видимому, не с раскрытым ртом летают стрижи, как прежде думали, а на стремительных виражах успевают раскрыть и вновь сомкнуть клюв, чтобы схватить встреченное насекомое.

Все на лету совершают: кормятся, пьют, купаются, окунаясь на миг в воду, собирают подстилку для гнезд... Даже спят! И даже соединяются на кратковременный миг любви.

Лапки очень маленькие: длина их сантиметр. Взлетать с земли взрослый, но не юный стриж еще кое-как может, а ходить по ней не умеет, только беспомощно ползает.

Однако за малейшие неровности утесов и фасадов домов острые коготки цепляются надежно. Стрижи повисают на них и даже ползают по отвесным стенам. Здесь же, на этих стенах, под крышами домов, в расщелинах скал, нередко и в дуплах деревьев, устраивают гнезда. Важно, чтобы под тем местом, где гнездо, было открытое пространство для свободного падения вниз, иначе стриж не сумеет взлететь с гнезда.

Супружеские пары возвращаются из Африки обычно к старым гнездам, но самки и самцы в разное время. Если погода не благоприятствует, холодно и в воздухе мало насекомых, они не спешат плодиться. Если дожди затяжные, прячутся в гнездах. Отсиживаются. Дня четыре способны голодать. Дело в том, что температура тела у стрижей не постоянна: когда они в гнездах ждут погожие дни, падает до 20 градусов. Птица цепенеет в неподвижности. Все метаболические процессы в ее теле замедляются, получается некое подобие зимней спячки ежей, медведей и других подверженных ей животных.

Молодежь прошлого года рождения, которой еще рано размножаться и у которой, естественно, нет гнезд, и другие стрижи, по той или иной причине их лишенные, сотнями и тысячами улетают против ветра на окраины циклона, где область высокого давления и, следовательно, хорошая погода. Там и насекомых много. Ими кормятся и, следуя за фронтом перемещения циклона, отнюдь не по прямой, вместе с массами воздуха, в которых установилось высокое атмосферное давление, вновь возвращаются к гнездовьям, само собой понятно, с хорошей погодой.

Эти «погодные миграции» простираются на 50 и более километров от родных, неприятных в эту пору мест.

Соединившись, стрижиные пары строят гнезда (у кого их нет). В старых обновляют подстилку, точнее — весь лоток гнезда. Материал идет разный — все, что можно поймать на лету: пушинки одуванчиков и прочих растений, перья, обрывки бумаги, травинки, лепестки цветов... Один стриж поймал бабочку и ее, еще живую, пытался «вмазать» в гнездо.

Все принесенное склеивают слюной: отрывают ее, держа клюв над ворохом собранного. Слюна медленно истекает толстыми нитями. Затем прессуют пропитанный слюной материал клювом и опять обильно его поливают, поворачиваясь по кругу. Этот птичьего изготовления «текстолит» быстро твердеет на воздухе. Получается округлая колыбелька около дециметра в поперечнике и глубиной впятеро меньше. Снизу она приклеена к уступу скалы или стене дома, к дереву балки или внутренности дупла, либо к старому воробьиному гнезду, порой поверх воробьиных яиц и даже птенцов, которых стрижи заживо там замуровывают.

Случается эта «жестокость» по причине частых в природе бессознательных противоборств за места гнездовий. Стрижи прилетают поздно, и к этому времени многие их старые гнезда уже заняты воробьями или скворцами. Привязанность к старому дому у стрижей велика. Упорно час за часом, день за днем

пытаются они занять свои законные гнезда. Как ни атакуют, как ни гонят их воробьи и скворцы, стойкость быстрокрылых птиц побеждает. Дерутся, ударяя сильными крыльями и царапая острыми коготками! Чужих детей или яйца они в конце концов выбрасывают или, залепив их клейким своим гнездовым материалом, заживо под ним погребаяют.

Два-три яйца, реже на одно больше или меньше, насиживают попеременно самец и самка около 20 дней или на 4—5 дней больше, если погода плохая. По другим данным, срок насиживания «колеблется между 16 и 11 днями, что зависит от погоды».

У стрижей не принято кормить насиживающего партнера, поэтому при плохой погоде, когда за недолгий «отпуск» из гнезда как следует подкормиться не удастся, птицы на сутки и больше бросают яйца и все это время охотятся в небе. У стрижиных яиц поразительная «живучесть»: выброшенное из гнезда яйцо, двое суток пролежавшее на холоде, не погибает и в инкубаторе благополучно развивается.

Кем выброшенное? Самими же стрижами! Мало ясных дней, дожди, — стрижи, словно понимая, что выкормить при таких условиях многочисленное потомство невозможно, выбрасывают из гнезда одно яйцо прямо «на улицу» или в сторонку из лотка. Непогода упорствует — выбросили стрижи и второе яйцо. За ним могут полететь третье и четвертое, если оно уже снесено. Затем, когда погожие дни вернутся, новая будет кладка. Увы, обычно они не успевают ее высидеть и выкормить до конца лета.

Но полное уничтожение яиц — это крайний случай. Обычно при любой погоде, точнее, при той разнородности, которая одаряет наши широты в мае и июне, четверть снесенных стрижами яиц благополучно завершает свое развитие.

Но вот вывелись птенцы, голые, слепые, несуразные на вид, весом каждый три грамма! Только на пятый день зачатки перьев черным пунктиром обозначаются в их розовой коже, только в конце первой недели откроют они глаза. Но о том, что съедобно, осведомлены уже с первого дня: энергично, почти, можно сказать, истерично осаждают родителя, вернувшегося с удачной охоты. Они верещат, они лезут, еще слепые, едва способные кое-как двигаться, на его грудь, штурмуют его рот. Он, погрузив свою голову наполовину в глотку одного из юнцов, отдает принесенное. Все пойманные мошки упакованы, словно в пакет, в оболочку из слюны. В ней от 200 до 1500 насекомых и пауков. В первые дни этот удобный для транспортировки «пакет» приходится разрывать на части, прежде чем одарить каждого положенной долей. Позднее его буквально выхватывают

из родительского рта самые голодные и активные и глотают целиком.

Но глотают не сразу. Держат известное время во рту: здесь обильная слюна, богатая растворяющим хитин ферментом, обволакивая толстым слоем пищевой комок, делает свое предпищеварительное дело, которое продолжается затем в желудке.

За 30—40 кормежек птенцы получают около 40 тысяч насекомых в сутки. Растут быстро, в конце второй недели они тяжелее своих родителей и весят 55—65 граммов. Маховые перья крыльев удлинняются каждый день на полсантиметра! Позднее, перед вылетом из гнезда, заметно худеют, особенно если погода испортится. Тогда взрослые стрижи нередко улетают в очередную «погодную миграцию», оставив детей, казалось бы, на произвол судьбы. Но дети не погибают, их спасает оцепенение, температура тела понижается почти до уровня воздуха, охлажденного летней непогодой. Обмен веществ едва теплится в них. Могут голодать неделю и больше, пока не вернутся с солнечными днями их родители и снова не накормят. Но если две недели голодают, обычно все погибают, потеряв половину своего веса.

В конце июля, в августе молодые стрижи покидают гнезда. За несколько дней перед этим один из родителей обычно бросает их, а второй кормит теперь не так уже усердно, как прежде. Голод заставляет юнцов оставить отчий дом. Сразу же воспарив в небо, находят они там «накрытый стол»: умело ловят насекомых. Родители их в воздухе не кормят, как это принято у ласточек. Молодые стрижи с этого момента уже ни отца, ни мать не знают. Улетают тут же на юг. Взрослые последуют за ними немного позднее.

Летят стрижи в Африку, за экватор, до самого юга континента, и днем и ночью. Разумеется, с перерывами на обед и отдых. Через несколько недель они уже в Африке. Улетают от нас в августе, когда могли бы еще неплохо кормиться на родине.

Что побуждает их так рано покинуть земли предков? Возможно, торопит их физиологическое чувство, побуждающее поспешить с отлетом, прежде чем начнется линька. Линяют стрижи на зимовках, «когда они в середине или во второй половине августа прибывают на экватор». Линька затяжная — до семи месяцев. Некоторые, не успев поменять все перья в тропиках, заканчивают это весной уже в наших широтах.

«Молодые стрижи в большинстве не меняют маховые перья во время первого пребывания в Африке. Трижды мигрируют между Африкой и Европой с теми же маховыми перья-

ми, которые получили в гнезде. Однако перья, покрывающие тело, и мягкие хвостовые обновляются первой же зимой» (Антон де Ро).

Эта молодежь и к нам не торопится возвратиться. Многие первогодки-стрижи лето проводят в Африке, многие другие прилетают в Европу поздно — в июне. Размножаться им еще рано, но они уже «подумывают» о будущем: ищут удобные для гнезд места и партнеров для брачных союзов следующего года. Их «визгливые» стаи вечерами, когда семейные стрижи устраиваются на ночлег в своих гнездах, устремляются все выше и выше в небо за гаснущим светом зари. Лишь недавно узнали, что там, в поднебесье, у них... спальни.

В Европе шла война. Людям было не до животных. Никто не думал о том, где и как они спят. Люди сами спали кое-как... И вот в одну из таких бессонных ночей французский летчик, сам того не подозревая, попал прямо в спальню к стрижам.

Он пролетал высоко над немецкими позициями и выключил мотор, чтобы его не услышали. Скользил плавно и бесшумно. Внизу белело море облаков, сверху сияла полная луна. Когда самолет его, планируя, снизился до трех тысяч метров, перед ним открылась странная картина: всюду вокруг, насколько он мог видеть, небольшие черные птицы, распластав крылья и временами ими взмахивая, безмолвно, как призраки, летели над бездной. Много птиц! Все черные, все словно неживые, и все плыли над облаками в одну сторону. Они спали! Когда самолет приблизился, птицы, как сомнамбулы, но с точным расчетом ныряли под него и снова плавно скользили на раскинутых крыльях, но уже за хвостом.

«Мы пролетели прямо через стаю, — рассказывал потом летчик, — и сбили двух птиц, одна застряла в самолете. Я нашел ее потом: это был стриж!» Рассказал он натуралисту Е. Вейтнауэру, и тот в 1952 году опубликовал этот рассказ и свои наблюдения в швейцарском научном журнале.

Вейтнауэр уговорил одного пилота, и в его самолете они поднимались ночами в небо и вот на высоте около полутора тысяч метров заметили однажды внизу под собой черные точки. Это были стрижи, и они все спали на лету.

Первые птицы пробудились перед рассветом: в 4 часа 37 минут утра. Широкими кругами все ниже и ниже опускались они к земле. Через 20 минут стало совсем светло, и над полями и лугами стрижи, как обычно, уже с визгом ловили комаров, мух и разных других крылатых насекомых.

В этом коллективном «сонном» полете принимают участие и взрослые стрижи, по той или иной при-

чине не размножающиеся в этом году и некоторые покончившие с этим делом. Так же, по-видимому, спят стрижи и в Африке долгими тропическими ночами.

В СССР — еще 4 вида стрижей: белобрюхий и малый в Средней Азии; белопоясный (узнается по белой пояснице) и иглохвостый — на юге Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Иглохвостый — крупный стриж, стержни хвостовых перьев иглами торчат наружу. Он, как и сизый голубь, самая быстрая в мире птица. 160 километров в час в горизонтальном полете! Такую скорость зарегистрировали с секундомерами в руках некоторые исследователи, изучавшие иглохвостых стрижей в Индии. Южноамериканских иглохвостых стрижей называют в Бразилии «ракетами»! Обитают иглохвостые стрижи и в Африке. Некоторые устраивают гнезда под каскадами воды, низвергающейся с водопадов! Наши иглохвостые стрижи зимовать улетают на... Тасманию.

серая салангана

черный стриж

тапальмовый стриж

Салангана — небольшой буроватый стриж, столетиями хорошо известный всем местным гурманам. Из гнезд саланган варят превосходные супы! Сами гнезда, хорошо приготовленные разумеется, вкусом, говорят, напоминают осетровую икру. Саланганы 17 видов обитают в Юго-Восточной Азии: Индии, Индонезии, Полинезии, полуострове Кейп-Йорк на севере Австралии. Гнездятся на отвесных скалах, но чаще в пещерах у самого берега моря, подобраться к которым можно только с большим риском. Еще большие опасности ждут сборщиков «ласточкиных гнезд», когда по бамбуковым лестницам и сплетенным из лиан веревкам лезут они на стены пещер и скал, добираясь до поселений саланган.

Поставщики ресторанов и прочие торговцы дорого платят сборщикам за «ласточкины гнезда»: полшиллинг за первосортное, свежее, без примесей гнездо. За сезон один сборщик добывает до 40 тысяч гнезд общим весом в полтонны и зарабатывает около тысячи фунтов стерлингов.

Многие саланганы «вмазывают» в гнезда перья, травинки, кусочки коры и пр. Но серая салангана делает их только из собственной слюны: ее гнезда особенно и ценятся. Но только свежие. Старые буреют, в них набивается пыль и всякий прочий мусор, заводятся личинки бабочек. Из этих гнезд после обработки добывают желатин.

Салангана так вьет гнездо: прицепится лапками к скале и смазывает клейкой слюной камень, рисуя на нем силуэт люльки. Водит головой вправо и влево, слюна тут же застывает, превращается в буроватую корочку. А салангана все смазывает ее сверху. Растут стенки у гнезда, и получается маленькая колыбелька на огромной скале.

Сравнительно недавно открыли, что некоторые саланганы представляют интерес не только для гастро-

номов, но и для биофизиков: эти птицы, летая в темноте, посылают вперед акустических разведчиков, которые «трещат, как детская заводная игрушка». Иначе говоря, ультразвуковыми эхолотами, как летучие мыши, «ощупывают» все вокруг во мраке пещер.

Пальмовые стрижи (три вида в Южной Америке и на Кубе, один вид в Африке, Индии, Индонезии и на Филиппинах) гнезда устраивают почти всегда только на листьях пальм, даже на тех, которыми покрыты туземные хижины. У американских пальмовых стрижей гнезда — вполне комфортабельные «кульки», сооруженные из склеенных слюной перьев. Вход снизу, между листом пальмы и наружной стенкой «кульки». Яйца и птенцы покоятся в удобном углублении на дне гнезда. Но «старосветский» пальмовый стриж — просто виртуоз! Насиживание для него — акробатический подвиг. Как он не падает с листа, который ветер крутит, качает, швыряет по всем возможным направлениям, как птенцы умудряются не свалиться — просто непостижимо!

Наловив в воздухе всяких пушинок и смешав с клейкой слюной, стриж лепит из них на внутренней поверхности листа крохотную «перинку». К ней приклеены два яйца, поставленные вертикально. Стриж держится коготками за «перинку» (головой вверх) и так насиживает. Птенцы, как только выведутся, первым делом должны уцепиться за свою колыбель, которую «укачивают» буйные ветры. Ни на миг не отпускают коготки и висят, пока не оперятся.

У хохлатых, или древесных, стрижей гнезда самые крохотные в мире птиц (по отношению к размерам соорудившей их птицы). Миниатюрная корзиночка из кусочков коры и перьев, склеенных слюной. Прилеплена она одним боком к тонкой ветке, в ней одно беловатое яйцо, всю ее заполняющее. Стрижи садятся поперек ветки и животом прикрывают это яйцо. Птенец, как выберется из скорлупы, переползает на сук и сидит притаившись, словно древесная почка. Он не кричит, почти не шевелится, даже когда родители подлетают с кормом. Хищникам трудно его заметить.

Три вида хохлатых стрижей обитают в Индии, Индокитае, Индонезии и на Филиппинах. На лбу, на темени, у некоторых и под клювом хохлы из перьев. Хвост более вильчатый, чем даже у ласточки. Ловят добычу не в долгих воздушных рейдах, а в молниеносных бросках с веток, на которых поджидают насекомых.

ПТИЦЫ-ЛИЛИПУТЫ

Самые крохотные гнездышки, в абсолютных масштабах, у колибри: с половинку скорлупки грецкого ореха, у некоторых и этого меньше, у многих, однако, крупнее. И сами птахи малы невероятно! Карликовый колибри со шмеля, чуть больше полутора граммов вес птицы. Самые малые из землероек и карликовые колибри — создания рекордно мизерные среди теплокровных животных. Но многие колибри — а их 321 вид, и все в Америке! — ростом примерно с чижа. Один вид, гигантский колибри, с ласточку.

Чем меньше теплокровное животное, тем больше у него относительная поверхность тела. А это влечет за собой значительные затраты энергии для поддержания нужного температурного баланса, повышенный обмен веществ, а с ним и большое потребление кислорода. Значит, и сердце у этих маленьких птиц должно быть относительно велико, и биться ему тре-

буется в повышенном ритме, и гемоглобина в крови надо много. Все это, как показали исследования, у колибри есть.

Кислорода на грамм веса они потребляют больше, чем кто-либо из живых существ вообще, насколько это известно, во всяком случае. В 3—8 раз больше, чем, например, необходимо клесту, 68 кубических сантиметров кислорода на грамм веса в час. (Это в полете.) Сердце относительно втрое более крупное, а эритроцитов у колибри вдвое больше, чем, скажем, у голубя. Источник энергии для живого существа — пища. В день колибри съедают вдвое больше, чем весят сами. Но ночью, когда спят, в целях экономии энергетических ресурсов обмен веществ у них понижается, и температура падает до 20—17 градусов. Птицы проводят ночи в оцепенении, как стрижи в плохую погоду.

Прежде думали, что корм колибри — только нектар цветов. Но в этой пище мало белков, основных компонентов внутреннего метаболизма. Когда пробовали кормить колибри только сахарным сиропом, птицы быстро погибали от истощения. Оказалось, что даже те из них, которые регулярно сосут нектар, вместе с ним поедают немало мелких насекомых, тающих в венчиках цветов. Многие же другие колибри кормятся преимущественно насекомыми и пауками.

Немногие сосут нектар, усевшись рядом с цветком. Большинство проделывает это на лету, подобно бражникам, повисая на месте в воздухе. Крылья при этом работают активно. Сделав несколько быстрых глотков, птичка стрелой срывается с места и висит, трепеща крыльями, уже у другого цветка.

Летуны превосходные: в любую сторону могут круто кинуться из положения «подвисания» или из «крейсерского» полета — даже назад! Крыльями машут часто, как насекомые: 20—30 взмахов в секунду у крупных видов и до 70 и даже 100 у мелких. Полет очень быстр. По некоторым данным, до ста километров в час! Для крохотных птиц — достижение невероятное...

Эти быстрые и крутые маневры в воздухе спасают колибри от врагов. Впрочем, пернатые лилипуты предпочитают активную оборону. Избежав в ловком маневре прямого нападения, они нередко тут же сами переходят в атаку: на скоростях, близких к полету стрелы из лука, нападают с флангов и тыла даже на крупных птиц, даже на хищников, острыми клювами наносят «булавочные уколы», нацеленные в болезненные места, в глаза например, и заставляют врага поспешно ретироваться. Так же, в глаз, бьют с лета и древесных змей, подбирающихся к их гнездам.

Почти все колибри окрашены очень ярко. Сияют, как драгоценные камни. Но основные краски в их

оперении темные — черные и бурые пигменты. Цвета радуги, которыми блещут колибри, отраженный структурой их перьев свет. Поэтому в разных поворотах, под новым углом освещения, одна и та же птица выглядит окрашенной по-иному.

В общем это жители американских тропиков. Эквадор приютил особенно много всевозможных видов колибри. Но один вид гнездится в Патагонии, а два в Северной Америке (первый — по западным территориям США и Канады до юга Аляски, второй — на востоке США до юга Канады). Проникшие так далеко в высокие широты колибри улетают зимовать в субтропики. Два североамериканских вида пролетают немалый путь — до 5 тысяч километров, вплоть до Панамы. Колибри, гнездящиеся на востоке США, 800 километров летят (беспосадочно!) над Мексиканским заливом.

РАКШЕОБРАЗНЫЕ

Современные систематики многих птиц, описанных в этой главе, выделяют в самостоятельные отряды. Лишь некоторые объединяют их в один отряд, как это сделано здесь.

У ракшеобразных самцы и самки внешне похожи, кроме куролюв, многих птиц-носорогов и некоторых зимородков. Моногамы. Насиживают около 3 — 4 недель оба родителя, у птиц-носорогов и удонов только самки. Гнездятся в дуплах, норах. 2 — 10 (у удонов до 12) белых, иногда с бурым и серым оттенком яиц. Птенцы слепые и голые, у удонов нет. У некоторых, куролювы, есть пудретки. Половозрелость у большинства на втором году жизни, у рогатых воронов в три года. Рогатые вороны жили в зоопарках больше 12 лет.

В основном тропические и субтропические птицы: чуть меньше воробья и крупнее — длиной до метра и немного больше. 190 видов, главным образом в восточном полушарии.

Семь семейств: зимородки, удоны, птицы-носороги, тоди, момоты, шурки, ракиши, или сизоворонки.

Зимородки — 84 вида в тропиках, в субтропиках и умеренных широтах всего мира, но в Америке лишь 6 видов.

Удоны — 7 видов в восточном полушарии.

Птицы-носороги — 45 — 55 видов в восточном полушарии. Лесные птицы, кроме рогатых воронов. Размером с дрозда, ворону, рогатые вороны — с индюшку. Черные, бурые, серые, с большими белыми пятнами. Голова, горло, клюв нередко раскрашены ярко, синие и красные. Почти у всех на клюве полые, кроме некоторых видов, роговые наросты, которые придают птицам странный вид. Режущий край клюва зазубрен. Верхние веки с длинными ресницами! Самки значительно меньше самцов, нередко, особенно у азиатских ви-

дов, иначе окрашены. У этих разноокрашенных азиатских, но не африканских видов молодые птицы обоего пола вначале надевают наряд не самок, а самцов, что противоречит общему правилу в мире птиц! Насиживают только самки, замуровывая себя в дуплах!

ДРУГИЕ РАКШЕОБРАЗНЫЕ И БЛИЗКИЕ К НИМ ПТИЦЫ

МОЗОЛИСТ

Тоди — похожие немного на щурок небольшие, ярко окрашенные птички. Охотятся на насекомых. Гнездятся, как зимородки, в норах по обрывам. 5 видов на островах Карибского моря.

Момоты — некрупные, с ворону, птицы. Окрашены ярко, похожи немного на щурок, но хвост очень длинный. Средние перья в нем нередко с голыми стержнями, округлые опала лишь на самом конце. Птицы будто бы сами устраивают себе такой наряд, выщипывая опало по всей длине пера, кроме самого конца! Клюв зазубрен по режущему краю. Охотятся, как и тоди, на насекомых, внезапными бросками срываясь с деревьев. Крупные виды едят ящериц и фрукты. 2—4 белых яйца насиживают самец и самка в довольно длинных норах, которые роют сами, реже плодятся в расщелинах скал. У птенцов на ногах мозоли, как у дятлов. Взрослые птицы в норах обычно и ночуют. 8 видов — от Южной Мексики до Боливии и Северной Аргентины.

Щурки — небольшие, 17—35 сантиметров, ярко окрашенные, длиннохвостые птицы. В оперении преобладают сине-зеленые, голубые и красные тона. Селятся обычно колониями в норах по обрывам, реже на ровных местах. Норы роют сами, длина их метр-два. 2—10 яиц насиживают без подстилки, позднее она образуется из хитиновых выбросов погадок. Насиживают с первого яйца. Птенцы через месяц вылетают. Перед вылетом они в полтора раза тяжелее взрослых птиц. Первое время вместе с родителями ночуют в норах, позднее на ветках. Недели две-три взрослые щурки подкармливают молодых.

Золотистые щурки обитают в Африке, на юге Западной Европы, у нас — к югу от Курска (Украина, Поволжье, Кавказ, Средняя Азия, юг Западной Сибири). Еще южнее, в основном в Средней Азии, живет зеленая щурка. Щурок не любят пчеловоды. Эти птицы удивительно ловко ловят на лету пчел, ос, шмелей и, ударяя о твердые предметы, что называется, «вышибают» из них жало, потом глотают. Стрижи тоже ловят в воздухе пчел, но только нежалящих трутней! Охотятся на них осоеды, но эти птицы редкие и живут обычно далеко от пасек. Щурки же иногда сотнями поселяются там, где люди разводят пчел. Они и еще сорокопуты, наносят порой известный вред пчеловодству.

25 видов щурок в основном в тропических и субтропических странах восточного полушария. Птицы в общем открытых пространств, но некоторые живут и в лесах.

Ракши, или сизоворонки, — около 17 видов в теплых и тропических странах восточного полушария. Многие из этих птиц, несмотря на яркое оперение, чем-то напоминают галок. И размеры примерно такие же. Крикливы. Клювы обычно типа галки или вороны. «Долбят» ими, убивая разных мелких животных: насекомых, ящериц (куролы даже хамелеонов и волосатых гусениц!), лягушек, чужих птенцов и мелких птиц. Гнездятся в дуплах, норах, щелях стен, в гнилых пнях.

К семейству ракш некоторые исследователи относят и

куролов (один вид на Мадагаскаре и Коморских островах), которых считают, и, по-видимому, не без основания, ближайшими родичами древних предков всего отряда, переходным звеном между ракшеобразными и кукушками.

Сизоворонки обитают в южных районах нашей страны, к востоку до Алтая. Они зеленовато-голубые с коричневой спиной. В степях, среди полей или в пустыне любят сидеть на столбах, телеграфных проводах, на отдельных деревьях. Крик резкий: «Рак-рак-рак». Слышатся в нем и другие трескучие звуки, но передать словами трудно.

Более темно окрашенный, в общем черно-сине-зеленоватый широкорот обитает в лесах дальневосточного Приморья.

ЗИМОРОДКИ

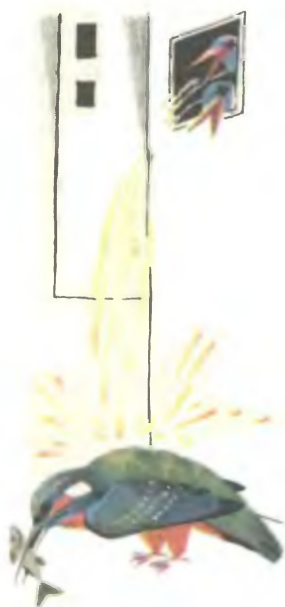
Зимородок — небольшая красивая птичка, переливаясь голубым и красным, ярким самоцветом проносится порой низко над водой наших небыстрых рек или сидит на камне у воды либо на ветке и вдруг падает вниз — в воду. Если не промахнется, то скоро летит опять на суку, камень или в гнездо с мелкой рыбешкой в клюве.

Промахнуться зимородку случается нередко. Подсчитали, что примерно один из десяти нырков приносит ему удачу. Прочие бьют мимо цели. Мелкие рыбы, до шести сантиметров длиной, — добыча зимородка. Ловит он и водяных насекомых, очень редко — лягушат. Рыб берет обычно больных, малоподвижных. Поэтому вреда от зимородков в рыбном хозяйстве мало. В день около десяти таких рыбок хватает зимородку на пропитание. Когда будут птенцы, то каждый из них съест примерно шесть рыбешек, но еще более мелких.

Птенцов выводят в норах. Норы роют в обрывах, в полуметре, в метре над водой, а порой и много выше — было бы место подходящее.

В брачных играх, как у крачек, самец преподносит самке рыбу! Как только пары соединятся, нередко на всю жизнь, и выберут гнездовую территорию, которую стойко охраняют, самка на лету начинает ковырять клювом землю на крутом склоне обрыва. Самец временами сменяет ее. Затем, когда небольшая ниша будет таким образом вырыта, она садится на ее край и роет клювом туннель длиной примерно до метра. Лапками кидает землю назад. Самец за ее спиной, когда уже нора достаточно глубока, ногами же выкидывает землю наружу. Нора заканчивается небольшой гнездовой камерой сантиметров около десяти в высоту и в ширину. Без подстилки насиживают здесь по очереди около трех недель 6—10 яиц. Подстилка из рыбьих костей, чешуи и прочих непереваренных остатков, выброшенных с погадками, образуется постепенно, по мере того как птицы обживают свою нору.

Позднее, в начале июля, может быть и вторая

кладка, а местами и третья. Птенцов кормят очень маленькими рыбками. Самец, по одним данным, участия в этом деле не принимает, по другим — кормит недолго и порой даже два выводка от разных самок в разных норах.

Птенец, который сидит ближе всех к выходу из норы, первым получает свою порцию. Затем его оттесняют в сторону, и другой занимает его место. Так, пока все не поедят. Затем первый птенец снова оказывается у выхода, он тут же поворачивается к нему задом и прыскает жидким пометом. Струя не всегда вылетает наружу, поэтому в гнезде зимородков грязно и родителям приходится добираться до питомцев через всякого рода отбросы. Оперение их пачкается — приходится по многу раз в день купаться.

Как только молодые зимородки научатся летать, сейчас же покидают родителей. Скоро растаются до будущей весны, если второй выводок не предвидится, самец и самка.

В Западной Европе и в СССР зимородков только один вид. Севернее Южной Скандинавии и Ленинграда эти птицы не живут, а в Сибири встречаются еще южнее — примерно до широты Байкала. Кроме того, обыкновенные зимородки гнездятся в Африке и Южной Азии.

Наш зимородок из подсемейства так называемых «водяных» зимородков. Жизнь их связана с водой и рыболовством. Одни ныряют за добычей, высмотрев ее с ветки или камня, другие с низкого полета под водой, подобно крачкам.

Есть еще «древесные» зимородки. Рыбу они ловят лишь при случае, поэтому водные просторы их не очень-то привлекают: живут в парках, сухих кустарниках, в горах и полупустынях. Кормятся насекомыми, лягушками, ящерицами, змеями, воруют яйца и птенцов у пернатых соседей. Все обитают только в восточном полушарии, и многие окрашены менее ярко, чем зимородки-рыболовы. Гнездятся в дуплах и в термитниках.

Самый известный из этих зимородков — кукабарра, или кукабурра, большеголовая, длинноносая, крепко сложенная птица, ростом примерно с ворону. Много разных легенд связано с ней. По утрам и вечерам в кустарниках и перелесках, раскинутых на сухих холмах Австралии, слышится громкий заразительный хохот. Это неумеренное веселье приводило в замешательство еще первых голландцев, высадившихся на побережье Австралии. Они дали лесному насмешнику прозвище «Ганс-хохотун».

Кукабарры живут и в Тасмании, и в Новой Гвинее. Веселым хохотом по утрам, в полдень и вечером начинают свою ежедневную переключку. Говорят, по крику кукабарр можно будто бы проверять часы.

Весельчак «Ганс» — одна из достопримечательностей Австралии. Туристы мечтают услышать его

хотот. Оценив должным образом популярность своего пернатого земляка, австралийское радио начинает передачи необычными позывными — смехом кукабарры.

Кукабарры воруют цыплят на птичьих дворах: казалось бы, фермеры должны их не любить. Но они уничтожают много ядовитых змей, за это люди прощают им мелкое воровство, разводят в парках и даже переселили на запад Австралии, где прежде кукабарры не водились.

Не раз плодились кукабарры в зоопарках Европы и США. 2—4 белых яйца насиживали самец и самка 25 дней. Через месяц птенцы покинули гнездо, но еще дней сорок родители их кормили, в основном самец, так как самка занята была уже новой кладкой. Когда потомкам смеющихся птиц исполнилось сорок дней, они «засмеялись» в первый раз.

УДОДЫ И ПТИЦЫ- НОСОРОГИ

На пустошах, поскотинах, на лугах, вблизи лесных опушек, но там, где леса негустые, на юге страны ходит по земле, в такт шагам по-голубиному покачивая вперед головой, пестрая хохлатая птица. Хохол то веером распушит, то соберет. Длинный, изогнутый вниз клюв сует в сухие куртинки трав, под камни, в коровьи «лепешки». Всякую насекомую мелочь собирает. А попадетсЯ крупная шестиногая добыча, разобьет ее о землю так, что крылья, ноги, голова отлетят. Мягкое брюшко съест.

Глощает так: бросает вверх и ловит открытым ртом. Клюв у птицы длинный, тонкий, а язык короткий, добычу, схваченную концом клюва, в рот втянуть он не может. Вот и приходится птице жонглировать всякий раз, когда ест.

Хохлатая птица, в общем-то, не пуглива. Но, если подойдете, полетит. Летит красиво, вверх-вниз взмывая и снижаясь, и правда похожа тогда, как про нее пишут, на «большую пеструю бабочку». Полет необычный, даже как будто вялый, но верткий и маневренный, так что даже ловким в атаках пернатым хищникам не всегда удается поймать удода. (Эта хохлатая птица зовется по-русски удодом.)

«Ловкими поворотами в воздухе удоd избегал ударов сапсана сверху и нападений луны снизу. Бой продолжался две или три минуты, пока оба хищника не устали и не оставили удода в покое» (Р. Ч и з м е н).

Около десятка сероватых яиц самка насиживает 16—17 дней где-нибудь в дупле, между камнями, в нишах построек. Самец кормит ее, а затем — и молодых удодов. Недели три-четыре, пока они сидят в гнезде, и еще дней десять после вылета.

Северный рогатый
ворон — внушительная
птица. Весит
4 килограмма, а длиной
(от клюва до конца
хвоста) — 1,3 метра.
Он не прыгает по земле;
а шагает и бежит
весьма резво:
30 километров в час!
Летает ненамного
быстрее. Живут
рогатые вороны в
единобрачии по 10—12
и более лет. Вход в
дупло баобаба, в
котором гнездится,
самка не замазывает.

А малабарская
пятнистая
птица-носорог,
исследовав пригодность
дупла, заберется в него,
замажет вход сырой
землей, оставив лишь
маленькое отверстие,
чтобы самец мог ее
кормить, и высиживает
в добровольном
заточении птенцов.

Самец африканской
красноклювой
птицы-носорога принес
пищу замурованной в
дупле самке.

Рождаются удоды, покрытые тонкими пушинками. Корм выпрашивают, раскрывая ярко-красные, окаймленные белым рты. Обороняются от врагов на манер скунса. Повернувшись задом, брызгают жидким пометом, который пахнет так неприятно, что редкий человек устоит под таким обстрелом, кошки и собаки явно избегают приближаться к гнездам удодов. Кроме того, копчиковая железа у птенцов и насиживающей самки выделяет в эту пору сильно и дурно пахнущую маслянистую жидкость, которая создает дополнительную поддержку при «химической» оброне.

Наш удод обитает также в Африке, на Мадагаскаре, в Южной Азии. В тех же странах у него еще шесть родичей — древесных удодов. Многие из них темно-синие и без хохлов. Они ловко лазают по стволам и веткам деревьев, обороняются такой же вонючей жидкостью. Наши удоды пугают неприятелей, прижимаясь к земле с раскинутыми крыльями и поднятым вверх клювом. Древесные, как вертишейки, медленными движениями головы имитируют в глубине дупла ядовитую змею.

Прячась от змей, от обезьян и хищных птиц, родичи удодов, птицы-носороги, когда насиживают вместе с яйцами... замуровывают себя в дуплах!

Собственно, замуровывается только самка. Самец кормит ее и позднее птенцов через отверстие, которое специально для этого оставлено. Прежде считалось, что самец своими трудовыми усилиями обеспечивает ей это заточение и что она без его помощи снова выйти на свободу не может. Новые наблюдения доказали, что, найдя подходящее по размерам дупло, самка садится в него и изнутри замазывает

вход сырой землей, пометом, мякотью плодов, часто смешивая все это со слюной. Самец лишь приносит ей необходимый материал или немного подмазывает снаружи.

До пяти яиц, у некрупных птиц-носорогов, либо только два насиживают самки недели три-четыре. Те, что питаются фруктами, обычно это крупные птицы-носороги, три-четыре месяца не выходят из добровольного заточения, кормятся приношениями своих супругов. Когда сидят в дупле, линяют. Самцы кормят их обильно: приносят в глотке, так как зоба нет, сразу несколько десятков инжирных, например, плодов. Самки к концу «заклучения» очень полнеют, самцы, напротив, худеют, истощая себя заботами о пропитании замурованной семьи.

Самые мелкие из птиц-носорогов (токо, 13 видов в Африке) кормятся насекомыми. Когда дети токо немного подрастут, отец, летая с каждым насекомым в клюве, не поспевает вдоволь и наловить добычи, и принести ее. Словом, долго свою семью содержать один не может. Поэтому его самка вынуждена недели через две-три после рождения птенцов покинуть уютное уединение и помогать отцу кормить их. После того как она взломает глиняную стенку, закрывавшую вход в гнездо, первым делом родители приносят детям (или одному птенцу у некоторых видов токо) необходимый материал, и птенцы сами себя замуровывают, чтобы в безопасности досидеть две недели, оставшиеся до вылета из гнезда.

Только у шлемоносой птицы-носорога наросты на клюве не пористые, а массивные, сплошь заполненные роговым веществом. У прочих ее родичей клюв со странными «структурами» излишествами, однако довольно легким. У шлемоносого носорога изрядно тяжел: весит вместе с черепом до 320 граммов, лишь вдесятеро меньше, чем сама птица.

Прежде шлемоносых птиц-носорогов много было в Малакке, на Суматре, Калимантане. Привезенные отсюда в Европу массивные клювы продавали в средневековье как «слоновую кость». Разные поделки из них стоили недешево.

В семействе птиц-носорогов лишь самки рогатых воронов (два вида в Африке) не замуровываются, и образ жизни у этих птиц иной — не древесный, а наземный. Они черные, с голубым «лицом» (или красным у другого вида), с красным горловым мешком, который основательно растягивается. Обычные птицы саванны. Ловят насекомых, особенно много саранчи, ящериц, мелких грызунов, даже змей. Впрочем, и другие птицы-носороги неплохо расправляются со змеями. Увидят змею, криком ссылают сородичей, окружают ее, рвут клювами, подставляя змеиным укусам крылья как щиты.

Размножаются рогатые вороны в период дождей, как все птицы-носороги, обитающие в сухих местах. В это время слышатся их басовитые крики, напоминающие отдаленный львиный рев. Гнезда в основном в дуплах баобабов: там, где растут эти деревья, много рогатых воронов. Два яйца самка насиживает месяц. Птенцы еще три месяца не покидают гнезда. Потом месяцев девять живут с родителями.

ДЯТЛОВЫЕ

В этом отряде все птицы, в общем-то, лесные. Клювы крепкие, у туканов несоразмерно большие. Два пальца направлены вперед, два назад. Есть трехпалые виды. Моногамы. Самки у большинства похожи на самцов или отличаются незначительными деталями. Насиживают две недели, немного больше или меньше, обычно оба партнера. У одного семейства — гнездовой паразитизм. Гнездятся в дуплах, в норах, в муравейниках, в термитниках. Как правило, без подстилки, у вертишеек есть небольшая подстилка из растений, у туканов — из отгрызнутых семян. От 2 до 12 белых яиц. Птенцы рождаются слепые, у большинства видов голые. Половозрелость у многих — на следующий год. Птицы мелкие и средние, весом от 6 до 300 граммов.

383 вида в лесах всего мира, кроме Мадагаскара, Австралии, Новой Зеландии, Новой Гвинеи и Полинезии.

БАРАБАНЫ ЛЮБВИ

Дятлам, клюв которых работает как отличный отбойный молоток, очевидно, требуется особенное устройство черепа, предотвращающее сотрясение мозга: ряд специальных преобразований в костях и мышцах черепа, в детали которых вдаваться не будем, обеспечивает необходимую амортизацию.

Язык дятлов длинной тонкой змейкой лихо «вползает» во все выдолбленные и проеденные короедами закоулки дерева. Он липкий, на конце с шипами и очень длинный; зеленый дятел, например, способен высунуть его изо рта на 10 сантиметров. Чтобы в глотке уместилось подобное насекомоловное устройство, пришлось эволюции, создавшей дятла, вывести из полости рта сухожильное основание языка и петель обернуть вокруг черепа!

Крепкий клюв служит дятлам для извлечения насекомых из прочной древесины или семян из шишек, для пробивания дырок в коре берез (весной любят дятлы пить березовый сок), для устройства квартир в виде выбитого в дереве дупла. На эту трудоемкую работу уходит обычно не больше двух недель. Барабаны клювом по сухому стволу или суку, выстукивают дятлы и серенады своим подругам, приглашая их соединиться в законном браке.

Эти барабанные трели — обязательный и чарую-

*Вертишейка, набив
полный клюв
муравьиными яйцами,
принесла их птенцам.*

*Большой пестрый дятел
кормит своих детей.*

*Черный дятел, или
желна, в характерной
для дятлов посадке:
хвост упирается в кору.*

щий аккомпанемент к весенним звукам и песнопениям, наполняющим лес. Каждый дятел стучит в своем ритме, и дерево вибрирует под его ударами у каждого вида в особом частотном диапазоне. Немного варьируя промежутки между ударами, продолжительность барабанной трели и прочую «оркестров-

ку» этой «музыки», дятлы могут многое сообщить партнеру и сопернику о своих намерениях. Знатоки, анализируя стукотню дятлов, могут без ошибки решить: на своей территории барабанит дятел или претендует на чужую, зовет подругу или они уже соединились и дятел приглашает ее лететь за ним, чтобы показать выбранное для гнезда место.

У черного дятла, или желны, самая продолжительная трель — 2—3 секунды. В ней около 40 быстро следующих друг за другом ударов, которые нетрудно сосчитать, медленно проигрывая магнитофонную запись. Она же и самая низкочастотная — 1—1,5 килогерца. У большого пестрого дятла трель короткая, 12—16 ударов за 0,6 секунды, и звучит на более высоких тонах, около 4 килогерц. Барабанная «песня» малого пестрого дятла слышится в диапазоне примерно тех же частот, но она более длинная — 30 ударов. Столько же и у седого дятла, но трель чуть «басовитее».

Когда на этот своеобразный зов прилетит самка, дятел ведет себя с ней не очень-то дружелюбно. Ухаживает весьма воинственно: в его токовых позах преобладают, как у галок, угрожающие жесты. Супруги и в дальнейшем едва терпят друг друга, такое у наблюдателей создается впечатление. Один прилетит, другой скорее улетает. Выкормят птенцов и быстро расстаются. Каждый живет на своей территории, с которой изгоняет и подросших детей.

В СССР 14 видов дятлов. Самый большой — желна. Он черный, как ворон, с красной «шапочкой». У самки красные перья лишь на затылке. Сидя на дереве или летая по лесу, кричит громко «крю-крю-крю», потом протяжно, гнусаво «кбия». Дупло долбит с прямоугольным или овальным входом.

Самый обычный дятел — большой пестрый. Тоже криклив. Чаще других попадает на глаза. Вход в дупло круглый. Самый маленький дятел — малый пестрый, с воробья. Все три вида гнездятся в СССР в лесной полосе от западных границ до восточных, а также на Кавказе.

В лесах почти всего мира, кроме Мадагаскара, Новой Гвинеи, Австралии и близлежащих островов, — 207 видов дятлов и два вида вертишейек (один в Африке, второй в Евразии). Вертишейки деревья не долбят, клювы у них слабые, хвосты тоже, для упора о дерево, как у дятлов, не годятся. Язык липкий, длинный, такого же устройства, как у дятлов, но без шипов на конце. Вертишейки ловят этим языком муравьев и ловко выуживают из их гнезд куколок и личинок, чем в основном и кормятся. Вертишейка знаменита искусным подражанием змее. Застигнутая в дупле или иначе захваченная врасплох и напуганная, даже раненая, медленно, по-змеиному, насколько может, конечно, вертит шей и шипит при этом! Эффект получается неожиданный и, наверное, отпугивает некоторых врагов, но интересно, что те же «змеиные» движения замечены и в брачных играх вертишейек.

Из настоящих дятлов необычными повадками интересен южноафриканский дятел.

Лесов и деревьев он избегает. На земле и, роясь в ней,

ловит муравьев, термитов, пауков и других насекомых. Деревья не долбит, но роет в обрывах и на холмах глубокие норы. В них выводит птенцов. Гнездящиеся в норах дятлы водятся и в Южной Америке. А в Южной Азии живут рыжие, или короткохвостые, дятлы, которые с полным комфортом устраиваются с яйцами и птенцами в древесных гнездах очень злых огненных муравьев. С этими «бешеными» муравьями дятлы, бесцеремонно вторгаясь в их дом, однако, мирно уживаются, хотя и клюют муравьиные куколки, «не поднимаясь с яиц».

«СЛАДКАЯ ДРУЖБА»

В тропиках у дятлов много родичей. Кстати, совсем на них непохожих! Например, бородатки, с длинными щетинками в основании клюва. 76 видов в Америке, Африке и Азии. За монотонные «песни», звучащие как удары по металлу, называют их также медниками. Гнездятся в дуплах, которые сами долбят крепкими клювами в гнилом дереве.

Американские якамары, 15 видов, тоже из отряда дятловых. Окрашены очень красиво, ловят насекомых, бабочек в основном, и гнездятся в норах, реже в термитниках. Особенного про них рассказывать нечего. Но вот другие дятловые сородичи столетиями поражают людей странными повадками, и до сих пор, по-видимому, не все их секреты достаточно хорошо изучены.

Четыреста лет назад один португальский миссионер возмутился наглостью небольших серо-бурых птах: они влетали в церковь, дело было в Африке, и прямо на алтаре клевали свечи!

Позднее об этом незначительном происшествии забыли, конечно. Но в последние годы было замечено: медоведы, или медоуказчики, похожие больше на воробьев, только покрупнее, чем на дятлов, действительно прилетают на запах горящих восковых свечей. Именно на запах! Это установлено и наблюдениями, и анатомически: обонятельные доли в мозгу медоведов хорошо развиты. Но почему запах воска влечет этих птиц?

Другая уникальная повадка этих птиц нам все объяснит. Речь идет о дружбе, а вернее, веками установившемся сотрудничестве, некая разновидность симбиоза, медоведа с медоедом — барсуком рателем и некоторыми другими дикими животными Африки и даже с человеком.

Медоед-бортник и медовед-разведчик — замечательная пара. Один находит мед, другой его добывает. Едят вместе. Медовед найдет гнездо диких пчел — в Африке многие пчелы, как шмели, живут в земле — и летит к норе рателя. Трещит «чурр-чурр», с куста на куст порхает: вызывает из норы барсука. Тот услышит сигнал и вылезает. Медовед ведет его к пчелиному гнезду. Перелетит немного вперед и поджидает рателя. Потом дальше летит. Приводит к пчелиному гнезду и прячется на дереве.

Барсук разоряет пчелиное гнездо, ест мед и детку, а медовед доедает пустые соты. Эта удивитель-

акамара

ная птица, оказывается, может кормиться воском, который желудки других животных не переваривают. Лишь восковая моль, личинки которой живут в пчелиных сотах, оспаривает у медоюза честь воскоеда-уникума.

В кишечнике у медоюза образовался целый мирок симбиотических бактерий и дрожжей. Они-то и разлагают воск, превращая его в жирные кислоты, которые усваивает затем организм птицы.

Жители некоторых мест, где водятся медоузы, следуя указаниям птицы, добывают мед диких пчел. Медоузы и людей приводят к их гнездам.

«В дуплах баобаба очень охотно строят свои гнезда и дикие пчелы.

Когда птица-медоуказчик находит такое гнездо, она издает ликующий крик. На этот зов приходят африканцы, собиратели меда. Эта на первый взгляд невероятная совместная работа людей и птиц возникла, по-видимому, потому, что сначала птицы-медоуказчики призывали своим криком птиц-медоузов. Очевидно, и люди, на их взгляд, имеют на это право. Когда африканцы приходят к месту, птица умолкает.

Африканцы всегда оставляют соты как долю добычи для птиц-медоуказчиков.

Лишь только люди удалятся метров на пятьдесят, птичка прилетает, чтобы воспользоваться своей добычей. Сначала она съедает личинки, а затем принимается за соты» (Бернгард Гржимек).

По крайней мере, два вида медоузов занимаются такими делами. А всего их 17: 15 — в Африке, к югу от Сахары, 2 — в Индии (на склонах Гималаев), в Индокитае и на некоторых островах Индонезии.

По-видимому, все медоуказчики, подобно кукушкам, яиц не насиживают. Подбрасывают их в гнезда разных птиц: дятлов и других собратьев по отряду, удоу, иволг, сорокопутов, зимородков... Птенцы-медоузы убивают сводных братьев и сестер или прокалывают яйца острым яйцевым зубом. У некоторых на конце надклювья даже два таких «зуба». Направлены они вниз и с острием подклювья образуют смертоносные щипцы. Через неделю яйцевые зубы отваливаются, и медоузы не могут уже убивать. Но, возможно, тех птенцов, с которыми не успели расправиться, выпихивают из гнезда. Обычно один, редко два таких «кукушонка» недели четыре сидят в оккупированном гнезде и кормятся приношениями приемных родителей.

«Если все медоузы гнездовые паразиты, как можно предполагать, то, значит, это единственное семейство в классе птиц, в котором все виды утратили свое изначальное гнездовое поведение» (Герберт Фридман).

Даже кукушки, как нам известно, не все паразитируют таким образом. А у медоузов, по крайней мере у шести видов, гнездовой паразитизм установлен непосредственными наблюдениями. Но и прочие обнаруживают поведение, нетипичное для птиц, образующих пары и выводящих гнезда. Они все, например, не поют, не токут, не ухаживают так или иначе за самками. Не видели их в парах или летящих с травинками и прочим материалом для гнезд. И окраска у всех неявная, для брачных церемоний малоподходящая, не привлекающая: серо-бурая, зеленоватая, лишь у некоторых видов с желтыми и белыми пятнами на голове или крыльях. Размеры невелики: 10—20 сантиметров.

ЗАЧЕМ ТУКАНУ ТАКОЙ НОС!

Клюв туканов превзошел все мыслимые нормы! Огромный в сравнении с птицей: у некоторых длиннее тела (если не учитывать хвоста). Оранжевый, красный, желто-черный, зеленый, часто многоцветный. До пяти разных тонов в его окраске! Толстый, но легкий, не массивный. Зазубренный по режущему краю. Очень впечатляющий клюв! А зачем он такой тукану?

Одно время предполагали, что грандиозным клювом тукан, укрывшись в дупле, обороняет вход в него. Позднее выяснилось, что хотя он и мог бы с успехом следовать подобному совету, однако этого не делает. При опасности из дупла вылетает. Конечно, большой клюв очень помогает срывать плоды с тонких веток, в то время как сам тукан сидит на достаточно толстом суке, который его еще держит, не ломается. Но для этого и длинный тонкий клюв годился бы. Чрезмерная толщина «носа» здесь даже мешает, а яркоцветное его убранство и вовсе ни к чему. Поэтому полагают, что клюв тукана — скорее всего сигнальный знак, помогающий птицам легче находить и распознавать друг друга. Или сексуальный эвектор, вроде как хвост у павлина. В бытовых, так сказать, взаимоотношениях туканов клюву отводится немаловажная роль. Они часто барабанят клювами по сукам, извлекая приятательные для партнеров звуки. Или фехтуют ими, играя. «Обнимаются», обхватив друг друга клювами. Перебрасываются ягодами: один кидает, второй клювом ловит.

Как оружие толстый клюв тоже годится. Нападая на гнезда соседей, туканы смело орудуют «носами»: их внушительные габариты и яркая, часто черно-оранжевая (предупреждающая, как у осы) расцветка пугают даже небольших хищных птиц, и те позорно покидают свои гнезда. Туканы поспешно глотают яйца либо птенцов и улетают. В полете громоздкий клюв безопасен: тут туканов обычно и атакуют ограбленные им пернатые.

Годится этот клюв, чтобы небольшую змею, ящерицу или паука «затюкать», ловить крылатых термитов, когда они роются, или рыбу из воды выхватить и, конечно, чтобы есть плоды и ягоды — главную пищу туканов.

Но вот дерево долбить, даже гнилое, непригоден великолепный клюв, хотя некоторые туканы и пробуют это делать. Поэтому приходится им, изгнав хозяев, занимать дупла дятлов и разные естественные полости в стволах, расширив, если нужно, вход. Яйца насиживают прямо на древесной трухе. В старых дуплах, из года в год занимаемых туканами, обнаружилось подстилка из непереваренных семян, которые, по видимому, они специально здесь для этого отрывают.

Птенцы туканов голые, краснокожие, слепые. Глаза открывают очень поздно — через три недели! Перьями обрастают тоже медленно — месячные еще толком не оперились. На ногах у них пяточные мозоли, защита, так сказать, от «пролежней». Ведь сидят на жестком дереве дупла долго, около двух месяцев.

Большие туканы — летуны неважные, в воздух поднимаются неохотно. Машут крыльями, а потом планируют снижаясь (по видимому, клюв тянет вниз; хотя он относительно и легкий, но все-таки слишком велик, «парусит»). Полет у туканов волнообразный. Больше любят они скакать в ветвях. Веселые птицы: играют часто друг с другом, прыгают, стучат клювами по веткам и, наклонив головы, прислушиваются к своей «музыке». Кулаются с шумом и криками в развилках толстых суков, где собирается дождевая вода. Любопытные, можно сказать, даже озорные, птицы, но между собой дружелюбны, раненых сородичей не бросают, а все вместе, как вороны, нападают на врага.

Желтоклювые туканы вечерами, перед сном, на одном и том же избранном ими дереве затевают дуэтные «песнопения». Впрочем, их дикие выкрики трудно назвать пением. Усевшись тет-а-тет и вздевая к небу гротескные клювы, странно, не по-

птички, кричат: «Хи-кнук! Хи-кнук!» Пронзительные выкрики других туканов похожи скорее на кваканье лягушек, на щенячье тявканье.

Туканы арассари ночуют в дуплах компаниями по пять-шесть птиц. Спят так: громоздкий клюв уложен на спину, а хвост закинут вверх и вперед, поверх клюва: «Последняя птица втискивает себя в такое помещение задом вперед, причем хвост ее уложен на спину».

У многих арассари самцы окрашены иначе, чем самки: голова, грудь, шея — черные (у самок — каштановые или темно-серые). Настоящие туканы обычно угольно-черные, с ослепительными оранжевыми, желтыми или белыми пятнами на горле и груди, на надхвостье. Подхвостье — красное. Голая кожа на «лице» вокруг глаз — оранжевая, голубая, зеленая, желтая. Глаза обычно синие.

Сорок видов туканов (из них 11 настоящих, род рамфастус) — в Центральной и Южной Америке.

ДВА ЭКЗОТИЧЕСКИХ ОТРЯДА: ТРОГОНЫ И ПТИЦЫ-МЫШИ

Трогоны — красивые птицы: сверху обычно зеленые, с металлическим блеском, снизу красные или желтые. Хвост длинный, крылья короткие. Ножки маленькие: два пальца вперед, два назад. Клюв короткий, но крепкий. Самцы ярче самок.

Гнездятся в дуплах, без подстилки. У птенцов трогонов, как у дятлов, на ногах пяточные мозоли — «амортизаторы», необходимые при долгом сидении на жестком дне гнезда. Занимают дупла, брошенные дятлами, или сами долбят и ковыряют прочным клювом гнилую древесину. Делают дыры в гнездах термитов и ос и там поселяются, предварительно съев ос и их потомство. Самец и самка занимаются гнездо-строительством. Вместе и насиживают 2—4 яйца 17—19 дней. Птенцы слепые, голые. Недели три, у крупных видов месяц, не покидают дупло. Родители кормят их вначале насекомыми, позднее фруктами, лягушками, ящерицами и даже небольшими змеями.

Живут парами, в одиночестве, редко стаями. Птицы хотя и яркие, но незаметные. Летают мало, сидят обычно на ветках в чаще тропического леса. Внезапно срываясь, ловят насекомых на лету, подобно нашим мухоловкам.

Квезал (или кетуаль) — одна из самых почитаемых в Центральной Америке птиц. Разные легенды рассказывают о нем. Когда в битве с испанцами погибло много индейцев, стая квезалов опустилась будто бы на мертвых бойцов и прикрыла их крыльями. Оттого и красные животы у квезалов: кровь бойцов за свободу оставила на них вечный след. И поныне в Гватемале квезал — символ свободы. В неволе он будто бы не живет: «умирает от разрыва сердца».

Правда, в неволе эти птицы не размножаются, точнее, в зоопарках Европы, но не у себя на родине: там при хорошем уходе иногда плодятся. В зоопарке Нью-Йорка

некоторые квезалы жили 17 и даже 21 год, что для небольшой сравнительно птицы совсем немало.

Квезал — крупный трогон, длиной больше метра, причем один хвост, точнее удлинённые, как у павлина, кроющие перья хвоста, то есть «шлейф», длиной в метр. Живут квезалы в лесах от Южной Мексики до Панамы.

Еще 14 видов трогонов в Америке, от Техаса и Аризоны до Аргентины, 3 в Африке к югу от Сахары и 10 в Юго-Восточной Азии (Индия, Индокитай, Индонезия). Некоторые из них ростом с дрозда, другие — с сороку.

Птицы-мыши, 6 видов, обитают только в Африке, к югу от Сахары. Многие не больше воробья, но хвосты очень длинные, вдвое длиннее тела, до 26 сантиметров. На голове хохол. Окрашены неярко, серо-бурые. Лазают по стволам и веткам «по-мышинному» быстро и ловко. Два пальца направлены вперед, два назад, как у многих лазающих птиц. Живут семьями и небольшими стайками. Очень вредят плантациям, поедая не только фрукты, но и почки, бутоны, цветы, свежие побеги. Охотятся и за насекомыми, разоряют гнезда небольших птиц.

Самцы и самки окрашены одинаково. Строят гнезда в гуще кустов и ветвей: самец приносит материал, самка сооружает довольно простое, но крупное гнездо. Два-пять яиц насиживают по очереди 11 — 14 дней. В первые дни птенцы уже неплохо лазают по веткам, цепляясь за них даже клювом, как попугаи. Недели через две-три пробуют летать. Но еще месяца два их кормят родители.

Поза, в которой птицы-мыши сидят на ветке, необычна: ухватив ее лапами, провисают они вниз очень сильно, так что на уровне ветки находится горло птицы!

ВОРОБЬИНЫЕ

Все наши певчие птицы — это воробьиные. Вороны, воробьи, галки, сойки — тоже. Ласточки — конкуренты стрижей в поднебесье, крохотные нектарницы, которым предназначена роль колибри в лесах Старого Света, — тоже воробьиные. Лирохвосты, шикарные, иначе и не скажешь, райские птицы, беседочницы с их «эстетическими» вкусами, ткачики — строители коллективных гнезд, оляпки — искусные «водолазы», древолазы-поползны и пищухи, трупялы, кардиналы...

Много птиц в отряде воробьиных, больше 5 тысяч видов, 63 процента всего видового разнообразия царства пернатых. Населяют все ландшафты и страны мира, кроме некоторых небольших, отдаленных от материков островов и приполярных областей. Лишь немногие почти никогда не летают, и лишь у некоторых жизнь связана с водой. Маленькие нектарницы весят чуть больше крохотной землеройки либо колибри, 4 грамма. Ворон — первый тяжеловес отряда: 1,5 килограмма.

Многие моногамы, но есть и полигамы: некоторые ремезы и крапивники, настоящий ткачик и некоторые трупялы. Самцы и самки внешне похожи либо нет. У большинства насиживают и выкармливают птенцов оба партнера. Птенцы рождаются слепые, голые либо в негустом или даже густом пуху, например у астрильдов. Просят есть, раскрывая яркие рты: красные, оранжевые, желтые, у многих с темными или цветными пятнами и «бородавками» — дополнительный «контрастный» эвокатор. Быстро растут, через 9—25 дней родители обычно их кормят уже вне гнезда. Насиживание с первого яйца, у немногих с последнего или с неполной кладки, тоже недолгое: около двух недель, у ворона — около трех, лишь у лирохвостов полтора месяца. Число яиц в гнезде от 1 до 16. Половозре-

лость почти у всех в конце первого года жизни. Даже мелкие певчие птицы жили в неволе до 20 лет, а вороны — до 69.

ГНЕЗДА ИЗ КИРПИЧЕЙ

По-видимому, около ста миллиардов птиц, не видов, а особей, на нашей планете. Надо полагать, воробьиные в этом крылатом населении земли превосходят все другие отряды. Лишь воробьев в мире, наверное, около миллиарда.

Чтобы рассказывать о воробьиных, даже многих не упоминая, потребуется толстая книга. У нас цель иная: ограничимся лишь теми из них и, разумеется, немногими, которые могут поразить любознательный ум искусством гнездостроительства либо повадками.

Печники — обычные птицы пампасов. На заборах, на ветках, с которых открывается хорошее обозрение, поют они несложные, но звонкие песни. Часто дуэтом самец и самка. Весь год звучат «колокольчатым смехом» их голоса, и весь год, кроме немногих недель, пока линяют, строят они свои удивительные гнезда.

«Кажется, один лишь вид сырой земли побуждает их к строительству». Ибо из сырой земли и глины, добавив к ней немного стебельков и коровьего навоза, строят они гнезда. Не просто все это лепят в кучу, а сначала скатают «кирпичики» по 3—5 граммов весом. Затем на столбах заборов, на ветвях деревьев, на крышах домов, реже на земле строят из них фундамент будущего дома, возводят круглые стены, над ними — крышу. Стена гнезда хотя и округлая, но не замкнутая в плане сверху, а закручена снаружи внутрь как бы часовой пружиной. Между внутренним и внешним витками этой «пружины» идет узкий вход, 5 сантиметров шириной, в более поместительную гнездовую камеру (в центре спирально устроенных стен).

На один такой дом, он весит 4—7 килограммов, уходит от 1500 до 2500 «кирпичей». Сооружается за 10—16 дней. Если учесть, что каждая пара одновременно строит до четырех гнезд, трудолюбие у этих птиц немалое.

3—4 яйца насиживают на подстилке из стеблей или шерсти 14—18 дней. Птенцам еще только две недели, а они уже, высунув голову из «двери» дома... поют!

В семействе печников 219 видов, но далеко не все строят подобные и еще более внушительные дома из кирпичей (до метра высотой и с несколькими «комнатами»). У многих домики попроще, другие гнездятся в норах до трех метров длиной. Все окрашены скромно, в бурые тона, ростом невелики, 11—25 сантиметров от клюва до конца хвоста, и обитают в Центральной и Южной Америке.

ПТИЦЫ-ПОРТНИХИ И ПТИЦЫ-ТКАЧИ

Птицы-портнихи живут в Индии, на Цейлоне, в Индокитае и на Яве: 7 видов и все шьют гнезда из листьев. Кульком сгибают один или несколько рядом растущих листьев, клювом протыкают их края и сшивают листья, продевая в дырки паутину или волокна из растительного пуха. Внутри зеленой колыбельки птичка вьет мягкое гнездо из хлопка, пуха и шерсти.

Птицы-портнихи живут вблизи от населенных мест, в садах, на плантациях. Поселяются они и на верандах жилых домов и «шьют» свои гнезда из листьев комнатных растений.

В некоторых странах по берегам Средиземного моря, в Африке, Южной Азии и Северной Австралии живут другие птицы-портнихи — из рода цистикола. На рисовых, кукурузных полях Испании и Греции цистиколы нередки. Гнездо делает самец. Он так же, как и индийская птица-портниха, сшивает нитками из паутины два листа и вьет мягкое гнездышко.

В подсемействе настоящих птиц-ткачей 68 видов. Почти все в Африке, к югу от Сахары, только 5 — в Южной Азии, 2 — на Мадагаскаре и 1 на юге Аравии. Многие из них похожи на воробьев, которые, кстати сказать, тоже из семейства ткачиковых, но окрашены ярко и пестро. Искусством плетения гнезд, пожалуй, никто из птиц не овладел с таким мастерством, как ткачики. Именно «плетения», можно сказать, даже «вязания» определенным узором. Это не простое нагромождение или переплетение в беспорядке строительного материала, а настоящая тканая работа из растительных волокон. Петли и затяжки чередуются и переплетаются в определенном порядке. Само гнездо привязано к веткам или стеблям высоких трав настоящими узлами. Волокна, надерганные из растений, птица несколько раз пропускает через пальцы, так, что получается петля, а потом берет клювом конец «веревки» и крепко затягивает узел.

У настоящих ткачиков гнезда «ткут» самцы. Самки лишь отделывают интерьер готового дома, выстилая сферический «пол» мягкими материалами, а под крышей сплетая «потолок» — очевидно, дополнительную защиту от тропического солнца.

Самцы живут не в единобрачии: каждый плетет гнезда для нескольких самок и покидает их, предоставив самим высиживать и выкармливать в уютном доме потомство.

Живущие в саваннах ткачики селятся на деревьях большими колониями, до сотни гнезд на одном баобабе или акации. Каждое висит на конце ветки, и все вместе издали похожи на большие плоды. В тропических лесах ткачики селятся семьями вне тесного сообщества. От входа в гнездо наружу плетут обычно длинные трубки — своего рода вестибюли или сени. У степных ткачиков вестибюли короткие либо их вообще нет: только круглый вход внизу, в «полу» гнезда.

Гнезда ткачиков.

Многоквартирный дом общественных ткачей — гигантское для малых птиц сооружение: параметры больших гнезд $7 \times 5 \times 3$ метра. Под общей крышей, в отдельных нишах, поселяется до ста, а иногда и 300 дружных пар. Остается место и для квартирантов: мелких соколов, попугаев, ящериц и древесных змей. Общественные ткачи ростом с воробья и так же неярко окрашены. Но буйволовые ткачи, которые тоже сооружают общие для многих птиц гнезда, крупнее, со скворца.

Гнезда настоящих ткачиков издали похожи на большие плоды.

Всякое строительство начинается с заготовки материала. Ткачик, отщипив клювом узкую полоску от листа пальмы, держит ее в клюве и летит, тянет за собой и отрывает заготовку нужного размера. Некоторые строят гнезда из стеблей трав. Из таких волокон

в развилке тонких концевых веток плетется вначале каркас гнезда — плотное кольцо, ориентированное вертикально. Затем с одной стороны это кольцо удлиняют мешком или куполом — получается полусфера, задняя стенка гнезда. Когда она закончена, с другой стороны вплетаются в кольцо растительные волокна — ткется передняя полусферическая стенка. Снизу в ней оставлено входное отверстие.

Дом построен — жильцы (то есть самка) сами позаботятся о его внутренней отделке и о текущем, если требуется, ремонте.

У индийских ткачиков такой примерно ритм строительства и воспитания детей. Через пять дней усердной работы гнездо уже наполовину готово, и тогда появляется самка. Она внимательно осматривает иногда больше двадцати гнезд, прежде чем остановит свой выбор на одном из них. Самцам, построившим плохие гнезда, трудно найти невесту, и они на все лето остаются холостяками. Как только самка освоится в его доме, самец начинает плести новое гнездо, обычно на другой ветке того же дерева. Для него тоже скоро находится хозяйка. Вместе доделывают гнездо. Отложит она яйца, и самец ее покидает.

К тому времени его первое гнездо уже свободно от жильцов. Второй раз оно не используется по прямому назначению, а лишь как удобная опора для плетения снизу от него еще одного гнезда (уже № 3). Когда оно будет сделано и самка одобрит работу, самец принимается за гнездо № 4 (обычно под гнездом № 2). У самых прилежных и искусных строителей за лето бывает до пяти гнезд: одно под другим — № 1, № 3 и № 5, на другой ветке — № 2 и № 4.

«Уже давно известно, что самцы приносят в гнезда комочки глины и вмазывают их для прочности в стенки гнездовой камеры... В дождливое время появляются на рисовых полях многочисленные светлячки, самки ловят их на корм птенцам. Прежде неверно полагали, будто этих насекомых птицы втыкают головами в глину на стенах гнезда, чтобы освещать по ночам свою детскую комнату» (Герхард Грюммер).

Общественные ткачи из подсемейства, близкого к настоящим ткачам, силами многих семей сооружают общий многоквартирный дом. На крепких ветках большого дерева (теперь нередко и на телеграфных столбах) укладывают кучей сучки и траву — растет вширь и ввысь некое подобие соломенной крыши. Старые, много лет надстраиваемые гнезда общественных ткачей бывают до трех и даже пяти метров в диаметре. Птицы, поколение за поколением, десятки лет живут в них, пока под тяжестью их дома не рухнет на землю сук вместе со всей постройкой.

Снизу, под общей крышей, располагаются отдель-

*Вдовушка Джексона
живет в Восточной
Африке. Самцы этих
птиц токуют очень
необычно. Каждый,
облюбовав небольшую
площадку в траве, всю
растительность вокруг
центральной куртины
вытаптывает. Затем,
привлекая самок,
прыгает вокруг
«клубы» и через нее.
Когда придет самка, он
токует, повернувшись
к ней, но все время
по другую сторону
пучка травы,
разделяющего их.*

ные для каждой семьи гнездовые камеры. Их бывает до сотни и больше. В пустующих квартирах поселяются мелкие соколы, попугаи и другие птицы, с которыми ткачи мирно уживаются. У них нет многоженства, как у настоящих ткачей, а единобрачие. Обитают общественные ткачи в Южной Африке.

Семейство астрильдов, украшенных, или кроваво-красных, ткачей, составляют 125 видов. Живут в Африке, Южной Азии и Австралии. Птицы изумительной расцветки: локальные яркие красные, желтые, синие, черные, зеленые и многие другие словами неопишуемые тона сочетаются удивительно красочно, изящно и со вкусом. Не так «вульгарно», как, скажем, у попугаев. Многие из астрильдов, например африканские амаранты, модны сейчас у любителей как комнатные птицы.

Гнезда как у настоящих ткачиков, но менее сложного плетения. Кроме тех, в которых выводят птенцов, строят гнезда и для совместных ночевок.

Некоторые австралийские астрильды пьют воду не как, скажем, куры, воробьи и прочие воробьиные птицы, с каждым глотком поднимая от воды голову, а сосут ее, погрузив клюв, как голуби и рябки.

«Брачный танец» астрильдов весьма необычный: самец поет, подпрыгивая, изгибаясь и выкидывая прочие резвые «коленца», сидя... верхом на самке, или подобным же образом токует перед ней. «Танцор» нередко держит в клюве травинку или перо как «гнездовой символ».

У птенцов астрильдов в углах рта желтые, белые, голубые бугорки, иногда окаймленные черным кольцом, а на нёбе, языке и по краям клюва — черные точки и полосы. Когда такой цветастый рот раскроется, родителям трудно сдержать нетерпение: кормить и кормить его! Он хорошо заметен в полумраке гнезда: разноцветные бугорки, во всяком случае у некоторых видов астрильдов, отражая лучи, светятся в темноте!

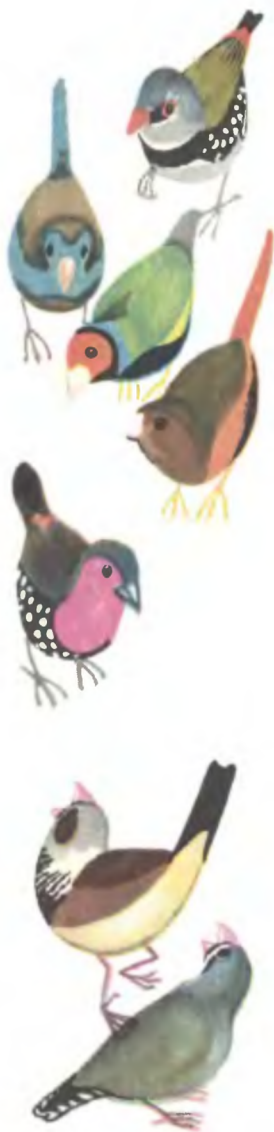
У птенцов каждого вида астрильдов разные сочетания цветов и основные тона украшений рта. Разный и цвет голой кожи на теле (мясной, бурый, черный) или густого пуха, некоторые астрильды рождаются в пуху. Особого звучания писк и непохожие манеры вертеть головами, выпрашивая корм.

Казалось бы, своих птенцов, наделенных столь четкими опознавательными знаками, отличить от чужих подкидышей астрильдам нетрудно, и никакая кукушка их не проведет. Но...

Почему природа так благосклонна к паразитам? Какими только ухищрениями не наделила их!..

У птенцов ткачиков-вдовушек во рту, и на теле, и в манерах гнездового поведения такие же знаки и подобию, как у юных астрильдов того именно вида, заботами которого воспитывается их потомство.

Удивительные птицы вдовушки! Их 15 видов в

Африке, к югу от Сахары, и все — паразиты. Гнезд не строят. Подбрасывают яйца в гнезда астрильдов. Причем здесь не как у кукушек — широкий выбор птиц-воспитателей, а узкая специализация: птенцов каждого вида вдовушек воспитывают астрильды тоже одного какого-нибудь вида. Чужими подкидышами гнезда астрильдов в некоторых местностях Африки заполнены до отказа. Например, из 36 исследованных гнезд пестрого астрильда только в двух не было яиц райской вдовушки. Все прочие «одарены» одним, двумя, тремя, а некоторые и пятью яйцами птиц-паразитов.

Казалось бы, при такой паразитической нагрузке на один вид он обречен на скорое вымирание. Так бы, конечно и случилось, если бы птенцы вдовушек расправлялись с детьми приемных родителей как кукушата или медоеды. Но здесь дело поставлено иначе: не убивают и не выбрасывают птенцы вдовушки своих малых соседей по гнезду. Вместе растут и после вылета из гнезда некоторое время живут дружной стайкой. Молодые вдовушки запоминают голоса, свист, тревожные и прочие крики своих приемных родителей. Позднее, повзрослев, самцы-вдовушки поют те же песни! А самки только к ним летят, только с теми самцами вступают в брак, которые поют как птицы, в гнездах которых они выросли, и позднее лишь в их гнезда подбрасывают яйца.

Когда приближается брачная пора, перья в хвосте у самцов многих вдовушек вырастают невероятно длинные и широкие. В несколько раз длиннее птицы и почти такой же ширины, как ее тело! Из-за этих громоздких перьев летать птице трудно, против ветра даже невозможно. И все-таки летают, токуя в воздухе, два пера, которые покороче, подняв вверх, а два, самые длинные, опустив косо вниз. Токуют и на суках, точно так же раскинув перья хвоста, склонив голову вниз и «рыгая» открытым ртом: символическое изображение ненужного ныне кормления птенцов.

Гнездовой паразитизм в семействе ткачиковых, кроме вдовушек, практикуется еще у одного вида — ткача-кукушки. Но у него нет ни узкой специализации в выборе определенных гнезд, ни подражания птицам-воспитателям в окраске птенцов и пении самцов.

РЕМЕЗ И КРАПИВНИК

Синица ремез живет у нас на юге страны в пойменных лесах и кустарниках, в тростниках и камышах. Весной, уже в апреле, самец-ремез строит гнездо. Оно похоже на гнезда настоящих ткачиков, только стенки у него толще, до 2—2,5 сантиметра. И прочнее: годами висит, выдерживая натиск зимней и летней непогоды. В некоторых странах Восточной Европы соби-

рают гнезда ремезов и делают из них мягкие домашние туфли.

Обычно на ветке ивы, над водой, в развилке двух концевых веток, или на стеблях тростника ремез плетет из растительных волокон, пуха и травы, корешков, лыка, крапивы, из паутины (иногда и овечья шерсть идет в дело) сначала, как и ткачик, вертикальный «обруч», основу гнезда. Расширяет, вплетая новые волокна, низ кольца — получается нечто вроде лукошка. Заделывает пока еще открытую заднюю стенку, потом снизу вверх плетет переднюю, в ней

(вверху, а не внизу, как у ткачиков) — круглое входное отверстие. Позднее ремез удлиняет его края короткой трубкой. Обычно еще до того, как эта трубка будет сплетена, в гнезде лежат яйца. Когда гнездо и наполовину не закончено, в работу включается самка: как и у ткачиков, ее главная забота — внутренняя отделка дома.

Самка насиживает, а самец строит второе, а иногда и третье гнездо в партнерстве с другими самками. Птенцов выкармливают самки, иногда одной из них помогает самец.

В последнее время систематики выделяют ремезов в особое семейство: в нем 11 видов, многие распространены в Африке и Северной Америке. Один южноафриканский ремез, покидая гнездо, запирает его! Входную трубку сжимает клювом — дверь в дом закрыта. Прилетая, раздвигает сомкнутые края трубки. Некоторые африканские ремезы всем семейством ночуют в гнездах. Если в гнезде птенцы, молодые ремезы первого выводка все равно забираются и все вместе спят до рассвета.

Крапивник, крохотная, со вздернутым вверх хвостиком, неяркая, но живая и веселая птичка, — один из лучших певцов наших лесов. Он герой многих поверий и обрядов у народов Средней Европы. О нем с любовью и знанием дела написаны хорошие книги. К сожалению, здесь нет места рассказывать об этом! Кто хоть раз видел и слышал, как он звонко, не таясь, поет в хвойных и смешанных лесах, в густой листве по берегам дальневосточных рек, на склонах лесных оврагов Подмосковья, бойко и резво прыгая в ветвях, перелетая от куста к кусту, с ели на мшистый пенёк, тот навсегда запомнит и полюбит эту милую птаху.

Самец строит весной несколько круглых, закрытых со всех сторон гнезд. В них ночует нередко вместе с самкой, а позднее в том гнезде, которое ей больше понравится, она насиживает пяток яиц. Отцов для своих детей самки выбирают по принципу «чей дом лучше». У самого искусного гнезδοстроителя и жен больше. Одной из них он обычно помогает кормить птенцов. Больше того, «он даже и без нее заботится о потомстве, если она умрет».

Наш крапивник, по-видимому, в ледниковое время переселился в Старый Свет из Америки. Там много всевозможных крапивников, 62 вида. Тропические крапивники живут обычно в одинобрании. Семьи дружные. Подросшие дети ночуют в гнездах вместе с родителями и даже помогают им кормить птенцов нового выводка.

«Самцы соловьев поют и зимой, когда нет надобности в защите занятой территории. Они поют и во время миграций, и некоторые самки соловьев тоже поют... Поют самки двадцати

подвидов американских певчих воробьев. Маленькая самка крапивника поет щебечущим голосом, как бы адресуя свою песенку только собственным птенцам... Зачастую дуэты супругов можно услышать в темных, сырых от дождей лесах, и вполне вероятно, что подобным способом поддерживается связь в дремучем лесу. Наибольшим изяществом отличаются дуэты, построенные по принципу антифонной песни, во время которой один из супругов поет несколько нот, затем их подхватывает другой, и оба исполнителя чередуются с такой удивительной точностью, что, пока их обоих не увидишь, нельзя, понять, поют две птицы или одна.

Такие антифонные исполнения песен характерны для более чем двадцати видов птиц» (Салли Кэрригер).

ДЯТЛОВЫЙ ВЬЮРОК

Галапагосские, или Дарвиновы, вьюрки знамениты тем, что, изучая их в 1835 году, Чарлз Дарвин получил богатый материал для доказательства теории происхождения видов. По эволюционной генеалогии они ближе к овсянкам, чем к настоящим вьюркам. Уже больше ста лет 14 видов галапагосских вьюрков привлекают внимание исследователей. В последние годы изучаются необыкновенные способности дятлового вьюрка.

Мы видели его в фильме, снятом на этих островах группой операторов во главе с известным немецким зоологом Эйбл-Эйбесфельдтом.

Видели, как, постучав клювом по стволу дерева и внимательно выслушав его, вьюрок узнает, есть ли под корой и в древесине стоящие его внимания личинки жуков.

Как затем, если личинки выдадут себя трусливой возней, он отдирает кору, нередко действуя палочкой как рычагом, находит ход древоточца, и затем... затем происходит нечто невероятное! Вьюрок ломает клювом колючку кактуса и, взяв ее в клюв, втыкает в отверстие, оставленное в дереве личинкой жука. Он энергично ворочает там колючкой, стремясь наколоть «червя» или выгнать его наружу из лабиринта лубяных и древесинных ходов. Часто изобретательность его бывает вознаграждена немедленно, но иногда приходится немало повозиться, прежде чем жирная глупая личинка покинет свои древесные покои, ища спасения от возмутительной колючки в безрассудном бегстве.

Тогда вьюрок, воткнув колючку в дерево или придерживая ее лапкой, хватается за личинку.

Если нет колючек, дятловый вьюрок срывает клювом небольшую веточку, обламывает на ней сучки. Обламывает и ее саму так, чтобы ею было удобно работать.

Эйбл-Эйбесфельдт привез несколько вьюрков с Галапагосских островов домой, в Германию. Они жили у него в клетке, и он наблюдал за ними. Один

Дятловый вьюрок очень ловко орудует палочкой или колючкой, добывая из-под коры насекомых. Его близкий родич (тоже из галапагосских Дарвиновых вьюрков), мангровый вьюрок, добывает пропитание таким же хитрым способом.

вьюрок, когда был сыт, любил играть, как кошка с мышкой, с мучными червями, которыми его кормили. Сначала он прятал их в разные щели и дыры в клетке, а потом, изготовив из веточки рычаг, доставал оттуда. Опять прятал и опять доставал.

Эйбл-Эйбесфельдт решил узнать, врожденное ли у дятловых вьюрков умение манипулировать палочками или они этому учатся, так сказать, на практике у старых, опытных вьюрков. Он вырастил молодого вьюрка в полной изоляции от других птиц его вида. Однажды ученый дал своему воспитаннику колючки от кактуса. Вьюрок долго, внимательно разглядывал их. Взял одну в клюв, но, что делать с ней, не знал и бросил. Потом опять взял, попытался даже воткнуть ее в щель, но, когда увидел мучного червяка, бросил колючку и стал вытягивать его из щели клювом.

Позднее он все-таки кое-как научился владеть «инструментами», но держал их в клюве неуверенно

и неловко и выбирал без всякого знания дела: часто брал мягкие травинки, жилки листьев. Они, конечно, гнулись, лишь щекотали червяка, и птица только напрасно время теряла.

Эйбл-Эйбесфельдт пришел к выводу, что стремление брать «палочковидные» инструменты в клюв и извлекать ими червяков из всяких дыр в дереве у дятловых вьюрков врожденное, но рабочие навыки и правильные приемы они приобретают на практике.

Пример других умелых птиц играет здесь тоже немалую роль. Можно сказать, что знание теории этого дела вьюрки получают от природы в дар к первому дню своего рождения. Она запрограммирована в их наследственности. Но производственные навыки и технологические тонкости добывания червяков они должны развить у себя сами.

ШАЛАШНИКИ

Когда первые исследователи проникли во внутренние области Австралии, они увидели там много диковинного: и яйцекладущих зверей с птичьими клювами на головах, и зверей сумчатых, и птичьи инкубаторы, и какие-то еще странные, украшенные цветами постройки.

Находили их обычно среди невысоких кустов. Небольшие, выложенные прутиками платформы. На расстоянии приблизительно полуметра в землю в виде плотного частокола воткнуты другие, более длинные палочки. Их верхние концы изогнуты навстречу друг другу, образуя над платформой как бы двускатную крышу.

Перед одним из входов в шалаш, на земле, на площади большей, чем сам шалаш, раскиданы сотни всевозможных цветных безделушек: раковины, мертвые цикады, цветы, ягоды, грибы, камни, кости, птичьи перья, обрывки змеиных шкур и масса других странных вещей.

Недавно в одной из таких коллекции нашли даже зубную щетку, ножи и вилки, детские игрушки, ленты, чашки из кофейного сервиза и даже сам кофейник, пряжки, бриллианты (настоящие!) и искусственный глаз.

Самих строителей за работой не видели: про черных птиц, которые суеились поблизости, и подумать не могли такое. Предполагали разное. Капитан Стокс, одним из первых исследовавший внутренние области пятого континента, пришел к выводу, что эти шалаши строят для развлечения своих детей туземные женщины. А тогдашний губернатор Австралии сэр Джордж Грей был автором другой «гипотезы»: шалаш — дело рук кенгуру, заявил он, очевидно пола-

Беседки, которые строят самцы птиц-шалашников, своего рода вторичнополовой признак, перенесенный с живой птицы на неживой объект. Лучше построенные и украшенные шалаши и их искусных строителей самки явно предпочитают, когда выбирают партнеров для брачных союзов.

гая, что это эксцентричное животное на все способно. Потом уже заметили, что шалаши строят именно те птички, на которых вначале и внимания не обратили.

Внешне они ничем особенно не замечательны. Самцы иссиня-черные, похожи на сибирскую черную ворону, а самки желтовато-зеленые. Впрочем, их много, разных видов, и окрашены они не одинаково. Те, о которых я сказал, атласные беседочницы. Их постройки увидел в 1839 году и позднее изучил и описал Джон Гулд, один из первых исследователей австралийских птиц.

Другой строитель шалашей по окраске похож на нашу иволгу, а по внешности — на дрозда. Конический шалаш птица-садовник украшает преимущественно мхом и цветами, которые располагает с большим вкусом. Перед беседкой разбивает небольшой лужок. Он окаймлен бордюром из мха, а по нему разложены лесные цветы, ягоды и красивые камни. Увядшие цветы птица ежедневно заменяет свежими.

А ее сосед и родич, шалашник из Новой Гвинеи, разбрасывает перед беседкой ковер из диких роз и посыпают его яркими плодами.

пестрый
шалашник

кошачий
шалашник

краснохвостый
шалашник

18 видов шалашников в Австралии, Новой Гвинее и на ближайших островах. Почти все строят из веток разного рода шалаши, навесы, или «башенки», вокруг молодого дерева иногда высотой до двух и даже до трех метров, сооружая их, трудятся несколько лет! Только кошачьи шалашники, они названы так за мяукающий крик, ничего не строят, но украшают расчищенное от мусора место тока листьями некоторых деревьев. Когда листья увянут, уносят их, рвут клювом новые и разбрасывают на токовой площадке, окруженной невысоким валом из щепок и прутьев.

Два вида шалашников даже раскрашивают свои беседки краской собственного производства!

Большой знаток этих птиц А. Маршалл рассказывает, что в конце июня и в июле, когда в Австралии еще зима, черные самцы атласных беседочниц покидают стаи. Каждый выбирает место где-нибудь на солнечной полянке среди кустов и строит шалаш. Потом приносит к нему голубые и желтые цветы и другие предметы, преимущественно голубого оттенка, как и глаза его подруги, и все это раскладывает перед шалашом.

Затем украшает шалаш изнутри цветной лепкой.

Птица приносит откуда-то древесный уголь. «Жует» его, добавляет немного мякоти какого-нибудь плода, смешивает эту пасту со слюной, получается черная замазка. Ею вымазывает беседочник все внутренние стенки шалаша. Как мажет, видел профессор Алек Чизхолм.

«Много раз я находил, — пишет он, — шалаши, сложенные будто бы из обуглившихся палочек. Можно было подумать, что птица предварительно обжигала их на огне». Но она не обжигает их, а вымазывает угольной пастой, которую приготавливает описанным выше способом.

Перед началом штукатурных работ беседочник приносит кусочек мягкой коры. Наполнив рот пастой, берет в клюв кору. Чуть разжимает клюв, паста медленно вытекает из него и течет по коре. Кора служит кистью: ею птица размазывает пасту по стенкам шалаша.

Но вот шалаш украшен, и самец отправляется в лес за самкой. Далеко идти не приходится, потому что самка сидит где-нибудь неподалеку. Еще до строительства шалашей атласные беседочницы разбиваются на пары и кочуют вдвоем около мест, где позднее будут построены «увеселительные дома».

Невеста церемонно приближается к беседке, чтобы прослушать здесь, вернее, просмотреть, цветовую серенаду, потому что ее кавалер ведь не поет, а

играет перед ней разными цветными штуками. Этот калейдоскоп красок пленяет его подругу лучше всяких нежных слов.

Самка залезает в шалаш или с довольно безразличным видом останавливается позади него, а самец хватается то один, то другой цветной предмет. Вертит-ся с ним в клюве, словно безумный дервиш. Кидает, берет новую игрушку, загораясь все большим азартом и вертясь и кланяясь все энергичнее. Иногда он замирает с протянутым к ней в клюве каким-нибудь цветным лоскутом, который обычно соответствует тону ее оперения или цвету глаз. И опять начинается демонстрация собранных коллекций.

Изо дня в день в течение долгих месяцев — с июня до ноября или декабря — черная птица с увлечением играет своими цветными игрушками, часто забывая и о еде, и о питье, и о страхе перед врагами.

Если самка, которой обычно уже недели через две-три с милым скучно в шалаше, уходит в лес, самец оставляет на минуту побрякушки и зовет ее криком. Это ее трогает, и она возвращается. Если не возвращается, он нередко бежит за ней, бросив и свой шалаш, и все богатства, разложенные перед его дверью.

Когда шалаш заброшен, другие самцы, токующие поблизости, сначала разрушают его, а потом развозывают цветные коллекции. Они и при хозяине норовят их украсть, поэтому каждый владелец шалаша гонит прочь всех соседей, которые иногда навещают его. Навещают его и самки, но этих он не гонит, а хвастает и перед ними своими богатствами. Нередко ради чужой или холостой самки он и шалаш переносит на новое место и токует там.

В сентябре — октябре уже все самки покидают шалаши и где-нибудь метрах в ста от них выют на деревьях гнезда, выводят птенцов и выкармливают их. Самцы не принимают в этом никакого участия, а с прежним рвением продолжают играть в игрушки у своих шалашей.

Долго еще играют, до декабря, как я уже говорил. И потом, когда в конце австралийского лета они объединяются в стаи, время от времени то один, то другой самец прилетает к шалашу, у которого так приятно проводил время, подновляет его и приносит новые игрушки. Поэтому некоторые натуралисты предполагают, что строительство, украшение и игры перед шалашом связаны с размножением птиц лишь случайно. Привлечение самки пестрыми предметами не главное будто бы назначение этих построек. Главное — эстетическое удовольствие, которое шалашники получают, украшая свои беседки и развлека-

ясь около них. Предложен даже особый термин для обозначения этого редкого инстинкта — «проэстезизм».

Однако эксперименты, проведенные в английском зоопарке доктором Маршаллом, показали, что только половозрелые самцы и только когда в их крови циркулируют соответствующие гормоны строят и украшают шалаши. Кастрированные самцы их не строили или строили кое-как, неумело и скоро бросали. Инъекция гормонов сразу прибавляла им и интерес к шалашу, и умение его строить.

Однажды двух черных самцов поймали и унесли от шалашей. Овдовевшие самки не покинули, однако, места любовных игр. Вскоре и их самих и шалаши наследовали молодые серо-зеленые самцы, у которых сине-черные красавцы обычно без всякого стеснения отбивают подруг.

Так что шалаши, очевидно, служат и своего рода биржей, где заключаются новые браки, если один из супругов погибнет или убежит.

Шалаш — это своего рода «вторичнополовой признак» самца, перенесенный с живой птицы на неживой объект. Что-то вроде привлекательного для самок павлиньего хвоста, сотворенного не природой, а самой птицей. Лучше построенные и лучше украшенные шалаши и их искусных строителей самки явно предпочитают, когда выбирают партнеров для брачных союзов. Нечто подобное наблюдается и у других птиц: например, у крапивников, и, возможно, у ремезов, самки которых пренебрегают плохо построенными гнездами. Здесь половой подбор в дарвиновском смысле совершается в достаточно четкой форме.

РАЙСКИЕ ПТИЦЫ И ЛИРОХВОСТ

Фантастические райские птицы — ближайшие родичи шалашников и наших ворон и сорок.

Первые их шкурки, которые произвели в Европе настоящую, как говорят теперь, сенсацию, привезли в Севилью в 1522 году моряки с «Виктории», единственного из четырех кораблей Магеллана, вернувшегося на родину. Шкурки были без ног и когтей. И несмотря на заверения Пигафетты, историографа этого плавания (кстати, он единственный, кто честно, без клеветы писал в то время о Магеллане!), о том, что ноги у райских птиц есть, на века воцарилась легенда: не нужны райским птицам ноги, ибо от рождения и до смерти живут они будто бы в воздухе, питаясь «небесной росой». Размножаются и высиживают птенцов тоже на лету: на спине у самца лежат яйца; самки, сидя сверху, их согревают.

Только в 1824 году французский судовой врач Рене Лессон увидел в лесах Новой Гвинеи живую рай-

*В песнях лирохвостов
слышатся паровозные
и автомобильные гудки,
колокольный звон,
собачий лай,
лошадиное ржание...*

скую птицу: она была с ногами и бодро прыгала по веткам!

Райских птиц убивали сотнями тысяч: их перья покупались на дамские шляпы и другие украшения. Только за несколько лет немецкой колонизации с северо-востока Новой Гвинеи вывезли больше 50 тысяч шкурок райских птиц. Теперь охота на них запрещена, кроме как в научных целях или для нужд папуасов, которые столетиями украшали себя их перьями. Прежде для этого уничтожалось не так уж много райских птиц. Теперь, когда туристы приезжают посмотреть на местные национальные праздники, стоимость украшений из перьев, в которые наряжены танцоры на некоторых таких праздниках, «оценивается не меньше, чем в миллион марок». Такую новую угрозу райским птицам принесла цивилизация в леса Новой Гвинеи и других ближайших островов, где они водятся.

Здесь, а также и на полуострове Кейп-Йорк в Австралии, 40 видов райских птиц. У всех поразитель-

ное по красоте оперение. У одних самки окрашены, как и самцы, эти живут в единобрачии и дружными парами воспитывают птенцов. У других лишь самцы в ярких нарядах и никакими гнездовыми делами не занимаются. Только токуют.

А ток райских птиц — зрелище изумительное! К сожалению, после Альфреда Уоллеса немногим натуралистам удалось его увидеть и описать. Правда, сняты цветные фотографии, есть зарисовки и даже фильмы, но только некоторых райских птиц. Ни гнезда, ни тока многих из них до сих пор неизвестны.

Большая райская птица, усевшись на ветке высокого дерева, открывает представление громким и хриплым криком. Потом, опустив голову, приседает все ниже и ниже, раскачивается вправо-влево. Трясется все энергичнее, распускает крылья, мелко дрожит. Переливаясь, струятся вниз огненные каскады тонких волосовидных перьев, украшающих ее бока. Вдруг изгибается вниз, совсем опускает крылья и вздымает на боках, словно знамя, свои оранжевые перья-волосы. Замирает в этой позе на одну-две минуты, потом не спеша складывает взъерошенное знамя.

Самец длиннохвостой райской птицы, сидя на суку и распустив широким щитом перья на груди, закрывает ими спереди голову. Птица то высовывает клюв из перового щита и, широко разева рот, показывает его желтую «изнанку», то снова прячет за перьями груди.

Брачные «танцы» других райских птиц еще более экстравагантны: после тряски на суку вдруг повисают они вниз головой, рассыпав над собой переличатые волны сказочно красивого оперения, и некоторое время стоически висят в этой противоестественной позе.

Лирохвостов два вида: оба обитают на востоке Австралии, но чернохвостый лирохвост — севернее, в Квинсленде. Он меньше большого лирохвоста, «эстрад» для танцев не строит. Поет на пнях. А его самки строят гнезда на деревьях. Редкая теперь птица. Но большой лирохвост, удачно акклиматизированный и в Тасмании, довольно обычен в заповедных лесах, даже вблизи городов. На его «представления» приходят посмотреть туристы, фотографируют, снимают фильмы. Токующие птицы здесь непугливы и разрешают зрителям приближаться к своим «эстрадам».

«Сами по себе лирохвосты не так уж эффектны, скорее даже довольно бесцветны, вроде самки фазана. Вся их прелесть заключена в хвосте, в двух очень длинных, изящно изогнутых перьях, очертаниями напоминающих старинную лиру. Эта иллюзия тем сильнее, что пространство между лировидными перьями заполнено ажурным узором из тончайших белых перьев, похожих на струны. Когда подходит начало брачного сезона, самцы выбирают в лесу участки, которые превращаются в «танцевальные залы». Сильными ногами они расчищают площадку, причем опавшие листья собирают в кучу в центре, так что получается своего рода эстрада. Затем начинаются брачные игры, и я затрудняюсь назвать более захва-

тывающее зрелище. Хвост и пение — вот два средства, с помощью которых самец старается соблазнить всех дам в округе, и, возможно, они и устояли бы против хвоста, но против такого пения, по-моему, устоять невозможно. Лирохвост — подлинный мастер подражания, и он включает в свой репертуар песни других птиц, да и не только песни, а все звуки, которые ему придутся по душе. Казалось бы, должна получиться какофония, но на самом деле выходит нечто совершенно восхитительное» (Джеральд Даррелл).

В песнях лирохвостов слышали паровозные и автомобильные гудки, колокольный звон, собачий лай, лошадиное ржание, хохот кукабарры, разный треск и грохот, но... «все эти странные и немелодичные звуки так искусно сочетались с основной темой, что ничуть ее не портили, а только украшали».

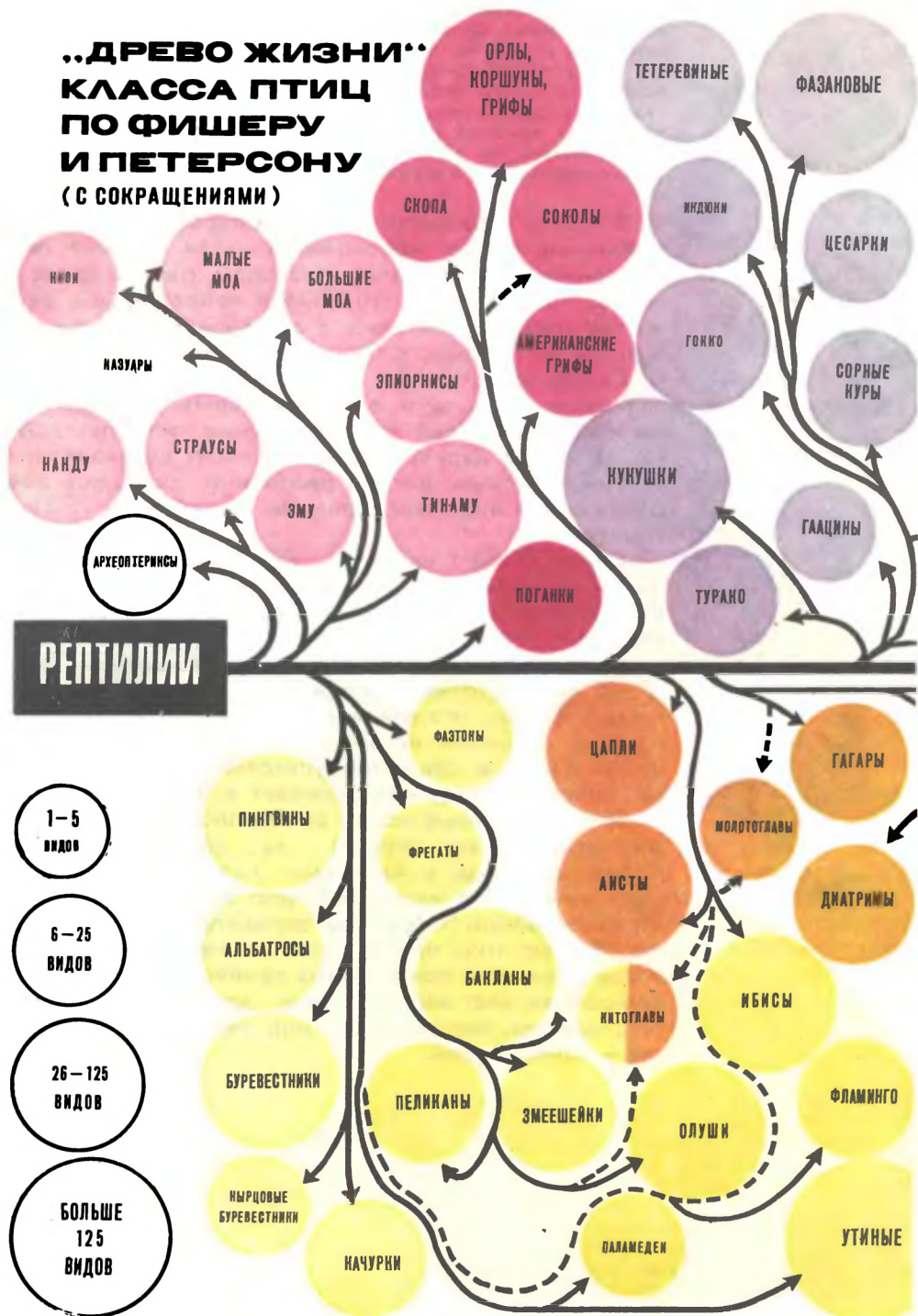
Самцы лирохвостов всю австралийскую осень начиная с мая и почти всю зиму заняты только пением и демонстрацией на сооруженных «эстрадах», реже на стволе дерева или ветках своих великолепных хвостов, которые, когда распушены, скрывают под собой всю птицу. Хвост длиннее ее самой — 75 сантиметров!

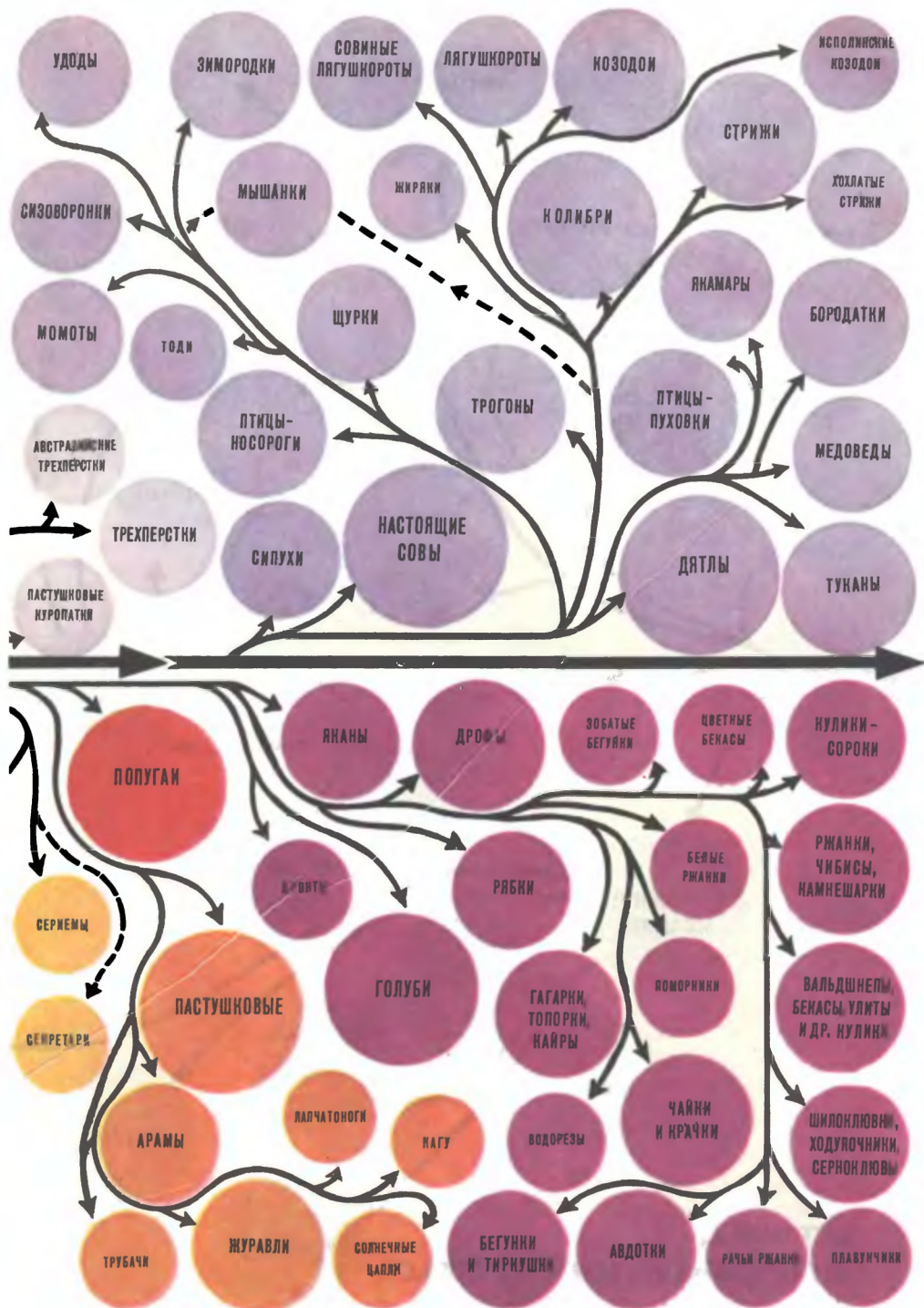
Самки обычно на земле или невысоко в развилке дерева строят гнезда — довольно объемистые сооружения из веток с крышей, стенами и боковым входом.

Одно большое, с куриное, яйцо насиживают долго, 45 дней. Столько же примерно и птенец сидит в гнезде. Кормит его птица-мать мелкими животными, которых сильными ногами добывает в земле. Птенцовый помет в слизистой упаковке уносит из гнезда, бросает в воду или зарывает в землю.

За эти «куриные ноги», за большой рост (до метра длиной эти птицы), за «фазаний» хвост белые поселенцы в Австралии называли лирохвостов «фазанами». И в науке они одно время числились в отряде куриных. Теперь им определено место среди воробьиных птиц, правда, где-то в низшем ряду наиболее древних и примитивных семейств этого отряда, который венчает эволюционное древо жизни пернатого царства, как цветы — мир растений, а полорогие — класс зверей.

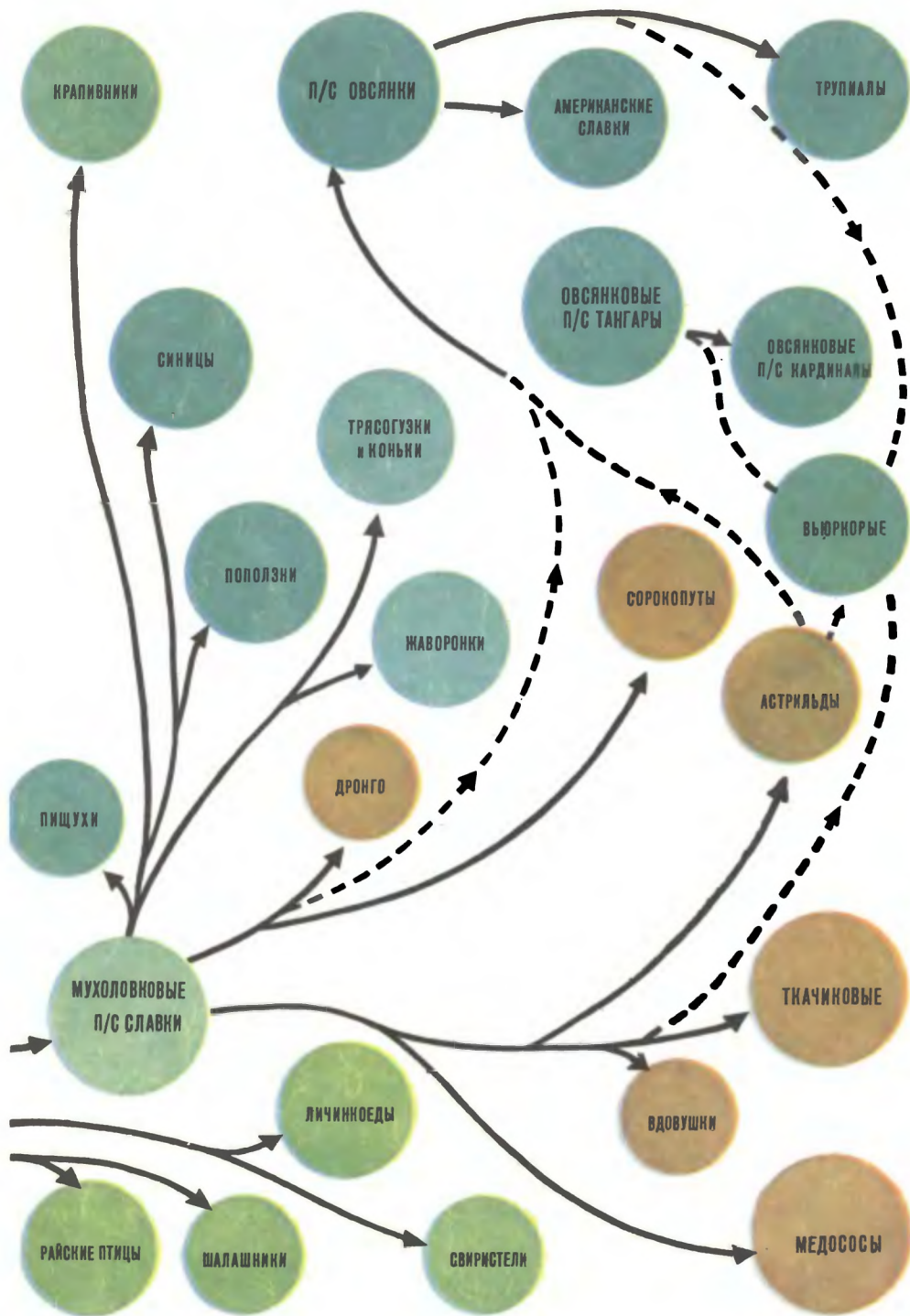
**..ДРЕВО ЖИЗНИ..
КЛАССА ПТИЦ
ПО ФИШЕРУ
И ПЕТЕРСОНУ
(С СОКРАЩЕНИЯМИ)**

**ОТРЯД
ВОРОБЬИНЫХ ПТИЦ**

А39 Мир животных. Рассказы о птицах. М., «Молодая гвардия», 1973.

384 с., с илл. («Эврика»). 200 000 экз. 2 р. 13 к.

Птицы, птицы, птицы... Колибри и страусы... Птицы лесные, полевые, пустынные, горные, водные, пещерные, хищные и мирные, поющие и немые...

Кто летает лучше птицы? Никто. Дважды в году полярные крачки пролетают 20 тысяч километров — от полюса до полюса. Есть птицы, которые, паря в поднебесье, редко садятся на землю и даже спят в воздухе. Есть птицы бескрылые, которые летают не лучше черепахи.

Птицы всюду. И на полюсе, и в тропиках. В Финляндии их миллионы шестьдесят. В Англии, возможно, двести миллионов, во всем мире — миллиардов сто!

Таково птичье население Земли. А видов и разнообразностей — тысячи и тысячи. Обо всем этом расскажет книга.

6 — 2
108 — 72

59

Редактор **Л. Антонюк**

Рисунки художника **А. Блоха**

Оформление художника **Б. Жутовского**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **В. Лубнова**

Корректоры **Г. Василёва, А. Долидзе**

Сдано в набор 1/II 1972 г. Подписано к печати 28/V 1973 г. А00399. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 24 (усл. 31,2). Уч.-изд. л. 29,3. Тираж 200 000 экз. Цена 2 р. 13 к. Т. П. 1972 г., № 108. Зак. 2812.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: Москва, А-30, Сущевская, 21.

